



ПЕСНЬ О ТРОЕ

КОЛИН

ПО СРАВНЕНИЮ С «ПОЮЩИМИ
В ТЕРНОВНИКЕ» КОЛИН МАККАЛОУ
ПРЕВЗОШЛА СЕБЯ.

SUNDAY TIMES

МАККАЛОУ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР-ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Annotation

Этой истории три тысячи лет.

Это повествование о Троянской войне, о Елене и Парисе, которые ввергли два могучих народа в кровопролитную бойню.

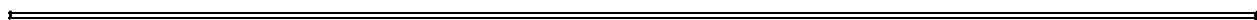
Это история, рассказанная участниками и героями этой войны: хитроумным Одиссеем, мудрым царем Трои Приамом, могучим Ахиллом и царем царей Агамемноном, снарядившим тысячу кораблей, чтобы вернуть Елену.

Сага о любви, честолубии, разочаровании, чести, всепожирающей страсти от автора исторической эпопеи «Владыки Рима».

- [Колин МАККАЛОУ](#)
 -
 -
 - [Глава первая,](#)
 - [Глава вторая,](#)
 - [Глава третья,](#)
 - [Глава четвертая,](#)
 - [Глава пятая,](#)
 - [Глава шестая,](#)
 - [Глава седьмая,](#)
 - [Глава восьмая,](#)
 - [Глава девятая,](#)
 - [Глава десятая,](#)
 - [Глава одиннадцатая,](#)
 - [Глава двенадцатая,](#)
 - [Глава тринадцатая,](#)
 - [Глава четырнадцатая,](#)
 - [Глава пятнадцатая,](#)
 - [Глава шестнадцатая,](#)
 - [Глава семнадцатая,](#)
 - [Глава восемнадцатая,](#)
 - [Глава девятнадцатая,](#)
 - [Глава двадцатая,](#)
 - [Глава двадцать первая,](#)
 - [Глава двадцать вторая,](#)

- [Глава двадцать третья,](#)
- [Глава двадцать четвертая,](#)
- [Глава двадцать пятая,](#)
- [Глава двадцать шестая,](#)
- [Глава двадцать седьмая,](#)
- [Глава двадцать восьмая,](#)
- [Глава двадцать девятая,](#)
- [Глава тридцатая,](#)
- [Глава тридцать первая,](#)
- [Глава тридцать вторая,](#)
- [Глава тридцать третья,](#)
- [Эпилог](#)
- [Послесловие автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)



Колин МАККАЛОУ

ПЕСНЬ О ТРОЕ

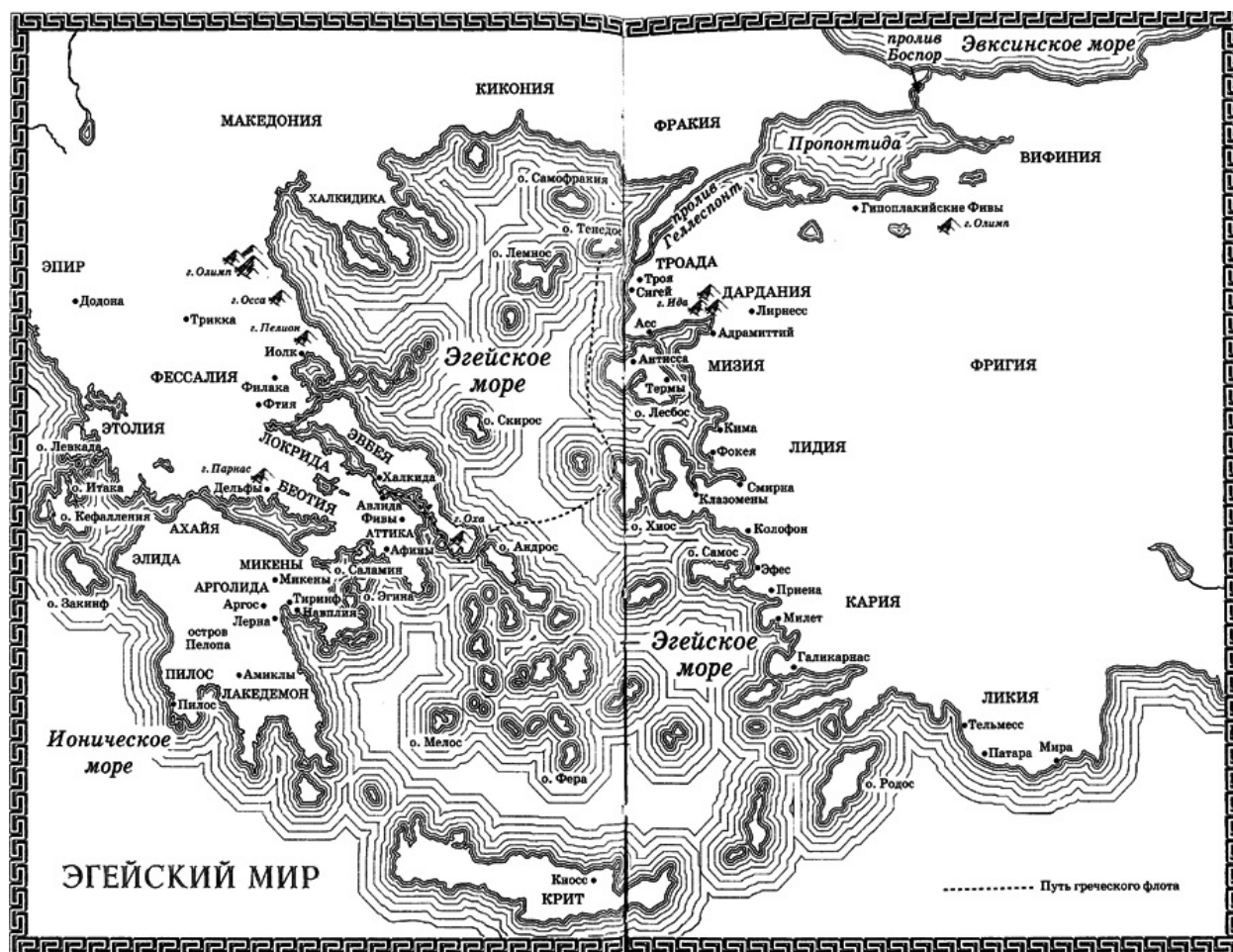
*Моему брату Карлу, который погиб
5 сентября 1965 года, спасая тонущих в море женщин.*

*Все у него, и у мертвого, что ни открыто,
прекрасно!*

Гомер. Илиада. Песнь 22.

Перевод Н. Гнедича





Глава первая, рассказанная Приамом

Ни одному городу не сравниться с Троей. Молодой жрец Калхант, в пору ученичества посланный в Египетские Фивы, вернувшись, не мог скрыть своего разочарования пирамидами, которые стоят вдоль западного берега Реки Жизни. По его словам, превосходство Трои было бесспорным, ведь она вздымалась выше пирамид и ее постройки предназначались для живых, а не для мертвецов. Лишь одно обстоятельство могло оправдать египтян — их боги не отличались особым могуществом. Египтяне двигали камни руками смертных, тогда как могучие стены Трои возвели сами боги. Вавилон Калхант назвал карликом, увязшим в речной тине, — его стены похожи на плод детской забавы и с Троей ему бессмысленно тягаться.

Никто не помнит, когда были построены наши стены, — так давно это было, — но каждый знает легенду о них. Дардан (сын царя богов Зевса) завладел квадратным полуостровом в самой верхней части Малой Азии, где с севера воды Понта Эвксинского вливаются в Эгейское море через узкий пролив Геллеспонт. Это новое царство Дардан разделил на две части. Южную он отдал своему второму сыну, который нарек свои владения Дарданием и устроил столицу в Лирнесе. Пусть и меньшая по размеру, северная часть была намного, намного богаче благодаря возложенной на нее обязанности охранять Геллеспонт и праву взимать налог с торговцев, покидавших пределы Понта Эвксинского или возвращавшихся обратно. Эта часть получила имя Трояда. А на Троянском холме стоит Троя, ее столица.

Зевс любил своего смертного сына, поэтому, когда Дардан попросил у божественного отца нерушимые стены для Трои, Зевс был рад выполнить эту просьбу. В то время двое из богов были у него в немилости: Посейдон, владыка морей, и Аполлон, повелитель света. Им было приказано отправиться в Трою и построить самый высокий, широкий и крепкий крепостной вал в ойкумене.^[1]

Утонченный и привередливый Аполлон считал это не совсем подходящим для себя занятием и предпочел играть на лире, нежели копать в грязи и покрываться потом, — легковерному же Посейдону он объяснил, будто помогает времени течь, пока растут стены. Поэтому Посейдон клал камни, а Аполлон услаждал его слух музыкой.

Посейдон работал за плату — вечную дань в сто талантов золота, которые должны были выплачиваться ежегодно его храму в Лирнессе. Царь Дардан согласился. С тех незапамятных времен сто талантов золота ежегодно посылались в храм Посейдона. Но вскоре после того, как троянский трон перешел к Лаомедонту, моему отцу, случилось землетрясение такой силы, что разрушило дворец царя Миноса на Крите и стерло с лица земли царство острова Тера. Наша западная стена обвалилась, и отец нанял инженера-ахейца Эака, чтобы отстроить ее заново.

Эак поработал на славу, хотя вновь построенная им стена и не могла сравниться по гладкости и красоте с остальной частью крепостного вала, возведенного богом.

Договор с Посейдоном (Аполлон не снизошел до того, чтобы требовать плату за свои музыкальные упражнения), по словам отца, утратил силу. Стены оказались вовсе не такими уж прочными. Поэтому он решил, что ежегодную дань в сто талантов золота храму Посейдона в Лирнессе он больше платить не будет. Никогда. Внешне этот довод казался вполне справедливым, если бы не одно «но». Боги наверняка знали то, что знал даже я, мальчишка: царь Лаомедонт был неисправимым скупцом и всегда негодовал при мысли о том, сколько драгоценного троянского золота отправляется в храм, стоящий в городе, которым правила династия родственников-соперников.

Так или иначе, платить дань перестали, и ничего не произошло за все те годы, которые понадобились мне, чтобы превратиться из мальчика в зрелого мужа.

Поэтому, когда пришел лев, никто не связал его появление с оскорбленными богами или городскими стенами.

К югу от Трои, на зеленой равнине, находился конный завод отца — его единственная забава, — но даже забава должна была приносить царю Лаомедонту прибыль. Некоторое время спустя после того, как ахеец Эак отстроил заново западную стену, в Трою пришел путник из такой далекой страны, что нам ничего не было о ней известно, кроме того, что горы там подпирают небо, а трава самая сладкая в ойкумене. С собой путник привел десять коней — трех жеребцов и семь кобыл. Никогда прежде не видали мы таких коней — высоких, быстрых, грациозных, с длинными гривами и пышными хвостами, с симпатичными мордами, спокойных и послушных. Они словно были созданы для колесницы! Стоило отцу бросить на них взгляд, и судьба путника была решена. Он умер, а кони его перешли в собственность царя Трои. И он вывел из них породу настолько знаменитую,

что торговцы со всей ойкумены приезжали покупать кобыл и меринов, — отец был слишком умен, чтобы продать хоть одного жеребца.

Равнину, предназначенную для конского пастбища, делила надвое старая, имеющая дурную славу тропа, по которой когда-то львы уходили на лето из Малой Азии на север, в Скифию, и возвращались зимовать обратно на юг, в Карию и Ликию, где солнце сохраняло достаточно силы, чтобы греть их темно-желтую шкуру. Охотники истребили львов, и львиная тропа превратилась в тропу к водопою.

Шесть лет тому назад в город прибежали селяне, мертвенно-бледные от ужаса. Я никогда не забуду выражения лица моего отца, когда они сказали ему, что три его лучшие кобылы мертвы и один жеребец искалечен — все стали жертвами льва.

Не таким человеком был Лаомедонт, чтобы дать волю бездумному гневу. Сдержанным тоном он приказал отряду дворцовой стражи встать на тропе, когда снова придет весна, и убить чудовище.

Это был не простой лев! Каждую весну и осень проходил он по тропе — так незаметно, что никто его не видел, — и убивал добычи намного больше, чем могло вместить его брюхо. Он убивал из любви к убийству. Два года спустя после его появления стража увидела его, когда он напал на жеребца. Они пошли ему наперерез, стуча мечами о щиты, намереваясь загнать его в угол и забить копьями. Но лев с ревом встал на дыбы, бросился на стражников и прорвался сквозь их ряды, словно валун, который катится под откос. Они бросились врассыпную, и царственный хищник убил семерых, а сам целым и невредимым продолжил свой путь.

Но из этой беды вышла только польза. Один из пострадавших от когтей стражников выжил и отправился к жрецам. Он рассказал Калханту, что лев носит на теле метку Посейдона: на его светлом боку проступал черный трезубец. Калхант тут же обратился к оракулу и объявил, что лев принадлежит Посейдону. «Горе тому троянцу, который поднимет на него руку!» — воскликнул Калхант, ибо лев послан Трое в наказание за то, что она отказалась платить владыке морей ежегодную дань в сто талантов золота. И он не уйдет, пока выплата дани не возобновится.

Вначале отец оставил слова Калханта и предсказание оракула без внимания. Осенью он снова приказал дворцовой страже убить чудовище. Но царь недооценил страх, который внушают простому человеку боги: даже под угрозой казни стражники отказались выполнить приказ. Сдерживая ярость, царь сообщил Калханту, что не будет посылать троянское золото в Дарданийский Лирнесс — пусть жрецы предложат другой выкуп. Калхант снова обратился к оракулу, который прямо заявил,

что это возможно. Если каждую весну и осень шесть девственниц, выбранных по жребию, будут прикованы на пастбище на съедение льву, Посейдон будет удовлетворен — на какое-то время.

Естественно, царь предпочел отдавать богу девственниц вместо золота, и новый план привели в исполнение. Он никогда по-настоящему не доверял жрецам, и не потому, что был святотатцем, — он отдавал богам сполна то, что, как он полагал, им причиталось, — а потому, что ненавидел терять деньги. Поэтому каждую весну и осень всех дев, достигших пятнадцатилетнего возраста, закутывали с головы до ног в белый саван, чтобы их нельзя было узнать, и выстраивали на внутреннем дворе Посейдона, воздвигателя стен, где жрецы выбирали в жертву шесть безымянных белых коконов.

Уловка сработала. Дважды в год лев проходил по тропе, убивал дрожащих, закованных в цепи дев и оставлял лошадей нетронутыми. Ничтожная плата за спасенную гордость царя Лаомедонта и сохранение дела, приносящего ему прибыль.

Четыре дня назад шесть дев были выбраны для осеннего жертвоприношения. Пятеро из них были из города, шестая же — из внутренней крепости, из дворцовых палат. Любимое дитя моего отца, его дочь Гесиона. Когда Калхант принес нам эту новость, сначала отец не поверил.

— Неужели ты оказался таким идиотом, чтобы не поставить на ее саване метку? — спросил он. — С моей дочерью обошлись так же, как с остальными?

— На то воля бога, — спокойно ответил Калхант.

— Бог не желает, чтобы моя дочь была выбрана в жертву! Он хочет получить шесть девственниц, только и всего! Поэтому, Калхант, выбери другую.

— Не могу, царь.

Калхант стоял на своем. Выбор был сделан божественной рукой, а значит, именно Гесиону нужно принести в жертву, и никого другого.

Хотя никто из придворных не был свидетелем их напряженной и гневной беседы, слух о ней разнесся по всей внутренней крепости, достиг каждого ее уголка. Лизоблюды вроде Антенора во весь голос осуждали жреца, в то время как царские дети, включая меня, его наследника, думали, что наконец-то отцу придется смириться и вернуть Посейдону ежегодную дань в сто талантов.

На следующий день царь созвал совет. Конечно же, я был там — наследник должен слышать все решения царя из его собственных уст.

Он держался спокойно и невозмутимо. Царь Лаомедонт был очень маленького роста, его молодость давно миновала, и теперь в длинных волосах царя просвечивало серебро. Его одеяние было украшено золотом. Только голос его всегда нас удивлял, настолько он был глубок, благороден, мелодичен и силен.

— Моя дочь Гесиона, — обратился он к собравшимся перед ним сыновьям, двоюродным братьям и прочим родственникам, — согласилась принести себя в жертву. Этого требует от нее бог.

Возможно, Антенор и догадывался, что скажет царь, но мы с моими младшими братьями — нет.

— Господин! — воскликнул я, не в силах сдержаться. — Вы не позвольте! В тяжкие времена царь может принести себя в жертву ради народа, но его девственные дочери принадлежат Артемиде, а не Посейдону!

Не по нраву ему пришлось, что старший сын порицает его перед придворными; он поджал губы и выпятил грудь.

— Моя дочь была выбрана, Подарк Приам! Выбрана Посейдоном!

— Посейдону было бы больше по нраву получать сто талантов золота для Лирнесского храма, — процедил я сквозь зубы.

В эту минуту я увидел ухмылку Антенора. Он обожал слушать, как царь ссорится со своим наследником.

— Я отказываюсь, — заявил царь Лаомедонт, — платить добытое тяжким трудом золото богу, который построил западную стену недостаточно прочной для им же посланного землетрясения!

— Ты не пошлешь Гесиону на смерть, отец!

— Не я посылаю ее на смерть. Это Посейдон!

Жрец Калхант дернулся, но тотчас снова замер.

— Смертному вроде тебя, — сказал я, — не должно винить богов в своих собственных ошибках.

— Ты хочешь сказать, я делаю ошибки?

— Все смертные делают, даже царь Трояды.

— Убирайся вон, Подарк Приам! Вон отсюда! Кто знает? Может, на будущий год Посейдон попросит в жертву наследников трона!

Антенор продолжал улыбаться. Я повернулся и вышел из комнаты — искать успокоения у города и ветра.

Холодный, влажный ветер с дальних вершин Иды остудил мой гнев,

пока я шагал вдоль украшенной флагами террасы, расположенной снаружи тронного зала, и пересчитывал ногами ступеньки — все двести, — ведущие на самую вершину внутренней крепости. Там, высоко над равниной, я обхватил руками обтесанные людьми камни: внутреннюю крепость построили не боги — это сделал Дардан. Что-то проникло в меня из этих вытесанных в аккуратные кубы костей матери Земли, и в тот момент я почувствовал власть, которую несет в себе царский титул. Сколько еще лет должно пройти, прежде чем я получу золотую тиару и сяду на трон из слоновой кости — трон Трои? Сыновья Дардана жили очень долго, а Лаомедонту еще не исполнилось и семидесяти.

Я долго наблюдал, как подо мной, в городе, снуют туда-сюда люди, потом перевел взгляд вдаль, к зеленым равнинам, где драгоценные кони царя Лаомедонта вытягивали длинные шеи, толкаясь и выхватывая друг у друга траву. Но зрелище это лишь разбредило рану. Я обратил взор на запад, где лежал остров Тенед; над портовой деревушкой у Сигейского мыса клубился черный дым от горящих для обогрева жаровен. Дальше к северу синие воды Геллеспонта притворялись небом; серел изгиб песчаной косы между устьями Скамандра и Симоиса — рек, которые орошали Троаду, питая урожаи пшеницы и ячменя, колосающиеся на ветру, шепчущем свою вечную песню.

В конце концов ветер прогнал меня с парапета в огромный внутренний двор, расстилавшийся перед входом в дворцовые покои, и там я ждал, пока мальчик-слуга приведет колесницу.

— Вниз, в город, — сказал я вознице. — Дай лошадям волю, пусть сами бегут.

Главная дорога спускалась от внутренней крепости и примыкала к извилистой аллее, которая опоясывала изнутри городские стены. Стены, построенные Посейдоном. На перекрестке этих двух дорог стояли одни из трех ворот Трои, Скейские. Я не помню, чтобы они когда-нибудь закрывались; говорят, это случалось только во время войн, но нет на свете такого народа, который мог бы пойти войной на Трою.

Высота Скейских ворот — двадцать локтей, и сделаны они из огромных бревен, скрепленных вместе бронзовыми гвоздями и пластинами. Они были слишком тяжелыми, чтобы висеть на петлях, даже самых больших из тех, которые способен выковать человек. Вместо этого они открывались по принципу, изобретенному, как говорят, Лучником Аполлоном, когда тот грелся на солнце, созерцая тяжкий труд Посейдона. Низ цельного полотнища ворот покоился на огромном круглом валуне, положенном в глубокую изогнутую канаву и опутанном массивными

бронзовыми цепями. Если ворота нужно было закрыть, стадо из тридцати быков впрягалось в цепи и валун локоть за локтем полз по дну канавы.

Когда я был мальчишкой, я сгорал от любопытства, мне хотелось увидеть это зрелище и я умолял отца впрячь быков в цепи. Он со смехом отказался; и вот теперь я, человек сорока лет от роду, муж десяти жен и владелец пятидесяти наложниц, по-прежнему жажду увидеть, как закрываются Скейские ворота.

Через ворота была перекинута ступенчатая арка, соединяющая обе стены, поэтому караульная тропа на вершине шла, не прерываясь, по всему крепостному валу. Скейская площадь, раскинувшаяся перед воротами, всегда находилась в тени этих фантастических, воздвигнутых богом стен. Они возвышались на тридцать локтей, гладкие и ровные, блестевшие на солнце, когда оно освещало их своими лучами.

Я кивнул вознице, чтобы тот продолжал путь, но не успел он тряхнуть вожжами, как я передумал и остановил его. Через ворота на площадь вошла группа людей. Ахейцев. Это было видно по их одеждам и манере держаться. На них были кожаные юбки или обтягивающие, по колено, кожаные штаны; некоторые выше пояса были обнажены, некоторые щеголяли в распахнутых на груди кожаных рубахах. Одежды были богато украшены золотым орнаментом и кисточками из окрашенной кожи. Талии были туго стянуты широкими поясами из золота и бронзы, отделанной ляпис-лазурью; из мочек ушей свисали бусины из отшлифованного горного хрусталя; у каждого на шее красовался великолепный, расшитый жемчугом воротник-ошейник; очень длинные волосы были завиты в аккуратные кудри.

Ахейцы вообще были выше и крупнее троянцев, но эти были выше, крупнее и страшнее, чем кто-либо виденный мной в жизни. Только богатство их одежд и оружия говорило о том, что это не простые грабители, ибо у них были копья и длинные мечи.

Во главе выступал человек, исключительность которого не подлежала сомнению, — гигант, возвышавшийся над остальными членами группы, как башня. Ростом он был не меньше шести локтей, а плечи его напоминали темные горы. Его массивную, выступающую вперед нижнюю челюсть покрывала черная как смоль остроконечная борода, а черные волосы, хотя и коротко подстриженные, непокорно падали на брови, которые нависали над его глазами, будто карниз. Его единственным одеянием была свисавшая с левого плеча и подхваченная под правым шкура огромного льва, голова которого, словно капюшон, висела у него на спине, пугая хищным оскалом огромных клыков.

Он обернулся и поймал мой пристальный взгляд. Переполненный чувствами, я заставил себя заглянуть в его широко открытые спокойные глаза — глаза, которые видели все, вытерпели все, испытали унижение, какому боги могут подвергнуть смертного. Глаза, в которых сверкал острый ум. Я почувствовал себя припертым к стене дома, который стоял у меня за спиной, — мой дух обнажен, мой разум открыт его воле.

Но я собрался с покинувшим было меня мужеством и гордо выпрямился во весь рост, ведь моим был великий титул, моей — колесница с золотой чеканкой, моей — пара белых коней, прекрасней которых он никогда не видал. Моим был самый великий город во всей ойкумене.

Он двинулся сквозь гомон рыночной толпы, будто ее и не было, подошел прямо ко мне вместе с двумя следовавшими за ним товарищами и, протянув руку величиной с добрую ляжку, осторожно погладил черные морды белых коней.

— Ты из дворца и, наверно, царского рода? — спросил он очень низким голосом, хотя надменности в нем не было.

— Меня зовут Подарк по прозвищу Приам, я сын и наследник Лаомедонта, царя Трои.

— Меня зовут Геракл.

Я уставился на него, открыв рот. Геракл! Геракл в Трое! Я облизал пересохшие губы.

— Это большая честь, мой господин. Согласен ли ты быть гостем в доме моего отца?

Его улыбка оказалась на удивление милой.

— Благодарю тебя, царевич Приам. Распространяется ли твое приглашение на моих спутников? Они все из благородных эллинских родов и не посрамят ни меня, ни твоего дома.

— Конечно, мой господин Геракл.

Он кивнул своим спутникам, стоявшим у него за спиной, и подал сигнал подойти к нам поближе.

— Разрешите представить моих друзей. Это Тесей, царь Аттики, а вот Теламон, сын Эака, царь острова Саламин.

Я проглотил комок в горле. Вся ойкумена знала Геракла и Тесея; певцы-аэды без конца воспевали их подвиги. Эак, отец юного Теламона, когда-то отстраивал западную стену Трои. Сколько еще знаменитых людей было здесь, в маленьком отряде ахейцев?

Такая сила была в имени Геракл, что даже моего скупого отца оно заставило тряхнуть мощной и оказать знаменитому ахейцу царский прием.

Поэтому в тот же день в тронном зале дворца был устроен пир. Обильные яства подавали на золотых блюдах, вино наливали в золотые кубки. Кифаристы, танцовщицы и акробаты услаждали слух и зрение пирующих. Не только я испытывал благоговение, но и мой отец тоже: каждый ахеец в отряде Геракла был царем в своих землях. Почему же тогда они согласились последовать за человеком, которому никогда не сидеть на троне, который выгребал навоз из конюшен и плоть которого была изгрызена, искусана и изжевана каждой мыслимой тварью, начиная от комара и кончая львом?^[2]

Я сидел за высоким столом с Гераклом по левую руку и юным Теламоном по правую; отец занял место между Гераклом и Тесеем. Хотя неотвратимость жертвенной смерти Гесионы бросала мрачную тень на наше застолье, мы так тщательно это скрывали, что наши ахейские гости ничего не заметили. Беседа текла гладко, ибо они были мужи утонченные, отлично образованные во всем, от арифметической гимнастики до слов поэтов, которые, так же как и мы, они знали наизусть. Только что же за люди были ахейцы на самом деле?

Между народами Малой Азии, включая Трою, и народами Эллады практически не было связи. Как правило, мы, жители Малой Азии, не питали приязни к ахейцам. Этот народ держался обособленно и был знаменит своим ненасытным любопытством — вот примерно и все, что было о них известно; однако сидящие за нашим столом мужи были, несомненно, выдающимися даже среди своих соотечественников, ведь ахейцы выбирают себе царей не по крови, а по уму.

Мой отец особенно не любил ахейцев. За последние годы он заключил соглашения с разными царствами Малой Азии, отдав им львиную долю торговли между Понтом Эвксинским и Эгейским морем, — иными словами, он жестко ограничил количество ахейских торговых судов, которым позволялось проходить через Геллеспонт. Ни Мизия с Лидией, ни Дардания с Карией, ни Ликия с Киликией не хотели торговать с ахейцами по самой простой причине: как-то так получалось, что тем всегда удавалось перехитрить их, заключить более выгодную сделку. И мой отец вносил свою лепту, держа ахейских купцов подальше от черных вод Понта Эвксинского. Все изумруды, сапфиры, рубины, золото и серебро, добытые в Колхиде и Скифии, шли в Малую Азию; тем немногим ахейцам, которым отец разрешил торговать в своих владениях, пришлось ограничиться покупкой олова и меди в Скифии.

Однако Геракл и его спутники были слишком хорошо воспитаны, чтобы обсуждать болезненные темы вроде торговых запретов. Они свели

разговор к нашим высоким крепостным стенам, они восхищались ими, размером внутренней крепости и красотой наших женщин, хотя ее они могли оценить только по рабыням, которые ходили между столами, раздавая хлеб и мясо и разливая вино.

От женщин разговор, естественно, перешел на лошадей — я ждал, когда же Геракл затронет эту тему, ибо запомнил, как его прозорливые черные глаза оценивали моих белых коней.

— Кони, которые везли сегодня колесницу твоего сына, были великолепны, мой господин, — наконец промолвил Геракл. — Даже Фессалия не может похвастаться таким сокровищем. Вы когда-нибудь их продаете?

Лицо отца приняло свое обычное алчное выражение.

— Да, они прекрасны, и я продаю их, но, боюсь, цена покажется тебе непомерно высокой. Я прошу — и получаю — по тысяче талантов золота за кобылу.

Геракл с сожалением пожал могучими плечами:

— Возможно, я и мог бы позволить себе заплатить такую цену, мой господин, только сейчас мне нужно купить нечто более важное. То, что ты просишь, — поистине царская цена.

Больше он о конях не упоминал.

Когда ближе к вечеру свет начал уступать место тьме, отец сник, вспомнив о том, что на рассвете его дочь поведут на смерть. Геракл положил руку ему на плечо:

— Царь Лаомедонт, что тревожит тебя?

— Ничего, мой господин, совсем ничего.

Геракл улыбнулся своей милой улыбкой:

— Я знаю, как выглядит беспокойство, великий царь. Говори!

Последовал рассказ, хотя, конечно, отец выставил себя в лучшем свете, чем тот, который соответствовал действительности: Посейдон наслал на нас чудовище — льва, жрецы приказали приносить в жертву по шесть девственниц весной и осенью и нынешней осенью жребий пал на его любимейшее дитя — Гесиону.

Геракл задумался.

— Что сказали жрецы? Ни один троянец не может поднять руку на чудовище?

Глаза царя блеснули.

— Именно так, мой господин.

— И твои жрецы не станут возражать, если на чудовище поднимет

руку ахеец, верно?

— Логично предположить, что так и будет, Геракл.

Геракл взглянул на Тесея.

— Я убил много львов, — сказал он, — в том числе немейского, чья шкура висит у меня на плечах.

Отец разрыдался:

— О Геракл, избавь нас от этого проклятия! Если ты сделаешь это, мы все будем у тебя в долгу. Я говорю не только за себя, но и за свой народ. Мы потеряли уже тридцать шесть наших дочерей.

Меня охватило приятное предчувствие, и я стал ждать, что будет дальше. Геракл дураком не был и не стал бы предлагать убить льва, посланца богов, без выгоды для себя.

— Царь Лаомедонт, — сказал ахеец, повысив голос, чтобы головы пирующих повернулись в его сторону, — предлагаю тебе сделку. Я убью твоего льва в обмен на пару коней, жеребца и кобылу.

Что отцу оставалось делать? Предложение было сделано прилюдно, он был ловко загнан в угол, и ему оставалось только согласиться на запрошенную цену или открыто признать себя бессердечным себялюбцем перед целым двором — близкими и дальними родственниками. И он кивнул, искусно изображая радость.

— Если ты убьешь льва, Геракл, я дам тебе то, о чем ты просишь.

— Быть посему.

Геракл был очень спокоен, его широко открытые глаза смотрели перед собой невидящим взглядом, не мигая и не замечая ничего вокруг. Потом он вздохнул, собрался с мыслями и заговорил, но не с царем, а с Тесеем.

— Мы пойдем завтра, Тесей. Мой отец^[3] говорит, лев придет в полдень.

Похоже, даже ахейцы, сидевшие за столом, испытали благоговейный страх.

С тяжелыми золотыми цепями на нежных запястьях, со щиколотками в золотых кандалах, в пышных одеждах, со свежезавитыми волосами и подкрашенными глазами, шесть дев ожидали жрецов перед храмом Посейдона, воздвигателя стен. Гесиона, моя сводная сестра, стояла среди них, спокойная и безропотная, и только дрожащий уголок нежного рта выдавал ее страх. Воздух наполнился стенаниями и воплями родственников, лязгом тяжелых оков и прерывистым дыханием шести охваченных ужасом дев. Я остановился только для того, чтобы поцеловать Гесиону, и тут же ушел прочь. Она ничего не знала о том, на что решился Геракл, чтобы ее

спасти.

Я не открылся ей, ибо тогда не верил, что нам удастся так легко избавиться от проклятия; и даже если Геракл убьет льва, Посейдон, повелитель морей, найдет взамен еще худшую кару. Но мои опасения развеялись, пока я спешил от храма к маленькой двери позади внутренней крепости, где Геракл собрал свой отряд. Только двух помощников выбрал он для охоты: убеленного сединами Тесея и юного Теламона. Задержавшись на минуту, он перекинулся словом с Пирифоем, царем лапифов, — я слышал, как он наказывал ему привести всех в полдень к Скейским воротам и ждать его там. Было видно, что он спешит, — ахейцы направлялись в земли амазонок, чтобы украсть пояс их царицы Ипполиты до того, как наступит зима.

После того удивительного транса в тронном зале накануне вечером никто не подвергал сомнению убежденность Геракла в том, что лев придет сегодня; хотя, если бы он действительно пришел сегодня, это стало бы его самым ранним переходом на юг. Но Геракл знал. Он был сыном Зевса, владыки всего сущего.

У меня было четверо родных братьев, младше меня: Титон, Клитий, Ламп и Гикетаон. Мы все сопровождали Геракла вместе со свитой отца и прибыли на равнину раньше жрецов с девами. Геракл обошел пастбище вдоль и поперек, исследуя местность, потом вернулся к нам и выбрал место для засады; Теламон был вооружен боевым луком, Тесей — копьем. Оружием Геракла была огромная палица.

Пока мы карабкались на вершину холма, подальше от львиного носа и глаз, отец остался стоять на тропе, ожидая жрецов, как всегда в первый день жертвоприношения. Иногда несчастным юным созданиям приходилось ждать в золотых цепях много дней; постелью им служила голая земля, а компанией — младшие жрецы, которые, дрожа от страха, приносили им пищу.

Солнце было уже высоко, когда показалась процессия, начавшаяся у храма Посейдона, воздвигателя стен: жрецы толкали перед собой рыдающих дев, сопровождая ритуальный напев приглушенным боем в крохотные барабаны. Они прибили цепи к скобам в земле в тени вяза и удалились настолько поспешно, насколько позволяло им жреческое достоинство. Отец быстро присоединился к нам, и мы расположились в высокой траве под защитой холма.

Какое-то время я смотрел на пастбище без особого интереса, ведь до полудня было еще далеко. Вдруг юный Теламон выскочил из укрытия и

помчался туда, где припали к земле девы, измученные тяжелыми кандалами. Отец пробормотал что-то насчет эллинской дерзости, видя, как юноша обнял мою сводную сестру за плечи и прижал ее голову к своей обнаженной смуглой груди. Гесиона была красивым ребенком, и красота ее могла привлечь любого мужчину, но что за пустоголовое безрассудство — подбегать к ней, когда в любое мгновение мог появиться лев! Интересно, спросил ли Теламон разрешения на то у Геракла?

Руки Гесионы с отчаянием вцепились в его руки; он наклонил голову и прошептал ей что-то, а потом поцеловал долго и страстно, так, как не позволялось ни одному мужчине за ее короткую жизнь. Потом он смахнул ей слезы тыльной стороной ладони и как ни в чем не бывало вернулся на позицию, выбранную Гераклом. Взрыв хохота донесся до нас из засады ахейцев; я задрожал от ярости. Жертвоприношение было священно, а они посмели смеяться! Но когда я взглянул на Гесиону, то увидел, что она потеряла весь свой страх и стоит, гордо выпрямившись во весь рост, — даже с расстояния было заметно, как сияют ее глаза.

До позднего утра веселились ахейцы и вдруг затихли. Слышался только беспокойный шум вечного троянского ветра.

К моему плечу кто-то прикоснулся. Решив, что это лев, я резко обернулся с заколотившимся в груди сердцем. Но это был Тиссан, мой дворцовый слуга. Он наклонился ниже и прошептал мне прямо в ухо:

— Царевна Гекаба зовет тебя, мой господин. Время пришло, и повитухи говорят, ее жизнь висит на волоске.

Ну почему женщины всегда делают все не вовремя? Я знаком приказал Тиссану сидеть тихо и повернулся обратно к тропе, устремив взгляд туда, где она уходила в углубление под вершиной холма. Птицы оборвали веселую переключку, ветер стих. Меня пробрала дрожь.

Лев взобрался на холм и, мягко ступая, вышел на тропу. Это был самый большой зверь, какого я когда-либо видел, с желто-коричневой шерстью, тяжелой черной гривой и черной кисточкой на хвосте. На его правом боку красовалась метка Посейдона — трезубец. На середине спуска, недалеко от того места, где лежал Геракл, он вдруг замер — лапа занесена над землей, огромная голова высоко поднята, хвост хлещет по бокам, ноздри нервно расширены. Потом он увидел своих замерших от ужаса жертв; это приятное зрелище решило дело. Лев поджал хвост, напрягся и затрусил вперед, постепенно переходя на рысь. Одна из дев взвизгнула. Моя сестра прикрикнула на нее, и та замолчала.

Геракл поднялся над травой, гигант в львиной шкуре с палицей,

свободно лежащей в правой руке. Лев застыл на месте, оскалив желтые клыки. Геракл взмахнул палицей и издал протяжный рык, а лев сжался, как пружина, и прыгнул на него. Геракл тоже прыгнул, прямо под занесенные вверх смертоносные когти, нанеся удар в львиное брюхо, покрытое черной клочковатой шерстью, с силой, которая лишила чудовище равновесия. Лев приземлился на задние лапы, подняв переднюю, чтобы сразить человека; палица опустилась. Когда она соприкоснулась с косматым львиным черепом, раздался тошнотворный хруст; лапа дрогнула, человек отступил в сторону. И снова поднялась палица и снова опустилась — звук второго удара был мягче, ибо пришелся на уже разможенный череп. Никакой битвы! Лев лежал, распростертый на исхоженной тропе, и пар шел от теплой крови, заливавшей черную гриву.

Пока Тесей с Теламоном приплясывали от радости, Геракл вытащил нож и перерезал чудовищу горло. Отец с братьями побежали вниз к ликующим ахейцам, Тиссан проскользнул вслед за ними, а я повернул в другую сторону, возвращаясь домой. Моя жена Гекаба рожала, и ее жизнь была в опасности.

Женщины для нас не имели значения. Смерть в родах среди знати считалась обычным делом, и у меня было еще девять жен, пятьдесят наложниц и, если уж на то пошло, сотня детей. Но я любил Гекабу так, как не любил ни одну из остальных своих женщин; она стала бы моей царицей, когда я унаследую трон. До ребенка мне не было дела. Но что стал бы я делать, если бы она умерла? Да, Гекаба была важна для меня еще и потому, что она была дарданкой и взяла своего брата Антенора с собой в Трою.

Когда я добрался до дворца, Гекаба еще рожала. Поскольку ни одному мужу не позволено присутствовать при женских таинствах, я провел остаток дня за другими делами, выполняя обязанности, которыми наш царь обычно пренебрегал.

С наступлением темноты я почувствовал беспокойство: от отца не было никаких известий и ни в одном из дворцов на вершине Троянского холма не слышалось звуков празднества. До меня не долетало ни эллинских, ни троянских голосов. Только тишина. Странно.

— Мой господин!

Передо мной стоял мой слуга Тиссан, мертвенно-бледный, с глазами, расширенными от ужаса, его била дрожь.

— Что случилось? — спросил я, припоминая, что он задержался на львиной тропе, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Он упал на колени и обхватил меня за щиколотки.

— Мой господин, я долго не смел двинуться с места! Потом я побежал! Я ни с кем не говорил, пришел прямо к тебе!

— Встань! Встань и говори!

— Мой господин, наш царь, твой отец, мертв! Твои братья мертвы! Все мертвы!

Мной овладело великое спокойствие. Наконец-то я — царь.

— Ахейцы тоже?

— Нет, господин! Ахейцы убили их!

— Говори медленнее, Тиссан, расскажи, что случилось.

— Человек по имени Геракл был очень доволен охотой. Он смеялся и пел, сдирая со льва шкуру, а двое других, Тесей и Теламон, поспешили к девам и разбили цепи. Когда шкура была разложена на солнце сушиться, Геракл попросил царя проводить его в конюшни. Он сказал, что хочет поскорее выбрать жеребца и кобылу, ибо торопится в путь.

Тиссан остановился и облизал пересохшие губы.

— Продолжай.

— Царь очень разозлился, мой господин. Он стал отрицать, будто обещал Гераклу награду. Сказал, якобы лев был просто потехой. Мол, Геракл убил его на потеху. Даже когда Геракл и двое других ахейцев тоже разозлились, царь не уступил.

Отец, отец! Обсчитать бога, такого как Посейдон, — это одно; боги неторопливы с возмездием. Но Геракл с Тесеем не боги. Они — герои, а герои разят без промаха и намного быстрее.

— Тесей побледнел от ярости, мой господин. Он плюнул царю в ноги и обругал его старым лгуном и вором. Царевич Титон выхватил меч, но Геракл стал между ними и повернулся к царю. Он попросил его уступить и заплатить награду, как было обещано, — жеребца и кобылу. Царь ответил, дескать, он не позволит себя ограбить горстке эллинских наемников, а потом заметил, что Теламон обнимает царевну Гесиону. Он подошел к ним и ударил Теламона по лицу. Царевна разрыдалась, тогда царь ударил и ее. Остальное было ужасно, мой господин.

Слуга дрожащей рукой смахнул со лба пот.

— Постарайся, Тиссан. Расскажи, что ты видел.

— Геракл словно стал огромнее зубра, мой господин. Он схватил палицу и повалил царя на землю. Царевич Титон попытался ударить Тесея кинжалом, и тот нанизал его на копье. Теламон поднял лук и пристрелил царевича Лампа, а Геракл схватил царевичей Клития и Гикетаона и раздавил им головы друг о друга, точно ягоды.

— А где в это время был ты, Тиссан?

— Прятался, — ответил слуга, опустив голову.

— Ну, ты всего лишь раб, а не воин. Продолжай.

— Ахейцы, похоже, пришли в себя... Геракл поднял львиную шкуру и сказал, что времени искать лошадей у них нет, нужно немедленно выступать. Тесей указал на царевну Гесиону и заявил, мол, ее нужно взять в счет награды. Они отдадут ее Теламону, раз уж тот настолько очарован ею, и эллинская честь будет отомщена. Они сразу же отправились к Скейским воротам.

— Они уже вышли в море?

— Я спрашивал об этом по пути, мой господин. Привратник сказал, якобы Геракл появился вскоре после полудня. Ни Тесея, ни Теламона, ни царевны Гесионы он не видел. Все ахейцы ушли по дороге к Сигею, где стоял их корабль.

— А что с остальными пятью девами?

Тиссан снова поник головой.

— Не знаю, мой господин. Я думал только о том, как добраться до тебя.

— Чушь! Ты прятался до темноты, ибо боялся выйти. Найди домоправителя отца и прикажи ему разыскать дев. Тела отца и братьев тоже нужно привезти. Расскажи домоправителю все, что ты рассказал мне, и распорядись от моего имени. Ступай, Тиссан.

Геракл просил только двух коней. Двух коней! Неужели нет лекарства от скупости, даже если благоразумие советует проявить щедрость? Если бы только Геракл подождал! Он мог бы потребовать справедливости у царского двора — мы все слышали, как отец давал обещание. Геракл получил бы награду.

Гнев и жадность возобладали. И я стал царем Трои.

Позабыв про Гекабу, я спустился в тронный зал и ударил в гонг, созывая двор на совет.

Горя от нетерпения узнать исход встречи со львом — и от беспокойства, ибо час был уже поздний, все тут же собрались в зале. Момент садиться на трон был неподходящий, поэтому я стоял рядом с ним и пристально смотрел на море любопытных лиц — моих сводных и двоюродных братьев, представителей знати, породнившихся с нами через брачные узы. Там был и мой шурин Антенор, глядящий на меня с тревогой. Я кивком велел ему подойти поближе и ударил посохом по выложенному красными плитами полу.

— Мужики Трои, лев Посейдона мертв, убитый ахейцем Гераклом.

Аntenор продолжал кидать на меня косые взгляды, гадая, что будет дальше. Будучи дарданцем, он не был Трое другом, но он был родным братом Гекабы, и я терпел его ради нее.

— Я покинул охотников, но с ними остался мой слуга. Недавно он вернулся домой и поведал, что ахейцы зверски убили моего отца и братьев. Они вышли в море слишком давно, и мы не можем пуститься по следу. Царевну Гесиону они похитили.

Продолжать в поднявшемся гвалте было невозможно. Я задержал дыхание, взвешивая, какую часть правды будет разумно им рассказать. Нет, ни слова об отказе царя Лаомедонта исполнить свое торжественное обещание; он был мертв, и его память должна быть достойна царя, ее нельзя запятнать таким жалким концом. Лучше сказать, будто ахейцы с самого начала замыслили это злодейство в отместку за изгнание своих купцов из Понта Эвксинского.

Я был царем. Троя и вся Трояда были моими. Я был стражем Геллеспонта и хранителем Эвксина.

Когда я снова ударил посохом, шум сразу стих. Быть царем совсем другое дело!

— Обещаю вам, — заявил я, — что до смерти своей не забуду обиды, нанесенной ахейцами Трое. Этот день станет днем траура, и по всему городу жрецы будут петь о злодействе наемных убийц. И я не устану искать способ заставить ахейцев пожалеть о содеянном! Антенор, назначаю тебя главой совета. Подготовь заявление для народа: отныне ни один ахейский корабль не пройдет через Геллеспонт в Понт Эвксинский. Медь можно найти в других местах, но олово — только в Скифии. А из меди и олова делают бронзу! Ни одному народу без нее не выжить. Ахейцам придется покупать ее в Малой Азии по непомерной цене, ведь у нас будет монополия на олово. Народы Эллады придут в упадок.

Все ликовали. Один Антенор нахмурился. Да, мне придется отвести его в сторону и рассказать правду. А пока я вручил ему посох и поспешил к себе во дворец: я вдруг вспомнил, что там на смертном одре лежала Гекаба.

Наверху лестницы меня встретила повитуха с залитым слезами лицом.

— Она умерла?

Старуха беззубо улыбнулась сквозь слезы.

— Нет-нет! Я скорблю о твоём отце, мой господин, — все уже знают. Царица вне опасности, и у вас родился прекрасный, здоровый сын.

Гекабу уже перенесли с родильного кресла на большую кровать, где она и лежала сейчас, бледная и уставшая, с запеленатым свертком на сгибе руки. Никто не рассказал ей новость, и я тоже не стал этого делать, пока

она не окрепла. Я наклонился поцеловать ее и взглянуть на младенца — ее пальцы раздвинули складки материи вокруг его личика. Четвертый сын, которого она мне подарила, лежал спокойно, не корчась и не гримасничая, как это обычно делают новорожденные. Он был поразительно красив, с гладкой кожей цвета слоновой кости, а не красной и сморщенной. Густые, вьющиеся черные волосы, длинные черные ресницы, черные брови, изогнутые над глазами, такими темными, что я не смог понять, синие они или карие.

Гекаба пощекотала его под подбородком совершенной формы.

— Как ты назовешь его, мой господин?

— Парис, — тут же ответил я.

Она поморщилась.

— Парис? «Повенчанный со смертью»? Это зловещее имя, мой господин. Почему не Александр, как мы хотели?

— Его будут звать Парис.

Я отвернулся. Она скоро узнает, что этот ребенок был повенчан со смертью, еще не родившись.

Я устроил ее повыше на подушках вместе с копошащимся у набухшей груди младенцем.

— Парис, мой малыш! Какой ты красивый! О, сколько сердец тебе предстоит разбить! Все женщины будут любить тебя. Парис, Парис, Парис...

Глава вторая, рассказанная Пелеем

Когда в Фессалии, моих новых владениях, воцарился порядок и я убедился, что могу доверять наместникам, которых оставил в Иолке, я направился к острову Скирос. Изнывая от скуки, я жаждал дружеской компании, но не было в Иолке друга, который мог бы сравниться с царем Скироса Ликомедом. В жизни ему повезло: его никогда не изгоняли из отцовских владений, не пришлось ему и сражаться не на жизнь, а на смерть, чтобы урвать себе новое царство, ни воевать, защищая его. Его предки правили своим скалистым островом с начала времен, богов и людей, и трон перешел к нему по наследству, после того как отец его умер в своей постели в окружении сыновей и дочерей, жен и наложниц. Отец Ликомеда придерживался законов старых богов, так же как и сам Ликомед, — правителям Скироса моногамия не пристала!

Со старыми богами или с новыми, но Ликомеду предстояла именно такая смерть, в то время как о моей сказать наверняка ничего было нельзя. Я завидовал его размеренному существованию, но, гуляя с ним по его садам, понял, что оно полностью лишено основных жизненных радостей. Его царство и титул значили для него меньше, чем мои — для меня; он выполнял обязанности истово и добросовестно, будучи добросердечным человеком и разумным правителем, но ему недоставало упрямой решимости любой ценой сохранить то, что ему принадлежало, ведь никто никогда не угрожал отнять у него хоть малую часть.

Потеря, голод, отчаяние — я очень хорошо знал значение этих слов. И любил свое завоеванное кровью Фессалийское царство так, как он никогда не любил Скирос. Фессалия, моя Фессалия! Я, Пелей, был верховным царем Фессалии! Цари присягали на верность мне, Пелею, нога которого впервые слупила на берег Аттики всего несколько лет назад. Я был правителем мирмидонян, людей-муравьев из Иолка.^[4]

Ликомед прервал мои мысли.

— Ты думаешь о Фессалии? — спросил он.

— Как мне не думать о ней?

Он взмахнул белой, мягкой рукой:

— Дорогой Пелей, я обделен твоим энтузиазмом. Там, где ты ярко пылаешь, я медленно тлею. Но я доволен, что это так. Будь ты на моем

месте, ты бы не остановился, пока не завладел каждым островом между Критом и Самофракией.

Я прислонился к ореховому дереву и вздохнул:

— Я очень устал пылать, старина. И годы уже не те.

— Это истина, о которой не стоит упоминать. — Его блекло-голубые глаза задумчиво оглядели меня. — Ты знаешь, Пелей, что заслужил репутацию лучшего мужа Эллады? Даже Микены воздают тебе должное.

Я выпрямился и пошел дальше.

— Я такой же, как любой другой муж, ни больше ни меньше.

— Как тебе будет угодно, но правда останется правдой. Пелей, у тебя есть все: высокое, стройное тело, острый, пронизательный ум, гений вождя, талант пробуждать любовь подданных — даже лицо твоё прекрасно!

— Если ты будешь продолжать свою хвалебную речь, Ликомед, то мне придется собраться и отправиться восвояси.

— Успокойся, я закончил. По правде говоря, я хочу кое-что с тобой обсудить. Для того и была хвалебная речь.

Я посмотрел на него с любопытством:

— И?

Он облизал губы, нахмурился и решил прыгнуть в мутные воды беседы без дальнейших церемоний.

— Пелей, тебе тридцать пять лет. Ты — один из четырех верховных царей Эллады, и твоя власть велика. Но у тебя нет жены. Нет царицы. И поскольку ты всецело предан новым богам и избрал моногамию, как ты собираешься передать трон Фессалии по наследству, если не возьмешь жену?

Я не смог сдержать улыбки:

— Ах ты пройдоха! Ты присмотрел мне супругу?

Он явно скрытничал.

— Может быть. Если у тебя самого нет на этот счет никаких пожеланий.

— Я часто думаю о браке. К сожалению, мне не нравится ни одна из тех, кого мне предлагают.

— Я знаю женщину, способную по-настоящему тебя увлечь. Она стала бы тебе прекрасной супругой.

— Я весь внимание!

— Ты еще и смеешься. Но я все равно продолжу. Эта женщина — верховная жрица Посейдона на Скиросе. Бог приказал ей выйти замуж, но она до сих пор отказывается. Мне не по нраву принуждать такую

высокопоставленную жрицу к повиновению, но ради блага своего народа и острова я обязан это сделать.

Я посмотрел на Ликомеда с изумлением:

— И ты выбрал меня в качестве подручного средства?!

— Вовсе нет! — воскликнул он, поморщившись. — Выслушай меня!

— Посейдон приказал ей выйти замуж?

— Да. Оракулы сказали, если она не найдет себе мужа, повелитель морей разверзнет землю Скироса и заберет мой остров в свои глубины.

— Оракулы. Значит, ты спрашивал не один раз?

— Даже пифию в Дельфах и дубовую рощу в Додонах. Ответ один и тот же: выдай ее замуж или погибнешь.

— В чем ее важность? — Я был заинтригован.

Его лицо обрело благоговейное выражение.

— Она — дочь Нереея, морского старца. А значит, наполовину божественной крови, и при этом делит свою преданность надвое. По крови она принадлежит старым богам, но служит новым. Ты знаешь, Пелей, как изменилась Эллада с тех пор, как были повержены Крит и Тера.^[5] Посмотри на Скирос! Великая мать никогда не почиталась здесь так, как на Крите, Тере или в царствах Пелопоннеса, — у власти всегда были мужчины, но старые боги сильны и здесь. Посейдон же принадлежит к новым богам, и мы всецело в его власти — он не только повелитель морей, но и колебатель земли.

— Похоже, — медленно сказал я, — Посейдон разгневан на то, что женщина, ведущая род от старых богов, стала его верховной жрицей. И все же она не могла стать ею вопреки его воле.

— Он соизволил. Но сейчас он разгневан — ты же знаешь богов! Разве они когда-нибудь бывали последовательны? Несмотря на данное согласие, он гневается и говорит, мол, не позволит дочери Нереея служить у его алтаря.

— Ликомед, Ликомед! Ты правда веришь в эти сказки о божественном происхождении? — Я не мог сдержать своего скептицизма. — Я был о тебе лучшего мнения. Те, кто заявляет, будто рожден от бога, обычно оказываются незаконнорожденными, и в большинстве случаев честь отцовства принадлежит пастуху или конюху.

Он замахал руками, словно курица крыльями.

— Да-да-да! Я все это знаю, Пелей, но я верю ей. Ты не видел ее, ты ее не знаешь. А я знаю. Это престраннейшее создание! Одного взгляда на нее достаточно, чтобы отбросить все сомнения в том, что она — порождение моря.

Я был близок к тому, чтобы обидеться.

— Не верю своим ушам! Спасибо за комплимент! Ты хочешь всучить верховному царю Фессалии сумасшедшую? Я не приму такого подарка!

Он схватил меня за локоть обеими руками:

— Пелей, разве я стал бы с тобой так шутить? Я всего лишь неудачно выразился, я вовсе не хотел тебя оскорбить, клянусь! Просто, едва я увидел тебя после стольких лет, сердце тут же подсказало мне, что эта женщина создана для тебя. У нее нет недостатка в знатных женихах — каждый благородный холостяк Скироса уже делал ей предложение. Но ей никто не нужен. Она говорит, что ждет того, кого бог обещал ей послать — вместе со своим знаком.

Я вздохнул:

— Будь по-твоему, Ликомед. Я познакомлюсь с ней. Но я ничего не обещаю, понятно?

Святилище Посейдона и сам алтарь (храма как такового у него не было) находились на другой стороне острова, менее плодородной и менее населенной, — довольно странное место для главного святилища повелителя морей. Каждый остров, окруженный со всех сторон его водными владениями, остро нуждался в его благосклонности. От его настроения и милости зависело, быть урожаю или голоду, да и колебателем земли его называли не просто так. Я сам видел плоды его гнева — целые города, которые он сровнял с землей, и они стали тоньше, чем становится золотая пластина под кузнечным молотом. Посейдон был скор на гнев и очень ревностно охранял свой авторитет — дважды на человеческой памяти Крит был сокрушен божественной местью, когда цари его настолько возгордились, что забыли свой долг перед Посейдоном. То же самое случилось и с Терой.

Если эта женщина, с которой Ликомед так хотел меня познакомить, была дочерью Нерее — а ведь тот правил морями еще в те времена, когда миром с Олимпа^[6] повелевал Крон, — понятно, почему оракул требовал, чтобы она оставила свой пост. Зевс с братьями торопились покончить с поверженными старыми богами. В конце концов, нелегко простить отца, который тебя съел.

Я отправился к святилищу пешком и в одиночестве, одетый в обычную охотничью одежду. Рядом на веревке шел мой жертвенный дар. Я хотел, чтобы она сочла меня паломником, не заслуживающим особого внимания, и не узнала, что я — верховный царь Фессалии. Алтарь примостился на утесе, возвышавшемся над маленькой бухтой; мягко ступая, я прошел через

священную рощу, одурманенный тишиной и повисшей в воздухе тяжелой, удушающей святостью. Даже море у меня в ушах звучало приглушенно, несмотря на то что волны накатывали и разбивались в белую пену об изрезанное скалами подножие утеса. Перед квадратным, ничем не украшенным алтарем в золотом треножнике горел вечный огонь; я подошел поближе, остановился и подтащил жертву к себе.

Она нехотя вышла на солнечный свет, словно ей больше нравилось пребывать в прохладной, наполненной влагой тени. Я смотрел на нее, не в силах отвести глаз. Маленького роста, стройная и женственная — и все же в ней было нечто такое, что назвать женственным было нельзя. Вместо традиционного одеяния с оборками и вышивками на ней был простой хитон из тонкого, прозрачного египетского льна, через который просвечивала ее кожа — бледная, с голубоватыми прожилками, кажущаяся полосатой из-за неумело окрашенной материи. Губы ее были полными, чуть розоватыми, глаза меняли цвет, переходя от одного оттенка моря к другому, — то серые, то голубые, то зеленые, иногда даже винные пополам с пурпуром, на лице никакой краски, кроме тонкой черной линии, удлинявшей контур глаз, что придавало ей слегка зловещий вид. Ее волосы были почти бесцветными — пепельно-серые, с таким сильным блеском, что в приглушенном свете помещения казались голубыми.

Я приблизился, ведя за собой животное, которое приготовил в жертву.

— Моя госпожа, мне выпала честь быть гостем на твоём острове, и я принес Посейдону дар.

Она, кивнув, протянула руку, чтобы взять у меня веревку, и оглядела белого теленка опытным взглядом:

— Посейдон будет доволен. Я уже давно не видела такой прекрасной жертвы.

— Раз для него священны лошади и быки, моя госпожа, мне показалось, что будет уместно, если я предложу ему то, что он любит больше всего.

Она напряженно уставилась на алтарный огонь:

— Время сейчас неблагоприятное. Я принесу жертву позже.

— Как тебе будет угодно, моя госпожа.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Подожди.

— Да, моя госпожа?

— От чьего имени мне принести жертву?

— От имени Пелея, царя Иолка и верховного царя Фессалии.

Ее глаза быстро изменили цвет с ясно-голубого на темно-серый.

— Ты не простой человек. Твоим отцом был Эак, а его отцом был сам Зевс. Твой брат Теламон — царь острова Саламин, и ты сам — царского рода.

Я улыбнулся:

— Да, я сын Эака и брат Теламона. Что же до деда — понятия не имею. Хотя я сомневаюсь, что он был царем богов. Скорее всего — разбойником, которому приглянулась моя бабка.

— Непочтение к богам, царь Пелей, — неторопливо произнесла она, — влечет за собой возмездие.

— Не вижу, в чем мое непочтение, моя госпожа. Я исполняю обряды и приношу жертвы с полной верой в богов.

— Однако ты отрицаешь, что Зевс был твоим дедом.

— Такие сказки рассказывают, моя госпожа, чтобы усилить права на трон, чего как раз добивался мой отец Эак.

Она с отсутствующим видом погладила белого бычка по носу.

— Ты наверняка остановился во дворце. Почему царь Ликомед позволил тебе прийти сюда одному и без предупреждения?

— Потому что я так захотел, моя госпожа.

Привязав белого бычка к кольцу, вделанному в колонну, она повернулась ко мне лицом.

— Моя госпожа, кто принимает мою жертву?

Она посмотрела на меня через плечо холодно-серым взглядом:

— Фетида, дочь Нерее. И это не сказки, царь Пелей. Мой отец — великий бог.

Пора. Я поблагодарил ее и ушел.

Но ушел не далеко. Осторожно, стараясь держаться вне поля зрения тех, кто мог бы заметить меня из святилища, я скользнул по змеящейся тропе вниз к бухте, бросил копье и меч за скалу и улегся на теплый желтый песок в тени нависшего утеса. Фетида. Фетида. В ней определенно было что-то морское. Я вдруг подумал, что мне хочется верить в то, что она — дочь божества. Я слишком глубоко заглянул в ее глаза-хамелеоны, увидел все штормы и штили, которые оставили на ней свою печать — отблеск холодного пламени, не поддающегося описанию. Я хотел, чтобы она стала моей женой.

Я пробудил в ней ответный интерес — мне подсказал это накопленный годами опыт. Вопрос заключался в том, насколько сильным окажется ее влечение; что-то говорило мне о возможном поражении. Фетида не вышла бы за меня, так же как не вышла ни за кого из тех достойных женихов,

которые сватались к ней. Я не принадлежал к тем, кому нравятся мужчины, а женщины интересовали меня ровно настолько, насколько они могли насытить то влечение, от которого великие боги страдают не меньше людей. Я спал то с одной служанкой, то с другой, но до этого никогда не любил. Знала она это или нет, но Фетида была предназначена мне. И раз я всецело подчинялся законам новых богов, ей не придется бояться жен-соперниц. Я буду принадлежать только ей.

Солнце било мне в спину с нарастающей силой. Настал полдень; я сорвал с себя охотничью эксомиду, чтобы позволить горячим лучам Гелиоса проникнуть себе в кожу. Но лежать спокойно мне не удавалось, поэтому я сел и свирепо уставился на море, обвиняя его в своей новой беде. Потом я закрыл глаза и упал на колени:

— Зевс Громовержец, обрати на меня свой благосклонный взгляд! Только от великой нужды взывал я к тебе, как человек, который ищет поддержки предков. Но сейчас я молю о великой милости. Ты всегда слышал меня, ибо я не тревожил тебя по пустякам. Помогите мне, прошу тебя! Отдай мне Фетиду так, как отдал Иолк и мирмидонян, как передал всю Фессалию в мои руки. Дай мне царицу, которая достойна сидеть на мирмидонском троне, дай мне могучих сыновей, чтобы они сменили меня, когда я умру!

Долго стоял я на коленях, закрыв глаза. Когда же я поднялся, то не заметил вокруг никаких перемен. Ничего удивительного, боги не творят чудес, чтобы вселить веру в людские сердца. Потом я увидел ее: она стояла на ветру, ее тонкая туника развевалась, как знамя, волосы сверкали на солнце, поднятое к небу лицо светилось восторгом. Рядом с ней был белый теленок, в правой руке она держала кинжал. Он спокойно шел навстречу своей судьбе, даже устроился поудобнее у нее над коленями, когда она опустилась у кромки набегающих волн, не дернулся и не вскрикнул, когда она перерезала ему горло и по ее бедрам и обнаженным белым рукам стали виться яркие алые ленты. Вода вокруг помутнела, стала красной, пока сменяющие друг друга потоки всасывали кровь теленка, смешивали ее с собственной сущностью и поглощали.

Она не видела меня до ритуала, не увидела и тогда, когда скользнула дальше в волны, таща за собой мертвого белого теленка, пока не оказалась достаточно глубоко для того, чтобы забросить его тушу к себе на плечи и поплыть вперед. Немного удалившись от берега, она передернула плечами и сбросила теленка, который тут же пошел ко дну. Из воды выступала большая плоская скала. Она подплыла к ней, залезла на самый верх и встала во весь рост на фоне бледного неба. Потом она легла на спину,

подложила руки под голову и будто заснула.

Причудливый ритуал, явно не из тех, который заслужил бы снисхождение новых богов. Фетида приняла мое приношение во имя Посейдона, а отдала его Нерею. Святотатство! И она — верховная жрица Посейдона. О Ликомед, ты был прав! В ней лежит семя разрушения Скироса. Она не воздаёт должного повелителю морей и не уважает в нем колебателя земли.

В воздухе не было ни ветерка, вода была прозрачна, но, спускаясь к волнам, я дрожал как в лихорадке. Вода была не в силах охладить меня, пока я плыл, — Афродита вонзила в меня свои блестящие коготки до самой кости. Фетида была моей, и я собирался ее взять, чтобы спасти беднягу Ликомеда и его остров.

Доплыв до скалы, я ухватился руками за выступ и резко подтянулся вверх, с усилием, от которого заныли мышцы, и склонился над ней, не дав ей времени осознать, что наяву я был ближе, чем маячивший вдалеке Скиросский дворец. Но она не спала. Ее зеленые с поволокой глаза были открыты. Она рывком поднялась и отскочила в сторону, взгляд ее потемнел.

— Не смей прикасаться ко мне! — заявила она, тяжело дыша. — Ни один мужчина не смеет прикасаться ко мне! Я обещала себя богу!

Моя рука дернулась было к ее щиколотке, но замерла на полпути.

— Твои обеты богу временны, Фетида. Ты свободна и можешь выйти замуж. И ты выйдешь за меня.

— Я принадлежу богу!

— Какому именно? Ты воздаешь лицемерные почести одному богу, а потом приносишь его жертвы другому? Ты — моя, пусть кто угодно меряется со мной силой. Если бог — какой бы то ни было! — потребует моей смерти в расплату, я приму его волю.

Застонав от отчаяния, она попыталась соскользнуть со скалы в море. Но я опередил ее, схватил за ногу и потащил обратно, в то время как она цеплялась за шершавый камень, ломая ногти. Добравшись до ее запястья, я отпустил ее щиколотку и заставил встать.

Она боролась со мной, как десять диких кошек, пустив в ход зубы и ногти, молча пиналась и кусалась, когда я сомкнул руки вокруг нее. Десять раз она выскальзывала, десять раз я хватал ее снова, мы оба были все в крови. У меня было разодрано плечо, у нее рассечена губа, вырванные пряди волос кружились на ветру. Это не было изнасилование, я и не думал о подобном; мы просто мерялись силой, мужчина против женщины, новые боги против старых. Мужчина победил, как и должно.

Мы рухнули на скалу с такой силой, что жрица задохнулась. Придавив

ее своим телом и держа за плечи, я посмотрел ей в лицо:

— Твоя борьба окончена. Я тебя покори́л.

Ее губы дрогнули, и она отверну́лась.

— Ты — это он. Я поняла это, как только ты вошел в святилище. Когда меня посвящали богу, он сказал, что однажды из моря выйдет мужчина, сошедший с небес, который изгонит из моих мыслей море и сделает меня царицей. — Она вздохнула. — Да будет так.

С пышными почестями я возвел Фетиду на престол Иолка. В первый же год нашего брака она забеременела, увенчав наш союз радостью. Никогда мы не были более счастливы, чем в те долгие луны, когда ждали нашего сына. Никто из нас не мечтал о дочери.

Старшей повитухой была назначена моя собственная кормилица Аресуна, и, когда у Фетиды начались роды, я оказался совершенно беспомощен, — старуха воспользовалась данными ей полномочиями и изгнала меня на другую половину дворца. Я сидел в одиночестве, пока колесница Фобоса не сделала полный круг, отмахиваясь от слуг, которые настойчиво предлагали мне еду и питье, и ждал, ждал... Пока Аресуна не нашла меня под покровом ночи. На ней был тот же хитон, в котором она принимала роды, густо залитый кровью, и она вся сжалась под ним и скрючилась, ее морщинистое лицо было перекошено от боли. Из глаз, так глубоко запавших в череп, что они казались двумя черными дырами, сочились слезы.

— Это был сын, мой господин, но он жил так мало, что даже не успел вздохнуть. Царица вне опасности. Она потеряла много крови и очень устала, но ее жизни ничто не угрожает. — Она заломила иссохшие руки. — Мой господин, клянусь, я все сделала правильно! Такой большой, красивый мальчик! Такова была воля богини!

Мне было невыносимо оттого, что она видела мое лицо, на которое падал свет лампы. Слишком пораженный горем, чтобы рыдать, я отвернулся и пошел прочь.

Лишь через несколько дней я смог заставить себя навестить Фетиду. Когда же я наконец вошел к ней в комнату, то изумился тому, насколько довольной и счастливой она казалась, сидя на своей широкой кровати. Она сказала то, что должна была сказать, играя словами, выражавшими печаль, но ни одно из них не было искренним! Фетида была счастлива!

— Жена, наш сын умер! — не выдержал я. — Как ты можешь жить с этой мыслью? Он никогда не познает жизни! Никогда не займет мое место на троне. Девять лун ты носила его под сердцем — и все напрасно!

Ее рука покровительственно похлопала по моей.

— Дорогой мой Пелей, не печалься! Нашему сыну не выпало смертной жизни, но разве ты забыл, что я — богиня! Поскольку он не вдохнул земного воздуха, я попросила отца даровать ему вечную жизнь, и мой отец с радостью согласился. Наш сын живет на Олимпе — ест и пьет с другими богами, Пелей! Да, он никогда не будет править Иолком, но ему дано то, в чем отказано смертным. Умерев, он будет жить вечно.

Мое изумление сменилось отвращением, я смотрел на нее не отрываясь и спрашивал себя, как так случилось, что ее помешательство на богах взяло над ней такую силу. Она была такой же смертной, как и я, и ее младенец был так же смертен, как мы оба. Потом я увидел, как доверчиво она на меня смотрит, и не смог сказать того, что рвалось с языка. Если вера в подобную чушь помогла ей справиться с болью утраты, тем лучше. Живя с Фетидой, я привык к тому, что она думала и вела себя не так, как другие женщины. Я погладил ее по голове и ушел.

Шестерых сыновей родила она мне за годы нашего брака, и все были мертворожденными. Когда Аресуна сообщила мне о смерти второго сына, я наполовину обезумел и несколько лун отказывался видеть Фетиду, ибо знал, что она мне скажет: будто наш умерший сын был богом. Но в конце концов любовь и вожделение всегда возвращали меня к ней — и весь ужас повторялся снова.

Когда и шестой сын оказался мертворожденным — как такое могло случиться, ведь он родился строго в положенный срок и, лежа на крошечной похоронной повозке, казался таким крепким, несмотря на темно-синюю кожу? — я поклялся, что больше не отдам Олимпу ни одного. Я послал гонца к пифии в Дельфы, и ответом было, что виной всему гнев Посейдона за то, что я украл у него жрицу. Какое лицемерие! Какое безумие! Сначала он отвергает ее, потом хочет обратно. Воистину, не дано человеку понять замыслы и дела богов, старых или новых, все равно.

Два года я не прикасался к Фетиде, которая умоляла меня зачать еще сыновей для Олимпа. В конце второго года я привел Посейдону Конному белого жеребенка и принес его в жертву перед всем мирмидонским народом.

— Сними с меня проклятие, даруй мне живого сына!

Земля загудела, из-под алтаря коричневой молнией выскочила священная змея, почва вздулась под ногами. Рядом со мной рухнула колонна, на земле между моими ногами прорезалась трещина и удушливо запахло серой, но я не двинулся с места, пока землетрясение не

закончилось и твердь не сомкнулась. Белый жеребенок лежал на алтаре, обескровленный и жалкий. Три месяца спустя Фетида сказала мне, что беременна в седьмой раз.

Весь этот утомительный срок я или слуги следили за ней пристальнее, чем парящий ястреб следит за добычей; я приказал Аресуне каждую ночь спать с ней в одной постели, я пригрозил служанкам немислимыми пытками, если они оставят ее одну хоть на мгновение, если рядом нет Аресуны. Фетида выносила эти «прихоти», как она их называла, с терпением и легкостью, никогда не спорила и не пыталась противоречить моим распоряжениям. Однажды я услышал, как она затянула странный глухой напев старым богам, — мои волосы поднялись дыбом, и по телу поползли мурашки. Но когда я приказал ей перестать, она тут же повиновалась и никогда больше не пела. Срок приближался. Я надеялся на лучшее. Несомненно, я всегда жил в подобающем страхе перед богами, и они были должны мне живого сына!

У меня были доспехи, когда-то принадлежавшие Миносу, — мое самое большое сокровище. Изумительной красоты — покрытые золотом поверх четырех слоев бронзы и трех слоев олова, инкрустированные ляписом и янтарем, кораллами и горным хрусталем, образующими чудесный узор. Щит, выкованный таким же образом, был высотой со среднего человека и по форме напоминал два круглых щита, поставленных один на другой, с перехватом посередине. Кираса и поножи, шлем, юбка и наручи были сделаны на воина крупнее меня, и я уважал павшего Миноса, который надевал их, чтобы объезжать свое Критское царство, — не для самозащиты, ведь он был уверен, что ему никогда не придется ни от кого защищаться, — а просто для того, чтобы продемонстрировать подданным свое богатство. И когда он пал, они не сослужили ему никакой службы, ибо Посейдон сокрушил и его, и его мир, так как они не покорились новым богам. Вечной правительницей Крита и Теры была Рея Кибела, Великая мать богов, царица земли и небес.

Рядом с доспехами Миноса я положил копье из ясеня со склонов горы Пелион; его маленький наконечник был выкован из металла под названием железо, такого редкого и ценного, что большинство считало его легендой, ведь мало кто его видел. Опыт мой показал, что копье безошибочно поражало цель, в руке же было легким, как перышко; поэтому, когда мне больше не нужно было использовать его в каждодневных ратных трудах, я положил его к доспехам. У копья было имя — Старый Пелион.

Перед рождением первенца я достал их на свет, чтобы почистить и

отполировать, — в уверенности, что мой сын вырастет достаточно крупным, чтобы они оказались ему впору. Но все мои сыновья родились мертвыми, и я отправил доспехи обратно в подземелье, во мрак такой же черный, как и мое отчаяние.

Дней за пять до того, как Фетида должна была родить нашего седьмого ребенка, я взял лампу и спустился по избитым каменным ступеням в недра дворца, петляя по переходам, пока не оказался перед тяжелой деревянной дверью, которая преграждала путь в сокровищницу. Зачем я пошел туда? Ответа на этот вопрос у меня не было. Я открыл дверь, приготовившись погрузиться в сумрак, но вместо него в глубине огромной комнаты маячил островок золотого света. Загасив пальцами собственную лампу и положив руку на кинжал, я подкрался к нему. Путь был завален урнами, сундуками, ящиками и утварью для богослужений — мне приходилось идти осторожно, чтобы не шуметь.

Подобравшись поближе, я услышал звук, который нельзя было спутать ни с каким другим, — женские рыдания. На полу, обняв золотой шлем Миноса, сидела моя кормилица Аресуна, из-под ее морщинистых пальцев выбивался тонкий золотой гребень. Она рыдала негромко, но горько, перемежая стенания погребальной песнью Эгины, своего — и моего — родного острова, царства Эака. О Кора!^[7] Аресуна уже оплакивала моего седьмого сына.

Я не мог уйти, не утешив ее, притвориться, будто ничего не видел и не слышал. Она была уже зрелой женщиной, когда моя мать приказала ей дать мне свою грудь; она вырастила меня под ее равнодушным взглядом; она последовала за мной за тридевять земель, преданная, как собака; и когда я покорил Фессалию, то дал ей большую власть в своем доме. Я подошел поближе, легонько тронул ее за плечо и попросил не рыдать больше. Взяв у нее шлем, я притянул неуклюжее старое тело к себе и обнял, твердя глупости, пытаясь успокоить ее, презрев собственные страдания. В конце концов она замолчала, вцепившись костлявыми пальцами в мой гиматий.

— Мой господин, зачем? — прохрипела она. — Зачем ты позволяешь ей это делать?

— Зачем? Ей? Делать что?

— Царице, — ответила она, заикаясь.

Позже я понял, что от горя она немного помутилась рассудком, иначе мне бы не удалось ничего у нее выпытать. Хотя она и была мне дороже, чем родная мать, она никогда не забывала о разнице в нашем положении. Я сжал ее так сильно, что она скорчилась и заскулила от боли.

— Что насчет царицы? Что она делает?

— Убивает твоих сыновей.

Я пошатнулся.

— Фетида? Моих сыновей? Так в чем же дело? Говори!

Понемногу обретая рассудок, она в ужасе уставилась на меня, осененная мыслью, что я ничего не знал.

Я встряхнул ее.

— Лучше продолжай, Аресуна. Каким образом моя жена убивает своих сыновей? И зачем? Зачем?

Но она поджала губы и не произнесла ни слова, ее испуганный взгляд следил за пламенем лампы. Мой кинжал выскользнул из ножен и прижался кончиком к ее обвисшей лоснящейся старой коже.

— Говори, женщина, или, Всемогущим Зевсом клянусь, я выколю тебе глаза и выдеру ногти, я сделаю все, что развяжет тебе язык! Говори, Аресуна, говори!

— Пелей, она проклянет меня, а это гораздо хуже, чем любая пытка. — Голос ее дрожал.

— Это будет нечестивое проклятие. Нечестивые проклятия падут на голову проклиняющего. Скажи мне, умоляю.

— Я была уверена, что ты знал и дал свое согласие, господин. Может быть, она права, может быть, бессмертие лучше земной жизни, ведь для бессмертных нет старости.

— Фетида безумна.

— Нет, господин. Она — богиня.

— Нет, Аресуна, жизнью готов поклясться! Фетида — обычная смертная.

Не похоже, что я ее убедил.

— Она убила всех твоих сыновей, Пелей, вот и все. Из самых благих побуждений.

— Как она это делает? Варит зелье?

— Нет, господин. Проще. Когда мы сажаем ее на родильное кресло, она выгоняет из комнаты всех, кроме меня. Потом приказывает мне поставить под ней ведро морской воды. Как только появляется головка, она погружает ее в воду и держит там до тех пор, пока ребенок уж точно не сможет дышать.

Мои кулаки то сжимались, то разжимались.

— Так вот почему они всегда синие! — Я встал во весь рост. — Возвращайся к ней, Аресуна, не то она будет тебя искать. Даю тебе клятву царя, что никогда не открою, откуда мне стало это известно. Я прослежу, чтобы она не смогла тебе навредить. Не спускай с нее глаз. Когда начнутся

роды, тут же мне сообщи. Понятно?

Она кивнула. Ее слезы высохли вслед за схлынувшим чувством вины. Она поцеловала мне руки и засеменила прочь.

Я сидел неподвижно, погасив обе лампы. Фетида убила моих сыновей — и ради чего? Ради безумной, невозможной мечты. Суеверия. Фантазии. Она отняла у них право стать мужами, ее преступление было настолько гнусным, что мне хотелось пойти и пронзить ее мечом. Но она все еще носила в себе моего седьмого ребенка. Меч подождет. Кроме того, право на месть принадлежало новым богам.

На пятый день после нашего разговора старуха примчалась за мной, распущенные волосы развевались у нее за спиной. Давно перевалило за полдень, и я спустился к загонам для лошадей, чтобы осмотреть жеребцов, — приближался сезон случки, и конюшие хотели сообщить мне, кто за каким жеребцом будет присматривать.

Я немедленно вернулся во дворец с Аресуной, взгромоздившейся мне на закорки, будто на лошадь.

— Что ты собираешься делать? — спросила она, когда я опустил ее на пол перед дверью Фетиды.

— Войти вместе с тобой.

Она сдавленно вскрикнула:

— Мой господин! Это запрещено!

— Как и убийство, — сказал я и открыл дверь.

Роды — женское таинство, которое мужчине нельзя осквернять своим присутствием. Это земной мир, в котором нет места небу. Когда новые боги возобладали над старыми, некоторые ритуалы остались в неприкосновенности; Великая мать Кибела по-прежнему была главной в женских делах. Особенно в том, как вырастить новый человеческий плод — и как сорвать его, не важно, созрел он или нет или пожух от старости.

Поэтому, когда я вошел, сначала никто не заметил меня; я смотрел, обонял, прислушивался. В комнате воняло потом, кровью и другими запахами, отвратительными и чуждыми мужскому обонянию. Очевидно, роды вот-вот должны были начаться, ибо служанки помогали Фетиде перебраться с кровати на родильное кресло, в то время как повитухи сновали вокруг, давая указания и создавая суматоху. Моя жена была нагая, ее чудовищно раздутый живот почти светился от растяжения. Они осторожно устроили ее бедра на прочных деревянных опорах по обе стороны широкого проема в сиденье, освобождая доступ к родовым путям,

откуда появлялась головка младенца, а за нею и все его тело.

Рядом на полу стояла деревянная кадка, доверху наполненная водой, но никто из женщин не обращал на нее внимания, поскольку понятия не имел, для чего она предназначена.

Тут они увидели меня и бросились в мою сторону с лицами, перекошенными от возмущения, считая, будто царь помутился рассудком, и намереваясь вывести меня из комнаты. Я ударил наотмашь ту, которая оказалась ко мне ближе всех, и она растянулась на полу. Остальные трусливо попятились. Аресуна сгорбилась над кадкой, бормоча заговор от дурного глаза, и не двинулась с места, когда я выгнал женщин из комнаты и положил на дверь засов.

Фетида все видела. Ее лицо блестело от пота, а глаза почернели от сдерживаемого гнева.

— Убирайся вон, Пелей, — тихо сказала она.

Вместо ответа я оттолкнул Аресуну в сторону, подошел к кадке с морской водой, поднял ее и опрокинул на пол.

— Убийства не будет, Фетида. Этот сын — мой.

— Убийство? Убийство? О, ты дурак! Я никого не убивала! Я — богиня! Мои сыновья — бессмертны!

Я схватил ее за плечи, а она сидела, согнувшись вперед, на родильном кресле.

— Твои сыновья мертвы, женщина! Им суждено навсегда остаться бездумными тенями, ибо ты отняла у них шанс совершить подвиги, которые заслужили бы им любовь и восхищение богов! У них не будет ни Елисейских полей, ни славы героев, ни места среди звезд. Ты — не богиня! Ты — смертная!

Ее ответом был резкий крик боли; спина ее выгнулась дугой, и руки вцепились в деревянные ручки кресла с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Аресуна пришла в себя.

— Время пришло! — закричала она. — Он вот-вот родится!

— Ты не получишь его, Пелей! — прорычала Фетида.

Она принялась изо всех сил смыкать ноги, вопреки инстинкту, который приказывал ей развести их в стороны.

— Я раздавлю ему голову! — продолжала рычать она, а потом вскрикнула, и еще, и еще. — О отец мой! Отец мой Нерей! Он разрывает меня!

На лбу у нее вздулись багровые вены, по щекам катились слезы, но она продолжала пытаться сомкнуть ноги. Сходя с ума от боли, она напрягла

всю свою волю и безжалостно свела их вместе, скрестила и закинула одну за другую, чтобы помешать им разойтись вновь.

Аресуна скорчилась на залитом водой полу, просунув голову под родильное кресло; я расслышал крик, а потом радостный смешок.

— Ай, ай! — провизжала она. — Пелей, это его ножка! Он выходит задом, это его ножка!

Она выползла из-под кресла, поднялась на ноги и развернула меня к себе с силой юноши, которой я не ожидал от ее дряхлых рук.

— Ты хочешь живого сына?

— Да, да!

— Тогда разомкни ей ноги, мой господин. Он выходит ножками, его голова цела.

Я опустился на пол, положил левую руку на колено Фетиды, которое было сверху, просунул правую под него, чтобы схватить второе колено, на котором лежала ее нога, и потянул руки в стороны. Ее кости угрожающе хрустнули; она вскинула голову и обрушила на меня едкий дождь плевков и проклятий, ее лицо — клянусь, я смотрел на нее, а она на меня, — ее лицо сжалось и заострилось, приняв форму змеиной морды. Колени ее начали расходиться в стороны; я был слишком силен для нее. И если это не могло доказать ее смертность, то что тогда?

Аресуна нырнула мне под руки. Я закрыл глаза и продолжал тянуть. Раздался резкий, короткий звук, конвульсивный вдох, и внезапно комната наполнилась младенческим ором. Мои глаза раскрылись, и я недоверчиво уставился на Аресуну, на то, что она держала вниз головой у себя в руке, — страшное, мокрое, скользкое существо, которое дергалось, извивалось и вопило так, что было слышно на небесах, — существо с пенисом и мошонкой, торчащими под плодной оболочкой. Сын! У меня был живой сын!

Фетида сидела молча, с опустошенным, спокойным лицом. Но глаза ее были обращены не ко мне. Она смотрела на моего сына, которого Аресуна обмывала, перерезая пуповину и заворачивая в чистую пеленку из белого льна.

— Сын, на радость твоему сердцу, Пелей! — смеялась Аресуна. — Самый большой, самый здоровый младенец из всех, которых я видела! Я вытащила его на свет за правую пяточку.

Я встревожился:

— За пятку! За правую пятку, старуха! Она сломана? Изувечена?

Она подняла пеленки и продемонстрировала мне младенческую ступню совершенной формы — левую — и другую, распухшую и

посиневшую от пятки до щиколотки.

— Они обе целы, мой господин. Правая заживет, и все следы сойдут. Фетида рассмеялась, слабо и бесцветно.

— Правая пятка. Так вот как он вдохнул земной воздух. Его нога появилась на свет первой... Неудивительно, что он так меня разодрал. Да, следы сойдут, но правая пятка принесет ему гибель. Однажды, когда ему понадобятся ее крепость и сила, она вспомнит, как он родился, и предаст его.

Стоя с протянутыми вперед руками, я не обратил на нее внимания.

— Дай его мне! Дай мне посмотреть на него, Аресуна! Сердце от сердца моего, моя суть, сын мой! Мой сын!

Я известил двор о том, что у меня появился наследник. Какое ликование, какая радость! Весь Иолк, вся Фессалия страдали вместе со мной все эти годы.

Но когда толпа разошлась, я остался сидеть на троне из белого мрамора, опустив голову на руки, настолько уставший, что был не в силах даже думать. Последние голоса замерли вдалеке, и ночь принялась ткать свой мрачный, унылый покров. Сын. У меня был сын, но их должно было быть семь. Моя жена — сумасшедшая.

Она вошла в тускло освещенный зал босая, снова одетая в прозрачное, свободное одеяние, которое носила на Скиросе. С лицом постаревшим и покрытым морщинами, она медленно шла по холодному, выложенному плитками полу походкой, выдающей телесную боль.

— Пелей...

Она остановилась у подножия трона.

Я поднял голову, с усилием оторвав ее от рук.

— Я возвращаюсь на Скирос, муж мой.

— Ликомед не примет тебя, жена.

— Тогда я пойду туда, где меня примут.

— На колеснице, запряженной змеями, как Медея?

— Нет. Я поплыву на спине дельфина.

Я никогда ее больше не видел. На рассвете Аресуна привела двух рабов, и они помогли мне встать и уложили меня в постель. Я спал без единого сновидения, пока еще один круг не прибавила колесница Феба к бесконечному странствию вокруг нашего мира, и, проснувшись, помнил только, что у меня есть сын. Взбежав вверх по ступеням в детскую, словно на ногах у меня были крылатые сандалии Гермеса, я увидел, как Аресуна

берет моего сына у кормилицы — здоровой молодой женщины, которая потеряла собственного младенца, как следовало из бормотания старухи. Ее звали Левкиппа — «белая кобыла».

Моя очередь. Я взял его на руки и почувствовал, какой он тяжелый. Неудивительно для того, кто выглядел так, словно был отлит из золота. Вьющиеся золотистые волосы, золотистая кожа, золотистые брови и ресницы. Широко открытые глаза не отрываясь смотрели на меня, они были темными, но я подумал, что, когда они научатся видеть, они тоже обретут золотистый оттенок.

— Как ты назовешь его, мой господин? — спросила Аресуна.

Я не знал. У него должно быть собственное имя, а не то, которое принадлежало кому-то еще. Но какое? Я посмотрел на его нос, щеки, подбородок, лоб — изящно очерченные, взявшие больше от Фетиды, чем от меня. Губы были его собственными, точнее, у него их не было: ртом служила прямая щелочка над подбородком, выражавшая отчаянную решимость, но изогнутая печальной дугой.

— Ахилл.

Она одобрительно кивнула.

— Безгубый. Это имя ему подходит, мой господин. — Потом она вздохнула. — Его мать изрекла пророчество. Ты пошлешь гонца в Дельфы?

Я покачал головой:

— Нет. Моя жена — сумасшедшая, и я не верю ее предсказаниям. Но пифия говорит правду. Я не хочу знать, что уготовано моему сыну.

Глава третья, рассказанная Хироном

У меня было любимое место перед моей пещерой — сиденье, высеченное в скале богами за целую вечность до того, как на гору Пелион пришли люди. Оно было на самом краю утеса, и не счесть времени, сколько я провел, сидя на нем, подстелив медвежью шкуру, чтобы защитить свои старые кости от грубой ласки камня, оглядывая земли и море внизу, как царь, которым я никогда не был.

Я чувствовал себя слишком старым, особенно осенью, когда приходила боль, возвещая скорую зиму. Никто не помнил, сколько точно мне лет, и я — меньше всех; приходит время, когда реальность возраста исчезает и все прожитые годы сливаются в один долгий день в ожидании смерти.

Рассвет обещал ясный и мирный день, поэтому еще до восхода солнца я сделал всю нехитрую домашнюю работу и отправился вдыхать холодный серый воздух. Моя пещера находилась высоко на горе Пелион, почти на вершине южного склона, нависая над краем огромной пропасти. Я завернулся в медвежью шкуру и стал ждать солнца. Вид, который расстилался передо мной, никогда мне не надоедал; несчетные годы наблюдал я с вершины Пелиона за миром внизу, побережьем Фессалии и Эгейским морем. И, наблюдая за восходом солнца, я выудил из своей алебастровой коробочки со сладостями кусок меда в сотах и принялся жадно сосать, впившись в него беззубыми деснами. В его вкусе смешались дикий луг, легкий ветерок и свежесть соснового леса.

Мой народ, кентавры, обитал на Пелионе с незапамятных времен и служил царям земель Эллады учителями их отпрысков, ибо как учителя мы не знали себе равных. Я говорю «служили», ибо я — последний из кентавров, после моей смерти наша раса прекратит свое существование. В интересах своего дела многие из нас выбирали безбрачие, и мы не смешивали свою кровь с кровью женщин других племен; поэтому, когда женщинам кентавров надоело влачить жалкое существование, лишенное какой-либо радости, они попросту покинули Пелион. Нас рождалось все меньше и меньше, ибо большинство кентавров почитало за слишком большой труд отправиться во Фракию, куда ушли наши женщины, чтобы

присоединиться к менадам и служить Дионису. Так появилась легенда о том, будто кентавры невидимы, ибо они наполовину люди, наполовину лошади и потому боятся людей. Интересно было бы посмотреть на такое создание, если бы только оно существовало. Но нет. Кентавры были обычными людьми.

Мое имя было известно всей Элладе; я — Хирон, учитель большинства тех, из кого выросли славные герои: Пелея и Теламона, Тидея, Геракла, Атрея и Фиеста, — и это далеко не все. Однако это было давно, и, наблюдая за тем, как рассветает, меньше всего я думал о Геракле и его племени.

Пелион покрыт густым ясеневым лесом, причем ясени эти выше и стройнее тех, которые растут в других местах. В это время года лес превращается в сверкающее желтое море, ибо каждый умирающий лист дрожит от малейшего ветерка. Прямо подо мной простиралась голая скальная насыпь, пять сотен локтей пространства без единого цветного вкрапления, будь то зеленого или желтого, ниже опять начинался ясеневый лес, тянувшийся к небу и наполненный птичьим гомоном. Я никогда не слышал звуков присутствия человека, а стало быть, ни один смертный не стоял между мной и вершинами Олимпа. Далеко-далеко внизу лежал Иолк, похожий на муравьиное царство; сравнение это неудачно только на первый взгляд, ведь жителей Иолка называют мирмидонянами — муравьиным народом.

Из всех городов ойкумены (кроме тех, которые стояли на Крите и Тере, пока Посейдон не сровнял их с землей) только у Иолка не было стен. Кто бы отважился напасть на дом мирмидонян, воинов, которым не было равных? За это я любил Иолк еще больше. Стены внушали мне страх. В далекие дни, путешествуя, я никогда не мог оставаться запертым в Микенах или Тиринфе больше чем на пару дней. Стены — это укрепления смерти, которые она строит из камня, добытого в Тартаре.

Я отшвырнул медовые соты и потянулся к винным мехам, замороженный солнцем, окрасившим великие просторы Пагассийского залива в малиновый цвет, бросавшим блики на позолоченные статуи дворцовой крыши, расцветившим красками колонны и стены храмов, дворца, общественных зданий.

От города к моему уединенному пристанищу вела дорога, но ею никогда никто не пользовался. Сегодня утром, однако, все было по-другому: до меня донесся шум повозки. Мои созерцательные раздумья сменились гневом, я поднялся на ноги и, прихрамывая, пошел встретить

нахала и отправить его восвояси. Это оказался человек знатного рода в охотничьей повозке, которую мчала пара подобранных в масть фессалийских гнедых, на его хитоне была эмблема царского дома. Ясный, живой взгляд, улыбка — он спрыгнул на землю с изяществом, которое могло быть присуще только юноше, и направился в мою сторону. Я отпрянул назад — запах человека давно уже стал мне отвратителен.

— Царь приветствует тебя, мой господин, — сказал юноша.

— В чем дело? В чем дело?

К собственной досаде я обнаружил, что голос мой звучит надтреснуто и скрипуче.

— Царь приказал мне передать тебе сообщение, Хирон. Завтра он и его венценосный брат приедут, чтобы вверить своих сыновей твоему попечению, пока те не достигнут зрелого возраста. Ты обучишь их всему, что им нужно знать.

Я стоял как вкопанный. Воистину, царь Пелей знал, что делает! Слишком старый для того, чтобы возиться с шумными мальчишками, я больше не брал учеников, даже из отпрысков такого славного дома, как дом Эака.

— Скажи царю, что я недоволен! Я не хочу учить ни его сына, ни сына его царственного брата Теламона. Передай ему, если он завтра поднимется на гору, то попусту потеряет время. Хирон отошел от дел.

С лицом, на котором была написана тревога, юноша посмотрел на меня.

— Я не посмею передать ему такое послание, мой господин Хирон. Мне было приказано сообщить тебе о его приезде, это я и сделал. Меня не просили привезти ответ.

Когда охотничья повозка скрылась из виду, я вернулся назад к своему креслу и увидел, что пейзаж запылал багрянцем. Цветом моего гнева. Как посмел царь решить, будто я возьму его сына — или сына Теламона, все равно, — в ученики? Много лет назад не кто иной, как Пелей, разослал гонцов по всем царствам Эллады с вестью о том, что кентавр Хирон отошел от дел. А теперь он нарушил собственный указ.

Теламон, Теламон... У него было много детей, но только двое любимых. Тот, который на два года старше, — незаконнорожденный, от троянской царевны Гесионы, — Тевкр. Второй — его законный наследник, Аякс. С другой стороны, у Пелея был только один ребенок — Ахилл, сын царицы Фетиды, который чудесным образом выжил после того, как шестеро до него умерли при рождении. Сколько лет сейчас Аяксу и Ахиллу? Конечно, они еще маленькие. Вонючие, сопливые, едва

принявшие человеческий облик. Брр...

Когда я вернулся в пещеру, радость моя испарилась и глубоко в мозгу тлели угольки гнева. Не было никакой возможности избежать этой задачи. Пелей был верховным царем Фессалии; я был его подданным и должен был повиноваться. Я оглядел свое просторное, полное воздуха убежище, со страхом думая о предстоящих мне днях и годах. Моя лира лежала на столе в глубине главного зала, ее струны покрылись пылью от долгого бездействия. Угрюмо и нехотя я посмотрел на нее, потом взял ее в руки и сдул свидетельство моего пренебрежения. Струны провисли все до единой, поэтому мне пришлось подтянуть каждую, чтобы заставить издавать верный тон; только тогда я смог заиграть.

О, а мой голос! Он пропал, пропал. Пока Феб гнал свою колесницу с востока на запад, я играл и пел, уговаривая свои заостреневшие пальцы обрести гибкость, растягивая кисти и запястья, повторяя гаммы. Поскольку входить в форму на глазах учеников было бы неправильно, я должен был вновь обрести свое мастерство до их приезда. Лишь когда пещера наполнилась сумраком и черные бесшумные тени летучих мышей запорхали сквозь него к своему обиталищу в недрах горы, я остановился, уставший до невозможности, замерзший, голодный, в дурном расположении духа.

Пелей с Теламоном приехали в полдень, оба на одной царской колеснице; следом ехали еще одна колесница и запряженная волами тяжелая повозка. Склонив голову, стоял я у дороги, куда спустился, чтобы их встретить. Мы не виделись с верховным царем много лет, а с Теламоном и того дольше. Я смотрел, как они приближаются, и настроение мое улучшалось. Да, они были царями, эти два мужа, излучавшие силу и власть. Пелей был по-прежнему высок и могуч, Теламон по-прежнему гибок. Беды обоих остались в прошлом, но лишь после долгой борьбы, войны, страданий. И эти кузнецы металла в душах мужей оставили после себя неизгладимый след. Золото волос у обоих поблекло, возвещая скорую седину, но ни следа увядания не заметил я в их крепких телах, на суровых, с твердыми чертами лицах.

Пелей сошел с колесницы первым и подошел ко мне раньше, чем я успел отступить назад; я весь сжался, когда он нежно меня обнял, и почувствовал, что мое отвращение смягчилось от его теплоты.

— Рано или поздно, Хирон, приходит время, когда постареть еще больше уже невозможно. Как поживаешь?

— Очень хорошо, мой господин.

Мы отошли от колесниц в сторону. Я посмотрел на Пелея мятежным взглядом.

— Как ты можешь просить меня вернуться к учительству, мой господин? Разве я недостаточно тебе послужил? Неужто вы не можете найти своим сыновьям другого наставника?

— Хирон, тебе нет равных. — Пристально глядя на меня с высоты своего роста, Пелей схватил меня за руку. — Ты должен знать, как много значит для меня Ахилл. Он — мой единственный сын, других не будет. После моей смерти к нему перейдут оба трона, поэтому он должен быть образован. Я могу многому научить его сам, но мне нужна хорошая основа. Только ты сможешь ее заложить, Хирон, и ты это знаешь. Быть наследным царем в Элладе — рискованно. Всегда найдутся соперники, чтобы сбросить тебя с трона. — Он вздохнул. — Кроме того, я люблю Ахилла больше жизни. Как я могу отказать ему в образовании, которое получил сам?

— Похоже, ты избаловал мальчика.

— Нет, по-моему, его невозможно избаловать.

— Я не хочу этого делать, Пелей.

Он склонил голову набок и нахмурился.

— Глупо погонять мертвую лошадь, но, может, ты хотя бы взглянешь на мальчиков? Возможно, ты изменишь решение.

— Нет, даже если увижу еще одного Геракла или Пелея, мой господин. Но я взгляну на них, если ты того желаешь.

Пелей повернулся и махнул рукой двум мальчикам, стоявшим у второй колесницы. Они подошли медленно, один спрятавшись за спиной у другого; того, кто шел сзади, рассмотреть я не мог. Ничего чудесного. Мальчик, идущий первым, определенно привлекал взгляд. Но вместе с тем разочаровывал. Это и был Ахилл, желанный единственный сын? Нет, вряд ли. Это, наверно, Аякс, для Ахилла он слишком большой. Четырнадцать лет? Тринадцать? Ростом со взрослого мужа, длинные руки и плечи бугрятся мускулами. Парень был недурен, но ничего выдающегося в нем не было. Просто крупный подросток, немного курносый, с невозмутимым взглядом серых глаз, которым не доставало света истинного ума.

— Это Аякс, — с гордостью сказал Теламон. — Ему только десять, но выглядит он намного старше.

Я жестом приказал Аяксу отойти в сторону.

— Это Ахилл?

Голос мой прозвучал сдавленно.

— Да, — ответил Пелей, пытаясь казаться бесстрастным. — Он тоже большой для своих лет. Ему исполнилось шесть.

У меня пересохло в горле. Я сглотнул. Уже в таком возрасте он обладал какой-то личной магией, бессознательными чарами, которые привлекали к нему людей и пробуждали в них любовь к нему. Не такого плотного сложения, как его двоюродный брат Аякс, этот ребенок был достаточно высоким и крепким. Его манера стоять была очень спокойной для такого маленького мальчика — вес тела он перенес на одну ногу, а другую грациозно выставил немного вперед, руки свободно свисали вдоль тела без намека на неловкость. Спокойный и неосознанно царственный, он казался отлитым из золота. Волосы, как лучи Гелиоса, брови вразлет, глаза, сверкающие, как желтый хрусталь, гладкая золотистая кожа. Очень красивый, если не считать безгубого рта, похожего на прямую щелочку, душераздирающе грустный, но такой решительный, что я дрогнул. Он серьезно посмотрел на меня глазами цвета поздней зари, туманно-желтыми — глазами, полными любопытства, боли, горя, смущения и разума.

Я списал со своего счета еще семь из отпущенных мне несчетных лет, когда услышал собственный голос:

— Я приму их в ученики.

Пелей просиял, Теламон заключил меня в объятия; они не были уверены в успехе.

— Мы не задержимся, — сказал Пелей. — В повозке есть все, что мальчикам может понадобиться, наши слуги обо всем позаботятся. Старый дом еще стоит?

Я кивнул.

— Тогда слуги могут жить в нем. Я приказал им беспрекословно тебе подчиняться. Ты будешь говорить от моего имени.

Вскоре они уехали прочь.

Оставив рабов разгружать телегу, я направился к мальчикам. Аякс стоял подобно горе, флегматичный и покорный, и смотрел на меня глазами, в которых не было ни тени мысли; такому твердому черепу потребуется не один тумак, прежде чем заключенный в нем разум осознает, для чего предназначен. Ахилл все еще провожал взглядом отца, его яркие глаза наполнились непролитыми слезами. Расставание было для него болезненным.

— Пойдемте со мной, молодые люди. Я покажу вам ваш новый дом.

Они молча последовали за мной в пещеру, где я показал им, насколько удобным может быть такое жилище, пусть и странное на первый взгляд. Спать им предстояло на мягких меховых шкурах, учиться — в специально

отведенной части главного зала. Потом я привел их к краю пропасти и уселся в свое кресло, оставив их стоять по сторонам.

— Не терпится приступить к наукам?

Мой вопрос предназначался скорее Ахиллу, нежели Аяксу.

— Да, мой господин, — вежливо ответил Ахилл; по крайней мере, отец научил его манерам.

— Меня зовут Хирон. Так и обращайся ко мне.

— Да, Хирон. Отец говорит, я должен радоваться.

Я повернулся к Аяксу:

— На столе в пещере лежит лира. Принеси мне ее — и смотри не урони.

Громадный недоросль посмотрел на меня без всякой обиды.

— Я никогда ничего не роняю, — буднично заметил он.

Мои брови поползли вверх; я уже готов был весело ему подмигнуть, но не увидел в серых глазах сына Теламона ответной искры. Вместо этого он в точности выполнил то, что ему было велено, как хороший солдат, который повинуется приказам, не задавая вопросов. Мне подумалось, это было бы лучшее, что я мог бы сделать для Аякса. Сделать из него солдата, совершенного по силе и выносливости. В глазах же Ахилла мое веселье отразилось, как в зеркале.

— Аякс всегда делает то, что ему приказали, — сказал он твердым, хорошо поставленным, приятным голосом, услаждавшим мне слух. Потом он протянул руку и указал на город далеко внизу. — Это Иолк?

— Да.

— Тогда там, на холме, это, наверно, дворец? Какой маленький! Я всегда думал, что Пелион по сравнению с ним не такой уж и высокий, но отсюда он выглядит не больше обычного дома.

— Все дворцы так выглядят, если отойти от них подальше.

— Да, я вижу.

— Уже скучаешь по отцу?

— Я думал, что заплачу, но это прошло.

— Весной ты с ним увидишься, время пролетит очень быстро. Я не дам вам прохлаждаться, ведь именно праздность порождает неудовольствие, беды, дурные поступки, пустые шалости.

Он глубоко вдохнул:

— Чему я должен буду учиться, Хирон? Что мне нужно знать, чтобы стать великим царем?

— Одним словом не скажешь, Ахилл. Великий царь — это кладезь знаний. Любой царь — лучший из мужей, но великий царь понимает, что

он представляет свой народ перед лицом богов.

— Тогда я быстро всего не выучу.

Вернулся Аякс с лирой в руках, осторожно следя за тем, чтобы не задеть ею о землю; этот большой инструмент, больше похожий на арфу, которая в ходу у египтян, был сделан из огромного черепахового панциря, переливающегося коричневыми и янтарными оттенками, с золотыми крючками для струн. Я положил ее к себе на колени и легонько погладил по струнам, издавшим в ответ мелодичный звук.

— Вы должны играть на лире и знать песни своего народа. Быть некультурным или невежественным — величайший грех. Вы должны изучить историю и географию мира, все чудеса природы, все сокровища под сердцем Великой матери Кибелы, которая и есть сама Земля. Я научу вас охотиться, убивать и сражаться любым оружием, а также делать его самим. Я покажу вам травы для врачевания болезней и ран и научу делать из них целебный настой, научу закреплять конечности. Великий царь возлагает больше надежд на жизнь, чем на смерть.

— А риторика? — спросил Ахилл.

— Конечно. После моих уроков вы сможете красноречием вырывать у слушателей сердца из груди, повергая их в радость или печаль. Я научу вас справедливо судить о людях, создавать законы и выполнять их. Я научу вас тому, чего ожидают от вас боги, поскольку вы — избранные. — Я улыбнулся. — И это только начало!

Потом я взял лиру, поставил ее основанием на землю и провел рукой по струнам. Всего несколько мгновений я играл, давая звукам набрать высоту, и, когда последний аккорд растворился в безмолвии, запел:

Он был один и видел в жизни своей одну неприязнь.
Богиня Гера в темном замысле простерла руки,
И задрожали златые колонны Олимпа,
Когда она, потеряв покой, за ним наблюдала.
Безжалостен был божественный гнев! Великий Зевс,
Власти своей лишенный, беспомощен был,
Пообещав славной Гере,
Что будет сын его оковы тяжкие влачить на земле.
Приспешник ее, Эврисфей, холоден и безжалостен,
Улыбаясь, считал, сколько потов сойдет с Геракла в уплату.
Ибо грехи богов искупают их дети,
Ведь не пристало богам снисходить до расплаты.
Этим и отличаются люди

От богов, которые заставляют их страдать вместо себя.
Незаконнорожденный сын, которому было отказано
в капле божественной крови,
Геракл взял на себя цену страсти.
В муках и унижении платил он выкуп,
А Гера смеялась, видя слезы могучего Зевса...

Это была песнь о Геракле, столько лет избегавшем верной смерти, и во время пения я наблюдал за обоими. Аякс слушал внимательно; Ахилл напрягся всем телом, нагнулся вперед, положив подбородок на руки и опершись локтями о подлокотник моего кресла, глаза на расстоянии ладони от моего лица. Когда я выпустил лиру, он уронил руки и вздохнул, обессиленный.

Так все началось, и так все продолжалось, пока годы шли своим чередом. Ахилл во всем держал первенство, в то время как Аякс прилежно корпел над своими задачами. Но сын Теламона не был глупцом. Он обладал мужеством и упорством, которым позавидовал бы любой могущественный царь, и ему всегда удавалось держаться на должном уровне. Но моим любимцем, моей радостью был Ахилл. Что бы я ни говорил ему, он откладывал это у себя в уме с ревнивой тщательностью, чтобы использовать, когда станет великим царем, — так он говорил, улыбаясь. Ему нравились науки, и он преуспел во всех, не важно, требовалось ли от него приложить руки или голову. У меня до сих пор остались вылепленные им глиняные миски и маленькие рисунки.

Но как бы хорошо ему ни давалась учеба, Ахилл был рожден для действия, войны и великих подвигов. Даже в физическом развитии обошел он своего двоюродного брата, потому что был быстр, как молния, и хватался за оружие с жадностью, сродни той, с которой иные женщины бросаются к ларцу с самоцветами. Он метал копье точно в цель, и я не мог уследить за его мечом, стоило ему вытащить тот из ножен. Был слышен только свист воздуха и звуки тупых и острых ударов. О да, он был рожден, чтобы командовать. Он понимал искусство войны без всяких усилий, инстинктивно. Прирожденный охотник, он часто возвращался в пещеру, волоча за собой дикого вепря, слишком тяжелого, чтобы взвалить на плечи, мог загнать оленя. Только однажды я увидел, как отвернулась от него удача, когда, на полном ходу преследуя зверя, он рухнул на землю с такой силой, что прошло немало времени, пока он пришел в себя. Правая нога не

выдержала, как он потом объяснил.

Аякс мог вспыхнуть от ярости, но я никогда не видел, чтобы Ахилл выходил из себя. Он не был ни застенчивым, ни замкнутым, но в то же время ему были присущи внутреннее спокойствие и отстраненность. Думающий воин. Какая редкость! И все же его рот-щель говорил о том, что у его натуры есть обратная сторона, и проявлялась она только в одном: когда что-нибудь не соответствовало его представлению о совершенстве, он становился холоден и непреклонен, как северный ветер, сыплющий снегом.

Эти семь лет, когда я был их наставником, были лучшими в моей жизни, и не только благодаря Ахиллу, но и Аяксу тоже. Так велика была разница между двоюродными братьями и так велики их совершенства, что задача выковать из них мужей наполнилась для меня любовью. Из всех учеников лучшим для меня был Ахилл. Когда он покинул меня насовсем, я плакал, и на долгие луны моя воля к жизни стала для меня гнусом не менее ненавистным, чем тот, который терзал Ио.^[8] Прошло много времени, прежде чем я смог сесть в свое кресло и посмотреть вдаль, на сияющие позолотой крыши дворца, без того, чтобы глаза мои не застлала влажная пелена, отчего позолота и черепица сливались друг с другом подобно металлам в плавильном тигле.

Глава четвертая, рассказанная Еленой

Ксантиппа устроила мне нелегкий поединок; я вернулась с ристалища, задыхаясь от изнеможения. Мы собрали большую толпу зрителей, и я подарила кругу восхищенных лиц свою самую сияющую улыбку. Ни один мужчина не поздравил Ксантиппу с выигранным боем. Они пришли посмотреть на меня. Столпившись вокруг, они шумно восхваляли меня, пользовались любым предлогом, чтобы прикоснуться к моей руке или плечу, самые смелые в шутку предлагали мне поединок, когда я того пожелаю. Я без труда отбивала их остроты, пошлые, далекие от утонченности.

В свои годы я все еще считалась ребенком, но глаза зрителей отрицали это. Их взгляды говорили мне то, что я и так знала, ибо в моих комнатах были зеркала из полированной меди и у меня самой были глаза. Хотя все они были высокопоставленными придворными, никто из них не имел веса и им не было места в моих планах на будущее. Я отряхнулась от их взглядов, как от воды после ванны, выхватила у рабыни льняное полотенце и под хор протестующих возгласов обернула его вокруг своих нагих потных бедер.

И тут в толпе я увидела своего отца. Отец наблюдал за боем? Невероятно! Он никогда не ходил смотреть на то, как женщины пародируют состязания мужей! Увидев выражение моего лица, некоторые из придворных обернулись; через мгновение они исчезли все до единого. Я подошла к отцу и поцеловала его в щеку.

— Ты всегда вызываешь у зрителей подобный восторг, дитя? — нахмурился он.

— Да, отец, — самодовольно ответила я. — Ты же знаешь, как мной восхищаются.

— Я это вижу. Должно быть, старею, теряю наблюдательность. К счастью, твой старший брат не стар и не слеп. Сегодня утром он посоветовал мне пойти посмотреть на женские состязания.

Я оцетинилась:

— Какое Кастору до меня дело?

— Плохо было бы, если бы это было не так!

Мы подошли к двери тронного зала.

— Смой пот, Елена, оденься и возвращайся ко мне.

Его лицо было непроницаемо, поэтому я пожала плечами и помчалась прочь.

В комнатах меня ждала Неста, ворча и кудахтая. Я позволила ей раздеть меня, предвкушая теплую ванну и ощущение щетки на своей коже. Непрерывно болтая, она бросила полотенце в угол и расшнуровала мою набедренную повязку. Но я ее не слушала. Пробежав по холодным каменным плитам, я прыгнула в ванну и радостно заплескалась. Как приятно чувствовать, как вода обнимает и нежит меня, достаточно мутная для того, чтобы я могла ласкать себя, не рискуя, что глаза-бусины Несты это заметят. И как приятно потом стоять, пока она натирает меня ароматическими маслами, и втирать их в себя самой. За день никогда не бывает слишком много моментов, чтобы ласкать себя, гладить, порождать в себе дрожь и трепет, до которых таким девушкам, как Ксантиппа, судя по всему, дела было намного меньше, чем мне. Наверно, потому, что им не встретилось своего Тесея, который бы научил их этому.

Одна из рабынь разложила мою юбку в широкий круг на полу, чтобы я могла войти в середину. Потом они подтянули ее вверх и закрепили на талии. Юбка была тяжелая, но я успела привыкнуть к этой тяжести, ведь я носила женские одежды уже два года, с тех самых пор как вернулась из Афин. Моя мать посчитала нелепым снова нарядить меня в детский хитон после той истории.

Потом настала очередь корсажа, зашнурованного под грудью, и широкого пояса с фартуком — чтобы его застегнуть, мне нужно было глубоко вдохнуть и втянуть живот. Рабыня осторожно пропустила мои кудрявые волосы сквозь отверстие в золотой диадеме, другая вдела мне в уши красивые хрустальные серьги. Одну за другой я протянула им свои босые ноги, чтобы они нанизали колечки и колокольчики на каждый из десяти пальцев, потом руки — украсить запястья десятками звенящих браслетов, а пальцы — кольцами.

Когда они закончили, я подошла к самому большому зеркалу на другой стороне комнаты и критически оглядела себя с головы до ног. Эта юбка была самой красивой из всех моих одеяний. От талии до щиколоток она была собрана в бесчисленные складки, оттянутые книзу хрустальными и янтарными бусинами, амулетами из ляпис-лазури и чеканного золота, золотыми колокольчиками и подвесками из фаянса, — каждое мое движение сопровождала музыка. Пояс был зашнурован недостаточно туго; я приказала двум рабыням затянуть его сильнее.

— Почему мне нельзя нарисовать соски золотом, Неста?

— Мне жаловаться бесполезно, царевна. Спроси у своей матери. А лучше оставь это до той поры, когда тебе это действительно будет нужно, — после того как родишь ребенка и твои соски потемнеют.

Я решила, что она права. Мне повезло: мои соски были ярко-розовыми, тугими, словно бутоны, а груди — высокими и налитыми.

Как говорил Тесей? Два маленьких белых щенка с розовыми носами. Стоило мне подумать о нем, как настроение мое изменилось; я резко отвернулась от своего отражения под бисерный звон. О, снова лежать в его объятиях! Тесей, возлюбленный мой. Его губы, его руки, его томительные ласки, пробуждавшие страстную жажду... Потом пришли они и забрали меня, мои достойные братья, Кастор и Полидевк. Если бы только он был тогда в Афинах! Но он был далеко, на Скиросе с царем Ликомедом, и никто не посмел прекословить сыновьям Тиндарея.

Я позволила рабыням подвести мне глаза линией из разведенного водой черного порошка и нарисовать золотом веки, но отказалась от кармина для щек и губ. В нем нет нужды, говорил Тесей. Потом я спустилась в тронный зал к отцу, который сидел у окна в выложенном подушками кресле. Он тут же поднялся:

— Подойди к свету.

Я молча повиновалась; отец во всем мне потакал, да, но это не мешало ему оставаться царем. Когда я встала на жестоко палящее солнце, он отступил на несколько шагов назад и посмотрел на меня так, словно никогда раньше не видел.

— О да, глаз у Тесея был наметан лучше, чем у лакедемонян! Твоя мать права, ты уже совсем взрослая. Поэтому нам нужно что-то сделать, пока не нашелся еще один Тесей.

Мое лицо вспыхнуло. Я промолчала.

— Тебе пора замуж, Елена. — Он задумался на мгновение. — Сколько тебе лет?

— Четырнадцать, отец.

Замуж! Как интересно!

— Самое время.

Вошла мать. Я опустила глаза, чувствуя себя неловко оттого, что стояла перед отцом, который рассматривал меня как мужчину. Но она не обратила на это внимания, встала рядом с ним и тоже меня оглядела. Они обменялись долгим понимающим взглядом.

— Я говорила тебе, Тиндарей.

— Да, Леда, ей нужен муж.

Моя мать залилась высоким, звонким смехом, который, по слухам,

очаровал всемогущего Зевса. Ей было примерно столько же лет, сколько мне, когда ее нашли нагой в обнимку с огромным лебедем, стонущую и кричащую от наслаждения. Она быстро соображала: «Зевс, Зевс, этот лебедь — Зевс, он взял меня силой!» Но я, ее дочь, прекрасно все понимала. Каково это — чувствовать прикосновение восхитительных белых перьев? Три дня спустя отец выдал ее за Тиндарея,^[9] и она дважды родила ему близнецов: сначала Кастора и Клитемнестру, а потом, через несколько лет, меня с Полидевком. Но сейчас все думают, будто это Кастор и Полидевк — близнецы. Или что мы родились четверней. Если так, то кто из нас был от Зевса и кто — от Тиндарея? Загадка.

— Женщины в моем роду созревают рано и много страдают.

Леда, моя мать, все еще смеялась.

Но отец не смеялся. Его ответом было краткое и довольно мрачное «да».

— Найти ей мужа не составит труда. Тебе придется отгонять их дубиной, Тиндарей.

— Ну, она знатного рода, с богатым приданым.

— Чушь! Она так красива, что не важно, есть у нее приданое или нет. Верховный царь Аттики сделал нам одолжение — он разнес славу о ее красоте от Фессалии до Крита. Не каждый день муж, настолько умудренный годами и пресыщенный, как Тесей, теряет голову настолько, чтобы похитить двенадцатилетнего ребенка.

Губы отца напряглись.

— Я предпочел бы об этом не говорить, — жестко сказал он.

— Как жаль, что она красивее Клитемнестры.

— Клитемнестра подходит Агамемнону.

— Как жаль, что у Микен нет еще одного верховного царя.

— В Элладе еще три верховных царя.

В нем заговорила практическая сметка.

Я тихонько отошла в тень, не желая, чтобы меня заметили и заставили выйти. Разговор шел обо мне, и это было очень интересно. Мне нравилось, когда меня называли красавицей. Особенно когда говорили, что я красивее Клитемнестры, моей старшей сестры, которая вышла замуж за Агамемнона, верховного царя Микен и всей Эллады. Пусть она никогда мне не нравилась, но в мои детские годы она внушала мне благоговейный трепет, когда проносилась по залам дворца в очередном приступе гнева — огненно-рыжие волосы вставали дыбом от ярости, черные глаза метали молнии. Я ухмыльнулась. Она точно извела мужа своими припадками, будь он хоть трижды верховный царь! Хотя Агамемнон явно был способен

держат ее в узде. Такой же властный, как Клитемнестра.

Мои родители обсуждали мой брак.

— Я, пожалуй, разошлю гонцов ко всем царям.

— Да, и чем скорее, тем лучше. Хотя новые боги и хмурят брови на полигамию, многие из царей не взяли себе цариц. Идоменей, к примеру. Ты только представь! Одна дочь — на троне Микен, а вторая — на критском. Какой триумф!

Отец заколебался:

— Крит уже не обладает такой властью, как прежде. Эти два трона нельзя сравнивать.

— Филоктет?

— Да, он достойный муж, ему пророчат великие подвиги. Однако он царь Фессалии, а значит — вассал Пелея и Агамемнона. Я больше склоняюсь к Диомеду, он только что вернулся из похода на Фивы и купается в богатстве не меньше, чем в славе. И Аргос лежит по соседству. Если бы Пелей был моложе, то я не искал бы никого другого, но, говорят, он отказывается жениться вторично.

— Что проку рассуждать о тех, кто недоступен, — тут же вставила мать. — Всегда останется Менелай.

— Разве можно забыть о нем!

— Разошли приглашения всем, Тиндарей. Кроме царей есть еще их наследники. Одиссей фактически царствует на Итаке, ведь Лаэрт уже дряхлый старик. И Менесфей намного прочней сидит на афинском троне, чем Тесей до него, — хвала богам, нам не придется иметь дело с Тесеем!

Я подскочила на месте.

— Что это значит?

У меня по коже побежали мурашки. Глубоко в сердце я надеялась, что Тесей придет за мной и потребует себе в невесты. Я не слышала его имени с тех пор, как вернулась из Афин.

Мать взяла мои руки в свои и крепко их сжала.

— Что ж, Елена, лучше, если ты узнаешь об этом от нас. Тесей мертв — изгнан и убит на Скиросе.

Я рванулась прочь к себе в комнату, мечты мои пошли прахом. Мертв? Тесей мертв? Часть меня навеки остыла с его смертью.

Две луны спустя приехал мой зять Агамемнон со своим родным братом Менелаем. Когда они вошли в тронный зал, я была там — непривычно до головокружения: все разговоры вдруг завертелись вокруг меня. Гонцы, посланные от дворцовых ворот, предупредили нас заранее, и

верховный царь Микен и всей Эллады вошел в зал под звуки горнов, шагая по золотой дорожке, расстеленной ему под ноги.

Я никогда не могла понять, нравился он мне или нет, но понимала, почему во многих он вызывал благоговение. Очень высокого роста, с выправкой и статью профессионального воина, он шел так, будто ему принадлежала вся ойкумена. Смоляные волосы с проблесками седины, цепкий, с затаенной угрозой взгляд, крючковатый нос, на тонких губах застыла гримаса презрения.

Мужи с такой смуглой кожей были редкостью для Эллады, земли рослых и белокурых, но вместо того, чтобы стыдиться своей смуглости, Агамемнон гордо выставлял ее напоказ. Вопреки моде на чисто выбритый подбородок он щеголял длинной черной кудрявой бородой, скрученной в аккуратные жгуты, закрепленные золотой тесьмой; волосы на голове были убраны на тот же манер. Одет он был в длинный хитон из пурпурной шерсти, расшитый прихотливым золотым узором, в правой руке нес царский скипетр из литого золота, поигрывая им на весу, словно тот был сделан из мягкого туфа.

Мой отец спустился с трона и встал на колени, чтобы поцеловать ему руку, — почтение, которое все цари земель Эллады были обязаны оказывать верховному царю Микен. Мать шагнула вперед, чтобы присоединиться к ним. На мгновение обо мне все забыли, и это дало мне время присмотреться к Менелаю, моему возможному жениху. О! Мое страстное предвкушение сменилось возмущенным разочарованием. Я практически сжилась с мыслью, что стану женой второго Агамемнона, но этот человек был на него ничуть не похож. Он действительно был родным братом верховного царя Микен, сыном Атрея, вышедшим из той же утробы? Это казалось невозможным. Низкого роста. Коренастый. Ноги такие короткие и кривые, что в его узких штанах они смотрелись просто смешно. Круглые сутулые плечи. Мужчина с мягким нравом, не любящий спорить. Заурядные черты лица. Волосы такие же огненно-рыжие, как у моей сестры. Возможно, он показался бы мне более привлекательным, если бы волосы у него были другого цвета.

Отец кивнул мне. Нетвердо ступая, я подошла к нему и подала ему руку. Царственный гость посмотрел на меня, и в его взгляде вспыхнуло восхищение. Первый раз в жизни я столкнулась с удивительным фактом, который в будущем станет для меня обычным делом: я была ни больше ни меньше чем призовым животным, которое должно было достаться тому, чья ставка окажется выше.

— Она — совершенство, — обратился Агамемнон к отцу. — Как тебе

удается производить на свет таких красивых детей, Тиндарей?

Отец засмеялся, держа мать за талию.

— От меня в них только половина, мой господин.

Потом они отвернулись и оставили меня беседовать с Менелаем, но я успела услышать вопрос верховного царя:

— Что правда и что нет в той истории с Тесеем?

Мать тут же вмешалась:

— Он похитил ее, мой господин. К счастью, для афинян это оказалось последней каплей. Они изгнали его прежде, чем он успел лишить ее девственности. Кастор с Полидевком вернули ее домой нетронутой.

Ложь! Ложь!

Менелай смотрел на меня в упор; я самодовольно вскинула голову.

— Ты первый раз в Амиклах?

Он что-то промямлил, трясая головой.

— Ты что-то сказал?

— Н-н-н-н-нет, — смогла я разобрать.

Он еще и заикался!

Съехались женихи. Менелай был единственным, кому было дозволено остановиться во дворце благодаря родственной связи с нашей семьей и влиянию брата. Остальные разместились в домах придворных вельмож и на постоянных дворах. Их было не меньше ста. Я сделала приятное открытие: никто из них не был так же скупен и отвратителен, как рыжеволосый заика Менелай.

Филоктет с Идомением приехали вместе: высокий, словно отлитый из золота Филоктет, пышущий здоровьем, и надменный Идомений, шагающий горделивой поступью, с осознанным высокомерием мужа, рожденного в доме Миноса, кому уготовано стать царем Крита после Катрея.

Когда широким шагом вошел Диомед, я увидела лучшего из них. Истинный царь и воин. У него был вид человека, познавшего всю ойкумену, как и у Тесея, разве что он был настолько же смугл, насколько Тесей был белокур, он был смуглым, как Агамемнон. Красавец! Высокий и гибкий, словно черная пантера. Его глаза сверкали безудержным весельем, губы, казалось, не устают смеяться. И в первое же мгновение я поняла, что на него пал бы мой выбор. Он говорил со мной, раздевая взглядом; острое желание пронзило меня, и моя плоть жадно заныла. Да, я бы выбрала царя Диомеда из Аргоса, который находится по соседству.

Как только прибыл последний гость, отец устроил пышный пир. Я сидела на тронном помосте, как царица, притворяясь, будто не замечаю

пылких взглядов, которые кидали на меня сотни пар глаз, исподтишка бросая свой собственный на Диомеда, который внезапно перевел внимание с меня на мужа, пробирающегося между скамьями, мужа, чей приход кто-то приветствовал возгласами ликования, а кто-то — хмурым взглядом исподлобья. Диомед вскочил и закружил незнакомца в объятиях. Они перекинулись парой слов, потом незнакомец похлопал Диомеда по плечу и направился дальше — к тронному помосту, поприветствовать отца с Агамемноном, которые поднялись ему навстречу. Агамемнон встал? Верховный царь Микен никого не приветствовал стоя!

Он отличался от остальных, этот незнакомец. Он был высоким, и был бы еще выше, если бы его ноги были пропорциональны туловищу. Но это было не так. Они были чересчур короткими и кривоватыми; его мускулистый торс казался слишком большим для таких коротких опор. Лицо же его отличалось замечательной красотой, с тонкими чертами и парой огромных сияющих серых глаз, ярких и выразительных. Волосы у него были рыжие, самого яростного оттенка, который я когда-либо видела; Клитемнестра с Менелаем рядом с ним казались блеклыми тенями.

Когда взгляд его упал на меня, я почувствовала его силу. Мурашки пробежали у меня по коже. Кто же он?

Отец нетерпеливо махнул рабу, который поставил между ним и Агамемноном еще одно подобающее царю кресло. Кто же это, почему ему воздают такие почести, которые, судя по всему, совсем не произвели на него впечатления?

— Это Елена, — представил меня отец.

— Неудивительно, что здесь собралась вся Эллада, Тиндарей, — бодро ответил гость, взяв с блюда куриную ножку и впившись в нее белыми зубами. — Правы были слухи: она самая красивая женщина в ойкумене. Жди неприятностей от этой своры горячих голов, ведь ты осчастливишь одного и слишком многих разочаруешь.

Агамемнон удрученно посмотрел на отца; они оба расхохотались.

— Не успел приехать, Одиссей, а уже зришь в корень, как всегда, — произнес верховный царь.

Мое изумление прошло, и я почувствовала себя дурой. Конечно, это же Одиссей. Кто еще осмелился бы говорить с Агамемноном как с равным? Кому еще могли поставить царское кресло на тронном помосте?

Я много о нем слышала. Его имя возникало всегда, когда бы ни шла речь о законах, судилищах, новых податях или войне. Отец однажды предпринял долгое путешествие на Итаку только ради его совета. Он считался самым умным человеком во всей ойкумене, умнее даже Нестора и

Паламеда. И он был не просто умен, он был мудр. Поэтому ничего удивительного, что в моем воображении Одиссей был почтенным старцем с седой бородой, сгорбленным от долгой жизни, таким же дряхлым, как царь Пилоса Нестор. Когда Агамемнону требовалось принять важное решение, он посылал за Паламедом, Нестором и Одиссеем, но обычно решение принимал Одиссей.

О Лисе с Итаки — так его прозвали — ходило много слухов. Его царство состояло из четырех скалистых бесплодных островков у западного побережья, владений бедных и жалких по сравнению с другими царствами. Дворец его был скромных размеров, и он сам пахал землю, ибо его подданные не могли собрать достаточно налогов, чтобы обеспечить ему праздность. Но при всем при этом его имя принесло Итаке, Левкаде, Закинфу и Кефаллени славу.

В то время когда он приехал в Амиклы и я впервые с ним встретилась, ему было не больше двадцати пяти лет — а может, и того меньше, если правда, что мудрость обладает силой старить лица людей.

Они продолжили разговор, возможно позабыв, что я сидела по левую руку от отца и могла подслушивать с совершенно невинным видом. И поскольку с другой стороны от меня сидел Менелай, ничто меня не отвлекало от этого занятия.

— Ты собираешься просить руки Елены, дорогой друг?

Одиссей выглядел так, словно замыслил шалость.

— Ты видишь меня насквозь, Тиндарей.

— Конечно вижу, но на что она тебе? Я никогда не думал, что ты падох на красоту, хотя за ней дают и приданое.

Он состроил гримасу:

— Любопытство! Ты забываешь о моем любопытстве! Неужели ты думал, будто я пропущу такое зрелище!

Агамемнон усмехнулся, а отец рассмеялся в голос.

— Зрелище! Что мне делать, Одиссей? Посмотри на них! Сто и один царь и царевич, и все как один пялятся друг на друга, гадая, кому выпадет удача, — и готовятся оспорить мой выбор, не важно, насколько он логичный и выгодный.

Агамемнон вступил в разговор:

— Это превратилось в состязание. Кто в большей милости у верховного царя Микен и его тестя Тиндарея Лакедемонского? Они знают, что Тиндарей прислушивается к моим советам! Из этого не выйдет ничего, кроме долгой вражды.

— Точно. Взгляните на Филоктета, как гордо он выгибает спину и фыркает. Не говоря уже о Диомеде с Идомеем. А еще есть Менесфей. И Еврипил. И другие.

— Что же нам делать? — спросил верховный царь.

— Ты просишь моего совета, мой господин?

— Прошу.

Я замерла, начиная понимать, насколько мало я значила. Вдруг мне захотелось плакать. Мой выбор? Нет! Это будет их выбор, Агамемнона и моего отца. Но сейчас моя судьба была в руках Одиссея. Интересовала ли я его? И тут он подмигнул мне. У меня упало сердце. Нет, ему не было до меня дела. В его красивых серых глазах не блеснуло ни искорки желания. Он приехал не для того, чтобы искать моей руки; он приехал, ибо знал, что будет нужен его совет. Он приехал только ради того, чтобы упрочить собственное положение.

— Я, как всегда, рад помочь, чем могу, — без запинки проговорил он, пристально глядя на моего отца. — Однако, Тиндарей, перед тем как мы устроим Елене надежный и выгодный брак, я хотел бы попросить о маленьком одолжении.

Агамемнон выглядел обиженным, хотя представления не имел о том, что он имел в виду, а я про себя гадала, о чем был этот хитроумный торг.

— Ты хочешь получить Елену? — прямо спросил отец.

Одиссей откинул голову и рассмеялся так вызывающе громко, что весь зал на мгновение замер.

— Нет! Нет! Я не посмел бы просить ее руки — с моим-то ничтожным состоянием и жалким царством! Бедная Елена! У меня дух замирает при мысли о том, чтобы запереть такую красавицу на морской скале! Нет, я не хочу в невесты Елену. Я хочу другую.

— А! — Агамемнон расслабился. — Кого?

Одиссей предпочел адресовать ответ моему отцу.

— Дочь твоего брата Икария, Тиндарей, — Пенелопу.

— Не думаю, что он будет возражать, — удивился отец.

— Икарий недолюбливает меня, кроме того, к Пенелопе сватаются мужи побогаче.

— Я постараюсь помочь, — сказал отец.

— Считай, дело сделано, — подтвердил Агамемнон.

Какое потрясение! Если им и было понятно, что Одиссей нашел в Пенелопе, то мне уж точно нет. Я хорошо ее знала, она была моей двоюродной сестрой. Вовсе не уродина и вдобавок богатая наследница, но такая скучная. Однажды она поймала меня, когда я позволила одному из

придворных целовать свои груди — я ни за что не разрешила бы ему большего! — и прочитала мне нравоучение о том, как неразумно и унижительно потакать желаниям плоти. «Я нашла бы себе лучшее занятие, — изрекла она размеренным и бесстрастным голосом, сиюсь занять мое внимание настоящими женскими занятиями. — Например, ткачество». Я уставилась на нее как на сумасшедшую. Ткачество!

Одиссей заговорил снова; я оставила мысли о Пенелопе и прислушалась.

— Я догадываюсь, кому ты решил отдать свою дочь, Тиндарей, и понимаю почему. Но не важно, кого ты выберешь. Важно защитить твои с Агамемноном интересы, обезопасить свои отношения с сотней отвергнутых женихов после того, как ты объявишь о своем выборе. Я могу это устроить. Если ты сделаешь все точно как я скажу.

Агамемнон тут же ответил:

— Мы сделаем.

— Тогда для начала нужно вернуть все дары, поднесенные женихами, сопроводив возврат любезной благодарностью за достойные намерения. Никто не должен считать тебя жадным, Тиндарей.

Отец выглядел раздосадованным.

— Это правда необходимо?

— Не просто необходимо — крайне важно!

— Дары будут возвращены, — сказал Агамемнон.

— Хорошо. — Одиссей наклонился вперед в своем кресле, оба царя последовали его примеру. — Ты объявишь о своем выборе ночью, в тронном зале. Я хочу, чтобы там был полумрак, как в святилище, поэтому ночью будет в самый раз. Созови всех жрецов. Пусть обильно воскурят благовония. Моя цель — подавить дух женихов, а этого можно добиться только с помощью ритуала. Ты не можешь позволить, чтобы имя твоего избранника приветствовали гневные возгласы готовых ринуться в драку воинов.

— Как скажешь, — вздохнул отец. Он терпеть не мог вдаваться в подробности.

— Это, Тиндарей, только начало. Когда ты начнешь свою речь, ты напомним женихам, как дорога тебе твоя драгоценная дочь и как горячо ты молился богам, прося их совета. Твой выбор, скажешь ты, был одобрен Олимпом. Предзнаменования благоприятны и предсказания оракулов несомненны. Но всемогущий Зевс потребовал соблюсти условие. А именно: до того как все узнают имя счастливого победителя, каждый жених должен обещать поддержать твоего избранника. И это еще не все. Каждый

жених должен будет поклясться, что обеспечит мужу Елены помощь и взаимодействие. Каждый муж должен дать клятву, что благоденствие супруга Елены дорого ему также, как дороги боги. И если будет нужно, каждый муж вступит в войну, чтобы защитить права и привилегии ее супруга.

Агамемнон сидел, молча уставившись в пространство, и жевал губами, — было ясно, что внутри у него бушует пламя. Отец был просто ошеломлен. Одиссей откинулся назад, лениво смакуя куриную ножку, явно довольный собой. Внезапно Агамемнон повернулся к нему и схватил за плечи такой железной хваткой, что побелели костяшки пальцев, лицо у него было просто свирепым. Одиссей посмотрел на него безмятежным взглядом, без капли страха.

— Великая мать Кибела! Одиссей, ты — гений! — Верховный царь повернулся и взглянул на отца. — Тиндарей, ты понимаешь, что это значит? Тому, кто женится на Елене, гарантированы постоянные, нерушимые союзнические отношения почти с каждым народом Эллады! Его будущее будет обеспечено, его положение упрочится в тысячу раз!

Отец, несмотря на явное облегчение, поморщился:

— Какую клятву я могу заставить их принести? Какая клятва настолько страшна, чтобы заставить их выполнить то, что им ненавистно?

— Есть только одна такая, — медленно проговорил Агамемнон. — Клятва на четвертованной лошади. Именем Зевса Громовержца, Посейдона, колебателя земли, и дочерей Коры, водами Стикса и тенями умерших.

Слова его упали, как капли крови с головы горгоны Медузы; отец содрогнулся и уронил голову на руки, спрятав лицо в ладонях.

Одиссей, судя по всему ничуть не растроганный, резко сменил тему разговора.

— Что будет с Геллеспонтом? — беззаботным тоном спросил он у Агамемнона.

Верховный царь поморщился:

— Не знаю. Троянский царь Приам совсем выжил из ума! Неужели он не видит выгоду, которую получил бы, пустив купцов из Эллады в Понт Эвксинский?

— Думаю, — сказал Одиссей, принимаясь за медовый пирог, — Приаму очень выгодно не пускать туда купцов. Он все равно жиреет на пошлинах за проход через Геллеспонт. И у него есть договоренности с царями Малой Азии, и, вне всякого сомнения, он получает часть той непомерной цены, которую вынуждены платить ахейцы за олово и медь,

покупая их в Малой Азии. Выдворение ахейских купцов из Понта Эвксинского означает больше денег для Трои, а не меньше.

— Теламон оказал нам дурную услугу, когда похитил Гесиону, — гневно заявил отец.

Агамемнон покачал головой.

— Теламон имел на это право. Геракл всего лишь просил заплатить то, что ему причиталось за великую службу. А этот жалкий старый скупец Лаомедонт отказал ему — безмозглый идиот мог бы знать, что из этого выйдет.

— Геракл мертв уже двадцать лет, если не больше, — сказал Одиссей, разбавляя вино водой. — Тесей тоже умер. Остался лишь Теламон. Он никогда бы не согласился расстаться с Гесиондой, даже если бы та сама этого пожелала. Похищение и изнасилование — старые сказки, — мягко продолжал он, очевидно не слышав ни слова про Елену и Тесея, — и они имеют очень мало отношения к стратегии. Эллада на подъеме. Малая Азия это знает. Так есть ли лучшая стратегия для Трои и остальных, чем отказывать Элладе в том, в чем она нуждается больше всего, — в олове и меди, чтобы плавить бронзу?

— Верно, — согласился Агамемнон. Он потянул себя за бороду. — Так чем же закончится торговый запрет Трои?

— Войной, — спокойно ответил Одиссей. — Рано или поздно войне быть. Когда нас прижмут окончательно, когда наши купцы завопят о справедливости у каждого трона между Кноссом и Иолком, когда мы больше не сможем наскрести достаточно олова для того, чтобы плавить из меди бронзу на мечи, щиты и головки стрел, — тогда быть войне.

Их разговор стал еще скучнее; он меня больше не занимал. Кроме того, меня тошнило от Менелая. Я выскользнула из-за стола и тихонько шмыгнула в дверь за креслом отца. И побежала по коридору, идущему параллельно трапезной, отчаянно желая, чтобы на мне было что-нибудь более тихое, чем звенящая юбка. Лестница на женскую половину находилась в дальнем конце, где коридор расходился и вел к другим комнатам. Я достигла ее и побежала вверх, никто меня не звал. Теперь мне нужно было только проскочить мимо покоев матери. Склонив голову, я потянула за штору.

Меня остановили руки, сомкнувшиеся в замок у меня на талии, и мой крик о помощи был тут же заглушен. Диомед! С бьющимся сердцем я уставилась на него. До этого момента у меня не было возможности ни оказать с ним наедине, ни поговорить.

Свет лампы отражался от его кожи, придавая ей сходство с полированным янтарем, на шее билась жилка. Я позволила себе взглянуть на него в упор и почувствовала, что он убрал руку с моего рта. Как же он был красив! Как же я любила красоту! И больше всего — в мужчине.

— Приходи в сад, — прошептал он.

Я отчаянно замотала головой:

— Ты сошел с ума! Отпусти меня, и я никому не скажу, что встретила тебя у покоев своей матери! Отпусти меня!

Сверкнув белыми зубами, он тихо рассмеялся:

— Я не сдвинусь с места, пока ты не пообещаешь прийти в сад. Они пробудут в трапезной еще долго — и никто не будет искать ни тебя, ни меня. Девочка, я хочу тебя! Мне плевать, что они решат и когда, я хочу тебя, и я тебя получу.

Моя голова все еще кружилась от жары в трапезной; я приложила к ней руку. И потом, словно независимо от меня, по своей собственной воле, моя голова согласно кивнула. Диомед тут же отпустил меня. Я помчалась в свои покои.

Неста ждала меня, чтобы раздеть.

— Ступай спать, старуха! Я разденусь сама.

Привыкнув к моим капризам, она с радостью повиновалась, предоставив мне самой дрожащими пальцами развязывать шнуровку, срывать корсаж и тунику, выпутываться из юбки. Я сбросила бубенчики, браслеты и кольца, отыскала свою льняную хламиду и завернулась в нее. Потом выбежала в коридор, спустилась вниз по темной лестнице навстречу ночному воздуху. Он сказал «в сад»; улыбаясь, я направилась к грядкам с капустой и кореньями. Кому придет в голову искать нас среди овощей?

Совершенно нагой, Диомед ждал меня под лавровым деревом. Хламида упала у меня с плеч, — я была еще далеко, и он мог рассмотреть меня всю, освещенную лунным светом. Он тут же оказался рядом, расстелил для нашего ложа мою одежду и прижал меня собой к матери Земле, которая дает силу женам и отнимает ее у мужей. Так устроили боги.

— Только пальцами и языком, Диомед, — прошептала я. — Я взойду на брачное ложе с нетронутой плевой.

Он спрятал свой смех меж моих грудей.

— Это Тесей научил тебя, как остаться девственницей?

— Для этого не нужен учитель. — Я вздохнула, глядя его руки и плечи. — Мне мало лет, но я знаю, что заплачу головой, если подарю свою девственность кому-нибудь, кроме супруга.

Я думаю, когда он ушел, он был удовлетворен, пусть и не совсем так,

как ожидал. Поскольку любовь его была неподдельной, он согласился на мои условия, так же как в свое время сделал Тесей. Не то чтобы меня очень заботили чувства Диомеда, главное, я была удовлетворена.

И это было заметно на следующую ночь, когда я сидела подле отцовского трона, если бы только чьи-то глаза дали себе труд это заметить. Диомед сидел вместе с Филоктетом и Одиссеем в толпе, слишком далеко, чтобы я могла прочитать что-нибудь на его лице, особенно в таком тусклом свете. Зал, расписанный яркими фресками танцующих воинов и багрово-красными колоннами, утонул во мгле и наполнился мерцающими тенями. Вошли жрецы, вверх поплыли плотные, душные клубы благовоний, и по мановению ока в зале воцарилась торжественная, тягостная тишина гробницы.

Я слышала, как отец говорит слова, заготовленные Одиссеем; казалось, подавленность собравшихся можно было потрогать рукой. Потом привели жертвенного коня — прекрасного белого жеребца с розовыми глазами, без единого черного волоска, его копыта скользили по плиткам пола, голова покачивалась из стороны в сторону в золотой узде. Агамемнон взмахнул огромной двуглавой секирой. Медленно-медленно конь упал наземь, грива и хвостплыли по воздуху, словно клочья водорослей в водном потоке, фонтаном хлынула кровь.

Пока отец говорил собравшимся, какой клятвы он от них требует, я с отвращением и ужасом смотрела, как жрецы разрубают прекрасное животное на четыре части. Мне никогда не забыть это зрелище: женихи, стараясь сохранить равновесие, один за другим встают обеими ногами на четыре куска мягкой плоти, принося ужасную клятву верности и преданности моему будущему супругу. Голоса были глухими и апатичными, ибо сила и мужество уступили место покорному благоговению. Бледные, покрытые испариной лица всплывали и меркли, подобно луне, в неверном свете факела, откуда-то дул ветер, завывая, как заплутавшая в Аиде тень.

Наконец все закончилось. Дымящийся лошадиный труп лежал, оставленный без внимания, женихи, занявшие свои места, смотрели на царя Лакедемона Тиндарея, словно в дурмане.

— Я отдаю дочь Менелаю, — произнес отец.

Раздался громкий вздох, и ничего больше. Ни один не выкрикнул ни слова протеста. Никто не вскочил на ноги в гневе, даже Диомед. Мои глаза нашли его взгляд, пока слуги зажигали светильники; мы попрощались друг с другом поверх сотни голов, зная, что проиграли. Думаю, слезы катились у меня по щекам, когда я смотрела на него, но никто их не заметил. Я

вложила свою безвольную руку во влажную ладонь Менелая.

Глава пятая, рассказанная Парисом

Я вернулся в Трою пешком, в одиночестве, с луком и колчаном стрел за плечами. Семь лун провел я среди лесов и полян Иды, но не мог похвастаться ни одним трофеем. При всей любви к охоте я никогда не мог спокойно смотреть, как спотыкается пронзенное стрелой животное, — мне было куда приятнее видеть его таким же здоровым и свободным, каким был я сам. Мои лучшие охотничьи трофеи были добычей куда желаннее оленя или вепря. Для меня не было большего развлечения, чем преследовать тех обитательниц лесов Иды, которые имели человеческий облик, — селянок и пастушек. Когда девушка падала на землю побежденная, ее не ранила никакая стрела, кроме стрел Эрота; не было ни потоков крови, ни предсмертных стонов, только вздох сладострастного удовольствия, когда она оказывалась у меня в руках, задыхающаяся от восторга погони, готовая задохнуться от другого восторга.

Обычно я проводил на Иде всю весну и лето, жизнь при дворе сводила меня с ума своей скукой. Как же я ненавидел эти кедровые балки, натертые маслом и отполированные до темно-коричневого блеска, эти расписанные красками каменные залы и колонны башен! Запертый внутри этих гигантских стен, я задыхался, словно узник. Все, чего мне хотелось, — это бегать по просторам лугов и лесов, падать в изнеможении на подушку из сладко пахнущей опавшей листвы. Но каждую осень я должен был возвращаться в Трою и проводить зиму с отцом. Это был мой долг, хотя и не имевший большого значения. В конце концов, я был всего лишь четвертым сыном. Никто не принимал меня всерьез, и меня это устраивало.

Я вошел в тронный зал под конец собрания в ветреный хмурый день, не сменив горных одежд и не обращая внимания на снисходительные улыбки одних и неодобрительно поджатые губы других. Сумерки уже сменяла ночная мгла, совет затянулся.

Мой отец, царь, сидел на украшенном золотом и слоновой костью троне, поставленном на высокий постамент из пурпурного мрамора в дальнем конце зала, его длинные белые волосы были искусно завиты, огромная белая борода перевита золотыми и серебряными нитями. Безмерно гордый своими годами, он больше всего любил сидеть, словно древний бог, на пьедестале, взирая с его высоты на все, чем владел.

Если бы зал не производил такого сильного впечатления, представление, устроенное отцом, не казалось бы таким грандиозным. Но он был, по слухам, больше и величественнее, чем старинный тронный зал в Кносском дворце на Крите, и достаточно просторным, чтобы вместить триста человек и не казаться переполненным. Между кедровыми балками высокого потолка синее небесное лазурь, расцвеченная золотыми созвездиями. Потолок подпирают массивные колонны, суживающиеся к основанию, темно-синие или пурпурные, с простыми круглыми капителями и плинтами, покрытыми позолотой. Стены до высоты человеческого роста выложены пурпурным мрамором без рельефов; выше они расписаны фресками — сценами охоты на львов, леопардов, медведей, волков, — черно-белыми, желтыми, малиновыми, коричневыми и розовыми на бледно-голубом фоне. Позади трона стоял резной экран из египетского черного дерева, инкрустированный золотыми узорами, ведущие к помосту ступени тоже были отделаны золотом.

Я снял лук с колчаном, отдал их рабу и, лавируя между кучками придворных, пробрался к трону. Увидев меня, царь наклонился вперед, чтобы легко прикоснуться к моей склоненной голове изумрудным набалдашником скипетра из слоновой кости — знак того, что я могу встать и подняться к нему. Я поцеловал его в увядшую щеку.

— Я рад, что ты вернулся, сын.

— Я бы тоже хотел сказать, что рад вернуться, отец.

Подтолкнув меня вниз, чтобы я сел у его ног, он вздохнул:

— Я всегда надеялся, что на этот раз ты останешься, Парис. Что мне сделать для тебя, чтобы ты остался?

Я протянул руку, чтобы погладить его бороду: ему это нравилось.

— Мне не нужна царская работа, мой господин.

— Но ты царевич! — Он снова вздохнул и слегка качнулся вперед. — Впрочем, ты еще очень молод, я знаю. У тебя впереди много времени.

— Нет, мой господин, времени нет. Ты думаешь, будто я все еще мальчик, но я взрослый мужчина. Мне тридцать три.

Мне показалось, он меня не слушал, ибо поднял голову и отвернулся, замахав посохом кому-то в толпе. Гектору.

— Парис утверждает, что ему уже тридцать три года, сын мой! — заявил он, когда Гектор остановился у подножия трех ступеней.

Он был достаточно высок, чтобы даже оттуда смотреть отцу прямо в лицо: их головы были на одном уровне.

Темные глаза Гектора задумчиво меня оглядели.

— По-моему, столько тебе и должно быть, Парис. Я родился на десять

лет позже тебя, а мне уже полгода как исполнилось двадцать три. — Он ухмыльнулся. — Однако ты определенно не выглядишь на свой возраст.

Я рассмеялся в ответ:

— Спасибо на добром слове, братец! Уж ты-то точно выглядишь на мой возраст. Ведь ты — наследник. Быть наследником старит, это же заботы о государстве, об армии, о короне. Только безответственность дарует вечную молодость!

— Что подходит одному, не обязательно подходит другому, — спокойно ответил он. — Мое пристрастие к женщинам не так велико, так какое мне дело, что я буду выглядеть стариком раньше времени. Пока ты получаешь удовольствие от мимолетных встреч с женщинами, я получаю его, ведя войска на маневры. И пусть мое лицо покрывается ранними морщинами, мое тело останется молодым и стройным еще долго после того, как твое украсится жирным брюхом.

Я поморщился. Гектор умеет ударить по больному месту! Он угадывал роковую слабость в мгновение ока и мог броситься в атаку, как лев. И он никогда не боялся выпустить когти. Титул наследного царевича заставил его возмужать. Не было другого юноши, неоспоримые силы которого нашли бы себе более надежное и полезное применение. И он был достаточно могуч, чтобы справиться с ними. Я был далеко не слабак, но Гектор превосходил меня ростом и статью раза в два. Одевался он очень просто — с неким притягательным достоинством — в кожаную юбку и короткую эксомиду, его длинные черные волосы были заплетены в косички, стянутые сзади в аккуратный хвост. Все сыновья Приама и Гекабы славились красотой, но Гектору досталось больше — прирожденная властность.

Внезапно меня рывком подняли на ноги и оттащили от отцовского трона — старик Антенор сварливо изъявил желание побеседовать с царем до роспуска совета. Мы с Гектором, не прощаясь, поспешили прочь из тронного зала, и никто не позвал нас обратно.

— У меня есть для тебя сюрприз, — с затаенным удовольствием в голосе произнес мой младший брат, когда мы шли по бесконечным переходам, соединявшим пристройки и малые дворцы, составлявшие внутреннюю крепость.

Дворец наследника находился по соседству с дворцом отца, поэтому прогулка не затянулась. Когда он провел меня в свою огромную гостиную, я замер на пороге от изумления.

— Гектор! Где она?

То, что прежде было складом, заваленным копьями, щитами,

доспехами и мечами, сейчас превратилось в комнату. Там не осталось даже запаха лошадиного пота, хотя Гектор обожал лошадей. Не помню, видел ли я когда-нибудь эти стены достаточно открытыми для того, чтобы понять, как они расписаны, но сегодня вечером на них сияли нефритово-зеленые с голубым изогнутые деревья и пурпурные цветы, среди которых резвились черные и белые кони. Пол был таким чистым, что в его черно-белых мраморных плитах отражался свет. Треножки и прочая утварь были отполированы до блеска, над дверными проемами и на окнах висели на золотых кольцах красиво вышитые пурпурные занавеси.

— Где она? — снова спросил я.

Он покраснел и проворчал:

— Сейчас придет.

Она вошла, едва успело замереть эхо от его слов. Оглядев ее с головы до ног, я должен был признать, что у него хороший вкус, ибо она была на редкость красива. Такая же смуглая, как и он, высокая и крепкая. И такая же неловкая в общении: едва взглянув на меня, она сразу отвела глаза в сторону.

— Это моя жена, Андромаха.

Я поцеловал ее в щеку.

— Одобряю, братец, одобряю! Но она родом определенно не из наших краев.

— Она — дочь царя Киликии Этиона. Я был там весной по делам отца и привез ее с собой. Это не было запланировано, но, — он вздохнул, — так случилось.

Наконец она застенчиво спросила:

— Гектор, кто это?

Звук шлепка, которым Гектор в досаде ударил себя по бедру, заставил меня подпрыгнуть.

— О, когда же я научусь вежливости? Это Парис.

На мгновение в ее глазах сверкнуло что-то такое, что мне не понравилось. Возможно, когда эта девушка привыкнет здесь жить и освоится, она обретет силу, с которой придется считаться.

— Моя Андромаха очень храбрая, — гордо заявил Гектор, обняв ее рукой за талию. — Она поехала со мной в Трою, оставив дом и семью.

— Несомненно, — вежливо ответил я и откланялся.

Вскоре я привык к монотонному ритму жизни в стенах внутренней крепости. Пока дождь со снегом выстукивали дробь по ставням из панциря черепахи, или ливень катился водопадом по стенам, или снег покрывал

ковром внутренние дворы, я рыскал среди дворцовых женщин в поисках той, которая пробудила бы мой интерес, была бы хоть на одну десятую так же желанна, как последняя из пастушек Иды. Нудное занятие, не требующее усилий ни умственных, ни физических. Гектор был прав. Если я не найду иной способ поддерживать форму, кроме как тайком сновать взад и вперед по запретным коридорам, у меня вырастет брюхо.

Через четыре луны после моего возвращения в мои покои вошел Гелен и уютно устроился на выложенной подушками скамье у окна. День был чудесный, довольно теплый для разнообразия, и из моих окон открывался прекрасный вид на нижний город, порт у Сигейского мыса и остров Тенедос.

— Мне хотелось бы иметь на отца такое же влияние, как и ты, Парис.

— Ну, ты еще довольно молод, хоть и царевич. Влияние приходит с годами.

Он был еще безбородым юношей, очень красивым, черноволосым и черноглазым, как и все мы, дети Гекабы, называвшие себя царевичами. Один из близнецов, он возбуждал любопытство; о нем и его второй половине, Кассандре, говорили очень странные вещи. Им было по семнадцать лет от роду, и это делало его слишком юным для того, чтобы между нами могла развиться настоящая братская близость. Кроме того, они с Кассандрой были наделены даром ясновидения. В них было что-то, от чего другим, даже их братьям и сестрам, становилось не по себе. Оно проявлялось в Гелене меньше, чем в Кассандре, — и тем лучше было для Гелена. Кассандра была сумасшедшей.

Младенцами они были посвящены Аполлону, и если кто-то из них и противился такому решению собственной судьбы, то противился молча. По закону, установленному царем Дарданом, оракулы Трои должны были исходить из уст сына и дочери царя и царицы, предпочтительно близнецов. Поэтому у Гелена с Кассандрой не было выбора. В то время они еще пользовались относительной свободой, но после своего двадцатилетия они должны будут поступить в полное распоряжение трио, которое заправляло поклонением Аполлону в Трое: Калханту, Лаокоону и жене Антенора, Феано.

На Гелене был длинный струящийся хитон, какой обычно носили жрецы. Его мечтательного выражения лица и дивной красоты было достаточно, чтобы всецело поглотить мое внимание, пока он сидел у окна, обозревая городские окрестности. Он предпочитал меня всем остальным братьям, будь они сыновьями Гекабы, или другой отцовской жены, или кого-нибудь из наложниц, ибо меня не влекло к войне и убийству. Пусть его

суровая аскетическая натура и не могла примириться с моим распутством, беседовать со мной ему нравилось, ведь речи мои были мирными, а не воинственными.

— У меня для тебя послание, — сказал он, не оборачиваясь.

Я вздохнул:

— Что я опять натворил?

— Ничего, что заслужило бы порицания. Мне просто велели передать, тебя ждут на совете сегодня после ужина.

— Не могу. У меня уже есть планы.

— Тебе лучше их отменить. Приглашение от отца.

— Ну надо же! Почему я?

— Понятия не имею. Будет очень мало народу. Несколько царевичей, Антенор и Калхант.

— Странное сочетание. Интересно, в чем дело?

— Пойди и сам узнаешь.

— О, я обязательно пойду! Ты приглашен?

Гелен не ответил. Его лицо перекошилось, в глазах застыло выражение, присущее мистикам, — взгляд был словно обращен внутрь. Мне уже доводилось видеть этот провидческий транс, поэтому я сразу понял, что происходит, и наострил уши. Внезапно он вздрогнул и принял нормальный вид.

— Что ты видел?

— Я не мог рассмотреть, — медленно произнес он, стирая пот со лба. — Образ, я чувствовал образ... Начало великих перемен, которые приведут к неизбежному.

— Ты должен был что-то увидеть, Гелен!

— Языки пламени... Ахейцы в доспехах... Женщина неопишуемой красоты — не иначе как сама Афродита... Корабли — сотни кораблей... Ты, отец, Гектор...

— Я? Но при чем тут я?

— Поверь мне, Парис, все случится из-за тебя, — произнес он усталым голосом и резко встал. — Мне нужно найти Кассандру. Мы часто видим одно и то же, даже если мы не вместе.

Я тоже почувствовал едва уловимое присутствие чего-то мрачного и притягательного и покачал головой.

— Нет. Кассандра все разрушит.

Гелен был прав, когда говорил, что собравшихся будет мало. Придя последним, я занял место в конце скамьи, рядом со своими братьями,

Троилом и Илионом. Почему они? Троилу было восемь лет от роду, Илиону — семь. Они были последними детьми моей матери, и оба были названы в честь того, кто отнял трон у царя Дардана. Гектор тоже был там. И наш самый старший брат Деифоб. По праву титул наследника должен был достаться ему, но все, кто его знал, и отец в том числе, понимали, что спустя год после восшествия на трон он все разрушит. Жадный, беспечный, вспыльчивый, себялюбивый, несдержанный — таков был Деифоб. Как же он нас ненавидел! Особенно Гектора, который узурпировал его законное место, — так он считал.

Участие дяди Антенора было закономерным. В качестве главного судьи он присутствовал на всех советах. Но зачем Калхант? Он всегда выводил меня из равновесия.

Дядя Антенор не сводил с меня глаз, и не потому, что я пришел последним. Два лета назад на Иде я стрелял из лука по мишени, приколотой к дереву, и вдруг, словно ниоткуда, поднялся ветер; он отнес мою стрелу далеко в сторону. Я нашел ее в спине младшего сына Антенора от его самой любимой наложницы — бедняга прятался в зарослях, наблюдая за нагой пастушкой, купавшейся в ручье. Он был мертв, а я — виновен в непреднамеренном убийстве. Не совсем преступление, но все же смерть, которую следовало искупить. Единственным способом сделать это было отправиться в дальние страны и найти там царя, который согласился бы провести ритуал очищения. Дядя Антенор не мог требовать мщения, но простить меня он тоже не мог. Это напомнило мне, что я до сих пор не отправился в дальние страны и не нашел великодушного царя. Лишь цари могли совершать ритуал очищения от непреднамеренного убийства.

Отец постучал по полу нижним концом скипетра из слоновой кости, круглый набалдашник которого искрился зелеными вспышками: он был украшен огромным, совершенным по форме изумрудом.

— Я созвал вас, чтобы обсудить то, что не давало мне покоя долгие годы, — произнес он твердым, сильным голосом. — Я говорю об этом сейчас, ибо вдруг осознал, что мой сын Парис родился в этот самый день тридцать три года назад. В день смерти и утраты. Лаомедонт, мой отец, был убит. Вместе с моими четырьмя братьями. Гесиона, моя сестра, была похищена и изнасилована. Лишь рождение Париса помешало тому дню стать самым мрачным днем в моей жизни.

— Отец, почему ты позвал именно нас? — мягко спросил Гектор.

В последнее время я стал замечать, что он взял на себя обязанность возвращать заплутавшие мысли нашего родителя к предмету разговора, когда тот от него отклонялся, а происходило это все чаще.

— О, разве я вам еще не сказал? Ты здесь потому, что ты наследник трона, Гектор. Деифоб — мой самый старший сын. Гелену предстоит стать хранителем оракулов Трои. Калхант заботится об оракулах до совершеннолетия Гелена. Троил с Илионом здесь потому, что Калхант сказал, что о них есть пророчества. Антенор был там в тот день. И Парис, потому что это был день его рождения.

— А зачем ты позвал нас? — гнул свое Гектор.

— Я намерен послать официальное посольство к Теламону на Саламин, как только моря станут безопасны для плавания, — заявил отец, как мне показалось, вполне логично, хотя Гектор нахмурился, словно ответ встревожил его. — Посол потребует от Теламона вернуть мою сестру в Трою.

Молчание. Антенор встал между моей скамьей и соседней и повернулся к сидящему на троне отцу. Бедняга, его согнуло почти вдвое от тяжелой болезни суставов, которой он страдал с незапамятных времен; все считали, будто именно ее разрушительное действие стало причиной его общеизвестной вспыльчивости.

— Мой господин, это глупая затея, — решительно возразил он. — Зачем тратить на нее троянское золото? Ты знаешь не хуже меня: за все тридцать три года изгнания Гесиона ни разу не выказала сожаления о своей судьбе. Ее сын, Тевкр, хотя и незаконнорожденный, занимает очень высокое положение при саламинском дворе, он приходится другом и наставником наследнику саламинского трона Аяксу. В ответ ты получишь «нет», Приам, так к чему все эти хлопоты?

Царь в ярости вскочил на ноги:

— Ты обвиняешь меня в глупости, Антенор? Я впервые слышу, что Гесиона довольна своей участью! Это Теламон запрещает ей просить нас о помощи!

Антенор потряс шишковатым кулаком:

— Сейчас говорю я, мой господин! И настаиваю, чтобы меня выслушали! Почему ты упорно считаешь, будто тогда нам нанесли оскорбление? Это Геракла обидели, и ты это знаешь. А еще я напомню тебе, что, если бы Геракл не убил того льва, Гесиона была бы мертва.

Отец дрожал всем телом. Между ним и Антенором было мало любви, несмотря на то что сестра одного была супругой другого. Антенор оставался сильным духом дарданцем, врагом в собственном доме.

— Если бы мы с тобой были моложе, — отчеканил Приам, — наши постоянные стычки имели бы смысл. Мы положили бы им конец с мечами в руках. Но ты — калека, а я — слишком стар. Повторяю: я отправлю

посольство на Саламин, как только смогу. Ясно?

Антенор фыркнул:

— Ты — царь, мой господин, и решение за тобой. Что же до битвы, можешь сколько угодно называть себя стариком, но как смеешь ты думать, будто мое уродство помешает мне изрубить тебя на куски? Ничто не доставило бы мне большего удовольствия!

Под эхо собственных слов он вышел прочь; отец вернулся на свое место, пожевывая бороду.

Я встал, сам удивляясь своему порыву и еще больше удивляясь тому, что сорвалось с моего языка:

— Мой господин, я вызываюсь возглавить твоё посольство. Мне все равно нужно отправиться в дальние страны, чтобы очиститься после смерти сына дяди Антенора.

Гектор рассмеялся и захлопал в ладоши:

— Парис, я поздравляю тебя!

Но Деифоб нахмурился:

— Почему не я, мой господин? Это должен быть я! По старшинству.

Гелен в споре встал на сторону Деифоба; зная, какое отвращение питает Гелен к старшему брату, я едва мог поверить своим ушам.

— Отец, пошли Деифоба, пожалуйста! Если поедет Парис, я точно знаю: Трою ждут кровавые слезы!

Кровавые слезы или нет, царь Приам принял решение. Он поручил посольство мне.

После того как все разошлись, я задержался поговорить с ним.

— Парис, я очень рад.

Он погладил меня по волосам.

— Тогда я вознагражден, отец. — Я вдруг рассмеялся. — Если мне не удастся вернуть тетку Гесиону, может быть, я взамен прихвачу какую-нибудь ахейскую царевну.

Посмеиваясь, он раскачивался из стороны в сторону на своем троне; моя шутка ему понравилась.

— В Элладе много царевен, сын мой. Мы бы здорово наступили ахейцам на хвост, если бы расквитались с ними око за око.

Я поцеловал ему руку. Его непреходящая ненависть к Элладе и всему ахейскому была в Трое притчей во языцех; я его осчастливил. Разве важно, что шутка была пустая, раз она заставила его рассмеяться?

Судя по всему, мягкая зима должна была закончиться рано, и я отправился в Сигей, чтобы провести там несколько дней и обсудить состав

флота сопровождения с капитанами и купцами, которые отправятся со мной. Я хотел получить двадцать больших кораблей, укомплектованных командой, но с пустыми трюмами. Поскольку моя поездка оплачивалась из царской казны, я знал, что желающих будет хоть отбавляй. Так и не поняв, что за демон побудил меня предложить свои услуги, я с радостным нетерпением предвкушал грядущее приключение. Скоро мне предстояло увидеть далекие земли, которые не надеялся увидеть ни один троянец. Элладу.

После того как собравшиеся разошлись, я вышел из дома начальника гавани и побрел по берегу, дыша обжигающе холодным воздухом с резким привкусом моря и наблюдая за кипевшей на берегу работой: корабли, вытасканные зимой на гальку, теперь кишели людьми, в чьи обязанности входило осмотреть просмоленные борта и убедиться, что они пригодны для плавания. Невдалеке от берега маневрировало огромное алое судно. Изогнутый нос корабля венчала фигура — точно, Афродита, моя богиня-покровительница, ее глаза пытались смутить меня своим взглядом. Какому корабельному мастеру явилась она во сне, чтобы он мог так искусно воплотить ее в дерево?

Наконец капитан корабля нашел удобное место, чтобы подойти тяжелым бортом вплотную к галечному берегу; с палубы спустились веревочные лестницы. И тут я заметил, что на корабле развевался царский штандарт, выкрашенный в алый цвет и отороченный тяжелой золотой бахромой, — на его борту был чужеземный царь! Я медленно пошел вперед, укладывая на ходу хламиду в элегантные складки.

Царственная особа спустилась на берег со всей осторожностью. Ахеец. Это было очевидно по тому, как он был одет, по неосознанному превосходству, которое даже последний из ахейцев излучал при встрече с остальными жителями ойкумены. Но по мере того как царь подходил ближе, мое первоначальное благоговение рассеялось. Какой заурядный мужчина! Не слишком высокого роста, не отличающийся красотой, рыжий! Да, определенно это был ахеец. У половины из них были рыжие волосы. На нем была выкрашенная в пурпур кожаная юбка, тисненая золотом, с золотой бахромой по подолу, широкий золотой пояс, инкрустированный драгоценными камнями, пурпурный хитон с широким вырезом, обнажавшим сухощавый торс, вокруг шеи — великолепное ожерелье-ошейник из золота и драгоценных камней. Очень богатый человек.

Увидев меня, он направился в мою сторону.

— Добро пожаловать на берег Трои, царственный господин, — сказал я, соблюдая этикет. — Я — Парис, сын царя Приама.

Его пальцы обхватили мою протянутую для рукопожатия руку:

— Благодарю тебя, мой господин. Я — Менелай, царь Лакедемона и брат Агамемнона, верховного царя Микен.

Мои глаза расширились.

— Не желаешь ли доехать до города в моей повозке, царь Менелай?

Мой отец ежедневно принимал своих подданных и обсуждал насущные дела. Я шепнул пару слов на ухо привратнику, который тут же вытянулся в струнку и распахнул двустворчатые двери.

— Царь Лакедемона Менелай! — гаркнул он.

Мы подошли к толпе подданных, неподвижно замерших от неожиданности. Гектор стоял позади, вытянув руку и открыв рот, не успев договорить начатое, Антенор замер вполоборота к нам, отец сидел на троне прямой, как стрела, его рука с такой силой впилась в рукоять посоха, что тот дрожал от передавшегося ему напряжения. Если мой спутник и понял, что ахейцев здесь не ждет теплый прием, то ничем этого не показал. Позднее, лучше его узнав, я решил, что, скорее всего, он просто ничего не заметил. Его взгляд, скользнув по залу и его убранству, остался равнодушным, это заставило меня призадуматься о том, каково должно быть убранство дворцов Эллады.

Отец спустился с тронного помоста, протянув руку для приветствия:

— Для нас это большая честь, царь Менелай.

Он взял гостя под руку и указал на большую кушетку, заваленную подушками.

— Не желаешь ли присесть? Парис, сядь с нами, но прежде позови Гектора. И позаботься, чтобы принесли закуски.

Двор затих, глядя во все глаза на царей, но их разговор можно было расслышать не дальше чем в двух шагах от кушетки.

Исполнив долг вежливости, отец заговорил вновь:

— Что привело тебя в Трою, царь Менелай?

— Дело жизненной важности для моего народа в Лакедемоне, царь Приам. Я знаю, того, что я ищу, нет в Троянских землях, но Троя показалась мне лучшим местом, откуда я мог бы начать поиски.

— Продолжай.

Менелай подался вперед и повернулся боком, чтобы заглянуть в лишенное выражения лицо моего отца.

— Мой господин, мое царство поразила чума. Мои жрецы не смогли определить причину этой напасти, поэтому я отправил гонца в Дельфы. Пифия сказала, что я должен лично отправиться на поиски останков

сыновей Прометея и привезти их в Амиклы, мою столицу, где их нужно перезахоронить. Тогда чума прекратится.

Ага! Его миссия не имела ничего общего ни с теткой Гесионой, ни с нехваткой олова и меди, ни с торговым запретом Геллеспонта. Она была намного проще. Даже заурядная. Борьба с чумой требовала исключительных мер; то один царь, то другой постоянно странствовали по морям и суше в поисках какого-нибудь предмета, который оракул велел им привезти домой. Иногда я задавался вопросом, не было ли единственной целью оракула отправить царя подальше, пока мор сам собой не пойдет на убыль и не прекратится? Это мог быть способ защитить царя от смерти. Останься он дома, он, скорее всего, умер бы от той же самой чумы или был бы принесен в жертву.

Конечно же, царь Менелай получит кров. Кто знает, может, на будущий год оракул отправит в путь царя Приама и тому придется просить Менелая о помощи? В определенных случаях царский клан, невзирая на родовые и прочие различия, всегда держался вместе. Поэтому, пока царь Менелай наслаждался радушным приемом, слуги отца были посланы разузнать, где покоятся останки сыновей Прометея. Выяснилось, что в Дардании. Царь дарданский Анхиз ожесточенно протестовал, но напрасно. Нравилось ему или нет, указанные реликвии должны были его покинуть.

Мне было поручено заботиться о Менелее, пока он с помпой не отправится в Лирнесс, чтобы заявить права на останки. Я предложил ему обычную любезность — любую женщину по его выбору, при условии что она не будет царской крови.

Он рассмеялся и решительно замотал головой:

— Мне не нужна другая женщины, кроме моей жены Елены.

Я навострил уши.

— Правда?

Зардевшееся лицо сделало его похожим на пьяного.

— Я женат на самой красивой женщине во всей ойкумене, — торжественно заявил он.

Я старался быть вежливым, но позволил себе проявить недоверие:

— Правда?

— Да, Парис, правда. Елене нет равных.

— Она красивее супруги моего брата Гектора?

— Царевна Андромаха — бледная Селена в сравнении с блеском Гелиоса.

— Продолжай.

Он вздохнул и всплеснул руками:

— Разве можно описать Афродиту? Разве можно словами выразить совершенство? Ступай к моему кораблю, Парис, и посмотри на фигуру, которая вырезана на носу корабля. Это Елена.

Вспоминая, я закрыл глаза. Но мне удалось вызвать в памяти только глаза — зеленые, как у египетской кошки.

Я должен был увидеть этот образец совершенства! Не то чтобы я поверил Менелая. Фигура на носу корабля наверняка превосходила модель. Ни одна статуя Афродиты из тех, которые я видел, не могла сравниться с лицом корабельной фигуры (хотя, сказать по правде, скульпторы зачастую отличались убогим воображением, упорно наделяя свои творения бессмысленными улыбками, напряженным выражением лица и еще более напряженными позами).

— Мой господин! — Я повиновался внезапному импульсу. — Вскоре мне предстоит возглавить посольство на Саламин, чтобы навестить царя Теламона и справиться о благополучии моей тетки Гесионы. Но кроме того, в Элладе мне будет необходимо очиститься от случайно совершенного убийства. Как далеко Саламин от Лакедемона?

— Ну, первый — это остров у берегов Аттики, а второй лежит на землях Пелопа, но расстояние между ними не слишком велико.

— Ты согласишься провести надо мной ритуал очищения, Менелай?

Он просиял.

— Конечно, что за вопрос! Это самое меньшее, чем я могу отплатить за твою доброту, Парис. Приезжай в Лакедемон летом, и я исполню ритуал. — Он светился самодовольством. — Ты усомнился, когда я говорил о красоте Елены, — да, усомнился! Твои глаза тебя выдали. Так приезжай в Амиклы и посмотри на нее сам. А потом я буду ждать извинений.

Мы скрепили наш договор глотком вина, а потом занялись планированием путешествия в Лирнесс, где нам предстояло выкапывать кости сыновей Прометея под негодующими взглядами царя Анхиза и его сына Энея. Так значит, Елена была столь же красива, как Афродита, а? Я задавался вопросом, как отнеслись бы к такому сравнению Анхиз с Энеем, вздумай Менелай упомянуть о нем в разговоре, а в том, что он это сделает, не было никаких сомнений. Ведь всем было известно: в молодости Анхиз был настолько красив, что сама Афродита занялась с ним любовью. И родила ему Энея. Да уж! Так безумства молодости преследуют нас в старости.

Глава шестая, рассказанная Еленой

Когда останки сыновей Прометея нашли покой в Лакедемонской земле, окруженные драгоценной утварью, а каждый череп прикрыт золотой маской, чума пошла на убыль. Как же хорошо было снова разъезжать по городу на колеснице, устраивать охоту в горах, смотреть состязания на спортивной арене позади дворца! И еще приятно было видеть, как лица людей расцветают улыбками, как они благословляют нас, когда мы проходим мимо. Царь усмирил чуму, и все снова пошло на лад.

Только не у меня. Менелай жил с тенью. С годами я становилась все спокойнее и степеннее — достойной уважения и верной долгу. Я родила Менелаю двух дочерей и сына. Он спал в моей постели каждую ночь. Я никогда не отказывала ему, когда он стучал в мою дверь. И он любил меня. В его глазах я была непогрешима. Ради этого я и оставалась достойной уважения и верной долгу женой — я не могла устоять, когда мне поклонялись, словно богине. Была еще одна причина: мне нравилось носить голову на плечах.

Если бы только мне удалось заставить свое тело остаться холодным и безучастным, когда он пришел ко мне в ночь после свадьбы! Но я не смогла. Елена была создана из плоти, которая отзывалась на ласку каждого мужчины, даже такого заурядного и неумелого, как мой супруг. Лучше такой муж, чем никакого.

Пришло лето, самое жаркое на моей памяти. Дождей не было, ручьи высохли, у алтарей звучало зловещее бормотание жрецов. Мы пережили чуму; неужто теперь черед голода? Дважды я чувствовала, как Посейдон, колебатель земли, стонет и ворочает земные внутренности, словно тоже потерял покой. Когда пшеница упала бесплодной на иссохшую землю и стало ясно, что ячмень, хотя и более стойкий, вот-вот последует ее примеру, народ зашептался о предзнаменованиях, жрецы заголосили громче.

Но когда жестокая жара достигла своего пика, слово взял соболебровый Громовержец. Выбрав безветренный, душный день, он отправил к нам своих вестников — грозовые тучи, нагромождая их все выше и выше в раскаленном добела небе. После полудня солнце погасло,

сгустилась тьма; и наконец Зевс прорвал черную пелену. С оглушительным ревом швырял он стрелы-молнии в землю, так свирепо, что Великая мать содрогалась в конвульсиях, с каждой новой стрелой из его грозной длани вырывался сноп яркого пламени.

Дрожа от ужаса, покрываясь потом и лепеча молитвы, я съежилась на кушетке в комнатке рядом с общими покоями и заткнула уши, пока снаружи рокотал гром и неистовствовали белые вспышки молний. Менелай, Менелай, где ты?

Потом до меня донесся его голос, необычно оживленный, говоривший с кем-то, чье ахейское наречие было ломаным и шепелявым, — с чужеземцем. Метнувшись к двери, я помчалась в свои покои, не желая навлечь на себя гнев, — подобно остальным дворцовым женщинам, в жару я надевала только хитон из прозрачного египетского льна.

Перед самым ужином Менелай вошел ко мне, чтобы понаблюдать, как я принимаю ванну. Он никогда не пытался прикоснуться ко мне в этот момент — для него это была возможность просто смотреть, ничего не делая.

— Дорогая, — произнес он, прокашлявшись, — у нас гость. Не могла бы ты сегодня вечером надеть парадные одежды?

Я с удивлением уставилась на него:

— Такой важный гость?

— Очень важный. Мой друг, троянский царевич Парис.

— О да. Понимаю.

— Ты должна выглядеть как можно лучше, Елена, ибо в Трое я хвастался ему твоей красотой. Он не поверил.

С улыбкой я перевернулась на спину, расплескивая вокруг воду.

— Я буду хороша, как никогда, муж мой. Обещаю.

Несомненно, так оно и было, когда я вошла в трапезную незадолго до того, как там собрался весь двор, чтобы последний раз за день вкусить пищу в присутствии царя и царицы. Менелай был уже там. Он беседовал с гостем, стоя у высокого стола. Мужчина стоял ко мне спиной. Могучей спиной. Он был намного выше Менелая, с гривой густых вьющихся черных волос, спадавших ниже лопаток, нагой выше пояса, на критский манер. На плечах у него лежало большое золотое ожерелье из драгоценных камней, мощные запястья перехвачены браслетами из золота и горного хрусталя. Я смотрела на его пурпурный пояс с птеригами, на его стройные ноги и чувствовала, как во мне просыпается возбуждение, какого я не испытывала уже много лет. Со спины он был красавцем, но я тут же усмехнулась про себя, подумав, что его лицо вполне может быть похоже на лошадиную

морду.

Я провела рукой по фалдам юбки, отчего она зазвенела, заставив обоих мужей обернуться. Один взгляд на гостя — и я влюбилась. Это было так легко, так просто. Я влюбилась. Если я воплощала женское совершенство, то он, несомненно, воплощал совершенство мужское. Я уставилась на него с самым глупым видом. Ни одного изъяна. Абсолютная безупречность. И я влюбилась.

— Дорогая, — ко мне подошел Менелай, — это царевич Парис. Мы должны проявить к нему всю нашу любезность и внимание — он отлично принимал меня в Трое.

Он посмотрел на Париса, вопросительно подняв брови.

— Ну, друг мой, ты все еще сомневаешься?

— Нет, — ответил Парис. И еще раз добавил: — Нет.

Менелай просиял — его сюрприз удался.

Каким кошмаром был для меня тот ужин! Вино текло рекой, хотя я (как и любая женщина) не могла принять участия в возлияниях. Но какой бог-озорник заставил Менелая жадно лакать из кубка, позабыв о привычной воздержанности? Между нами посадили Париса, а значит, я не могла подобраться к супругу и осторожно разлучить его с кубком. Вдобавок троянский царевич вел себя вовсе не осмотрительно. Влечение мелькнуло в его глазах, стоило ему бросить на меня взгляд, но многие мужи откликались на мою красоту так же, а потом робели. Но не Парис. На протяжении всего ужина он делал мне самые возмутительные комплименты, совершенно не обращая внимания на то, что мы сидели на возвышении, под пристальными взорами сотни придворных — жен и мужей.

Теряя голову от страха и отчаяния, я пыталась заставить наблюдателей (большая половина которых была доносчиками Агамемнона) поверить, что ничего плохого не происходит. Желая прослыть вежливой и остроумной, я спрашивала Париса, каково это — жить в Трое, правда ли, что все народы Малой Азии говорят на ахейском наречии, как далеко от Трои до Ассирии и Вавилона, говорят ли там на ахейском наречии тоже.

Умея общаться с женщинами, он отвечал легко и со знанием дела, пока его нечестивый взгляд неторопливо странствовал от моих губ к волосам, от кончиков пальцев к груди.

Бесконечная трапеза продолжалась, и Менелай все больше глотал слова и, казалось, был не способен видеть что-то еще, кроме налитого до краев кубка. Парис же осмелел еще больше. Он наклонился ко мне так близко, что я почувствовала его дыхание у себя на плече, ощутила его

свежесть. Я отодвинулась, раз, другой, третий — пока не оказалась на самом краю скамьи.

— Как жестоки боги! — прошептал он. — Отдать такую красоту одному мужчине.

— Мой господин, думай что говоришь! Умоляю, будь осторожен!

Вместо ответа он улыбнулся. Ссутулившись, чтобы спрятать грудь, я сжала колени вместе — меня внезапно кинуло в жар.

— Я видел тебя сегодня, — продолжал он, словно я ничего ему не сказала, — когда ты убежала от нас в своем прозрачном хитоне.

Зардевшись полыхнувшим под кожей пламенем, я молилась, чтобы никто в зале ничего не заметил. Его рука упала вниз и нашла мою. Я подскочила, не в силах вынести это прикосновение, пронзенная чувством сродни тому, которое испытала во время недавнего неистовства Громовержца.

— Мой господин, пожалуйста! Мой супруг тебя услышит!

Он рассмеялся и положил руку на стол, но так резко, что задел локтем кубок; красное вино озером растеклось по светлому дереву. Пока я подзывала слугу вытереть стол, он снова наклонился ко мне:

— Елена, я люблю тебя.

Мне было интересно, слышали ли это слуги. Почему их лица всегда такие безучастные, когда они прислуживают тем, кому в жизни повезло больше? Я взглянула на Менелая; тот сидел, сонно уставившись в пространство, совсем захмелевший.

Слишком захмелевший, чтобы прийти ко мне этой ночью. Его люди отнесли Менелая в его покои, предоставив мне возвращаться в свои в одиночестве. Долго сидела я на подоконнике в своей гостиной, погружившись в раздумья. Что делать? Как выдержать следующие несколько дней, пока этот опасный человек будет здесь? Одна трапеза в его компании, и я погибла. Он преследовал меня, позабыв про страх, считая, будто мой муж слишком глуп, чтобы раскрыть его игру. Но причиной тому было вино, и я знала, на завтрашний ужин Менелай придет в трезвом рассудке. Даже самый глупый из мужей не до конца лишен бдительности; кроме того, кто-нибудь из придворных обязательно ему скажет. Агамемнон платил им, чтобы они замечали все. Стоит хоть одному из них заподозрить меня в неверности, как не пройдет и дня, это дойдет до Агамемнона. Троянский он царевич или нет, Парис лишится головы. И я тоже. И я тоже!

Я терзалась, разрываемая страхом и любовным томлением. О, как я его любила! Но что это за любовь, которая пришла так внезапно, без предупреждения? С похотью я могла справиться — мой брак научил меня

этому. Но любовь была неодолима. Я жаждала быть с Парисом. Я жаждала прожить с ним жизнь. Мне хотелось знать, о чем он думает, чем живет, что чувствует, как он выглядит, когда спит. Меня пронзила стрела, та самая, которая заставила Федру покончить с собой, Данаю — войти в ящик, который ее отец сбросил в море, Орфея — бесстрашно отправиться в царство Аида в поисках Эвридики. Я больше не была хозяйкой своей жизни, она принадлежала Парису. Я бы умерла за него! Только... Каким восторгом было бы жить для него!

Через несколько мгновений после того, как я устало прилегла на ложе под хриплое кукареканье петухов — восточная кромка неба уже светлела в предрассветной дымке, — ко мне в спальню вошел Менелай. Он был робок и отказался поцеловать меня.

— От меня разит вином, любимая, тебе будет противно. Странно, что я так много выпил. Не нужно было.

Я взяла его за руку и усадила на ложе.

— Как ты сегодня утром?

Он усмехнулся.

— Не очень. — Веселость пропала, брови нахмурились. — Елена, меня кое-что гложет.

У меня пересохло во рту, я машинально облизала губы. Кто-то сказал ему! Слова! Мне нужно найти слова!

— Гложет? — хрипло выдавила я.

— Да. Меня разбудил посланец с Крита. Умер мой дед Катрей, и Идомей отложил погребение до приезда моего или Агамемнона. Естественно, ехать придется мне, Агамемнон не может оставить Микены.

Я села на ложе, открыв рот от изумления.

— Менелай! Ты не можешь поехать!

Моя горячность удивила его, но он принял ее за беспокойство.

— Выбора нет, Елена. Я должен ехать на Крит.

— Как долго тебя не будет?

— По меньшей мере полгода — жаль, что ты так слаба в географии. Туда меня отнесут осенние ветры, но мне придется ждать летних ветров, чтобы вернуться обратно.

— О! — Я вздохнула. — Когда ты едешь?

Он сжал мне руку.

— Сегодня, дорогая. Сначала мне придется заехать в Микены к Агамемнону, а оттуда уже на Крит. И раз я отплыву из Лерны или Навплии, то уже не смогу вернуться сюда. Как жаль, — пробормотал он, наслаждаясь моим испугом.

— Но ты не можешь уехать, Менелай. У тебя гость.

— Парис все поймет. Я исполню ритуал очищения сегодня утром до отъезда в Микены, но позабочусь о том, чтобы он смог гостить у нас, сколько пожелает.

Во мне проснулась надежда.

— Возьми его с собой в Микены.

— В самом деле? В такой спешке? Конечно, он должен побывать в Микенах, но на досуге, а не желая угодить хозяину.

Мой глупый супруг не видел опасности, которую представлял этот гость.

— Менелай, ты не можешь оставить меня здесь с Парисом!

Он заморгал:

— Почему? За тобой хорошо присматривают.

— У Агамемнона может быть другое мнение.

Моя рука лежала у него на плече; он наклонился, поцеловал ее, потом погладил меня по голове.

— Елена, не волнуйся. Твоя забота очаровательна, но она ни к чему. Я тебе доверяю. Агамемнон тебе доверяет.

Как мне было объяснить ему, что я сама не доверяю себе!

После полудня я стояла у подножия дворцовой лестницы, прощаясь с супругом. Париса нигде не было.

Как только колесницы с повозками скрылись из виду, я вернулась в свои покои и больше из них не выходила. Еду мне приносили туда. Не видя меня, Парис может устать от своей игры и отправиться в Микены или Трою. К тому же у придворных не будет возможности увидеть нас вместе.

Но когда пришла ночь, мне не спалось. Я бродила по комнате взад и вперед, потом подошла к окну. Амиклы лежали внизу в полной тьме, нигде ни огонька. К звездному небу вздымались громады гор. Полная луна висела в небе, словно огромный серебряный диск, тихо изливая нежный свет на долину Лакедемона. Я в восторге вбирала в себя эту красоту, высунувшись головой из окна, чтобы полнее окунуться в ночное спокойствие. Все еще очарованная этой дивной ночью, я вдруг почувствовала, что он стоит позади меня, любясь красотой гавани через мое плечо. Я не вскрикнула и не обернулась, но он сразу понял, что я знаю о его присутствии. Его руки обхватили мои локти, и он нежно притянул меня к себе.

— Елена Лакедемонская, ты прекрасна, как Афродита.

Ослабев, я слегка потерлась головой о его щеку.

— Не искушай эту богиню, Парис. Она не любит соперниц.

— К тебе это не относится. Разве ты не понимаешь? Афродита подарила тебя мне. Я принадлежу ей, я — ее любимец.

— Поэтому говорят, что ты никогда не зачал ребенка?

— Да.

Его руки гладили мои бедра неторопливо, словно у него была вечность, чтобы заниматься со мной любовью. Его губы нашли мою шею.

— Елена, тебе когда-нибудь хотелось оказаться ночью в глухом лесу? Бежать быстрее оленя? Долго мчаться свободной, как ветер, и в изнеможении упасть на землю с мужчиной?

Я вздрогнула, горло у меня внезапно пересохло, и я хрипло сказала:

— Нет. Я ни о чем таком не мечтала.

— А я мечтал. О тебе. Я вижу, как твои длинные светлые волосы развеваются за спиной, твои стройные ноги стремятся уйти от погони. Именно так я должен был тебя встретить, а не в этом пустом, скучном дворце. — Он снял с меня хитон; его ладони нежно коснулись моей груди. — Ты смыла краску.

Я повернулась к нему и забыла обо всем, кроме того, что мы с ним созданы друг для друга. Я любила его, любила по-настоящему.

Его рабыня, я лежала у него в объятиях, желая отсрочить рассвет, безвольная и мягкая, как кукла моей младшей дочери.

— Поедем со мной в Трою, — внезапно произнес он.

Я приподнялась, чтобы увидеть его лицо, увидеть, как его прекрасные карие глаза возвращают мне мою любовь.

— Это безумие.

— Нет, это здравый смысл. — Одна его рука лежала на моем животе, другая перебирала мои волосы. — Ты принадлежишь не этому бесчувственному чурбану Менелаю. Ты принадлежишь мне.

— Я — кровь от крови этой земли, кровь от крови этой самой комнаты. Я — царица. Здесь мои дети.

Я смахнула набежавшие слезы.

— Елена, ты принадлежишь Афродите, так же как и я сам! Я дал ей клятву пожертвовать всем — ради нее я пренебрег Герой и Афиной Палладой,^[10] — если она даст мне то, что я пожелаю. И я попросил тебя.

— Я не могу уехать!

— Ты не можешь остаться здесь. Без меня.

— О, я люблю тебя! Как мне жить без тебя?

— Елена, и речи не может быть, чтобы ты жила без меня.

— Ты просишь невозможного.

По моим щекам градом катились слезы.

— Чушь! Почему это невозможно? Из-за детей?

Я задумалась. И честно ответила:

— Нет. Не из-за них. Дело в том, что они такие невзрачные! Они пошли в Менелая, до кончиков волос. И у них у всех — веснушки!

— Ну, если дело не в детях, тогда в Менелае.

В нем? Нет. Безвольный бедняга Менелай, направляемый железной рукой Микен. Была ли я обязана ему чем-нибудь? Я никогда не хотела выходить за него. Я была обязана ему не больше, чем его угрюмому брату, тому страшному человеку, который использовал нас в своей грандиозной игре. Агамемнону не было дела до меня, моих желаний, нужд, чувств.

— Я поеду с тобой в Трою. Ничто не держит меня здесь. Ничто.

Глава седьмая, рассказанная Гектором

Начальник Сигейской гавани дал мне знать, что флот Париса наконец-то вернулся с Саламина. Придя во дворец, я послал мальчика-слугу сказать об этом моему отцу. Царь принимал своих подданных, разбирая жалобы, склоки из-за имущества, рабов, земель и так далее. Жалобу наших знатных дарданских родственников из Вавилона о праве на выпас скота дядюшка Антенор поставил на первое место.

Жалоба была рассмотрена, жалобщик отпущен, и царь уже собирался рассудить какой-то пустяковый спор, как затрубили горны и в тронный зал гордо вошел Парис. Глядя на него, я не мог сдержать улыбки, настолько по-критски он выглядел. Щеголь с головы до ног — подол пурпурной юбки вышит золотом, много драгоценностей, волосы завиты в кудри. Казалось, он очень доволен собой. Что за шалость была у него на уме, которая заставляла его казаться шакалом, который норовит ухватить добычу раньше льва? Конечно же, отец смотрел на него с нежной заботой. Как мог муж, достаточно мудрый, чтобы сидеть на троне, быть настолько ослеплен человеком, в котором не было ничего, кроме шарма и красоты?

Парис важно прошествовал по залу к трону и уже усаживался на нижнюю ступеньку пьедестала, когда я подошел к отцу. Антенор, любитель совать нос в чужие дела, подобрался поближе, чтобы ему было все слышно. Я открыто встал рядом с тронном.

— Ты привез хорошие новости, сын?

— Про тетку Гесиону — ничего, отец. — Парис тряхнул упругими локонами. — Царь Теламон обошелся со мной очень любезно, но дал ясно понять, что Гесиону не отдаст.

Царь угрожающе напрягся. Насколько глубока была его застарелая ненависть? Почему спустя столько лет отец по-прежнему считал Элладу заклятым врагом? Свист его дыхания заставил умолкнуть весь зал.

— Как он смеет! Как смеет Теламон оскорблять меня? Ты видел свою тетку, говорил с ней?

— Нет, отец.

— Тогда пусть мое проклятие падет на их головы! — Он поднял лицо к потолку и закрыл глаза. — О могущественный Аполлон, бог света, повелитель солнца, луны и звезд, дай мне возможность низвергнуть

ахейскую гордыню!

Я склонился над троном:

— Мой господин, успокойся! Неужели ты ожидал иного ответа?

Повернув голову, чтобы взглянуть на меня, он открыл глаза.

— Нет, полагаю, нет. Спасибо, Гектор. Ты всегда возвращаешь меня к реальности. Но почему ахейцам дозволено все, скажи мне? Почему им дозволено похищать троянских принцесс?

Парис положил руку отцу на колено и мягко похлопал. Царь посмотрел на него с высоты трона, и лицо его смягчилось.

— Отец, я наказал ахейскую гордыню как подобает, — с блеском в глазах заявил Парис.

Я уже почти готов был отойти в сторону, но что-то в его голосе остановило меня.

— Как, сын мой?

— Око за око, мой господин! Око за око! Ахейцы похитили твою сестру, но я привез из Эллады трофей намного более ценный, чем пятнадцатилетняя девчонка!

Не в силах провести у ног царя Приама ни мгновения больше — настолько его переполняла гордость, — он вскочил на ноги.

— Мой господин, — воскликнул он, и его голос зазвенел, — я привез Елену! Царицу Лакедемона, жену Менелая — брата Агамемнона и сестру супруги Агамемнона, царицы Клитемнестры!

Я пошатнулся от потрясения, потеряв дар речи. И тут произошла трагедия, ибо дядя Антенор воспользовался моим замешательством и получил возможность заговорить первым. Он тут же выпрыгнул вперед, распухшие суставы кистей рук делали их похожими на огромные бесформенные клешни.

— Невежда, жалкий никчемный глупец! — проревел он. — Женоподобный распутник! Почему же ты не провел время с еще большей пользой и не украл саму Клитемнестру? Раз ахейцы безропотно подчиняются нашим торговым запретам и терпят нехватку олова и меди, ты решил, будто они и теперь не станут роптать? Глупец! Теперь у Агамемнона есть предлог, которого он ждал долгие годы! Ты вверг нас в пожар, который погубит Трою! Безмозглый, самодовольный идиот! Почему твой отец покрывал тебя? Почему он не пресек твое распутство до того, как оно пустило корни? К тому времени как мы пожнем все последствия твоего деяния, не останется ни одного троянца, который упомянул бы твое имя, не плюнув!

Одна моя половина тихо аплодировала старику — с такой точностью

тот выразил мои собственные чувства. Но другая половина кляла Антенора на чем свет стоит. Каким могло бы быть решение отца, если бы он придержал язык? Если Антенор кого-то ругал, то в противовес ему царь всегда заступался за обиженного. Не важно, что думал отец в глубине души, — Антенор толкнул его на сторону Париса.

Парис стоял словно громом пораженный.

— Отец, я сделал это ради тебя! — воззвал он к Приаму.

Антенор усмехнулся:

— О да, конечно же! И ты забыл про наше самое известное предсказание оракула? «Опасайтесь жены, привезенной из Эллады в Трою в качестве добычи!» Разве это не говорит само за себя?

— Нет, я не забыл его! — воскликнул мой брат. — Елена — не добыча! Она пошла со мной по своей воле! Она — не жертва похищения, она последовала за мной добровольно, ибо хочет выйти за меня замуж! И в подтверждение этого она привезла с собой великие сокровища — золото и драгоценности, на них можно купить целое царство! Приданое, отец, приданое! — Он глупо рассмеялся. — Я нанес ахейцам намного большее оскорбление, чем если бы просто украл их царицу, — я наставил им рога!

Антенору больше нечего было сказать. Медленно потряхивая копной белых волос, он отступил в толпу придворных. Парис умоляюще смотрел на меня:

— Гектор, поддержи меня!

— Как я могу это сделать? — процедил я сквозь зубы.

Он повернулся, упал на колени и обеими руками обхватил ноги царя.

— Разве может это грозить бедой, отец? — В его тоне сквозила лесть. — Разве добровольный уход жены когда-нибудь бывал поводом для войны? Елена пошла со мной по собственной доброй воле! И она не юная дева! Ей двадцать лет! Она была замужем шесть лет, у нее есть дети! И ты можешь представить, как ужасна была ее жизнь, если она покинула не только свое царство, но и своих детей! Отец, я люблю ее! И она меня любит! — Его голос трогательно надломился, по щекам потекли слезы.

Царь нежно погладил Париса по волосам.

— Я приму ее.

— Нет, погоди! — Антенор снова выступил вперед. — Мой господин, я настаиваю, чтобы ты выслушал меня до того, как примешь эту женщину! Отошли ее домой, Приам, отошли ее домой! Отошли ее обратно к Менелая, не взглянув на нее, — с искренними извинениями и советом отделить ее голову от шеи. Она не заслуживает лучшей участи. Любовь! Что это за любовь, если мать оставляет детей? Неужели для тебя это не

знак? Она берет в Трою сокровища, но не своих детей!

Отец не смотрел на него, но он прекрасно понимал, что мы чувствуем, поэтому не пытался прервать эту тираду. И Антенор продолжал:

— Приам, я боюсь верховного царя Микен, и тебе тоже следует! Ты ведь слышал, как в прошлом году Менелай болтал о том, будто Агамемнон превратил всю Элладу в послушного вассала Микен? Что, если он решит воевать? Даже если мы разобьем его, он нас уничтожит. С незапамятных времен богатство Трои росло по одной причине — мы избегали войн. Войны разоряют народы, Приам, — ты сам так говорил! В предсказании оракула сказано, что нас погубит жена из Эллады. И ты хочешь принять ее! Берегись богов! Прислушайся к мудрости их оракулов! Что же такое предсказания оракулов, как не возможность увидеть будущее в мираже времен, данная смертным богами? Ты продолжил дело своего отца, Лаомедонта, и ухудшил все, что можно, — если он всего лишь ограничил ахейским купцам доступ в Понт Эвксинский, то ты закрыл его вовсе. Эллада страдает от нехватки олова! Да, они могут достать медь на Западе — за непомерную цену! — но олова у них нет. Но это не умаляет их богатства и мощи.

Заливаясь слезами, Парис поднял лицо к царю:

— Отец, я же сказал! Елена — не добыча! Она пошла со мной по своей воле! Поэтому она не может быть той женщиной из предсказания оракула — не может!

На этот раз я успел опередить Антенора и спустился с постамента, чтобы сказать свое слово.

— Это ты говоришь, будто она пошла с тобой по своей воле, Парис, — но что скажут в Элладе? Ты считаешь, Агамемнон объявит подчиненным ему царям, что его брат — рогоносец, чтобы тот стал всеобщим посмешищем? Только не Агамемнон с его-то гордыней! Нет, Агамемнон скажет всем, что Елену похитили. Антенор прав, отец. Мы на грани войны. И мы не можем считать, будто война с Элладой затронет нас одних. У нас есть союзники, отец! Мы — часть Малой Азии. У нас договоры о торговле и добрососедстве с каждым прибрежным народом между Дарданием и Киликией, а также с внутренними царствами до самой Ассирии, а на севере и до Скифии. Прибрежные земли очень богаты и не особенно густо заселены — у них не хватит воинов, чтобы отразить натиск ахейцев. Они помогают нам, поддерживая наши запреты на торговлю с Элладой, и копят жир, продавая ахейцам олово и медь. Если будет война, ты думаешь, что Агамемнон ограничится Троей? Нет! Война будет повсюду!

Отец неотрывно смотрел на меня; я бесстрашно вернул ему взгляд.

Совсем недавно он сказал: «Ты всегда возвращаешь меня к реальности». Но теперь, в отчаянии думал я, он забыл про реальность. Все, чего добились мы с Антенором, так это настроили его против себя.

— Я выслушал достаточно, — ледяным тоном произнес он. — Пошлите за царицей Еленой.

Ожидая, зал застыл в безмолвии, словно гробница. Я бросал на своего брата Париса свирепые взгляды, недоумевая, как мы позволили ему превратиться в такого глупца. Он отвернулся от пьедестала (одной рукой продолжая поглаживать колено отца) и неотрывно смотрел на двери, изогнув губы в самодовольной усмешке. Очевидно, он считал, что нас ожидает сюрприз, и мне припомнилось, как Менелай хвастался, называя свою жену красавицей. Но я всегда был настроен скептически, когда мужи похвалялись красотой своих цариц. Слишком многие из них унаследовали этот эпитет вместе с титулом.

Двери распахнулись — она на мгновение помедлила на пороге, прежде чем двинуться к трону. Ее юбка издавала нежный перезвон в такт шагам, превращая ее в живую мелодию. Я поймал себя на том, что затаил дыхание, и принудил себя выдохнуть. Она действительно была самой красивой женщиной, какую я видел в жизни. Даже Антенор стоял, открыв рот.

Расправив плечи и высокомерно вскинув голову, она шла с достоинством и грацией, без тени стыда или смущения. Она была высокой для женщины и обладала самым прекрасным телом, какое Афродита могла даровать существу женского пола. Тонкая талия, грациозно покачивающиеся бедра, длинные ноги, скидывающие юбку. Да, в ней все было приятно взору. А ее грудь! Обнаженная по нескромной ахейской моде, высокая и полная, без всяких украшений, разве что соски выкрашены золотом. Немало времени прошло, прежде чем кто-то из нас добрался взглядом до ее лебединой шеи и сияющего лица. Одни совершенства, и как их много! Я вспоминаю, какой увидел ее тогда, — она была просто... прекрасна. Копна волос цвета светлого золота, темные ресницы и брови, глаза цвета весенней травы, подведенные сурьмой на критский или египетский манер.

Что из всего этого было настоящим, а что дорисовано чарами? Этого я никогда не узнаю. Елена — величайшее чудо красоты из всех, подаренных богами матери Земле.

Для моего отца она стала роковой женщиной. Царь был еще не так стар, чтобы забыть прелести женских объятий, и он с первого взгляда вспылал к ней любовью. Или похотью. Но поскольку он все же был слишком стар, чтобы отнять ее у своего сына, он предпочел порадоваться,

что его отпрыск смог соблазнить ее, заставить покинуть супруга, детей, свои земли. Преисполненный гордости, он обратил изумленный взор на Париса.

Они, несомненно, были прекрасной парой: он смугл, как Ганимед, она — белокура, словно Артемида Охотница. Так, всего лишь пройдя от дверей до трона, Елена совершенно покорила безмолвный зал. Ни один мужчина из собравшихся в нем больше не мог упрекнуть Париса в глупости.

В тот же момент, как царь распустил собрание, я очень медленно подошел к отцу, намеренно поднявшись на три ступени выше той, на которой стояли беглецы. Я стоял, возвышаясь над отцовским тронном из золота и слоновой кости. Обычно я избегал демонстрировать свое превосходство, но Елена разбудила во мне злость; я хотел, чтобы она поняла, где место Париса, а где — мое.

— Мое дорогое дитя, это Гектор, мой наследник.

Она кивнула, серьезно и царственно.

— Я очень рада знакомству, Гектор. — Ее глаза кокетливо округлились. — Всемогуший Зевс, какой же ты великан!

Это было сказано, чтобы меня раззадорить, а не пробудить желание, — ее вкус явно склонялся к неженкам вроде Париса, а не огромным воинам вроде меня. Но второе у нее получилось не хуже первого. Я не был уверен, что смог бы перед ней устоять.

— Самый большой в Трое, моя госпожа, — холодно прозвучал мой ответ.

Она рассмеялась:

— Не сомневаюсь.

— Мой господин, — обратился я к отцу, — ты позволишь мне удалиться?

Он проквохтал:

— Ну разве мои сыновья не великолепны, царица Елена? Этот — гордость моего сердца — великий муж! Однажды он станет великим царем.

Задумчиво глядя на меня, она промолчала; но скрытый за ее ослепительными глазами ум наверняка задавался вопросом, возможно ли мой титул наследника передать Парису. Я не стал торопиться с ответом. Пройдет время, и она поймет: Парис никогда не желал взять на себя ни малейшей доли ответственности за что бы то ни было.

Я уже стоял в дверях, когда царь окликнул меня:

— Подожди! Постой! Гектор, пришли ко мне Калханта.

Странное приказание. Зачем царю понадобился этот омерзительный тип, если он не хотел позвать заодно Лаокоона с Феано? В нашем городе поклонялись многим богам, но его покровителем был Аполлон. Этот бог в Трое был особенно чтим, и потому его жрецы — Калхант, Лаокоон и Феано — были самыми могущественными священнослужителями города.

Я нашел Калханта степенно прогуливающимся в тени алтаря, посвященного Зевсу Геркею.^[11] Я не стал спрашивать, почему он был там; он был из тех людей, кому никто не осмеливался задавать вопросов. Оставаясь незамеченным, я смотрел на него, пытаюсь понять его истинную сущность. На нем был длинный, струящийся черный хитон, расшитый серебряной нитью странными знаками и символами; болезненно-белая кожа его совершенно голого черепа матово сияла в лучах заходящего солнца. Когда-то, будучи мальчишкой, падким на шалости, глубоко под землей в дворцовом склепе я обнаружил гнездо белых змей. Однажды повстречавшись с этими лишенными зрения, бледными созданиями Кору, я больше никогда не спускался в склеп. Калхант вызывал во мне такие же чувства.

Говорили, что он избороздил вдоль и поперек всю ойкумену, от Гипербореи до реки Океан, добравшись до земель далеко к востоку от Вавилона и тех, которые лежат намного южнее Эфиопии. Из шумерского Ура он привез манеру одеваться, в Египте был свидетелем ритуалов, передаваемых многими поколениями славных жрецов с начала времен. Шептались, будто он умеет сохранять тело умершего так, что сто лет спустя оно будет выглядеть таким же свежим, как и в день погребения; будто бы он принимал участие в ужасных обрядах черного Сета; а еще — якобы он поцеловал фаллос Осириса, получив величайший дар предвидения. Мне он никогда не нравился.

Я вышел из-за колонн и прошел во внутренний двор. Он знал, кто идет, даже не взглянув на меня.

— Ты искал меня, царевич Гектор?

— Да, великий жрец. Царь ожидает тебя в тронном зале.

— Чтобы побеседовать с женой из Эллады. Я приду.

Я пошел впереди — по праву, — ибо слышал рассказы о жрецах, возмнивших, будто они главнее трона, и не хотел, чтобы подобная надежда зародилась в уме Калханта.

Пока Елена рассматривала его с тревогой и отвращением, он поцеловал отцу руку и стал ждать его воли.

— Калхант, мой сын Парис привез невесту. Я хочу, чтобы ты завтра же их поженит.

— Как прикажешь, мой господин.

Царь отпустил Париса с Еленой.

— Теперь ступай и покажи Елене ее новый дом, — сказал он моему глупцу-брату.

Они вышли из зала рука об руку. Я отвел взгляд в сторону. Калхант стоял молча, не шевелясь.

— Ты знаешь, кто она, жрец? — спросил отец.

— Да, мой господин. Елена. Женщина, привезенная из Эллады. Я ее ждал.

Он ее ждал? Или его шпионы снова доказали свою старательность?

— Калхант, у меня есть для тебя поручение.

— Да, мой господин.

— Мне нужен совет пифии в Дельфах. Отправляйся туда после свадебной церемонии и выясни, что значит для нас Елена.

— Да, мой господин. Мне выполнить волю пифии?

— Конечно. Ее устами говорит Аполлон.

О чем именно шла речь? Кто кому морочил голову? Обратно в Элладу, чтобы получить ответ. Такое впечатление, будто за ответами всегда возвращались в Элладу. Так какому Аполлону служил Дельфийский оракул: троянскому или ахейскому? А может быть, это были совсем разные боги?

Жрец ушел, и я наконец остался наедине с отцом.

— Ты пожалеешь о том, что сделал, мой господин.

— Нет, Гектор, я поступил так, как следовало. — Он протянул ко мне руку. — Неужели ты не видишь, ведь я не мог отправить ее назад. Вред уже причинен, Гектор. Он был причинен в тот самый момент, когда она покинула свой дворец в Амиклах.

— Тогда не отправляй ее целиком, отец. Только ее голову.

— Слишком поздно, — ответил он. — Слишком поздно. Слишком поздно...

Глава восьмая, рассказанная Агамемноном

Моя жена стояла у высокого окна, купаясь в солнечном свете. Он плясал у нее в волосах яркими вспышками кованой меди, такими же жгучими и сверкающими, какой была она сама. Она не обладала красотой Елены, нет, но ее прелести были для меня притягательнее, пробуждая влечение более сильное. Клитемнестра была живым источником силы, а не простым украшением.

Вид из окна не терял для нее привлекательности, может быть, потому, что Микены были расположены очень высоко. Они находились выше всех других крепостей. Внизу виднелась Львиная гора и долина Аргоса, где зеленели хлеба, и наверху был чудесный вид на горные кряжи, на вершинах которых оливковые рощи сменялись густой сосновой порослью.

Снаружи поднялась суматоха; я слышал голоса стражи, убеждавшей кого-то, что царь и царица не желают, чтобы их беспокоили. Нахмурившись, я встал, но не успел сделать и шагу, как дверь распахнулась и в комнату, спотыкаясь, ввалился Менелай. Он направился прямо ко мне, упал на колени, уткнулся головой мне в живот и зарыдал. Я перевел взгляд на Клитемнестру, которая изумленно смотрела на него.

— Что случилось?

Я поднял его с колен и усадил на стул.

Но он продолжал рыдать. Волосы его были спутанными и грязными, одежда в беспорядке, на лице — трехдневная щетина. Клитемнестра протянула ему полный кубок неразбавленного вина. Осушив его, он немного успокоился и прекратил всхлипывать.

— Менелай, что случилось?

— Елены больше нет!

Клитемнестра отпрянула от окна.

— Умерла?

— Нет, ушла! Ушла! Она ушла, Агамемнон! Оставила меня!

Он выпрямился и попытался взять себя в руки.

— Менелай, рассказывай по порядку.

— Три дня назад я вернулся с Крита. Ее нигде не было... Она сбежала, брат, сбежала в Трою с Парисом.

Мы уставились на него, открыв рты от изумления.

— Сбежала в Трою с Парисом, — повторил я, когда ко мне вернулся дар речи.

— Да, да! Опустошила сокровищницу и сбежала!

— Не верю.

— О, а я верю! Глупая, похотливая ведьма! — прошипела Клитемнестра. — Чего еще было нам ожидать после того, как она сбежала с Тесеем? Шлюха! Блудница! Безнравственная стерва!

— Придержи язык, жена!

Она оскалила на меня зубы, но повиновалась.

— Когда это случилось, Менелай? Конечно же, не пять лун назад!

— Почти шесть — на следующий день после того, как я отбыл на Крит.

— Это невозможно! Признаюсь, я не заезжал в Амиклы в твоё отсутствие, но у меня там есть верные друзья — мне бы сразу же сообщили!

— Она навела на них порчу. Отправилась к оракулу великой матери Кибелы и заставила его сказать, будто я отнял у нее право на лакедемонский трон. Потом заставила мать Кибелу наложить на придворных проклятие. Никто не осмелился ничего сказать.

Я подавил гнев.

— Так значит, Лакедемон по-прежнему во власти матери Кибелы и старых богов, а? Скоро я это исправлю! Сбежала больше пяти лун назад... — Я пожал плечами. — Ну, теперь мы ее уже не вернем.

— Не вернем? — Менелай вскочил и посмотрел мне в глаза — Не вернем? Агамемнон, ты — верховный царь! Ты должен ее вернуть!

— Она забрала детей? — спросила Клитемнестра.

— Нет, — ответил он, — только сокровища.

— И это показывает, что она ценит выше, — прошипела моя супруга. — Забудь ее! Тебе будет без нее лучше, Менелай.

Он опустил на колени и снова зарыдал:

— Я хочу вернуть ее! Я хочу вернуть ее, Агамемнон! Дай мне армию! Дай мне армию и позволь отплыть к Трое!

— Встань, брат. Возьми себя в руки.

— Дай мне армию! — процедил он сквозь зубы.

Я вздохнул.

— Менелай, это твоё личное дело. Я не могу дать тебе армию, чтобы всего-навсего покарать шлюху! Признаю, у каждого ахейца есть повод ненавидеть Трою и троянцев, но ни один из царей не сочтет добровольный побег Елены достаточной причиной, чтобы начать войну.

— Я прошу об армии из твоих войск и моих, Агамемнон!

— Троя разжует их и выплюнет. Говорят, в армии Приама пятьдесят тысяч солдат, — резонно заметил я.

Острый локоть Клитемнестры ткнул меня в ребра.

— Муж, ты забыл про клятву? Подними армию, сославшись на клятву на четвертованном коне! Ее дали сто царей и царевичей.

Я открыл было рот, чтобы сообщить ей, что все женщины — дуры, но закрыл его, так ничего и не сказав. Тронный зал был совсем рядом; я пошел туда, уселся на Львиный трон, положил ладони на вырезанные в форме львиных лап подлокотники и задумался.

Всего лишь накануне я принимал делегацию царей со всей Эллады, которые жаловались, что затянувшийся запрет на вход в воды Геллеспонта довел их до того, что они больше не могут позволить себе покупать олово и медь у народов Малой Азии. Наши запасы этих металлов — особенно олова — окончательно истощились: плуги делались из дерева и костяных ножей. Если ахейцы хотят выжить, то изгнанию их из Понта Эвксинского нужно положить конец. Варварские племена на севере и на западе набирали силу, готовые в любой момент нахлынуть и истребить нас, как в свое время мы сами истребили коренное население Эллады. И где же нам искать бронзу для того моря оружия, которое нам понадобится, чтобы остановить их?

Я выслушал и пообещал найти решение. Единственным решением была война, но я знал, что многие из тех царей, которые пришли за советом, предпочтут уклониться от этой самой отчаянной из мер. Однако сегодня у меня в руках было средство предотвратить это. Благодаря Клитемнестре. Я был в расцвете сил и успел повоевать, заслужив славу. Я смог бы возглавить поход на Трою! Елена послужит предлогом. Хитрый Одиссей еще семь лет назад предвидел все, когда посоветовал покойному Тиндарею заставить женихов Елены принести эту клятву.

Чтобы имя мое пережило мою смерть, я должен был совершить великий подвиг. А разве может быть подвиг более великий, чем покорение Трои? Клятва даст мне около ста тысяч воинов — достаточно, чтобы покончить с войной в десять дней. А когда Троя превратится в руины, что помешает мне обратить внимание на прибрежные государства Малой Азии и превратить их в вассалов Эллады? Я думал о бронзе, золоте, серебре, янтаре, драгоценных камнях и землях, ждущих хозяина — меня, если я использую клятву на четвертованном коне. Да, создать империю для своего народа было в моей власти.

Моя жена и брат смотрели на меня, стоя у подножия трона; я

выпрямился, напустив на себя суровый вид.

— Елену похитили.

Менелай горько покачал головой:

— Мне бы хотелось, чтобы так было, Агамемнон, но это не так. Елену не нужно было принуждать.

Я подавил сильное желание поколотить его, как делал, когда мы были мальчишками. Великая мать, какой же он глупец! Как мог Атрей, наш отец, произвести на свет такого придурка, как Менелай?

— Мне нет дела до того, как было на самом деле! — отрезал я. — Ты скажешь, что ее похитили, Менелай. Ты ведь понимаешь, малейший намек на ее добровольный побег все разрушит! Я согласен поднять армию силой клятвы, если ты будешь безоговорочно выполнять мои приказы.

Уже было смирившийся Менелай сразу вспыхнул, зардевшись.

— Да, Агамемнон, да!

Я взглянул на кисло улыбавшуюся Клитемнестру. Нам обоим достались глупцы: мне брат, ей сестра — и мы оба это понимали.

Слуга находился слишком далеко, чтобы подслушать наш разговор; я хлопнул в ладоши, призывая его подойти ближе.

— Пришли ко мне Калханта.

Спустя несколько мгновений вошел жрец и пал передо мной ниц. Я смотрел на его затылок, гадая, что же на самом деле привело его в Микены. Он был троянцем самого знатного рода и до недавнего времени служил верховным жрецом Аполлона в Трое. Когда он отправился с паломничеством в Дельфы, пифия сказала, что он должен послужить Аполлону в Микенах. Ему было приказано не возвращаться в Трою и не служить больше Аполлону Троянскому. Когда он предстал передо мной, я послал в Дельфы, чтобы проверить его рассказ; пифия полностью его подтвердила. Калханту было суждено стать моим подданным по воле бога света. Само собой разумеется, у меня не было повода подозревать его в измене. Всего несколько дней назад он, будучи наделен провидческим даром, предупредил меня о том, что ко мне приедет брат — с великим горем.

Смотреть на него было неприятно, ибо он представлял собой редчайшую разновидность людей — настоящего альбиноса. Совершенно лысый череп с кожей, белой, как брюхо морской рыбы. Темно-розовые, сильно косящие глаза на широком круглом лице, на котором застыло совершенно пустое и глупое выражение. Ложь. Калхант был далеко не глуп.

Пока он поднимался, я силился прочитать его мысли, но в его мутных,

казавшихся слепыми глазами прочесть было ничего нельзя.

— Калхант, когда именно ты оставил службу у царя Приама?

— Пять лун назад, господин.

— Царевич Парис тогда уже вернулся с Саламина?

— Нет, мой господин.

— Ступай.

Он напрягся, оскорбленный тем, что я отпустил его так быстро: очевидно, в Трое он привык к большему уважению. Но Троя почитала Аполлона превыше всех остальных богов, в то время как в Микенах самым почитаемым богом был Зевс. Каково же было ему, троянцу, выполнять приказ Аполлона и служить ему в землях, которые были ему ненавистны!

Я снова хлопнул в ладоши:

— Пришли ко мне глашатая.

Менелай вздохнул, напомнив мне, что он по-прежнему стоит передо мной. Но уж вот про кого я не забыл — и кто тоже стоял перед тронном, — так это про Клитемнестру.

— Мужайся, братец. Мы вернем ее. Клятву на четвертованном коне нельзя нарушить. Ты получишь свою армию будущей весной.

Вошел глашатай.

— Ты отправишь гонцов к каждому царю и царевичу Эллады и Крита, к тем, кто семь лет назад принес царю Тиндарею клятву на четвертованном коне. Их имена ты узнаешь у жреца, который ведет учет клятвам. Твои гонцы передадут им то, что я сейчас скажу, слово в слово: «Царь, или царевич, или кто угодно, я, твой владыка, верховный царь Агамемнон, приказываю тебе приехать в Микены, чтобы поговорить о клятве, которую ты дал перед помолвкой царицы Елены с царем Менелаем». Ты запомнил?

Глашатай кивнул, гордый своей безупречной памятью.

— Да, мой господин.

— Тогда ступай.

Мы с Клитемнестрой отделались от Менелая, сказав, что ему нужно принять ванну. Он ушел совершенно счастливый: старший брат Агамемнон взял дело в свои руки, значит, ему можно расслабиться.

— Верховный царь Эллады — могущественный титул, — произнесла Клитемнестра. — Но верховный царь Ахейской империи звучит еще лучше.

Я усмехнулся:

— Я тоже так считаю, жена.

— Мне нравится идея, что Орест унаследует этот титул, — подумала

она вслух.

В этом была вся Клитемнестра. В своем диком сердце она была вождем, моя царица, моя жена, и ей было досадно, что она вынуждена склоняться перед силой другого, пусть даже более сильного, чем она сама. Ее амбиции были мне хорошо известны. Ей очень хотелось занять мое место, возродить культ старых богов и использовать царя лишь в качестве живого доказательства собственной плодовитости. А когда земля застонет от невзгод, послать его под секиру. Культ Великой матери на острове Пелопа был по-прежнему жив. Орест был еще очень мал. Он родился, когда я уже отчаялся иметь сына. Две его сестры, Электра и Хрисофемиды, были уже почти зрелыми девушками, когда он появился на свет. Ребенок мужского пола был ударом для Клитемнестры; она рассчитывала править за Электру, хотя позже обратила свою привязанность на Хрисофемиду. Электра обожала отца, а не мать. Однако изобретательности Клитемнестре было не занимать. Теперь, когда не было сомнений в том, что моим наследником станет Орест, крепкий младенец, его мать надеялась, что я умру раньше, чем он достигнет совершеннолетия. Тогда она смогла бы править за него. Или за нашу самую младшую дочь, Ифигению.

Некоторые из мужей, которые принесли клятву на четвертованном коне, прибыли в Микены раньше, чем Менелай вернулся из Пилоса с царем Нестором. Путь от Микен до Пилоса был не близкий, многие же царства лежали совсем рядом. Паламед, сын Навплия, приехал быстро, и я был рад его видеть. Лишь Одиссей с Нестором превосходили его мудростью.

Я беседовал с Паламедом в тронном зале, когда по малочисленным рядам царей рангом пониже пронесся ропот. Паламед подавил смехок.

— Клянусь Гераклом, вот это колосс! Должно быть, это Аякс, сын Теламона. Он-то зачем пожаловал? Когда мы приносили клятву, он был ребенком, и его отца тоже не было в числе женихов.

Тяжелой поступью он направился к нам, самый могучий муж во всей Элладе, чьи голова и плечи возвышались над всеми в зале. Он принадлежал к группе юношей, верных суровому образу жизни атлетов, поэтому пренебрег традиционным хитоном; в любое время года и в любую погоду он ходил босым и с обнаженным торсом. Я не мог оторвать взгляда от его могучей груди, на бугрящихся мускулах которой не было ни капли жира. Каждый раз, когда он опускал огромную ногу на плитки пола, мне казалось, будто дрожат стены.

— Говорят, его двоюродный брат Ахилл такой же огромный, — сказал Паламед.

Я проворчал:

— Нам не должно быть до этого дела. Владыки севера никогда не платили Микенам дань уважения. Они считают, будто Фессалия достаточно сильна, чтобы сохранять независимость.

— Приветствую тебя, сын Теламона! — обратился я к юноше. — Что привело тебя к нам?

Его серые, по-детски наивные глаза безмятежно посмотрели на меня:

— Я пришел, чтобы предложить услуги Саламина, мой господин, вместо моего отца, который болен. Он сказал, для меня это будет хорошим опытом.

Я был польщен. Какая жалость, что второй сын Эака, Пелей, был таким надменным. Теламон знал свой долг перед верховным царем, но бесполезно было ждать того же от Пелея, Ахилла и мирмидонян.

— Мы благодарим тебя, сын Теламона.

Улыбаясь, Аякс побрел прочь к группке друзей, неистово его приветствовавших. Но вдруг он остановился и вернулся ко мне.

— Я забыл сказать, мой господин. Со мной мой брат Тевкр. Он давал клятву.

Паламед все еще посмеивался, прикрыв рот рукой:

— Мы разве открываем школу для младенцев, мой господин?

— Да, жаль, что Аякс такой увалень. Но войсками Саламина пренебречь нельзя.

Когда подошло время ужина, у меня собрались Паламед, Аякс, Тевкр, еще один Аякс из Локриды, которого обычно называли Аякс Малый, верховный царь Аттики Менесфей, царь Аргоса Диомед, царь Этолии Фоант, царь Ормениона Эврипил и несколько других. К большому моему удивлению, многие из откликнувшихся на мой зов не давали клятву. Я объявил им, что намереваюсь вторгнуться на Троянский полуостров, захватить Трою и освободить Геллеспонт. Радея об интересах своего отсутствующего брата, я задержался на вероломстве Париса, пожалуй, чересчур долго, но это никого не ввело в заблуждение: все знали истинные причины этой войны.

— Все купцы уже стонут, дескать, необходимо открыть Геллеспонт. Нам нужно много олова и меди. Каннибалы-варвары на севере и на западе посматривают в нашу сторону. Многие из нас царствуют в городах, где население увеличилось — со всеми вытекающими последствиями: бедностью, беспорядками, заговорами. — Я обвел их суровым взглядом. — Поймите правильно, я не собираюсь начинать войну только ради того, чтобы вернуть Елену. Поход против Трои и государств Малой Азии может дать намного больше, чем просто пополнение наших богатств и

неограниченный доступ к дешевой бронзе. Этот поход даст нам возможность расселить наши разросшиеся народы на богатых и малонаселенных землях, которые лежат достаточно близко. Народы на берегах Эгейского моря уже говорят на ахейских наречиях. А теперь подумайте, что вся ойкумена вокруг Эгейского моря станет Элладой! Подумайте о ней как об Ахейской империи!

О, как им это понравилось! Они жадно проглотили наживку, все до единого; мне даже не пришлось использовать клятву, чему я был рад. Алчность — лучший помощник в делах, чем страх. Конечно, Афины всегда были моими союзниками — я никогда не сомневался в том, что Менесфей поддержит меня. Так же как и Идомей с Крита, третий верховный царь, когда прибудет в Микены. Но четвертый, Пелей, не поддержит. Я мог надеяться, самое большее, на отдельных его вассалов.

Менелай вернулся с Нестором несколько дней спустя. Я тут же приказал привести старика ко мне. Мы сидели в моих личных покоях вместе с Паламедом, Менелая я отпустил; благоразумие подсказывало, что его стоит держать в уверенности, будто Елена — единственная причина войны. Ему ни разу не пришло в голову, чем закончится ее возвращение, и это было хорошо. Он ни разу не подумал, что, когда она попадет в наши руки, ей не сносить головы.

Я представления не имел о возрасте царя Пилоса. Он был седовласым старцем уже тогда, когда я был мальчишкой. Его мудрость была безмерна, а способность проникать в суть происходящего так же остра, как и в те давние времена; в его пронизательных ярко-голубых глазах не было и намека на дряхлость, в его униженных кольцами пальцах — на старческую дрожь.

— Ну а теперь, Агамемнон, расскажи мне, что происходит, — потребовал он. — Твой брат с возрастом глупеет, вместо того чтобы набираться ума! Все, что я у него выпытал, — это какие-то бредни о том, будто Елену похитили, — ха! Я впервые слышу о том, чтобы эту женщину нужно было увозить силой! И не говори мне, что тебя одурачили, заставив потакать его прихотям! — Он фыркнул. — Война из-за женщины? Агамемнон, опомнись!

— Мы начинаем войну за олово, медь, расширение торговли, свободный проход через Геллеспонт и ахейские колонии вдоль Эгейского побережья Малой Азии, мой господин. Побег Елены вместе с содержимым сокровищницы моего брата — великолепный предлог, не более того.

— Гм... — Он поджал губы. — Я рад это слышать. Сколько воинов ты

надеешься собрать?

— Сейчас можно говорить о восьмидесяти тысячах, да еще нестроевые помощники, которых тоже достаточно, то есть всего получится больше ста тысяч. Будущей весной мы должны отправить в поход тысячу кораблей.

— Кампания грандиозная. Надеюсь, ты хорошо все продумал.

— Естественно, — ответил я заносчиво. — Однако все закончится очень быстро: такое полчище возьмет Троию в считанные дни.

Его глаза расширились.

— Ты так думаешь? Ты уверен, Агамемнон? Ты бывал когда-нибудь в Трое?

— Нет.

— Но ты должен был слышать рассказы о троянских стенах.

— Да, конечно, я слышал! Но, мой господин, ни одни стены в ойкумене не выдержат натиска ста тысяч человек!

— Возможно... Но я советую подождать, пока твои корабли не причалят к троянскому берегу и ты сможешь лучше оценить ситуацию. Мне говорили, Троя вовсе не похожа на Афины, с их обнесенной стенами крепостью и одной стеной, которая спускается к морю. Троя полностью окружена бастионами. Я полагаю, твой поход будет успешным. Но я также думаю, что он будет долгим.

— Мы с этим не согласны, мой господин, — твердо заявил я.

Он вздохнул:

— Будь что будет. Ни я, ни один из моих сыновей не давали клятвы, но ты можешь на нас рассчитывать. Если нам не удастся сокрушить власть Трои и государств Малой Азии, Агамемнон, мы — и Эллада! — просто исчезнем. — Он посмотрел на свои кольца. — Где Одиссей?

— Я отправил гонца на Итаку.

Он прищелкнул языком:

— Пст! Одиссей не попадется на эту удочку.

— Он обязан! Он тоже дал клятву.

— Что Одиссею до клятвы, как ты думаешь? Не то чтобы кто-то из нас мог обвинить его в святотатстве, но ведь это он сам все придумал! Он наверняка прочитал ее задом наперед у себя в уме. В душе он — человек мирный, и до меня доходили слухи, будто он остепенился и нашел счастье у домашнего очага. Он даже потерял вкус к интригам. Вот что может сделать с мужчиной счастливый брак. Нет, Агамемнон, он не захочет пойти с вами. Но тебе без него не обойтись.

— Я понимаю это, мой господин.

— Тогда отправляйся за ним сам. И возьми с собой Паламеда. — Он крякнул. — Рыбак рыбака видит издалека.

— Менелая тоже?

В его ярких глазах заплясали искорки.

— Обязательно. А не то он услышит слишком много про экономику и слишком мало — про любовь.

Мы поехали по суше и сели на корабль в маленькой деревушке на западном побережье острова Пелопа, чтобы переправиться через ветреный пролив на Итаку. Когда мы причалили, я мрачно оглядел остров, маленький, скалистый, кругом бесплодная пустошь, едва ли достойное царство для величайшего ума в ойкумене. Карабкаясь по крутой тропинке, которая вела к единственному на острове городу, я клял Одиссея на чем свет стоит за то, что он не позаботился снабдить свой пригодный для причала берег какими-нибудь средствами передвижения. Однако в городе нам удалось найти трех блохастых ослов; безмерно довольный, что никто из моих придворных не имел возможности наблюдать, как верховный царь взгромождается на осла, я отправился во дворец.

Несмотря на свой скромный размер, дворец меня удивил; он выглядел богато — величественные колонны и качество краски указывали на пышность внутреннего убранства. Конечно, за его супругой дали в приданое огромные земли, сундуки с золотом и драгоценности, которых хватило бы на царский выкуп. И как же ее отец, Икарий, противился, отдавая ее мужчине, который не мог обойтись без хитростей даже в состязании по ходьбе!

Я ожидал, что Одиссей поприветствует нас в портике, — молва о нашем приезде должна была нас опередить. Но когда мы, исполненные благодарности богам за благополучное прибытие, слезли с наших неблагородных скакунов, дворец встретил нас холодным безмолвием. Навстречу не вышел даже слуга. Я повел своих спутников внутрь — Зевс всемогущий, какие фрески! Какое великолепие! — чувствуя себя скорее озадаченным, чем оскорбленным, я обнаружил, что там не было ни одной живой души. Даже та окаянная собака, Аргос, которую Одиссей везде таскал за собой, нас не облаяла.

Двустворчатые бронзовые двери невиданной красоты указали нам на тронный зал; Менелай распахнул створки. Мы в изумлении застыли на пороге, пожирая глазами великолепие росписей, совершенство в подборе красок и женскую фигуру, с рыданиями припавшую к подножию трона. Ее голова была скрыта гиматием, но стоило ей приподнять его, как мы сразу

поняли, кто она, ибо лицо ее было густо покрыто татуировкой — голубой паутиной с карминным пауком на левой щеке: знак женщины, посвященной Афине Палладе в облике повелительницы ткацкого станка. Печать Пенелопы.

Она вскочила на ноги, потом упала на колени и поцеловала подол моей эксомиды.

— О мой господин! Мы не ждали тебя! Приветствовать тебя в таком виде... О, мой господин!

И она тут же разразилась новым потоком слез.

При виде женщины, бьющейся в истерике у моих ног, я чувствовал себя глупее некуда. Потом я поймал взгляд Паламеда и выдавил из себя улыбку. Разве можно ожидать, что все пойдет как надо, когда имеешь дело с Одиссеем и его половиной?

Паламед перегнулся через нее и прошептал мне на ухо:

— Мой господин, от меня будет больше пользы, если я поброжу тут немного. Можно?

Я кивнул, а потом поднял Пенелопу на ноги.

— Довольно, сестра, успокойся. Что случилось?

— Царь, мой господин! Царь сошел с ума! Совсем помешался! Даже меня не узнает! Он сейчас там, в священном саду, бормочет что-то, будто слабоумный!

Паламед вернулся как раз во время, чтобы это услышать.

— Мы должны взглянуть на него, Пенелопа, — заявил я.

— Да, мой господин, — согласилась она, икая, и пошла вперед, указывая нам путь.

Мы вышли в сад, расположенный позади дворца, откуда открывался вид на пахотные земли, простиравшиеся во всех направлениях; центр Итаки оказался намного плодороднее, чем окраины. Мы уже направились было вниз по ступеням, как вдруг, словно ниоткуда, появилась старуха с младенцем на руках.

— Моя госпожа, царевич плачет. Его давно пора кормить.

Пенелопа тут же взяла его на руки и принялась укачивать.

— Это сын Одиссея?

— Да, его зовут Телемах.

Я пощекотал его толстенькую щечку пальцем и двинулся дальше — судьба его отца была сейчас намного важнее. Мы прошли сквозь рощу оливковых деревьев, таких старых, что их истерзанные стволы были толщиной с быка, и оказались на обнесенной стенами делянке, где было больше голой земли, чем деревьев. И тут мы увидели Одиссея. Менелай

что-то пробормотал сдавленным голосом, а я только разинул рот. Он пахал землю с самой нелепой упряжкой, какую только можно было впрячь в плуг, — быком и мулом. Они тянули и дергали в противоположные стороны, отчего плуг подбрасывало и кидало, а борозда получалась такая изогнутая, словно ее провел Сизиф. В крестьянской войлочной шляпе на рыжих волосах, Одиссей небрежно кидал что-то через левое плечо.

— Что он делает? — спросил Менелай.

— Сеет соль, — с каменным выражением лица ответила Пенелопа.

Одиссей пахал и сеял соль, бормоча бессмыслицу и заливаясь безумным смехом. Хотя он не мог нас не видеть, в его глазах не мелькнуло ни тени узнавания; если в них и светилось что-то, то только несомненное безумие. Тот самый человек, в котором мы нуждались больше, чем во всех остальных, вместе взятых, был недостижим.

Зрелище было невыносимое.

— Пойдемте, оставим его.

Плуг переместился ближе к нам, животные задержались еще яростнее, не давая себя усмирить. И тут, без всякого предупреждения, Паламед прыгнул вперед. Мы с Менелаем оцепенели, а он выхватил ребенка из рук Пенелопы и положил его на землю, прямо под копыта быка. Пронзительно закричав, она рванулась к младенцу, но Паламед удержал ее. И тут упряжка остановилась; Одиссей мигом очутился перед быком и поднял сына.

— Что все это значит? — спросил Менелай. — Может, он все-таки в здравом уме?

— Здоровее не бывает, — улыбнулся Паламед.

— Он притворялся безумцем?

— Конечно, мой господин. Как еще мог он избежать выполнения данной клятвы?

— Но как ты узнал? — спросил Менелай, совершенно сбитый с толку.

— Я наткнулся на разговорчивого слугу прямо у тронного зала. Он сообщил мне, что вчера Одиссею предсказали: если он поедет в Трою, то должен будет провести вдали от Итаки целых двадцать лет.

Паламед наслаждался своим маленьким триумфом.

Одиссей вернул ребенка Пенелопе, которая на этот раз рыдала по-настоящему. Все знали, что Одиссей — великий актер, но Пенелопа тоже умела играть. В этой паре один другого стоил. Его рука обнимала ее, в то время как серые глаза не отрываясь глядели на Паламеда. Их выражение не сулило ничего хорошего. Паламед заручился ненавистью человека, которому ничего не стоило прождать целую жизнь, пока не подвернется верная возможность отомстить.

— Я раскрыт, — резко бросил Одиссей. — Насколько я понимаю, тебе нужны мои услуги, мой господин?

— Нужны. Почему ты так неохотно их предлагаешь, Одиссей?

— Война с Троей будет делом долгим и кровавым, мой господин. Я не хочу в ней участвовать.

Еще один говорил о том, что поход будет долгим! Разве могла Троя устоять перед сотней тысяч воинов, не важно, как высоки ее стены?

Я возвратился в Микены с Одиссеем, полностью посвятив его во все детали случившегося. Уж ему-то не стоило рассказывать сказку о том, что Елена была похищена. Как обычно, он оказался сокровищницей советов и дельных сведений. Ни разу не обернулся он посмотреть, как Итака исчезает за горизонтом; ничем не выказал тоску по супруге, хотя супруга его тоже оказалась крепким орешком. Оба сдержанные и таинственные — Одиссей и его паутинноликая Пенелопа.

Когда мы прибыли в Львиный дворец, я обнаружил там своего двоюродного брата Идоменея, приплывшего с Крита. Он горел желанием присоединиться к любому походу на Трою — не даром, конечно. Я должен был разделить с ним командование войском, на что я с готовностью согласился. Будем мы командовать оба или нет, он все равно будет мне подчиняться. Он был по уши влюблен в Елену и принял ее отступничество (я вынужден был и ему рассказать всю правду) очень болезненно.

Список давших клятву был практически исчерпан, писцы выуживали из памяти последние имена, корабельные плотники все до единого трудились в полную силу. К счастью, мы, ахейцы, по праву считались лучшими кораблестроителями, наши леса изобиловали высокими, прямыми соснами и елями, чтобы рубить на мачты и варить смолу, у нас было вдоволь рабов, из волос которых плели канаты, и скота, из шкур которого кроили паруса. И команду для флота нам не нужно было искать на стороне, а это тоже было нам на руку. Наши силы оказались даже больше, чем я предполагал: обещаны были тысяча двести кораблей и больше ста тысяч мужей.

Как только началось строительство флота, я созвал тайный совет. Мы с Нестором, Идоменеем, Паламедом и Одиссеем собрались у меня в покоях, чтобы тщательно все обсудить. Потом я попросил Калханта прочитать волю богов.

— Правильно, — одобрил Нестор.

Он всегда предпочитал положиться на совет небожителей.

— Что говорит Аполлон, жрец? — спросил я Калханта. — Ждет ли нас

победа в походе?

Он ни мгновения не колебался:

— Только если с вами пойдет Ахилл, седьмой сын царя Пелея, мой господин.

— Опять этот Ахилл! — Я заскрежетал зубами. — Куда бы я ни повернулся, везде твердят его имя!

Одиссей пожал плечами:

— Это славное имя, Агамемнон.

— Ха! Ему еще и двадцати не стукнуло!

— Не важно, — перебил Паламед. — Мне кажется, нам надо услышать о нем еще больше.

Он повернулся к Калханту:

— Когда будешь уходить, скажи Аяксу, сыну Теламона, что мы хотим его видеть.

Ему не нравилось, что им командуют ахейцы. Но косоглазый альбинос повиновался. Понимал ли он, что по моему приказу за ним следят денно и ночью — так, на всякий случай?

Вскоре после ухода Калханта вошел Аякс.

— Расскажи мне про Ахилла, — попросил я.

Эта незамысловатая просьба разбудила такой поток славословия, что никому было не под силу ждать, пока он иссякнет. И вместе с тем он не сказал ничего, о чем бы мы уже не знали. Я поблагодарил сына Теламона и отпустил его. Ну и увалень же.

— Ну? — был мой вопрос совету.

— То, что мы думаем, Агамемнон, не имеет значения, — произнес Одиссей. — Жрец сказал, нам нужен Ахилл.

— Который не явится по первому зову, — добавил Нестор.

— Спасибо за предупреждение, уж это-то мне точно известно, — отрезал я.

— Спокойнее, мой господин, — сказал старик. — Пелей немолод. И он не давал клятвы. Он не обязан помогать нам, и он помощи не предлагал. Но подумай, Агамемнон, только подумай! Что могли бы мы сделать, если бы мирмидоняне присоединились к нашему войску?

Его голос зазвучал тверже, когда он произнес это волшебное слово; в комнате повисла тяжелая тишина, которую он сам же и нарушил:

— Если бы речь шла о том, кому прикрывать меня с тыла, то я предпочел бы одного мирмидонянина полсотне других воинов.

— Тогда, — сказал я, решив, что кому-то из собравшихся здесь придется пострадать, — ты, Одиссей, бери Нестора с Аяксом, и

отправляйтесь в Иолк просить царя Пелея послать с нами Ахилла и мирмидонских воинов.

Глава девятая, рассказанная Ахиллом

Я был совсем близко — так близко, что мог чувствовать запах его огромной туши и его ярость. Твердо держа в руке копье, я пополз в его направлении, по-прежнему прячась в зарослях. Вот он фыркает, вот с шумом роет копытом землю. И тут я его увидел. Размером с небольшого быка, туловище посажено на короткие, сильные ноги, черная шерсть дыбом, длинные губы растянуты в свирепом оскале кривых пожелтевших клыков. Глаза его принадлежали тому, кому был предначертан Тартар;^[12] он уже видел перед собой призраки фурий, и его переполняла слепая ярость животного, обделенного разумом. Матерого человекоубийцы.

Я громко вскрикнул, чтобы заявить ему о своем присутствии. Сначала он не двинулся с места, потом медленно повернул свою массивную голову, чтобы посмотреть на меня. Поднимая копытом пыль, он нагнул рыло и поднял клыками ком земли, собираясь с силой для нападения. Я вышел на прогалину и ждал со Старым Пелионом в правой руке и другим копьем в левой, бросая ему вызов. Вид человека, открыто бросающего ему вызов, был для него в новинку; какое-то мгновение он словно размышлял. И бросился в мою сторону неуклюжей гулкой рысью, которая тут же перешла в стремительный галоп. Удивительно, что такая огромная тварь могла так быстро бегать.

Я прикинул, на каком уровне он ударит, и не двинулся с места, схватив Старый Пелион обеими руками, острием слегка вверх. Уже близко. Благодаря весу мышц, выросших на его костях, он мог с легкостью протаранить дерево. Увидев красные вспышки в его глазах, я пригнулся, потом шагнул вперед и погрузил Старый Пелион ему в грудь. Он навалился на меня, и я наклонился к земле; меня захлестнул дымящийся поток его вытекающей жизни. Но я устоял на ногах и изо всех сил уперся ему в голову, отражая его натиск, — руки обхватили древко копья, ноги скользили в крови. Так он и сдох, изумленный, что повстречал более могучего противника. Я вытащил Старый Пелион из его груди, отрубил клыки — это был редкий трофей, который украсит любой боевой шлем, — и оставил его гнить.

Неподалеку я отыскал укромную бухточку и спустился по вьющейся змейкой тропинке к ее дальнему краю, где изгибался бегущий навстречу

морю ручей. Не обращая внимания на призывно сверкавшие струи, я побрел по песку к кромке набегающих волн. И, лениво поплавав, улегся на солнце рядом со своими пожитками.

Возможно, я ненадолго уснул. Или, может, меня уже тогда поразил морок. Помню только, что у меня помутилось в голове. Когда сознание вернулось, солнце уже скользило к верхушкам деревьев и в воздухе стояла легкая прохлада. Пора идти. Патрокл будет волноваться.

Я встал, чтобы собрать свои вещи, и это действие было последним, которое я совершил в здравом рассудке. Как объяснить необъяснимое? С тех пор для меня это стало мороком, промежутком времени, когда я был отрезан от всего сущего, сохраняя при этом связь с каким-то отдельным его воплощением. Мне в ноздри ударило зловоние, бывшее для меня признаком смерти, пляж сжался до ничтожно малых размеров, а храм, который притулился наверху у края обрыва, вырос настолько, что мне показалось, будто он вот-вот опрокинется и рухнет мне на голову. Все, что я видел вокруг себя, было основано на противоречиях: маленькое — выросло, а большое — уменьшилось.

Со струйками соленой слюны, вытекающими из уголков рта, я упал на колени, сломленный страхом, одинокий, в слезах, полный чувства утраты; вся моя молодость и сила были бессильны помочь мне изгнать охвативший меня смертельный ужас. Моя левая рука задрожала, левая половина лица искривилась, спина напряглась и выгнулась дугой. И все же я цеплялся за край сознания, твердо намереваясь не позволить этим ужасным конвульсиям захватить меня еще больше. Солнце уже село, окрасив небосвод в розовый цвет. Неподвижный воздух наполнился птичьим пением.

Дрожа, как в лихорадке, я поднялся на ноги; во рту стоял привкус гнили. Мне даже не пришлось в голову поднять вещи или вспомнить про Старый Пелион. Все, чего я хотел, это вернуться к нашему биваку и умереть на руках у Патрокла.

Он был на месте, услышал мои шаги, подбежал ко мне, потрясенный моим видом, и уложил меня у костра на ложе из теплых шкур. Стоило мне глотнуть вина, и я почувствовал, как привычное ощущение жизни возвращается в мое тело; я стряхнул с себя остатки бессознательной паники и сел, с безграничной благодарностью прислушиваясь к глухому стуку собственного сердца.

— Что случилось? — спросил Патрокл.

— Проклятье, — ответил я охрипшим голосом. — Морок.

— Вепрь тебя ранил? Ты упал?

— Нет, с ведром я легко справился. Потом спустился к морю, чтобы смыть его кровь. И там меня ждал морок.

С глазами, расширенными от удивления, он присел на корточки.

— Что за морок, Ахилл?

— Словно ко мне пришла смерть. Я чувствовал ее запах и вкус. Бухта сжалась, храм вырос до гигантских размеров — ойкумена искривилась, сменив облик, подобно Протею. Патрокл, мне казалось, я умираю! Я никогда не чувствовал себя так одиноко! И я был беспомощен, как старик, меня охватил малодушный страх. Так что же со мной случилось? Прогневал ли я кого-нибудь из богов? Может, я оскорбил чем-нибудь владыку небес и владыку морей?

На его лицо легла тень озабоченности и сочувствия; потом он сказал мне, что я выглядел так, словно и правда получил поцелуй смерти, ибо в лице у меня не было ни кровинки, я дрожал, как осина на ветру, и нагота моя была прикрыта лишь порезами и царапинами.

— Приляг, Ахилл, дай я накрою тебя от холода. Это мог быть и не морок, а просто сон.

— Скорее уж ночной кошмар.

— Поешь немного и выпей еще вина. За убийство вепря крестьяне принесли нам четыре шкуры самой лучшей выделки.

Я прикоснулся к его руке:

— Если бы я не нашел тебя, Патрокл, я бы сошел с ума. Мне невыносима мысль о том, чтобы умереть в одиночестве.

Он взял мои руки в ладони и поцеловал.

— Я намного больше, чем просто твой двоюродный брат, я — твой друг. Я всегда буду с тобой.

Мягко и совсем нестрашно навалилась дремота. Патрокл проснулся раньше меня; потрескивал костер, над языками пламени на вертеле крутился кролик, которому суждено было стать нашим завтраком. Хлеб тоже был, принесенный женщинами из деревни в благодарность за убийство вепря.

— Выглядишь как обычно, — широко улыбнулся Патрокл, протягивая мне жареного кролика на хлебной лепешке.

— Да, — сказал я, принимая еду.

— Ты помнишь все так же ясно, как и вчера вечером?

Меня бросило в дрожь, но хлеб с кроликом отогнали страшные воспоминания.

— И да и нет. Морок, Патрокл. Кто-то из богов говорил со мной, а я не понял, что он хотел мне сказать.

— Время все прояснит.

Патрокл суетился, занимаясь мелкими делами, которые он взял на себя, чтобы я всегда был устроен как можно удобнее; как я ни старался, мне не удалось отучить его от привычки прислуживать.

Он был на пять лет старше меня. Когда отец Патрокла, Менетий, умер от болезни на Скиросе, царь Скироса, Ликомед, усыновил его и сделал своим наследником. Как давно это было... Нас соединяло родство — Менетий был незаконнорожденным сыном моего деда Эака; мы оба остро чувствовали нашу кровную связь еще и потому, что оба были единственными сыновьями и ни у одного из нас не было сестер. Ликомед был о нем очень высокого мнения, что вовсе не удивительно. Патрокл относился к редкому типу истинно достойных мужей.

Завтрак был съеден, бивак свернут, я надел набедренную повязку и сандалии, заткнул за пояс бронзовый кинжал и взял другое копье.

— Жди меня здесь. Я скоро вернусь. Моя одежда и трофеи все еще на берегу. И Старый Пелион тоже.

— Можно пойти с тобой? — быстро спросил Патрокл с испуганным видом.

— Нет. Это дело между богом и мной.

Его глаза опустились.

— Как скажешь, — кивнул он.

В этот раз найти путь было легче, и я шел по нему так быстро, как мог бы идти лев. Когда я спустился к морю собрать одежду, взять клыки и Старый Пелион, бухта выглядела вполне невинно. Нет, источник морока был в другом месте. И в этот момент мой взгляд, странствуя по вершине утеса, упал на святилище. Мое сердце гулко забилося. Где-то на этой стороне острова добровольно служила Нерею моя мать — так это ее владения? Я забрел по ошибке в ее святилище, оскорбил ненароком кого-то из старых богов и был за это повержен?

Я медленно вскарабкался на вершину и подошел к храму, вспомнив, до каких огромных размеров он вырос, когда мной овладел морок. О да, это были владения моей матери. Разве не предупреждал меня царь Ликомед, чтобы я никогда не бродил здесь, в местах, где моя мать, вопреки его воле, устроила себе жилище?

Она ждала меня в тени у алтаря. Внезапно мне пришлось опереться на Старый Пелион, словно на посох, — ноги мои так ослабели, что я едва мог стоять. Мать! Моя мать, которую я никогда не видел.

Такая крошечная! Она была мне чуть ли не по пояс. У нее были бело-

голубые волосы, темно-серые глаза и такая прозрачная кожа, что под ней просвечивали вены.

— Ты — мой сын, тот, у кого Пелей отобрал бессмертие.

— Да, это я.

— Это он послал тебя ко мне?

— Нет, я оказался здесь по воле случая.

Я дрожащей рукой опирался на Старый Пелион.

Что должен чувствовать мужчина, когда видит свою мать впервые в жизни? Эдип ощутил вожделение, взял ее себе в жены и сделал царицей, несмотря на то что она вскормила его своей грудью. Но похоже, во мне не было Эдиповой страсти, ибо я не ощущал ни намека на вожделение или восхищение ее красотой и кажущейся молодостью. Наверно, мои чувства можно было описать как удивление, неловкость, как... да, отторжение. Эта странная маленькая женщина убила шестерых моих братьев и предала моего любимого отца.

— Ты ненавидишь меня!

В ее голосе звучало возмущение.

— Это не ненависть. Неприязнь.

— Как Пелей называл тебя?

— Ахилл.

Она поглядела на мой рот и презрительно кивнула.

— Очень удачно! Даже у рыб есть губы, а у тебя — нет. Отсутствие губ превращает твое лицо из образчика красоты в незаконченную маску. В мешок с прорезью.

Она была права. Я ее ненавидел.

— Что ты делаешь на Скиросе? Пелей с тобой?

— Нет. Я один приезжаю сюда каждый год на шесть лун. Я — зять царя Ликомеда.

— Уже женат? — едко поинтересовалась она.

— Я женат с тринадцати лет, а мне уже почти двадцать. Моему сыну шесть.

— Какая досада! А твоя жена? Она тоже дитя?

— Ее зовут Деидамия, и она старше меня.

— Что ж, все это очень удобно для Ликомеда. И для Пелея. Они тебя стреножили, и вполне безболезненно.

Не найдясь что ответить, я промолчал. Она тоже. Молчание растянулось до бесконечности. Я, наученный Хироном и отцом всегда уступать старшим, не смел прервать его, ибо не мог прервать его вежливо. Может быть, она и в самом деле богиня, хотя мой отец отрицал это всякий

раз, когда вино брало над ним верх.

— Ты должен был стать бессмертным, — наконец сказала она.

Я рассмеялся:

— Мне не нужно бессмертие! Я — воин, мне нравится удел мужа. Я чту богов, но никогда не мечтал быть одним из них.

— Ты никогда не думал о том, что значит быть смертным.

— Это значит только то, что мне предстоит умереть.

— Именно, — мягко согласилась она. — Ты должен умереть, Ахилл. Но разве мысль о смерти тебя не пугает? Ты называешь себя мужем, воином. Но воины умирают раньше других мужчин.

Я пожал плечами.

— Как бы то ни было, меня ждет смерть. Я скорее предпочту умереть в молодости и славе, чем в старости и забвении.

На мгновение ее глаза затуманились голубизной, а лицо омрачилось печалью, — я не думал, что она способна чувствовать нечто подобное. По прозрачной коже щеки побежала слеза, но она нетерпеливо смахнула ее и снова обратилась в существо, которому чужда жалость.

— Слишком поздно спорить об этом, мой сын. Ты должен умереть. Но я могу предложить тебе выбор, ибо вижу твое будущее. Мне известна твоя судьба. Скоро за тобой придут, чтобы позвать на великую войну. Но если ты пойдешь, то погибнешь. Если же нет, ты проживешь до глубокой старости и будешь очень счастлив. В молодости и славе или в старости и забвении. Решать тебе.

Я усмехнулся:

— Что тут решать? Я выбираю смерть в молодости и славе.

— Почему бы сначала не подумать немного о смерти? — спросила она.

Ее слова вошли в меня, как отравленная стрела. Я не мог отвести взгляда от ее глаз, которые вдруг поплыли и растворились, лицо потеряло форму, небо у нее над головой расплавилось и потекло ей под ноги. Когда она выросла настолько, что коснулась головой облаков, я понял, что мной снова овладел морок, и понял, кто наслал его на меня. Из уголков моего рта сочилась слюна, мне в ноздри ударил гнилой смрад, ужас и одиночество заставили меня упасть перед ней на колени. Моя левая рука задержалась, левая сторона лица исказилась. Но на этот раз она сделала морок еще сильнее. Я потерял сознание.

Когда я очнулся, она сидела рядом со мной на земле, растирая в ладонях сладко пахнущие травы.

— Встань, — приказала она.

Не в силах сосредоточиться, ослабевший как телом, так и разумом, я медленно встал.

— Слушай меня, Ахилл! — резко сказала она. — Слушай меня! Ты принесешь клятву старым богам, и эта клятва будет страшнее любой из тех, которые дают новым. Нерею, моему отцу, морскому старцу; Великой матери, которая носит нас всех; Коре, богине ужаса; повелителям Тартара, бездны страданий, и мне, в моей божественной сущности. Ты принесешь ее прямо сейчас, понимая, что нарушить ее нельзя. Если ты нарушишь ее, ты навеки потеряешь рассудок и Скирос потонет в пучине, так же как потонула Тера, повинная в святотатстве.

Она крепко схватила меня за плечо и потрянула.

— Ахилл, ты слышишь меня? Слышишь?

— Да, — промямлил я.

— Я должна спасти тебя от себя самого, — сказала она, разбивая старое яйцо в чашу с маслянистой кровью и выплескивая кровь на алтарь. Потом она взяла мою правую руку и крепко вжала ладонью в скользкое месиво. — Теперь клянись!

Я повторил за ней, слово в слово:

— Я, Ахилл, сын Пелея, внук Эака и правнук Зевса, клянусь, что вернусь во дворец царя Ликомеда и оденусь в женское платье. Я останусь во дворце сроком на один год, всегда одетый в женское платье. Если придет кто-то, спрашивая Ахилла, я спрячусь в гареме и буду избегать общения с ним даже через посредников. Я разрешу царю Ликомеду говорить от моего имени и буду повиноваться ему, не прекословя. Во всем этом я клянусь Нереем, Великой матерью, Корой, повелителями Тартара и богиней Фетидой.

Как только я произнес эти ужасные слова, мое замешательство исчезло; все вокруг обрело свои истинные краски и очертания, и ко мне вернулась ясность мысли. Но было уже слишком поздно. Ни один мужчина не мог принести такую страшную клятву и нарушить ее. Моя мать связала меня по рукам и ногам — я не мог противиться ее воле.

— Будь ты проклята! — воскликнул я, сдерживая рыдания. — Будь ты проклята! Ты сделала меня женщиной!

— Во всех мужах есть женщина, — ухмыльнулась она.

— Ты меня обесчестила!

— Я помешала тебе отправиться на раннюю смерть, — ответила она, толкнув меня к тропинке. — Теперь возвращайся к Ликомеду. Тебе не придется ничего ему объяснять. Когда ты доберешься до дворца, он уже все узнает.

Ее глаза снова подернулись голубизной.

— Я делаю это из любви к тебе, мой бедный безгубый сын. Я — твоя мать.

Я ни слова не сказал Патроклу, когда вернулся к нему, просто взвалил на плечи свою часть поклажи и зашагал во дворец. Он же, как всегда, подстраиваясь под мое настроение, не стал задавать вопросов. Или, может быть, он уже знал то, что наверняка знал Ликомед, когда мы прошли через ворота во внутренний двор. Он ждал нас там, сжавшийся, побежденный.

— Я получил послание от Фетиды.

— Тогда ты знаешь, что мы должны сделать.

— Да.

Моя жена сидела у окна, когда я вошел в ее комнату. Она повернула голову на звук открывшейся двери и распахнула мне объятия, сладко улыбаясь. Я поцеловал ее в щеку и устремил взгляд в окно, на гавань и городок внизу.

— И это все, что ты припас для меня? — спросила она, но без возмущения: Деидамия никогда не выходила из себя.

— Тебе ведь известно то, что известно всем, — вздохнул я.

— Ты должен надеть женское платье и прятаться в отцовском гареме, — кивнула она. — Но только когда у нас гости, а это будет нечасто.

Ставень под моей рукой раскололся в щепки, настолько велика была моя мука.

— Как я смогу это сделать, Деидамия? Какое унижение! Какая удачная месть! Эта дрянь насмехается над моим мужским естеством!

Моя жена вздрогнула и сделала правой рукой знак, отгоняющий дурной глаз.

— Ахилл, не гневи ее больше! Она — богиня! Говори о ней с уважением.

— Никогда! — процедил я сквозь зубы. — Она не уважает во мне мужчину. Меня поднимут на смех!

На этот раз она пожала плечами:

— В этом нет ничего смешного.

Глава десятая, рассказанная Одиссеем

Ветра и течения всегда больше благоприятствовали путешественникам, чем длинные, извилистые сухопутные дороги, поэтому мы отправились в Иолк по морю, прижимаясь к берегу. Когда мы вошли в гавань, я стоял на палубе вместе с Аяксом; это было мое первое путешествие в земли мирмидонян, и Иолк показался мне очень красивым — хрустальный город, сверкающий на зимнем солнце. Никаких стен. Позади дворца высилась гора Пелион, укутанная в чистый белый снег. Поплотнее запахивая меховую накидку, я подышал себе на руки и искоса посмотрел на Аякса.

— Хочешь сойти на берег первым, мой колосс?

Он спокойно кивнул — игра слов была ему непонятна. Он перекинул массивную ногу за поручень, нащупал верхнюю петлю веревочной лестницы и быстро спустился. Одет он был так же, как тогда, когда я увидел его в Микенском дворце, — в набедренную повязку. На его безупречной коже не было никаких признаков переохлаждения. Я позволил ему спуститься на берег, а потом прокричал вниз, чтобы он раздобыл нам какое-нибудь средство передвижения. Хорошо известный в Иолке, он получит возможность выбрать что-нибудь приличное.

Нестор был занят, пакуя свои пожитки в тайник на кормовой палубе.

— Аякс пошел найти нам повозку. Ты готов спуститься на берег или предпочтешь подождать меня здесь? — лукаво поинтересовался я. Сердить Нестора было забавно.

— С чего это ты взял, будто я такой дряхлый? — отрезал он, вскакивая на ноги. — Конечно же, я спущусь на берег.

Все еще бормоча себе под нос, он сердито вышел на палубу. Нетерпеливо оттолкнув руку матроса, который хотел ему помочь, он спустился по лестнице легко, словно мальчишка. Смешной старикан.

Пелей лично приветствовал нас в своем доме. Когда я был юношей, а он мужем в расцвете сил, мы часто встречались, но это было давно. С тех пор он состарился, но сохранил прямую, гордую осанку. Царственную. Красивый мужчина, и мудрый. Жаль, что у него был только один сын, чтобы ему наследовать; с таким отцом, как Пелей, молодому Ахиллу есть к чему стремиться.

Удобно усевшись перед большой жаровней, в которой горел огонь, с бокалом подогретого со специями вина, я объяснил цель нашего приезда. Несмотря на старшинство Нестора, говорить пришлось мне, — если я наломаю дров, он сможет любезно откланяться, негодяй.

— Агамемнон, царь Микен, прислал нас просить тебя об одолжении, мой господин.

Он бросил на меня проницательный взгляд и произнес:

— Елена.

— Новости расходятся быстро.

— Я ожидал гонца от царя царей, но тщетно. У моих корабельщиков еще никогда не было столько работы — верфи просто гудят.

— Ты не давал клятву на четвертованном коне, Пелей, и Агамемнон не мог послать за тобой. Ничто не обязывает тебя помогать Менелаю.

— Все равно. Я слишком стар, чтобы идти на войну, Одиссей.

Нестор решил, что я слишком отклонился от темы.

— По правде говоря, Пелей, мы пришли не за тобой. Мы приехали справиться, не могли бы мы заручиться услугами твоего сына.

Верховный царь Фессалии едва заметно поморщился.

— Ахилла... Я надеялся, что этого не случится, но я этого ожидал. Без сомнения, он с готовностью примет предложение Агамемнона.

— Тогда мы можем спросить его?

— Конечно.

Я улыбнулся, стряхнув напряжение:

— Агамемнон благодарен тебе, Пелей. И я благодарю тебя от своего имени. От всего сердца.

Он посмотрел на меня долгим пристальным взглядом:

— У тебя есть сердце, Одиссей? Я всегда думал, что ты обладаешь только рассудком.

На мгновение перед моим внутренним взором мелькнул любимый образ Пенелопы, но тут же пропал. Я вернул ему его пристальный взгляд.

— Нет, у меня нет сердца. К чему оно? Сердце — это большая обуза.

— Тогда то, что о тебе говорят, — правда.

Он взял кубок с треногого столика, прекрасного образчика искусства египетских мастеров.

— Если Ахилл решит идти на Трою, — сказал он наконец, — он поведет с собой мирмидонян. За эти двадцать с лишнем лет они стосковались по ратным подвигам.

Кто-то вошел; Пелей улыбнулся и протянул руку:

— Это Феникс, мой давний друг и соратник. У нас очень высокие

гости, Феникс, — это царь Пилоса, Нестор, и Одиссей, царь Итаки.

— Я видел Аякса снаружи, — сказал Феникс, низко кланяясь.

По годам он был где-то между Пелеем и Нестором, держался очень прямо и воинственно, так, как это присуще мирмидонянам, — белокурый, высокий, подтянутый.

— Ты отправишься с Ахиллом на Трою, Феникс, — сказал Пелей. — Присматривать за ним от моего имени, защищать его от судьбы.

— Я отдам за него жизнь, мой господин.

Все это было очень хорошо, но я понемногу начинал терять терпение.

— Можем ли мы увидеться с Ахиллом лично?

Фессалийцы смутились.

— Ахилла нет в Иолке, — сказал Пелей.

— Тогда где же он? — поинтересовался Нестор.

— На Скиросе. Он каждый год проводит там шесть холодных лун — он женат на Деидами, дочери Ликомеда.

Я с досадой хлопнул себя по бедру:

— Итак, нам придется проделать еще один зимний поход.

— Вовсе нет, — с дружеской теплотой ответил Пелей. — Я пошлю за ним.

Но я почему-то знал: если мы не возьмемся за дело сами, не видать нам, как Ахилл вытаскивает корабли Иолка на пески Авлиды. Я покачал головой:

— Нет, мой господин. Агамемнон предпочел бы, чтобы мы поговорили с Ахиллом лично.

И снова мы вошли в гавань и проделали путь от города до дворца; разница была в том, что на этот раз дворец был не намного крупнее большого дома. Скирос не отличался богатством.

Ликомед оказал нам теплый прием, но, когда мы уселись немного перекусить и утолить жажду, я почувствовал, как у меня по коже побежали мурашки. Здесь что-то было не так, и это касалось не только Ликомеда. Дворец словно замер в странном напряжении. Слуги — только мужского пола — сновали туда-сюда, не глядя на нас, лицо Ликомеда было словно искажено страхом, его наследник Патрокл вошел и вышел так быстро, что я почти принял его за плод собственного воображения, и — что внушало больше всего беспокойства — нигде не слышалось ни звука женского голоса. Ни одна женщина, даже вдалеке, не смеялась, не причитала, не взвизгивала и не заливалась слезами. Как странно! Жены не принимали участия в делах мужей, но при этом они полностью осознавали свою

важность в делах семьи и наслаждались привилегиями, которых ни один муж не посмел бы у них отнять. В конце концов, именно они правили ойкуменой при старых богах.

Мурашки, бегавшие у меня по спине, превратились в булавки и иголки, нос задергался, ощутив старый, знакомый запах опасности; я поймал взгляд Нестора. Да, он почувствовал то же самое. Его брови поползли вверх, и я вздохнул. Все правильно. Нас ждут неприятности.

Вернулся молодой красавец Патрокл. Я оглядел его более пристально, задаваясь вопросом, какое отношение он имеет ко всем этим странностям. Мягкий и добрый, достаточно воинственный и мужественный, но, скорее всего, слишком однобокий в своих привязанностях — привязанностях, которые, как я про себя решил, на женщин не распространялись. Что ж, он имел на это право. Никто не подумал бы о нем ничего дурного из-за того, что он предпочитал мужчин. На этот раз он сел с нами с самым несчастным видом.

Я прокашлялся.

— Царь Ликомед, наше задание не терпит отлагательств. Мы ищем твоего зятя, Ахилла.

Последовала странная, непостижимая пауза; Ликомед чуть не выронил кубок и неуклюже встал.

— Ахилла нет на Скиросе, мой господин.

— Нет? — уныло переспросил Аякс.

— Нет. — Ликомед казался сконфуженным. — Он... он жестоко рассорился со своей женой, моей дочерью, и покинул остров, поклявшись, что никогда не вернется.

— Его нет в Иолке, — осторожно возразил я.

— Должен признаться, я и не думал, что он там, царь Одиссей. Он говорил про Фракию.

Нестор вздохнул:

— О боги, боги! Похоже, нам не суждено найти этого юношу, да?

Вопрос предназначался мне, но я ответил не сразу, слишком сосредоточенный на внезапном прозрении, принесшем огромное облегчение. Мой инстинкт не ошибся. Здесь замышлялось что-то серьезное, и Ахилл был тому причиной. Я поднялся:

— Раз Ахилла здесь нет, я думаю, нам следует сейчас же отправиться в путь, Нестор.

Я ждал, зная, что Ликомеду придется проявить надлежащую любезность, дабы не прогневить Зевса Гостеприимного. И пока я ждал, я повернулся так, чтобы только Нестор мог видеть мое лицо, и стрельнул в

него глазами, предупреждая.

Ликомед сделал то предложение, которое был обязан сделать:

— Хотя бы переночуйте у нас, Одиссей. Царю Нестору нужен отдых.

Я не отрывал от Нестора пристального взгляда; вместо того чтобы заявить, что он готов пойти войной на Олимп, он натянул личину жалкой, сморщенной, дряхлой развалины. Старый прохиндей.

— Благодарю тебя, царь Ликомед! — воскликнул я с облегчением. — Всего лишь сегодня утром Нестор говорил, как он устал. От зимних штормов на море у него все болит. — Я потупил взгляд. — Надеюсь, наше присутствие не причинит вам неудобства.

Оно причиняло ему неудобство. Он вовсе не думал, что я приму его формальное приглашение, раз наша миссия провалилась и мы должны были спешить в Микены, чтобы сообщить эту новость Агамемнону. Однако он скрыл свое разочарование. Так же как и Патрокл.

Позже я пришел в комнату к Нестору и уселся на подлокотник кресла, пока он отмокал в горячей ванне, а слуга — мужского пола, как удивительно! — отскребал с его морщинистой кожи соль и грязь. Как только Нестор встал на пол, закутанный в льняные простыни, слуга вышел.

— Что ты обо всем этом думаешь? — спросил я Нестора.

— На этот дом легла тень, — с уверенностью заявил он. — Если бы Ахилл поссорился со своей женой и отправился во Фракию, это могло бы повлечь за собой тяжелые последствия, но я сомневаюсь, будто все именно так и было. Но думаю, дело не в этом.

— Я считаю, Ахилл здесь, во дворце.

Его глаза расширились.

— Нет! Он прячется, да, но не здесь.

— Здесь. Мы слышали о нем достаточно, чтобы понять, что он порывист и воинствен. Если бы он находился далеко от Ликомеда и Патрокла, они не смогли бы его контролировать. Он здесь, во дворце.

— Но почему? Он не давал клятвы, так же как и Пелей. Если бы он отказался идти на Трою, в этом не было бы бесчестия.

— О, он хочет пойти! Отчаянно. Это другие не хотят его отпускать. И они как-то связали его.

— Что же нам делать?

— А ты как думаешь?

Он скорчил рожу.

— Нам нужно разведать каждый уголок в этом маленьком здании. Днем это сделаю я. Притворюсь дряхлым старцем. А когда все уснут,

настанет твоя очередь. Ты на самом деле считаешь, будто они держат его под замком?

В это я поверить не мог.

— Они бы не осмелились, Нестор. Если бы это дошло до Пелея, он бы разорвал этот остров на части не хуже самого Посейдона. Нет, они связали его клятвой.

— Логично. — Он принялся одеваться. — До ужина еще долго?

— Немного времени есть.

— Тогда иди поспи, Одиссей, а я пока поброжу.

Он пришел, чтобы разбудить меня к ужину, раздосадованный.

— Чума их возьми! — ворчал он. — Если они прячут его здесь, то я не могу понять где. Я забрел в каждый уголок от крыши до подземелья, нигде и следа его нет. Единственное место, куда я не смог попасть, это женская половина. Вход под охраной.

— Тогда там он и есть, — ответил я, вставая с ложа. — Гм...

Мы вместе спустились к ужину, гадая, перенял ли Ликомед ассирийские обычаи настолько, чтобы запретить женам входить в трапезную. Слуга-мужчина в качестве банщицы? Нигде ни одной женщины? Охрана у входа на женскую половину? Очень подозрительно. Ликомед не хотел, чтобы до нас дошли сплетни, поэтому он держал своих жен от нас подальше.

Но женщины были здесь, разумеется все до одной загнанные в самый дальний и темный угол. Я подумал, что Ликомеду придется выпустить их для основной трапезы — размеры его кухни и его дворца говорили о том, что ему было бы невозможно кормить их на женской половине, не рискуя создать хаос перед лицом высоких гостей.

Но Ахилла среди них не было. Ни одна из нечетко маячивших в полутьме женских фигур не была достаточно велика, чтобы быть Ахиллом.

— Почему женщины едят отдельно? — спросил Нестор, когда принесли еду и мы уселись за высокий стол с Ликомедом и Патроком.

— Они оскорбили Посейдона, — быстро ответил Патрокл.

— И? — спросил я.

— Им на пять лет запрещено общаться с мужчинами.

Я поднял брови.

— Даже в постели?

— Это позволено.

— Больше похоже на повеление Великой матери, чем Посейдона, — заметил Нестор, потягивая вино.

Ликомед пожал плечами:

— Оно исходило от Посейдона, а не от Великой матери.
— Через его жрицу Фетиду? — поинтересовался царь Пилоса.
— Фетида больше не его жрица, — нехотя сказал Ликомед. — Бог отказался принять ее обратно. Теперь она служит Нерею.

Когда еду унесли (и увели женщин), я вознамерился поболтать с Патроком, оставив Ликомеда на милость Нестора.

— Мне очень жаль, что мы упустили Ахилла.
— Он бы вам понравился, — без выражения ответил Патрокл.
— Думаю, он бы тут же ухватился за такую возможность — пойти войной на Троию.
— Да. Ахилл рожден для войны.
— Что ж, у меня нет намерения прочесывать Фракию в его поисках! Он пожалеет, когда узнает, что пропустил.

— Да, очень пожалеет.
— Расскажи мне, каков он собой, — закинул я приманку, поняв про Патрокла одну вещь: это Ахиллу он отдал свою любовь.

Его молодое лицо озарилось светом.
— Он немного меньше Аякса... И так... так грациозен в движениях! И он очень красив.

— Я слышал, у него нет губ. Как может он быть красив?
— Он красив, потому что... — Патрокл не мог подобрать слова. — Тебе нужно увидеть его, чтобы понять. Его рот трогателен до слез — столько боли в его выражении! Ахилл — воплощение красоты.
— Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Он почти попался. Почти сказал мне, что я — идиот, ибо сомневаюсь в его словах, и он может представить мне свой бриллиант, чтобы доказать свою правоту. Но тут он плотно сжал губы, оставив слова невысказанными. Хотя это было не важно. Я получил ответ на свой вопрос.

Перед тем как отойти ко сну, мы с Нестором и Аяксом недолго посоветовались, а потом я лег на ложе и крепко уснул. Рано утром на следующий день мы с Аяксом отправились в город. Там я оставил своего двоюродного брата Синона; никогда нельзя показывать все свои сокровища сразу, а Синон был сокровищем. Горя нетерпением, он получил от меня указания, что ему нужно делать, и мешок с золотом из небольшого запаса, которым снабдил меня Агамемнон, чтобы покрыть наши расходы. Свое богатство я хранил истово — однажды оно перейдет к моему сыну. Агамемнон вполне мог заплатить за Ахилла.

Двор еще спал, когда я вернулся во дворец, на этот раз без Аякса. Для

него была работа снаружи. Нестор уже проснулся и собрал вещи: мы не хотели возбудить в Ликомеде подозрения. Конечно, он протестовал, как и подобает, когда мы объявили о своем скором отплытии, уговаривал нас погостить подольше, но на этот раз, к его огромному облегчению, я вежливо отказался.

— А где Аякс? — спросил Патрокл.

— Бродит по городу, расспрашивает людей, не знает ли кто, куда отправился Ахилл, — ответил я и повернулся к Ликомеду. — Мой господин, в качестве маленького одолжения, не соберешь ли ты весь свой двор в тронном зале?

Он был изумлен, потом озадачен.

— Ну...

— Я выполняю приказ царя Агамемнона, мой господин, иначе я не стал бы просить. Мне велено — и также было в Иолке! — передать благодарность верховного царя Микен каждому свободному гражданину при твоём дворе. Его приказ обязывает присутствовать всех — и женщин, и мужчин. Может, на твоих женах и лежит запрет, но они все равно принадлежат к твоему дому.

Под эхо моих слов вошли несколько моих матросов с полными руками даров. Это были женские безделушки: бусы, хитоны, флаконы с благовониями, амфоры с маслом, притираниями и эссенциями, тонкая шерсть и прозрачный лен. Я попросил принести столы, чтобы мои люди могли свалить эту поклажу в небрежные кучи. Вошли еще матросы, на этот раз с дарами для мужчин: добротное, покрытое бронзой оружие, щиты, копья, мечи, кирасы, шлемы и наголенники. Все это я разложил на других столах.

Во взгляде царя жадность боролась с осторожностью; когда Патрокл предупреждающим жестом положил руку ему на плечо, он стряхнул ее и хлопнул в ладоши, подзывая управителя.

— Собери здесь весь двор. Позаботься о том, чтобы женщины стояли на достаточном расстоянии, чтобы соблюсти закон Посейдона.

Зал наполнился мужчинами, за ними последовали женщины. Мы с Нестором безуспешно обыскивали глазами их ряды. Ни одна из них не могла быть Ахиллом.

— Мой господин, — сказал я, выходя вперед. — Царь Агамемнон желает поблагодарить тебя и твоих людей за помощь и гостеприимство.

Я указал на горы женских даров:

— Вот дары для твоих жен.

Потом повернулся к оружию и доспехам:

— А здесь — дары для твоих мужей.

И те и другие восторженно загудели, но никто не двинулся с места, пока царь не дал своего разрешения. Они тут же сгрудились у столов, радостно перебирая вещи.

— А это, мой господин, — я взял у моряка завернутый в льняную ткань предмет, — для тебя.

С просветлевшим лицом он сорвал с него покров, — это была двуглавая критская секира с бронзовыми лезвиями и дубовой рукояткой. Я протянул ему подарок; светясь от удовольствия, он подставил руки, чтобы принять его.

И в этот самый момент снаружи раздался пронзительный, громкий крик тревоги. Кто-то затрубил в рог, где-то вдали Аякс проревел военный клич саламинцев. Послышался лязг скрещенного оружия, который ни с чем нельзя было спутать; Аякс закричал снова, на этот раз ближе, словно ему пришлось отступить. Женщины завизжали и бросились врассыпную, мужчины сконфуженно спрашивали, в чем дело, царь Ликомед, мертвенно-бледный, позабыл про свою секиру.

— Пираты! — воскликнул он, явно не зная, что делать.

Аякс проревел еще один клич, громче и намного ближе, — воинственный клич со склонов Пелиона, которому мог научить только Хирон. Посреди поразившего всех глубокого оцепенения я перевернул секиру, схватившись обеими руками за рукоятку и подняв лезвие над головой.

Кроме меня еще кое-кто тоже двигался, ворвавшись в тронный зал с такой силой, что охваченные ужасом женщины, столпившиеся в дверях, разлетелись в стороны, как мотки с пряжей. Вроде женщина. Понятно, почему Ликомед не осмелился нам ее показать! Нетерпеливо срывая с себя льняной пеплос, под которым обнаружилась грудь, такая мускулистая, что я уставился на нее в восхищении, она бросилась к столу, заваленному оружием. Ахилл. Наконец-то!

Он с грохотом свалил содержимое стола на пол, схватил щит и копье и выпрямился во весь рост, каждая жилка была готова к бою. Я шагнул к нему, протягивая секиру.

— Вот, моя госпожа, возьми! Похоже, она твоего размера. — Я взмахнул секирой, и мои руки заломило от напряжения. — Или передо мной царевич Ахилл?

О, выглядел он престранно! То, что должно было быть в нем красивым, на самом деле таким не было, несмотря на хвалебные речи Патрокла. Но это не рот лишал его красоты. Он даже придавал ему

чувствительность, которой ему так не хватало. Некрасивость, как я всегда потом думал, шла у него изнутри. Желтые глаза были полны гордости и ясного разума — это был не увалень Аякс.

— Спасибо! — крикнул он, смеясь мне в ответ.

Аякс вошел в зал, все еще сжимая оружие, которое он использовал, чтобы создать панику, увидел стоящего рядом со мной Ахилла и зарычал. В следующее мгновение он заключил Ахилла в объятия, сжав с такой силой, что, будь я на его месте, он раздавил бы мне ребра. Ахилл стряхнул его, по всей видимости ничуть не пострадав, и обхватил рукой за плечи.

— Аякс, Аякс! Твой клич пронзил меня, как стрела! Я должен был ответить, я не мог больше медлить. Когда ты издал старый военный клич Хирона, ты звал меня — как мог я устоять?

Найдя взглядом Патрокла, он протянул ему руку.

— Сюда, ко мне! Мы идем войной на Трою! Сбылась моя самая заветная мечта, отец Зевс ответил на мои молитвы.

Ликомед стоял в стороне, со стенаниями ломая руки.

— Сын мой, сын мой, что же с нами теперь будет? Ты нарушил клятву, которую дал своей матери! Она разорвет нас на части!

Все замолчали. Ахилл тут же пришел в себя, его лицо помрачнело. Я поднял брови, глядя на Нестора, и мы оба вздохнули. Вот и ответ.

— Не понимаю, как мог я ее нарушить, отец, — наконец произнес Ахилл. — Я действовал непроизвольно, бездумно ответив на призыв, которому был научен, когда был мальчишкой. Я услышал Аякса и ответил ему. Я не нарушил никакой клятвы. Ее уничтожила хитрость другого мужа.

— Ахилл говорит правду, — громко заявил я. — Я обманул вас. Ни один бог не сочтет вас виновными в клятвопреступлении.

Конечно, я их не убедил, но зло было совершено.

Ахилл восторженно поднял руки над головой и потянулся к Аяксу с Патроклом, чтобы их обнять.

— Братья, мы идем на войну, — заявил он, непрестанно улыбаясь, и благодарно посмотрел на меня. — Это наша судьба. Даже своими самыми отвратительными заклятиями моя мать не могла убедить меня в обратном. Я был рожден стать воином, сражаться бок о бок с величайшими мужами нашей эпохи, завоевать вечную славу!

То, что он сказал, скорее всего, было правдой. Я мрачно посматривал на них, блистательное трио юношей, вспоминая жену и сына и думая о всех тех бесконечных годах, которые должны будут пройти между началом моего изгнания и возвращением. Ахилл получит у стен Трои свою вечную славу, но я с радостью променял бы свою долю этого товара, цену которого

так часто преувеличивают, на право завтра же вернуться домой.

Мне все же удалось вернуться на Итаку — под предлогом, будто мне нужно лично отобрать воинов, которые отправятся со мной в Трою. Агамемнон был сильно раздосадован, видя, что я покидаю Микены; он играл свою роль намного увереннее, если мог положиться на меня.

Три драгоценные луны провел я со своей паутиноликой Пенелопой, время, на которое мы не рассчитывали, но в конце концов мне нельзя было больше откладывать. Пока мой немногочисленный флот сражался со штормом, огибая остров Пелопа, я отправился в Авлиду сухопутным путем. Я быстро пересек Этолию, не останавливаясь ни днем ни ночью, пока не достиг лежащих в горах Дельф, где находилось святилище Аполлона Прорицателя и где его жрица, пифия, давала свои безошибочные оракулы. Я спросил ее, был ли верен мой домашний оракул, сказав, будто я двадцать лет проведу в разлуке со своим сердцем. Ее ответ был прост и прям: «Да». Потом она добавила, что такова была воля моей покровительницы Афины Паллады: я должен двадцать лет провести вдали от дома. Я спросил почему, но ответом мне был только глупый смех.

С разбитыми надеждами я последовал в Фивы, где условился встретиться с Диомедом, который ехал из Аргоса. Но жители оставили разрушенный город, и он не осмелился там задержаться. Но я не жалел об одиночестве, направив свою упряжку на последний, короткий отрезок пути, трясясь по разбитой дороге, которая вела вниз, к Эвбейскому проливу и Авлидской гавани.

Место для начала экспедиции выбиралось долго и тщательно: тысяче или больше кораблей требовалось пространство и воды должны были быть защищены. Поэтому Авлида была правильным выбором. Береговая полоса простиралась на две лиги в длину, прикрытая от свирепых штормов островом Эвбея, расположенным недалеко от берега.

Последний из пришедших на сбор, я взобрался на вершину холма, отделявшего гавань от остальной суши, и посмотрел вниз. Даже мои лошади словно почувствовали в воздухе что-то зловещее — они остановились, заартачились и принялись вставать на дыбы: так лошади обычно делают, когда их принуждают приблизиться к падали. Моему вознице пришлось несладко, но в конце концов ему удалось их успокоить.

На берегу в два ряда стояли высоконосые красно-черные корабли, каждый из которых мог вместить по меньшей мере сто человек — пятьдесят гребцов на веслах и еще пятьдесят матросов внизу с такелажем — и каждый из которых имел высокую мачту для крепкого

паруса. Им не было ни конца ни края! Я спрашивал себя, сколько деревьев понадобилось повалить, чтобы создать эту тысячу кораблей, сколько капель пота впиталось в их просмоленные борта, пока не был забит последний гвоздь и они легко закачались на волнах. Корабли, корабли, корабли — они казались такими маленькими с вершины холма. Этих кораблей хватит, чтобы перевезти под Трою восемьдесят тысяч воинов и несколько тысяч тех, кто будет помогать войскам сражаться. Я мысленно аплодировал Агамемнону. Он дерзнул и преуспел. Даже если бы ему не довелось вывести эти два ряда кораблей из Авлидской гавани, это было замечательным достижением. Красота земли и моря потеряла для меня значение — горы уменьшились в размерах, море превратилось в пассивное орудие Агамемнона, царя царей. Я громко рассмеялся и прокричал:

— Агамемнон, ты победил!

Быстрой рысью я проехал через рыбацкую деревушку Авлиды, не обращая внимания на множество воинов, столпившихся на ее единственной улице. За домами я остановился, не зная, куда ехать дальше. Как отыскать царскую ставку среди всех этих кораблей? Я подозвал слонявшегося неподалеку воина.

— Как проехать к шатру Агамемнона, царя царей?

Он медленно оглядел меня, ковыряя в зубах, оценивая взглядом мои доспехи, шлем, украшенный рядами клыков вепря, мощный щит, который я получил от отца.

— Кто спрашивает? — дерзко поинтересовался он.

— Волк, который душил крыс размером побольше тебя.

Застигнутый врасплох, он сглотнул и учтиво ответил:

— Пройди еще немного по дороге, мой господин, там спросишь.

— Одиссей, царь Итаки, благодарит тебя.

Агамемнон устроил только временную ставку, разбив добротные кожаные шатры, достаточно просторные и удобные. Он не построил ничего основательного или прочного, кроме мраморного алтаря под одиноким платаном, бедным, потрепанным деревом, которое боролось с солью и ветром за право раскрыть свои бутоны. Я поручил упряжку с возницей заботам одного из царских стражей и был препровожден в самый большой шатер.

Все важные военачальники уже собрались внутри: Идомей, Диомед, Нестор, Аякс и его тезка, прозванный Малым Аяксом, Тевкр, Феникс, Ахилл, Менесфей, Менелай, Паламед, Мерной, Филоктет, Еврипил, Фоант, Махаон и Подалирий. Жрец-альбинос Калхант тихо сидел в углу, его красные глаза бегали по сторонам — от одного мужа к другому,

расчетливые, подозрительные, — его косоглазию не удалось меня провести. Несколько мгновений я наблюдал за ним, сам оставаясь неузнанным, пытаюсь его раскусить. Мне он не нравился не только из-за своей отталкивающей внешности, но и потому, что было в его натуре нечто неуловимое, вызывающее сильное чувство недоверия. Я знал, Агамемнон сначала испытывал то же самое, но спустя несколько лун слезки пришел к заключению, что Калхант ему верен. Я был с ним не согласен. Этот человек был очень хитер. И он был троянцем.

Ахилл радостно окликнул меня:

— Одиссей, что тебя задержало? Твои корабли прибыли поллуны назад!

— Я приехал по суше. Было одно дело.

— И вовремя, дружище, — сказал Агамемнон. — Мы вот-вот начнем наш первый настоящий совет.

— Так я действительно прибыл последним?

— Из важных военачальников.

Мы заняли свои места. Калхант выполз из своего угла, чтобы держать нетвердой рукой позолоченный жезл прений. Несмотря на то что снаружи был весенний солнечный день, в шатре горели лампы, поскольку свет проходил внутрь только через откинутый клапан на входе. Как и подобает большому военному совету, мы были одеты в доспехи. На Агамемноне был очень красивый нагрудник из золота, инкрустированного аметистами и ляписом, — надеюсь, у него был еще один, более годный для битвы. Взяв у Калханта жезл прений, он обвел нас гордым взглядом.

— Разумеется, я созвал этот первый совет, чтобы обсудить скорее отплытие, чем кампанию. Но я считаю, вместо того, чтобы отдавать приказы, лучше отвечать на вопросы. В строгих прениях необходимости нет. Жезл будет у Калханта. Однако если кто-то из вас захочет сказать долгую речь, пусть возьмет его. — С довольным видом он передал жезл Калханту.

— Когда ты намереваешься отплыть?

Вопрос Нестора был вполне мирным.

— На следующую молодую луну. Я назначил главным Феникса — он среди нас самый опытный мореплаватель. Он уже отобрал отряд воинов, которым предстоит следить за порядком при отплытии; одни корабли быстрые, другие — медленные, на первых поплывут необходимые для высадки войска, вторые повезут лошадей и нестроевых помощников. Будьте уверены — когда мы причалим, хаос нам не грозит.

— Кто будет главным кормчим? — задал свой вопрос Ахилл.

— Телеф. Он поплывет со мной на моем корабле. Всем кормчим приказано держать свой корабль в пределах видимости по крайней мере дюжины других. Так мы сохраним флот, никого не потеряв, — в хорошую погоду, конечно. Шторм усложнит дело, но время года нам благоприятствует, и Телеф тщательно обучает всех кормчих.

— Сколько у тебя кораблей с припасами? — спросил я.

Агамемнон выглядел немного обиженным — он не ожидал, что ему будут задавать такие простые вопросы.

— Припасы повезут пятьдесят кораблей, Одиссей. Поход будет быстрым и жестоким.

— Всего пятьдесят? Но у тебя больше ста тысяч человек! Они съедят все меньше чем за одну луну.

— Меньше чем через луну, — заявил царь Микен, — в нашем распоряжении будет вся провизия Трои.

Его лицо было красноречивее слов — он принял решение и не собирался его менять. Временами на него что-то находило, и тогда, что бы ни сказали Нестор, Паламед или я сам, — ничто не могло его поколебать.

Ахилл поднялся и взял жезл.

— Это беспокоит меня, царь Агамемнон. Разве не верно, что ты должен уделить подвозу припасов столько же внимания, сколько собираешься уделить погрузке войск на суда, плаванию и даже боевой тактике? Армия более чем в сто тысяч человек будет съедать в день больше ста тысяч мер зерна, больше ста тысяч кусков мяса, больше ста тысяч яиц или кусков сыра — и выпивать больше ста тысяч чаш разбавленного вина. Если подвоз припасов не будет надлежащим образом организован, они будут голодать. Пятидесяти кораблей, как сказал Одиссей, хватит меньше чем на одну луну. Почему бы не держать эти пятьдесят кораблей в постоянном плавании между Элладой и Троей, чтобы пополнять запасы еды? Что, если поход окажется долгим?

Если ни Нестор, ни Паламед, ни я не могли поколебать его, то разве мог это сделать щенок вроде Ахилла? Агамемнон стоял, твердо сжав губы, на обеих щеках горело по красному пятну.

— Я ценю твои расчеты, Ахилл, — холодно произнес он. — Однако я предлагаю тебе оставить эти заботы на мое попечение.

Ничуть не обескураженный, Ахилл отдал жезл обратно Калханту и сел. При этом он сказал, по всей видимости ни к кому конкретно не обращаясь:

— Мой отец всегда говорит, что только глупец не заботится о своих воинах, поэтому я повезу для мирмидонян дополнительные припасы на

своих собственных кораблях. И найму купцов, чтобы они привезли еще.

Эта мысль упала на благодатную почву; я увидел, что очень многие решили сделать то же самое.

Агамемнон тоже это заметил. Я посмотрел, как его задумчивый темный взгляд впился в ясное, полное воодушевления лицо юноши, и вздохнул. Агамемнон ревновал. Что произошло в Авлиде в мое отсутствие? Неужели Ахилл собирал сторонников в ущерб Агамемнону?

На следующее утро мы собрались, чтобы осмотреть войско. Оно внушало благоговейный ужас. Нам потребовался целый день, чтобы пересечь берег из конца в конец; от стояния на плетеном полу колесницы в полном вооружении у меня дрожали колени. Корабли возвышались над нами двумя рядами — высокие суда с красными бортами, расчерченными черными полосами смолы, изогнутые носы расцвечены синим и розовым, огромные глаза по бокам глядели на нас без всякого выражения.

Войско стояло в тени кораблей на песке, каждый воин в полном вооружении, держа щит и меч наготове, — бесконечные ряды мужей, преданных делу, о котором они ничего не знали, кроме того, что за морем их ждет добыча. Никто нас не приветствовал, никто не бросился навстречу, чтобы разглядеть получше своих царей.

В самом конце рядов стояли корабли Ахилла и его люди, о которых мы столько слышали, никогда не видеv, — мирмидоняне. Я был достаточно умудрен опытом, чтобы не ожидать от них ничего особенного, но они были особенными. Высокие и белокурые, с синими, зелеными или серыми блестящими глазами, глядящими из-под добротных бронзовых шлемов, — они были сплошь закованы в бронзу в отличие от обычного кожаного обмундирования простых воинов. Каждый держал связку из десяти копий вместо обычных двух или трех; тяжелые щиты в полный рост не многим уступали моему собственному ветерану; и вооружены они были мечами и кинжалами, а не дротиками и пращами. Да, это были воины для переднего края, лучшие из всех, которые у нас были.

Что касается самого Ахилла, Пелей, должно быть, потратил целое состояние, снаряжая на войну единственного сына. Его колесница была позолочена, его кони далеко превосходили всех остальных — три белых жеребца фессалийской породы, с упряжью, сверкающей золотом и камнями. Откуда бы ни взялись его доспехи, я знал только одни, которые были еще лучше, — те, что были заперты в моем собственном сундуке. Как и показушные доспехи Агамемнона, они были покрыты золотом, только основой ему служила бронзовая броня, которую кроме него мог носить,

пожалуй, только Аякс. Они были сплошь покрыты отчеканенными священными символами и украшены янтарем и горным хрусталем. У него было только одно копье, изношенное и безобразное. Возницей у него был его двоюродный брат Патрокл. О, какая хитрость! Когда что-то впереди вынуждало царскую процессию на мгновение остановиться, кони Ахилла начинали беседовать.

— Приветствую вас, мирмидоняне! — проржал тот, который был ко мне ближе других, вскидывая голову так, что его длинная белая грива стала развеиваться по ветру.

— Мы будем храбро нести его, мирмидоняне! — слышалось из рта коня, который стоял в середине, самый степенный.

— Не нужно бояться за Ахилла, когда мы везем его колесницу! — сказал самый дальний, голосом больше похожим на ржание, чем у первых двух.

Мирмидоняне широко улыбались, опустив связки копий остриями вниз в знак приветствия, в то время как Идомений, колесница которого ехала перед колесницей Ахилла, стоял с отвисшей челюстью и дрожал мелкой дрожью.

Но, следуя вплотную за золотой колесницей, я разгадал их трюк. За лошадей говорил Патрокл, практически не шевеля губами. Умно!

Погода была солнечной, дул ласковый ветерок; все приметы указывали на то, что отплытие не будет отмечено ничем примечательным и поход будет легким. Но в ночь перед отправлением я никак не мог уснуть; мне пришлось встать с ложа и выйти под звезды. Я мерил шагами дюны, борясь с тревогой. Когда я смотрел на очертания стоявшего поблизости корабля, ко мне кто-то подошел.

— Тебе тоже не спится?

Мне не было нужды вглядываться в темноту, чтобы понять, кто это был. Только Диомед стал бы искать Одиссея, предпочтя его всем остальным. Он был хорошим другом, мой побитый войной товарищ, самый закаленный в битвах из всей великой дружины, собравшейся идти на Трою. Он сражался в каждой войне, не важно, большой или малой, от Крита до Фракии; он был одним из тех, кто принял участие во втором походе Семерых против Фив,^[13] тех, кто взял этот город и сровнял его с землей, сделав то, что не удалось их отцам. В нем горела страсть, которой во мне не было, — хотя я и был жесток, но бесстрастен, мой дух был навеки закален холодом моего разума. Как нередко бывало, я почувствовал укол зависти, ведь Диомед был мужем, который поклялся построить святилище из

вражеских черепов и сдержал клятву. Его отцом был Тидей, один из самых знаменитых аргивских царей, но сын намного превосшел отца. Диомед не изменит долгу под стенами Трои. Он проделал путь из Аргоса в Микены со всем рвением и горящим сердцем, ибо он без памяти любил Елену и так же, как бедняга Менелай, отказывался поверить, что она сбежала по собственной воле. Он питал ко мне огромное уважение, чувство, близкое, как мне порой казалось, к поклонению культу героя. Чтить как героя? Меня? Странно.

— Завтра пойдет дождь, — сказал он, запрокидывая свою длинную шею и вглядываясь в глубину небес.

— Так облаков же нет, — возразил я.

Он пожал плечами.

— У меня ноют кости, Одиссей. Помнится, отец всегда говорил, что муж, много раз сокрушенный на поле брани, чей скелет кололи и дробили копья и стрелы, с приближением дождя или холода страдает от боли. Сегодня эта боль очень велика и не дает мне уснуть.

Я уже слышал о таком феномене раньше, поэтому вздрогнул.

— Ради всех нас, Диомед, я надеюсь, твои кости ошибутся, хотя бы на этот раз. Но зачем ты искал меня?

Он усмехнулся.

— Я знал, что Лис с Итаки не сможет уснуть, пока не почувствует плеск волны под своим кораблем. У меня к тебе есть разговор.

Положив руку ему на плечо, я повел его к своему шатру.

— Тогда давай поговорим. У меня есть вино и отличный треножник с огнем.

Мы уютно устроились с кубками в руках, поставив треножник между собой. В шатре было сумрачно и тепло, мы утопали в подушках, вино мы не стали разбавлять — в надежде, что оно поможет уснуть. Нас никто не должен был потревожить, но для большей уверенности я задернул занавес над входом в шатер.

— Одиссей, ты самый великий муж в этом походе, — со всей серьезностью начал он.

Я не смог удержаться от смеха.

— О нет! Это Агамемнон! А если не он, то Ахилл.

— Агамемнон? Этот твердолобый упрямец? Никогда! Может, заслуги и припишут ему, но только потому, что он верховный царь, а не потому, что он величайший из мужей. Ахилл — всего лишь юноша. О, я допускаю, он может стать великим! И он умен. Возможно, в будущем он и докажет свою мощь. Но сейчас он еще не прошел ни одного испытания. Кто знает? Не

исключено, что при виде крови он подожмет хвост и помчится прочь.

Я улыбнулся.

— Только не Ахилл.

— Хорошо, согласен. Но он никогда не сможет стать самым великим мужем нашего войска, ибо это ты, Одиссей. Ты! Именно твоими стараниями, и ничьими больше, мы возьмем Троию.

— Ерунда, Диомед, — мягко возразил я. — Что мой ум сможет сделать за десять дней?

— Десять дней? — Он усмехнулся. — Клянусь Великой матерью, скорее уж десять лет! Это настоящая война, а не охота.

Он поставил пустой кубок на пол.

— Но не о войне я пришел говорить. Я пришел просить твоей помощи.

— Моей помощи? Ты искусный воин, Диомед, а не я!

— Нет-нет, это не имеет никакого отношения к полям битвы! Я пройду по ним с закрытыми глазами. Мне нужна твоя помощь в другом, Одиссей. Я хочу наблюдать за твоими действиями. Хочу понять, как ты смирешь свой нрав.

Он наклонился вперед:

— Понимаешь, мне нужен человек, который следил бы за моим проклятым норовом и учил бы меня держать своего демона взаперти, вместо того чтобы позволять ему расхаживать на свободе в ущерб самому себе. Мне кажется, если я стану больше наблюдать за тобой, немного твоего хладнокровия перейдет ко мне.

Его простодушие меня растрогало.

— Тогда считай мой шатер своим, Диомед. Веди свои корабли рядом с моими, ставь свои войска рядом с моими в битве, будь со мной, куда бы я ни отправился. Каждому человеку нужен добрый друг, снисходительный к его слабостям. Это единственное лекарство от одиночества и тоски по дому.

Он протянул руку через яркие языки пламени, словно не замечая, что они лижут ему запястье. Мои пальцы обхватили его предплечье; так мы скрепили нашу дружбу, разделив одиночество друг друга и скрасив его тоску.

К концу ночи мы, должно быть, уснули, ибо я проснулся уже на рассвете под нарастающий вой ветра, поющего в корабельных вантах, обдувающего носы кораблей с громкими, ужасными воплями. По другую сторону почерневшего, выгоревшего очага с болезненным стоном заворочался Диомед.

— Сегодня утром моим костям еще хуже, — заявил он, сев на ложе.

— И есть отчего. Снаружи шторм.

Он осторожно поднялся на ноги и направился к занавешенному входу в шатер, выглянул из него и вернулся на свое ложе.

— Это отец всех штормов, которые приходят с севера. Ветер все еще дует с той стороны, и я чувствую дыхание снега. Сегодня отплытия не будет, иначе всех нас снесет к Египту.

Раб вкатил треножник с горящим огнем, прибрал ложа и принес нам горячей воды, чтобы мы могли умыться.

Торопиться нужды не было — Агамемнон будет настолько разгневан, что не сможет созвать совет раньше полудня. Рабыня принесла дымящиеся медовые лепешки и ячменный хлеб, кусок овечьего сыра и вино с пряностями, чтобы закончить трапезу. Завтрак удался, особенно потому, что мне было с кем его разделить; мы проводили время, грея над огнем руки, пока Диомед не ушел в свой шатер, чтобы переодеться к совету. Я надел кожаную набедренную повязку с эксомидой, зашнуровал высокие наголенники и набросил на плечи отороченный мехом гиматий.

Лицо у Агамемнона было таким же мрачным и штормовым, как и небо у нас над головами, оно застыло от ярости и досады: рухнули все надежды, связанные с его драгоценным флотом. К тому же его не покидало чувство, что он станет всеобщим посмешищем, ведь его грандиозное предприятие застопорилось, не успев толком начаться.

— Я позвал Калханта сделать предсказание! — рявкнул он.

Вздохнув и поплотнее запахнув гиматий, мы вышли наружу в жестокие объятия шторма. Жертва, связанная по всем четырем ногам, лежала на мраморном алтаре под платаном. И Калхант был одет в пурпур! В пурпур? Да что же случилось в Авлиде до моего приезда? Агамемнон, наверно, очень высокого мнения о нем, раз позволил ему носить пурпур.

В ожидании начала церемонии я подумал, что такое совпадение слишком подозрительно: две луны отличной погоды, а потом, в тот самый день, когда мы должны были отплыть, все стихии этому воспротивились. Большинство из царей предпочли вернуться в свои шатры, а не страдать от ледящего ветра и мокрого снега, чтобы узнать, какое будет дано предсказание. Поддержать Агамемнона остались только те, кто превосходил других годами или властью: я, Нестор, Диомед, Менелай, Паламед, Филоктет и Идоменей.

Я еще никогда не видел Калханта за работой и должен признать, он был мастером своего дела. Руками, дрожащими настолько, что им едва удалось поднять украшенный драгоценными камнями нож, с восково-бледным лицом, он рывком перерезал жертве горло, чуть не опрокинув

огромную золотую чашу, когда подставлял ее, чтобы собрать кровь; когда он алым потоком вылил ее на холодный мрамор, показалось, будто тот задымился. Потом он рассек живот жертвы и принялся изучать бесконечные извивы внутренностей, как этому учили жрецов в Малой Азии. Его движения были быстрыми и беспорядочными, а дыхание таким хриплым, что его звук доносился до меня всякий раз, как на мгновение стихал ветер.

Он обернулся к нам без предупреждения:

— Выслушайте слово бога, о цари Эллады! Я прочел волю Зевса Вседержителя! Он отвернулся от вас, он отказывается благословить ваше начинание! Его мотивы затуманены гневом, но это Артемида, которая сидит у него на коленях, молит о непреклонности! Больше я ничего не вижу, я не могу совладать с его яростью!

Я подумал, что примерно этого и ожидал, хотя упоминание об Артемиде было ловким ходом. Однако надо отдать ему должное, Калхант действительно выглядел так, словно его преследовали дочери Коры, будто в мановение ока он лишился всего, кроме жизни. Его глаза были полны истинной муки. Я снова засомневался в нем, ибо он явно верил в то, что сказал, даже если все это и было отрепетировано заранее. Меня интересует любой человек, наделенный силой влиять на других, но еще ни один жрец не интересовал меня так, как Калхант.

«Нет, — подумал я, — ты еще не окончил свое представление. Нас ждет продолжение».

Стоявший у подножия алтаря Калхант резко повернулся и широко раскинул руки — огромные рукава промокли от насыщенного снегом ветра, голова запрокинута, — и по его позе стало понятно: он смотрит на платан. Я последовал за его взглядом на пока еще голые ветви — похожие на червей почки еще не раскрылись. Между ветвями примостилось гнездо, в котором сидела птица, высиживавшая яйца. Обычная коричневая птица, ничем не примечательная.

По ветке ползла алтарная змея с хищным выражением в холодных черных глазах. Калхант свел руки, по-прежнему поднятые кверху, указывая на гнездо; мы смотрели, затаив дыхание. Огромная змея открыла пасть, схватила птицу и стала ее заглатывать, пока птица не превратилась в барахтающийся ком. Потом, одно за другим, змея проглотила яйца: шесть, семь, восемь, девять, — считал я. Она сожрала мать и все девять ее яиц.

Покончив с трапезой, змея замерла, обернувшись вокруг тонкой ветки, словно высеченная из камня. Ее глаза были прикованы к жрецу; она смотрела без выражения, не моргая, как это свойственно рептилиям.

Калхант согнулся, словно какой-то бог вогнал невидимый кол прямо ему в живот, и тихо застонал. Потом он заговорил снова:

— Слушайте меня, о цари Эллады! Вы видели послание Аполлона! Он говорит тогда, когда Вседержитель не желает общаться со смертными! Священная змея проглотила птицу с девятью нерожденными птенцами. Сама птица — это год грядущий. Девять ее нерожденных птенцов — это девять еще не рожденных Великой матерью лет. Змея — это Эллада! Птица с птенцами — это годы, которые понадобятся, чтобы завоевать Трою! Десять лет, чтобы завоевать Трою! Десять лет!

Молчание было таким глубоким, что, казалось, даже перекрыло вой шторма. Долго никто не мог ни шевельнуться, ни заговорить. Я не знал, что и думать об этом представлении. Был ли этот чужеземный жрец настоящим провидцем? Или он разыграл перед нами фарс? Я взглянул на Агамемнона, гадая, что возьмет верх: его уверенность, что война закончится за несколько дней, или его доверие жрецу. Борьба была жестокой, ведь по своей натуре он был склонен верить божественным пророчествам, но в конце концов его гордость победила. Пожав плечами, он повернулся и пошел прочь. Я ушел последним, не отрывая глаз от Калханта. Он стоял как вкопанный, уставившись верховному царю в спину, заходясь от злобы и возмущения, ибо его первое настоящее проявление силы было оставлено без внимания.

Дни шли один за другим до поздней весны, изводя нас штормовым ветром и потоком дождей. Море вздымалось волнами, доходившими до палубы кораблей, — об отплытии нечего было и думать. Каждый из нас коротал ожидание в присущей ему манере. Ахилл нещадно муштровал мирмидонян, Диомед с нарастающим нетерпением мерил шагами пол моего бедного шатра, Идомей развлекался с гетерами, которых он привез с Крита, Феникс кудахтал над своим флотом, как сумасшедшая курица, Агамемнон жевал бороду и отказывался от любых советов, пока его войска бездельничали, играли в кости, затевали ссоры и пьянствовали. Подвозить еду по раскисшим от дождя дорогам, чтобы сытно кормить воинов, тоже было нелегким делом.

Я почти ничего не чувствовал. Мне было все равно, как провести начало своего двадцатилетнего изгнания. Только немногие собирались каждый день в полдень, чтобы присутствовать при гадании. Ни один из нас не ожидал услышать от Калханта достоверное объяснение, почему великий бог ополчился на нас. Молодая луна превратилась в полную и снова в тонкий месяц, не положив конец буре. Нам все больше казалось, что наше

отплытие вовсе не состоится. Если пройдет еще одна луна, то ветры станут более непредсказуемы и к концу лета Троя будет закрыта для нас до следующего года.

Больше из интереса к Калханту, чем действительно надеясь, что бог снимет покров и откроет нам причину своей немилости, я никогда не пропускал полуденный ритуал. Ничто не предвещало, что именно в этот день все пойдет по-другому. Я просто играл свою роль зрителя в устраиваемом Калхантом представлении. Компанию мне составили только Агамемнон, Нестор, Менелай, Диомед и Идомей. Проходя мимо, я заметил, что алтарная змея уже давно проснулась от спячки, переварив сытную пищу, и вернулась в свою нишу.

Но сегодня все пошло по-другому. Не окончив копаться во внутренностях жертвы, Калхант круто развернулся и ткнул длинным костлявым окровавленным пальцем в Агамемнона.

— Вот тот, кто мешает отплытию! — пронзительно взвизгнул он. — Агамемнон, царь царей, ты не воздал Охотнице должного! Ее долго спавший гнев пробудился, и Зевс, ее божественный отец, внял ее мольбам о справедливости. Твой флот не отправится в плавание, пока ты не отдашь Артемиде того, что пообещал ей шестнадцать лет назад, царь Агамемнон!

Это была не просто догадка. Агамемнон пошатнулся, его лицо побледнело от ужаса. Калхант знал, о чем говорит.

Жрец медленно спустился по ступеням, весь напрягшись от возмущения.

— Отдай Артемиде то, в чем ты отказал ей шестнадцать лет назад, и плыви! Всемогущий Зевс высказал свою волю.

Спрятав лицо в ладонях, Агамемнон отшатнулся от одетой в пурпур судьбы.

— Я не могу!

— Тогда распускай свою армию, — ответил Калхант.

— Я не могу дать богине то, чего она хочет! У нее нет прав этого требовать! Если бы я только мог подумать, чем это обернется, — о, я никогда бы не дал того обещания! Она — Артемида, целомудренная и непорочная. Как она может от меня этого требовать?

— Она требует только то, что ей причитается, не больше. Отдай ей это и отплывай, — холодно повторил Калхант. — Если же ты не исполнишь свой обет, принесенный шестнадцать лет назад, род Атрея канет в небытие, а ты сам умрешь, потерпев полный крах.

Я шагнул вперед и оторвал руки Агамемнона от его лица.

— Что ты пообещал Артемиде?

С глазами, полными слез, он схватился за мои руки, как утопающий за соломинку.

— Одиссей, это был глупый, безрассудный обет! Глупец! Шестнадцать лет назад Клитемнестра выносила нашу последнюю дочь, Ифигению, но ее роды затянулись на три дня и все никак не кончались. Она не могла разродиться. Я молился всем: Великой матери милосердной и смерть приносящей, богам и богиням здоровья, рожениц, детей, жен. Мне никто не ответил, никто из них!

Слезы текли по его щекам, но он продолжал:

— В отчаянии я стал молиться Артемиде, хотя она девственница и отворачивает свое лицо от плодовитых жен. Я молил ее помочь моей супруге разродиться красивым, здоровым младенцем. В награду я пообещал ей самое красивое создание, которое родится в том году в моем царстве. Всего несколько мгновений спустя после того, как я принес обет, Клитемнестра родила нашу дочь, Ифигению. А в конце года я разослал гонцов по всем Микенам, чтобы они принесли мне весь приплод, какой сочтут самым красивым. Козлят, телят, барашков, даже птиц. Я всех осмотрел и всех предложил ей, хотя в глубине души знал, что это не то, чего хочет богиня. Она отвергала все жертвы.

Неужели ничто никогда не изменится? Конец этой ужасной истории был мне так же ясен, словно он был написан на стене у меня перед глазами. Ну почему боги так жестоки?

— Говори до конца, Агамемнон.

— Однажды я был дома вместе с женой и младенцем, и Клитемнестра вслух заметила, что Ифигения — самое красивое создание во всей Элладе, красивее, чем Елена. Не успела она договорить, как я понял, что это Артемиде вложила эти слова ей в рот. Охотница хотела получить мою дочь. На меньшее она была не согласна. Но, Одиссей, я не мог этого сделать. Мы бросаем младенцев на произвол судьбы после рождения, но ритуальное человеческое жертвоприношение в Элладе не практиковалось с тех пор, как новые боги вытеснили старых. Поэтому я молился богине и умолял ее понять, почему я не могу дать ей то, чего она хочет. Время шло, ответа не было, и я решил, что она все поняла. Теперь я вижу, она просто выжидала. Она требует того, что я не могу ей дать, — жизнь, которой она помогла начаться и которую требует окончить, пока она еще девственна. История моей дочери завершилась. Но я не могу принести в жертву человека!

Я скрепил сердце. Мой сын был для меня потерян, так почему он должен сохранить свою дочь? У него есть еще две. Его честолюбие разлучило меня со всем, что мне было дорого, — почему бы ему тоже не

пострадать? Если мужи, стоящие ниже рангом, обязаны повиноваться богам, это же должен делать и верховный царь, который перед богами говорит за всех. Он дал обет и шестнадцать лет откладывал его выполнение, ибо это касалось его лично. Если бы самое красивое создание, рожденное в тот год в его царстве, оказалось ребенком кого-нибудь другого, он с чистой совестью принес бы дитя в жертву. Поэтому я взглянул ему в лицо, приняв решение, — моя грудь сжималась от боли: я был изгнанником, и я уступил советам демона, который поселился во мне в тот день, когда оракул моего рода объявил мне мою судьбу.

— Агамемнон, ты совершил ужасный грех. Если цена требований Артемиды — Ифигения, ты должен ее заплатить. Принеси свою дочь в жертву! Если ты этого не сделаешь, твое царство превратится в руины, а твой поход на Трою навеки сделает тебя посмешищем.

Как же он ненавидел быть посмешищем! Ни один самый дорогой для него член его семьи не значил для Агамемнона больше, чем его царский сан, его гордость. На его лице отразилась борьба: отчаяние и горе, с одной стороны, и жалкий удел в бесчестье и насмешках — с другой. Он повернулся к Нестору, надеясь найти поддержку.

— Нестор, что мне делать?

Раздираемый между ужасом и жалостью, старик заломил руки и разрыдался.

— Ужасно, Агамемнон, ужасно! Но ты должен подчиняться богам. Если всемогущий Зевс повелевает тебе отдать Артемиде то, что она требует, у тебя нет выбора. Мне очень жаль, но я вынужден согласиться с тем, что сказал Одиссей.

Безутешно рыдая, верховный царь обратился ко всем остальным; один за другим, побледневшие и помрачневшие, они приняли мою сторону.

Только я один продолжал наблюдать за Калхантом, задаваясь вопросом, не разузнал ли тот тайно о прошлом Агамемнона. Разве можно было забыть ту ненависть и затаенную злобу, которые были написаны на его лице в тот день, когда начался шторм? Коварный муж. К тому же троянец.

В конце концов все закончилось обсуждением того, как это устроить. Агамемнон, смирившийся и убежденный — благодаря мне — в том, что у него нет другого выхода, кроме того, чтобы принести в жертву собственную дочь, объяснил, как трудно будет забрать девушку у матери.

— Клитемнестра никогда не позволит, чтобы Ифигению отвезли в Авлиду и бросили под нож жреца. — Он выглядел постаревшим и больным. — Она царица, она обратится к народу, и народ ее поддержит.

— Есть другие способы.

— Какие же?

— Пошли меня к Клитемнестре, Агамемнон. Я скажу ей, будто из-за шторма Ахилл совсем потерял покой и поговаривает о том, чтобы забрать мирмидонян и вернуться обратно в Иолк. Я скажу ей, что у тебя возникла замечательная идея — предложить Ифигению ему в жены с условием, что он останется в Авлиде. У Клитемнестры не будет повода сомневаться. Она говорила мне, что всегда хотела выдать Ифигению за Ахилла.

— Но это значит оклеветать Ахилла, — с сомнением произнес Агамемнон. — Он никогда не согласится. Я достаточно его знаю, чтобы понять, он — человек честный. В конце концов, он сын Пелея.

Вне себя от раздражения я поднял глаза к небу.

— Мой господин, он никогда не узнает! Ты же не собираешься рассказывать об этом деле всей ойкумене? Все мы, собравшиеся сегодня здесь, с радостью поклянемся держать все в тайне. Человеческое жертвоприношение не добавит нам популярности среди воинов — они будут думать о том, кто может стать следующим. Но если ни слова не просочится за пределы нашего круга, то никакого вреда не будет и мы умиротворим Артемиду. Ахилл никогда не узнает!

— Очень хорошо, так и сделаем, — сказал он.

Когда мы ушли, я отвел Менелая в сторону:

— Менелай, ты хочешь вернуть Елену?

Его лицо захлестнула боль.

— Как ты можешь об этом спрашивать?

— Тогда помоги мне, или флот никогда не отправится в плавание.

— Сделаю все, что угодно!

— Агамемнон отправит гонца к Клитемнестре, чтобы опередить меня. Гонец предупредит ее не верить моим словам и отказаться выдать мне девушку. Ты должен его перехватить.

Его рот вытянулся в тонкую длинную нить.

— Клянусь, Одиссей, ты будешь единственным, кто будет говорить с Клитемнестрой.

Я был доволен. Ради Елены он это сделает.

Все оказалось очень просто. Клитемнестра одобрила жениха, которого, как она думала, Агамемнон выбрал для их любимой младшей дочери. К тому же она знала, что молодому супругу предстоит отправиться на войну в дальние страны. Она обожала Ифигению; выйдя замуж за Ахилла, Ифигения могла остаться дома, в Микенах, пока тот не вернется из Трои.

Поэтому Львиный дворец звенел от смеха и радости, пока Клитемнестра собственноручно укладывала в короба роскошные наряды и беседовала с дочерью, посвящая ее в тайны женского тела и брака. Она продолжала говорить с Ифигенией, идя рядом с носилками, даже когда те миновали Львиные ворота. Ее средняя дочь Хрисофемиды, уже достигшая брачного возраста, но все еще незамужняя, рыдала от отчаяния и зависти. Электра, самая старшая из сестер, худая, мрачная и непривлекательная — копия своего отца, стояла на крепостном валу со своим младенцем-братом Орестом на руках, с нежностью прижимая его к себе. По моему наблюдению, между ней и ее матерью явно никогда не было большой любви.

У дороги Клитемнестра потянулась к Ифигении, чтобы поцеловать ее на прощание в лоб. Я содрогнулся. Верховная царица была женщиной, которая ненавидела так же страстно, как и любила. Что она сделает, когда в конце концов узнает правду? Если однажды она возненавидит Агамемнона, у него будет веская причина страшиться ее мести.

Я ехал настолько быстро, насколько быстро носильщики могли нести носилки, горя нетерпением достичь Авлиды. Стоило нам остановиться на отдых или ночлег, Ифигения тут же принималась безыскусно болтать со мной: как она восхищалась Ахиллом, когда украдкой бросала на него взгляды в Львином дворце, как страстно она влюбилась, как замечательно, что ей предстоит выйти за него замуж, ведь именно таково желание ее сердца.

Я ожесточал себя, чтобы не испытать к ней жалости, но временами это бывало трудно — она была так невинна и такие счастливые были у нее глаза. Но в том, что дает мужчине стойкость и победу в невзгодах, Одиссей сильнее других.

С приходом ночи я приказал принести носилки с задернутыми занавесками в лагерь верховного царя и поместил Ифигению в маленький шатер рядом с шатром ее отца. Я оставил ее с ним; Менелай тоже остался там из страха, что ее вид поколеблет решимость Агамемнона. Подумав, что мудрее будет не привлекать внимания к ее приезду, я не стал ставить стражу вокруг ее шатра. Следить за тем, чтобы она никуда не выходила, предстояло Менелаю.

Глава одиннадцатая, рассказанная Ахиллом

В дождь и холод я каждый день тренировал своих воинов, согревая их тяжелой работой. Может, другие командиры и давали своим войскам слабину, но мирмидоняне знали, что я не таков. Они получали удовольствие от условий, в которых живут, любили жесткую дисциплину и наслаждались чувством превосходства над другими воинами; они понимали, что знают толк в военном деле.

Я никогда не давал себе труда заглянуть в ставку верховного царя, считая это бессмысленным. И когда на небе засияла вторая полная луна, мы все решили, что похода на Трою не будет. И просто ждали команды идти домой.

В первую ночь полнолуния Патрокл отправился провести вечер с Аяксом, Тевкром и Малым Аяксом. Меня звали, но я предпочел никуда не выходить — у меня не было настроения заниматься глупостями, когда нашему предприятию угрожал такой постыдный конец. Я немного поиграл на лире и попел, а потом погрузился в бездействие.

Шум от того, что кто-то пытается войти в шатер, заставил меня поднять голову. Я увидел женщину, которая стояла, приподняв клапан, у входа. Она была закутана в мокрый гиматий, от которого шел пар. Я ошарашенно уставился на нее, не веря своим глазам. Она шагнула внутрь, задернула занавес над входом, откинула брошенный на голову гиматий и встряхнула волосами, чтобы освободить их от особенно крупных дождевых капель.

— Ахилл! — воскликнула она, с глазами сияющими, как прозрачный коричневый янтарь. — Я видела тебя в Микенах, когда подглядывала в дверь за тронотца. О, я так счастлива!

К этому времени я уже стоял, разинув рот от изумления.

Ей было не больше пятнадцати-шестнадцати лет, это я заметил прежде, чем она сняла гиматий, открыв моим глазам кожу, похожую на молочного цвета мрамор с голубыми прожилками вен, и налитую грудь. Рот у нее был бледно-розовый, с красивым изгибом, волосы — цвета сердца огня. Ее невероятная живость заставляла воздух вокруг звенеть, лицо ее смеялось, а за нежной юностью угадывалась скрытая сила.

— Моей матери не пришлось меня уговаривать, — снова затараторила

она, заметив, что я молчу. — Я не смогла ждать до завтра, чтобы сказать тебе, как я счастлива! Ифигения с радостью станет твоей женой!

Я подпрыгнул. Ифигения! Единственная Ифигения, о которой я слышал, была дочерью Агамемнона и Клитемнестры! Но о чем она болтает? С кем она могла меня спутать? Я продолжал глазеть на нее, словно неуклюжий дурак, лишенный дара речи.

Мое молчание и изумление, написанное на моей физиономии, в конце концов изменили выражение ее лица с сияющего от радости на неуверенное.

— Что ты делаешь в Авлиде? — выдавил я.

И тут в шатер вошел Патрокл, увидел нас и остановился.

— Гостя, Ахилл? — Его глаза блеснули. — Тогда я пойду.

Я быстро преградил ему путь и схватил его за локоть.

— Патрокл, она говорит, якобы она — Ифигения! — прошептал я. — Должно быть, это дочь Агамемнона! И по ее словам, она уверена, будто я послал за ней в Микены и просил у ее матери согласия на наш брак!

Его веселость пропала.

— О боги! Это что, заговор, чтобы возвести на тебя напраслину? Или они проверяют, можно ли на тебя рассчитывать?

— Не знаю.

— Мы отправим ее обратно к отцу?

Немного успокоившись, я задумался.

— Нет. Очевидно, она убежала тайком, чтобы увидаться со мной, и никто не знает, что она здесь. Лучше я задержу ее, а ты попытайся подобраться поближе к Агамемнону и выяснить, в чем тут дело. Поторопись.

Он исчез.

— Сядь, моя госпожа, — обратился я к своей гостье, тоже усаживаясь в кресло. — Хочешь воды? Может, чего-нибудь сладкого?

В следующее мгновение она оказалась у меня на коленях, обвила руки вокруг моей шеи и с легким вздохом прислонила голову к моему плечу. Я был готов сбросить ее на пол, но взглянул на ее перепутавшиеся кудри и передумал. Она была ребенком, и она была влюблена в меня. По сравнению с ней я был немыслимо стар, и для меня это было новое ощущение. Прошло полгода с тех пор, как я в последний раз виделся с Деидамией, но эта девушка будила во мне совсем иные чувства. Моя ленивая, самодовольная жена была на семь лет старше меня, и инициатива в уходе за ней принадлежала ей. Для тринадцатилетнего подростка, только открывающего для себя функции тела, связанные с полом, это было

изумительно. Теперь же я поймал себя на мысли, какие чувства вызовет во мне Деидамия, когда я закаленным в боях мужем вернусь из Трои. Мне было очень приятно держать Ифигению на коленях, вдыхать не духи, а сладкий, естественный аромат юности.

Улыбающаяся и довольная, она подняла голову, чтобы взглянуть на меня, и снова опустила ее мне на плечо. Я почувствовал, как ее губы ласкают мне горло, а ее грудь, прижатая к моей, жгла, словно раскаленным огнем. Патрокл, Патрокл, поторопись! Потом она сказала что-то, чего я не расслышал; я запустил руку в ее густые огненные волосы и запрокинул ей голову, чтобы увидеть ее дивное лицо.

— Что ты сказала?

Она покраснела.

— Я только спросила, не поцелуешь ли ты меня.

Я поморщился.

— Нет. Посмотри на мой рот, Ифигения. Он не создан для этого. Мои губы не могут ощутить вкус поцелуя.

— Тогда я сама буду тебя целовать.

Такое заявление должно было бы заставить меня оттолкнуть ее, но я не смог. Вместо этого я позволил ее губам, мягким, словно лебяжий пух, бродить по моему лицу, прижиматься к моим закрытым векам, щекотать основание шеи, где нервы подходят так близко, что заставляют сердце мужчины стучать, словно молот. Страстно желая обнять ее и прижать к себе так, чтобы у нее перехватило дыхание, я заставил себя отпустить ее и сурово посмотрел ей в глаза.

— Ифигения, хватит. Сиди спокойно. — Мне удалось усмирить ее и дожждаться возвращения Патрокла.

Он остановился на пороге, насмешливо глядя на меня.

Я разомкнул ее руки, обнимавшие меня, и поднял их кверху, не зная, смеяться мне или сердиться. Патрокл никогда надо мной не смеялся. Потом я дотронулся до ее щеки и пересадил ее с моих колен в кресло. Насмешливое выражение сошло с лица Патрокла, теперь он казался мрачным и очень разгневанным. Но он не сказал ни слова, пока не убедился, что она нас не услышит.

— Ахилл, они состряпали неплохой заговор.

— Я так и думал. Что за заговор?

— Мне повезло. Агамемнон беседовал с Калхантом в своем шатре с глазу на глаз. Я тихонько улегся с подветренной стороны и сумел услышать большую часть того, о чем они говорили. — Он содрогнулся и вздохнул. — Ахилл, они использовали твоё имя, чтобы выманить это дитя у ее матери!

Чтобы привезти девушку в Авлиду, они сказали Клитемнестре, будто ты хочешь жениться на Ифигении до отплытия. Завтра ее принесут в жертву Артемиде, чтобы искупить какой-то проступок Агамемнона перед богиней.

Гнев испытывает всякий мужчина, хотя одним его доводится испытывать в большей степени, нежели другим. Я никогда не считал себя слишком подверженным гневу, но сейчас он просто захлестнул меня — великий гнев, стирающий чувства, мораль, принципы, благопристойность. Должно быть, боги на Олимпе ужаснулись. Мой рот растянулся в хищном оскале, обнажившем зубы, я дрожал, словно мной опять овладел морок, и я бы тотчас же вышел под дождь, чтобы зарубить Агамемнона со жрецом своей секирой, если бы Патрокл не схватил меня за руки с силой, которой я от него не ожидал.

— Ахилл, подумай! — прошептал он. — Подумай! Какой прок их убивать? Ее кровь необходима для того, чтобы флот мог отплыть! Из того, что было сказано между Агамемноном и Калхантом, мне стало ясно: верховного царя вынудили пойти на это!

Я сжал кулаки с такой силой, что разомкнул его захват.

— И поэтому ты предлагаешь мне стоять в стороне и радоваться? Они использовали мое имя, чтобы совершить преступление, которое запрещают новые боги! Это варварство! Это оскверняет воздух, которым мы дышим! И они использовали мое имя! — Я встряхнул его так, что у него застучали зубы. — Посмотри на нее, Патрокл! Ты сможешь стоять рядом и смотреть, как ее приносят в жертву, словно овцу?

— Нет, ты не понял меня! — торопливо возразил он. — Я только хотел сказать, что нам нужно подумать об этом трезво, а не в ослеплении гнева! Ахилл, подумай! Подумай!

Я пытался. Из всех сил. Демон безумия бурлил во мне с такой яростью, что победа над ним почти стоила мне жизни. С посеревшим лицом я приходил в себя, и ко мне возвращалась способность логически мыслить. Обмануть их! Должен быть способ обмануть их! Я взял его руки в свои.

— Патрокл, ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу?

— Все, что угодно.

— Тогда ступай и отыщи Автомедонта и Алкимеда. Они — мирмидоняне, и мы можем доверять им в любом деле. Скажи Алкимеду, что он должен найти молодого оленя и выкрасить его рога золотом. Он должен найти животное к утру! Полностью доверься Автомедонту. Завтра вы оба должны спрятаться за алтарем до того, как начнется жертвоприношение. Оленя держи при себе на золотой цепи. Калхант в

своих ритуалах использует очень много дыма. Когда Ифигения будет лежать на алтаре и все окутается дымом — жрец не посмеет перерезать ей горло на глазах у отца, — хватайте девушку и кладите на ее место оленя. Конечно, Калхант все поймет, но Калхант хочет жить. Он ничего не скажет, только объявит о том, что случилось чудо.

— Да, это может сработать... Но как мы с Автомедонтом уведем ее прочь?

— За алтарем есть маленький шалаш, где они держат жертвы. Спрячьте ее там, пока все не разойдутся. Потом приведите ко мне в шатер. Я отправлю ее назад к Клитемнестре вместе с посланием, в котором расскажу про заговор. Ты обо всем позаботишься?

— Да, Ахилл. А ты?

— Я уже долго не ходил на гадания Калханта, но завтра я приду в лагерь верховного царя как раз накануне церемонии. А теперь я отправлю ее обратно в ее шатер. Я не знаю, как ей удалось выбраться оттуда никем не замеченной, но очень важно, чтобы по дороге обратно ее тоже никто не увидел. Я сам ее отведу.

— Может, кто-то ее и видел.

— Нет. Они бы никогда не позволили ей провести со мной столько времени, боясь, что я успею лишить ее девственности. Артемида предпочитает невинных.

Он нахмурился.

— Ахилл, не лучше ли отправить ее к матери прямо сейчас?

— Я не могу, Патрокл. Это значит открыто порвать с Агамемноном. Если завтра все пойдет так, как мы задумали, мы отплывем до того, как Клитемнестра о чем-либо узнает.

— Значит, ты веришь, будто для того, чтобы погода улучшилась, необходима смерть Ифигении? — спросил он странным тоном.

— Нет, я думаю, погода и так улучшится через день или два. Патрокл, я не хочу открыто враждовать с Агамемноном, ты ведь понимаешь? Я хочу пойти на Трою!

— Я вижу. — Он пожал плечами. — Что ж, пора идти. Бедняга Алкимед умрет от ужаса, когда узнает, что ему нужно поймать молодого оленя! Я переночую у Алкимеда. Если я не предупрежу тебя, что наш план сорвался, можешь быть уверен, в полдень мы будем за алтарем.

— Хорошо.

Он выскользнул в дождь.

Ифигения смотрела на нас округлившимися глазами.

— Кто это был? — Она умирала от любопытства.

— Мой двоюродный брат Патрокл. С войском неприятности.

— О...

Она задумалась на мгновение, а потом сказала:

— Он очень похож на тебя, только у него глаза голубые и он меньше ростом.

— И у него есть губы.

Она фыркнула.

— Это делает его заурядным. Я люблю твой рот таким, какой он есть, Ахилл.

Я заставил ее встать.

— А теперь я должен отвести тебя обратно в твой шатер, пока тебя не хватились.

— Нет!

Она надеялась уговорить меня, поглаживая мне руку.

— Да, Ифигения.

— Мы завтра поженимся. Почему ты не позволишь мне остаться на ночь?

— Потому что ты — дочь верховного царя Микен, а дочь верховного царя Микен должна выходить замуж девственницей. Жрицы подтвердят это накануне, а потом я должен буду показать всем брачную простыню, чтобы доказать, что стал твоим мужем во всех смыслах, — твердо ответил я.

Она надула губы.

— Я не хочу уходить!

— Хочешь или нет, но придется, Ифигения. — Я взял ее лицо в ладони. — Перед тем как я отведу тебя домой, ты должна кое-что мне пообещать.

— Все, что угодно, — ответила она, сияя от счастья.

— Не говори о том, что была у меня, ни своему отцу, ни кому-то еще. Если ты скажешь, в твоей девственности усомнятся.

Она улыбнулась:

— Что ж, всего одна ночь! Я смогу это пережить. Отведи меня обратно, Ахилл.

Предупреждения от Патрокла о том, что наш план сорвался, не было. Задолго до полудня я надел свои парадные доспехи, те, которые дал мне отец, — из сокровищ царя Миноса, — и отправился к алтарю под платаном. Все выглядело как обычно, и я вздохнул с облегчением. Патрокл с Автомедонтом были на месте.

О, как изменились лица царей, когда они меня увидели! Одиссей тут

же крепко схватил Агамемнона за руку, Нестор сжался между Диомедом и Менелаем, Идомей же, последний из пришедших, выглядел испуганно и неловко. Они все знали. Кивнув в знак приветствия, я стал сбоку, словно пришел сегодня сюда по чистой случайности. Позади нас раздался звук шагов по мокрой траве; Одиссей пожал плечами, поняв, что у них уже нет времени, чтобы убедить меня уйти. Нет, мне не дано было увидеть, как работает его разум. В Одиссее открытость и нормальность свидетельствовали о хитрости. Самый опасный человек в ойкумене. Рыжеволосый и левша. Дурные знаки.

Словно из любопытства, я обернулся и увидел Ифигению, которая шла к алтарю медленно и гордо, с высоко поднятой головой; только редкое подрагивание губ выдавало ее внутренний ужас. Увидев меня, она вздрогнула, точно я ее ударил; я всмотрелся в ее глаза и понял: сейчас она лишилась последней надежды. Ее шок превратился в гнев, чувство злобное и едкое, не имевшее ничего общего с тем гневом, который я почувствовал, когда Патрокл рассказал мне про заговор. Она меня ненавидела, презирала, ее пристальный взгляд напомнил мне взгляд моей матери. А я стоял, флегматично глядя на алтарь, страстно желая, чтобы настал тот момент, когда я смогу ей все объяснить.

К Одиссею подошел Диомед. Они вдвоем поддерживали Агамемнона под руки, помогая ему стоять прямо. Его лицо было мертвенно-бледным, выжатым, словно лимон. Калхант пальцем в спину подтолкнул Ифигению вперед. Цепей на ней не было. Могу представить, с каким презрением она их отвергла, — она была дочерью Агамемнона и Клитемнестры, чья гордость была известна всем.

У подножия алтаря она обернулась, чтобы взглянуть на нас глазами, сверкающими презрением, потом поднялась по ступеням и быстро улеглась на жертвенник, сцепив руки под грудью, — ее профиль четко вырисовывался на фоне серого вздымающегося моря. С утра не выпало ни капли дождя — ее мраморное ложе было сухим.

Калхант бросил разные порошки в пламя, горевшее в трех треножниках, расставленных вокруг алтаря; за клубился зеленый и желтый дым, пропитавший все вокруг мерзкой серной вонью. Размахивая длинным, украшенным драгоценными камнями ножом, Калхант кидался из стороны в сторону, словно огромная, безумная летучая мышь. Когда его рука поднялась вверх, сверкнув лезвием ножа, я остался на месте, охваченный ужасом, но замороженный зрелищем. Лезвие блеснуло, опускаясь, клубы дыма скопились вокруг жреца, скрыв его из виду. Кто-то вскрикнул, — это был резкий вопль отчаяния, замерший при стуке металла о камень. Мы

стояли как статуи. Потом налетел порыв ветра и со свистом унес дым прочь. Ифигения неподвижно лежала на алтаре, ее кровь бежала по выдолбленному в камне каналу, стекая в огромную золотую чашу в руках Калханта.

Агамемнона вырвало. Даже Одиссей зажал рот рукой. Но я не мог смотреть ни на кого, кроме Ифигении, превратившейся в тленный прах; рот мой был открыт в долгом мучительном стоне. Мои вены наполнились безумием. Я бросился вперед с мечом в руке; если бы не Одиссей с Диомедом, поддерживавшие Агамемнона, я бы отсек ему голову, — он висел между ними, с его ухоженной бороды стекала блевотина. Они бросили его, словно мешок, чтобы схватить меня, отчаянно стараясь вырвать у меня меч, но я раскидал их в стороны, словно кукол. Идомей с Менелаем бросились к ним на помощь, даже старик Нестор вступил в драку. Впятером они повалили меня наземь, и мое лицо оказалось в паре ладоней от лица Агамемнона, — я осыпал его проклятиями, пока мой голос не превратился в визг. Внезапно силы оставили меня, и я разрыдался. Тогда они оторвали мои пальцы от эфеса меча и подняли нас обоих на ноги.

— Агамемнон, ты воспользовался моим именем, чтобы совершить эту подлость, — проговорил я сквозь слезы: ярость ушла, ненависть осталась. — В угоду своей гордыне ты позволил принести в жертву собственную дочь. С этого дня и навеки ты для меня значишь не больше, чем самый последний раб. Ты ничем не лучше меня. Но я еще хуже. Если бы не мое честолюбие, я смог бы этому помешать. Но вот что я скажу тебе, верховный царь! Я отправлю послание Клитемнестре, в котором расскажу обо всем, что здесь произошло. Я не пощажу никого, ни тебя, ни других, и еще меньше — самого себя. Наша честь запятнана так, что ее не отмыть. Мы прокляты.

— Я пытался этому помешать, — без выражения проговорил он. — Я отправил гонца к Клитемнестре, чтобы предупредить ее, но он был убит. Я пытался, я пытался... Шестнадцать лет я пытался предотвратить этот день. Вيني во всем богов. Они провели нас всех.

Я плюнул ему под ноги.

— Не вини богов в собственных грехах, верховный царь! Наша слабость всему виной. Потому что мы — смертны.

Кое-как я добрал до своего шатра. Первое, что я увидел, было кресло, в котором она сидела у меня на коленях. В другом кресле сидел Патрокл, заливаясь слезами. Услышав, как я вошел, он поднял меч, лежавший на ковре у его ног, и опустился передо мной на колени, вытянув меч вперед.

— Что это значит? — спросил я, не зная, как пережить боль.

Приставив острие себе к горлу, он протянул мне рукоятку.

— Убей меня! Я подвел тебя, Ахилл. Я уронил твою честь.

— Я сам себя подвел, Патрокл. Я сам уронил свою честь.

— Убей меня! — умолял он.

Я взглянул на меч и отбросил его в сторону.

— Нет!

— Я заслуживаю смерти!

— Мы все заслуживаем смерти, но нас ждет другая судьба.

Мои пальцы путались в пряжках кирасы. Он принялся помогать мне — привычки неискоренимы, даже в страдании.

— Это я виноват, Патрокл. Моя гордыня и честолюбие! Как я мог оставить ее судьбу висеть на таких тонких, непрочных нитях? Я готов был ее полюбить, я бы с радостью женился на ней. В разводе с Деидамией не было бы ничего постыдного — мой отец с Ликомедом устроили наш брак по хитрому расчету, чтобы уберечь меня от неприятностей. Ты предложил мне сразу же отправить Ифигению к матери, и это был дельный совет. Я отказался, ибо побоялся подвергнуть риску свое положение в армии. Я послушался гордыни и честолюбия, и я проиграл.

Доспехи были сняты. Патрокл принялся укладывать их в специальный ларь. Всегда ведет себя как слуга.

— Так что же случилось? — спросил я, когда он налил нам вина.

— Все шло хорошо. — Он сел напротив меня. — Мы поймали оленя.

Его глаза потемнели и наполнились слезами.

— Но я решил не делить славу с Автомедонтом. Я хотел один получить всю твою благодарность. Поэтому я взял оленя и спрятался за алтарем в одиночку. А потом эта тварь заволновалась и начала мычать. Я забыл его одурманить! Вдвоем с Автомедонтом мы бы с ним справились. Но в одиночку это было невозможно. Калхант нашел меня. Ахилл, он — настоящий воин! Одно мгновение я смотрел на него, а в следующее он схватил чашу и ударил меня. Когда я пришел в себя, я был связан по рукам и ногам, с кляпом во рту. Вот почему я молю тебя убить меня. Если бы я взял с собой Автомедонта, все вышло бы так, как мы запланировали.

— Убить тебя, Патрокл, — значит убить себя тоже. Слишком просто. Только оставаясь в живых, мы можем понести наказание. Мертвыми мы не почувствуем ничего, мы станем теньями, которые не знают ни радости, ни боли. Это не расплата.

Он сглотнул и кивнул:

— Да, понимаю. Пока я жив, мне придется помнить о своей зависти.

Пока жив ты, тебе придется помнить о своем честолюбии. Удел намного хуже смерти.

Но Патроклу не придется помнить ее взгляд, ее презрение. О чем она думала между тем временем, когда они открыли ей правду, и мгновением, когда нож Калханта перерезал ей горло? Что она думала обо мне, который поначалу вел себя как ее возлюбленный, а потом бессердечно ее покинул? Ее тень будет преследовать меня до конца моей жизни. Что ж, тогда — в молодости и славе! Пусть моя жизнь закончится в молодости и славе.

— Когда мы возвращаемся в Иолк?

— В Иолк? Нет! Мы плывем в Трою.

— После этого?

— Троя — часть моего наказания. И Троя значит, что мне не придется смотреть в лицо отцу, ибо я этого не переживу. Что бы он подумал обо мне, если бы узнал? Да уберегут его от этого боги!

Глава двенадцатая, рассказанная Агамемноном

Мою дочь похоронили на рассвете в глубокой безымянной могиле, под грудой камней на сером морском берегу. Я даже не смог дать ей с собой подобающее умершим приданое, кроме богатых одежд и немногих девичьих драгоценностей, которые у нее были.

Ахилл пообещал отправить моей жене послание, обвиняя всех нас; я бы мог предотвратить это, добравшись до нее первым. Но я не мог найти ни слов, ни человека, чтобы их передать. Из тех, кто не отправлялся со мной в плавание, кому я мог доверять? И какие слова могли смягчить удар, который я нанес Клитемнестре, какие слова могли уменьшить ее потерю? О чем бы мы ни спорили, моя жена всегда считала меня великим мужем, единственным, кто был ее достоин. При этом она оставалась лакедемонянкой и в ее землях влияние Великой матери Кибелы было по-прежнему велико. Когда она узнает о смерти Ифигении, она попытается вернуть старых богов и править вместо меня не на словах, а на деле.

И тут я подумал о человеке из своей свиты, без которого я мог обойтись: о своем двоюродном брате Эгисфе.

История нашего рода — рода Пелопов — ужасна. Мой отец, Атрей, и отец Эгисфа, Фиест, были братьями, которые после смерти Эврисфея оказались соперниками за право на микенский трон; наследником должен был стать Геракл, но он был убит. Множество преступлений было совершено ради Львиного трона Микен. Мой отец совершил неопишемую жестокость: убил своих племянников, приготовил из них жаркое и подал Фиесту в качестве царского угощения. Даже зная об этом, люди предпочли выбрать верховным царем Атрея, а Фиеста изгнали. Тот зачал Эгисфа от женщины из рода Пелопов, а потом попытался подбросить ребенка Атрею в качестве его собственного сына, когда Атрей сочетался с ней браком. И это был еще не конец. Фиест молчаливо содействовал убийству моего отца и вернулся на трон верховным царем, пока я не стал достаточно взрослым, чтобы отобрать у него трон и изгнать его.

При этом мне всегда нравился мой двоюродный брат Эгисф — красивый, очаровательный юноша намного моложе меня, с которым я ладил лучше, чем с родным братом, Менелаем. Однако моя жена недолюбливала Эгисфа и не доверяла ему, потому что он был сыном

Фиеста и имел законное право на трон, который, как она твердо решила, не унаследует никто, кроме Ореста.

Я послал за ним, как только решил, сколько я смогу ему рассказать. Его положение всецело зависело от моей милости, поэтому ему следовало мне угодить. И я отправил Эгисфа к Клитемнестре, снабдив его необходимыми сведениями и богатыми дарами. Да, Ифигения была мертва, но не по моему приказу. Все замыслил и осуществил Одиссей. В это она поверит.

— Я не покидаю Элладу надолго, — сказал я Эгисфу, снаряжая его в путь, — но очень важно, чтобы Клитемнестра не обратилась к народу и не вернула старых богов. Ты будешь моим стражем.

— Артемида всегда была твоим врагом. — Он опустил на колени, чтобы поцеловать мне руку. — Не волнуйся, Агамемнон. Я присмотрю за тем, чтобы Клитемнестра вела себя смирно.

Он прокашлялся.

— Конечно, я надеюсь на добычу из Трои. Я — человек бедный.

— Ты получишь свою долю добычи. Ступай.

На следующее утро после жертвоприношения я проснулся после щедро сдобренного вином сна и обнаружил, что стоит ясный, спокойный день. За ночь тучи с ветром исчезли, только капающая с палаточных крыш вода напоминала о штормовых лунах, которые мы пережили. Я заставил себя поблагодарить Артемиду за содействие, но никогда больше я не стану просить помощи у Охотницы. Моей бедной маленькой дочери больше не было, не осталось даже надгробного обелиска в память о ней. Я не мог смотреть на жертвенник.

Феникс у меня в шатре возбужденно кудахтал об отплытии; я решил выступить на следующий день, если погода не испортится.

— Она не испортится, — уверенно заявил старик. — Море между Авлидой и Троей будет спокойным, словно молоко в чаше.

— Тогда, — мне внезапно вспомнилось, как Ахилл раскритиковал мои планы насчет провизии, — мы принесем жертву Посейдону и рискуем. Набей корабли доверху провизией, Феникс. По самый край. Я соберу все съестное в окрестностях.

Он очень удивился, потом расплылся в широкой улыбке.

— Обязательно, мой господин, так и сделаю!

Меня не оставляла мысль об Ахилле. У меня в ушах звенело его проклятие, его презрение прожигало меня до костей. Я не мог понять, за что он винил себя, — он мог бросить вызов богам не больше, чем я. И все

же я испытывал к нему завистливое восхищение. У него было мужество признать свою вину на глазах у вышестоящих. Как бы мне хотелось, чтобы Одиссей с Диомедом меньше пеклись о моей безопасности. Как бы мне хотелось, чтобы Ахилл снес мне голову, покончив со всем прямо там, на месте.

На следующее утро, когда рассвет начал окрашивать бледное небо в розовый цвет, флагманский корабль столкнули со стапелей. Мои руки твердо лежали на поручнях, я стоял на носу и чувствовал, как он вздрагивает, погружаясь в безмятежные воды. Наконец-то плавание началось! Потом я прошел на корму, где борта корабля закруглялись вверх, сходясь в высокий и узкий навес, увенчанный фигурой Амфитриона, глядящего вдаль. Я повернулся спиной к гребцам, порадовавшись, что у моего корабля была палуба, под которой было достаточно места для поклажи, рабов, золота, чтобы оплачивать военные расходы, и всего остального имущества, без которого верховный царь не мог обойтись. Мои лошади находились в загоне вместе с дюжиной остальных рядом с тем местом, где я стоял, морская гладь омывала борт почти вровень с палубой. Корабль был очень нагружен.

Позади остальные корабли тоже спускались на воду, огромные, красно-черные, словно сороконожки, у которых вместо ног — поднятые весла. Они ползли по поверхности незыблемой, вечной Посейдоновой бездны. Их было тысяча двести, они несли на себе восемьдесят тысяч воинов и двадцать тысяч помощников разного рода. На некоторых кораблях не было ничего, кроме лошадей и гребцов: мы — народ, который ездит на колесницах, так же как и троянцы. Мне все еще верилось, что поход будет коротким, но я понимал: нам не видать знаменитых троянских коней, пока город не взят.

Завороженный зрелищем, я едва ли отдавал себе отчет в том, что этой могучей силой управляла моя рука и верховному царю Микен было уготовано стать верховным царем Ахейской империи. Еще и десятая часть кораблей не была спущена на воду, как моя команда уже вывела мой корабль на середину Эвбейского пролива, и на таком расстоянии берег было едва видно. Когда я подумал о том, как такой огромный флот сможет держаться вместе на протяжении долгих лиг пути, меня на мгновение охватила паника.

Под палящим солнцем мы обогнули оконечность Эвбеи, прошли между ней и островом Андрос и, когда гора Оха скрылась за кормой, поймали бриз, который всегда дует в открытом Эгейском море. С благодарностью прикрепив весла к подпоркам палубы, матросы сгрудились

около мачты, — под напором юго-западного ветра, теплого и ласкового, распускался алый кожаный флагманский парус.

Я направился обратно вдоль палубы, между скамьями гребцов, и поднялся по низким ступеням на нос, где для меня была устроена отдельная каюта. Позади нас размеренно бороздило морскую рябь множество кораблей, разбивая ее на крошечные волны носами-клювами. Похоже, мы держались вместе; Телеф стоял у самого борта, иногда поворачивая голову, чтобы прокричать указания двум матросам, которые налегали на рулевые весла, держа корабль по курсу. Он улыбнулся мне с довольным видом:

— Отлично, мой господин! Если погода будет такой же и ветер позволит нам держать скорость, все будет просто замечательно. Нам не понадобится заходить на Хиос или Лесбос. Мы дойдем до Тенедоса вовремя.

Он меня успокоил. Телеф был самым лучшим мореходом во всей Элладе, единственным, кто мог привести нас в Трою без риска пристать к берегу где-нибудь вдали от места назначения. Он был единственным, кому я мог доверить судьбу тысячи двухсот кораблей. «Елена, — думал я, — дни твоей свободы сочтены! Не успеешь ты и глазом моргнуть, как вернешься в Амиклы, и я с невероятным удовольствием отдам приказ снести твою прелестную голову с плеч священной двуглавой секирой».

Плавание проходило вполне спокойно. Мы увидели Хиос, но прошли мимо. Нам не было нужды пополнять запасы провизии, а погода была такая хорошая, что ни Телеф, ни я не хотели испытывать судьбу, теряя время на берегу. Побережье Малой Азии было уже практически в пределах видимости, и Телеф прекрасно знал береговые знаки, ибо ходил вдоль этих берегов сотни раз. Он радостно указал мне на громаду Лесбоса. Он был совершенно уверен в курсе, поэтому направил корабль намного западнее — так далеко, что земля пропала из виду. Троянцы не будут знать о нашем прибытии.

На одиннадцатый день после выхода из Авлиды мы подошли к гавани на юго-восточной стороне Тенедоса, острова, расположенного поблизости от Трои. В гавани не хватало места для такого количества кораблей, и самое большее, что мы могли сделать, это позволить им встать на рейд настолько близко к берегу, насколько это было возможно, в надежде, что погода еще несколько дней будет нам благоприятствовать. Земля Тенедоса была плодородна, но население острова было малочисленным из-за близости к городу, считавшемуся самым огромным во всей ойкумене. Когда мы причалили, тенедосцы сгруппировались на берегу, выдавая свой страх

беспорядочной жестикуляцией.

Я хлопнул Телефа по плечу:

— Отличная работа, кормчий! Ты заслужил царскую долю добычи.

Распираемый гордостью от похвалы, он рассмеялся и с грохотом сбежал по ступеням на среднюю часть палубы, где его тут же окружили сто тридцать воинов, которые плыли на моем корабле.

К ночи последние корабли флота уже дрейфовали поблизости; все главные командиры присоединились ко мне в моей временной ставке в городке Тенедоса. Я успел закончить очень важное дело, а именно — собрать в одном месте всех обитателей острова. Нельзя было допустить, чтобы хоть один из них пробрался на материк и предупредил Приама о том, что происходит на дальней стороне Тенедоса. Боги приняли сторону Эллады.

На следующее утро я пешком отправился на вершину холма, который находился в центре острова, — некоторые из царей присоединились ко мне, чтобы размяться, радуясь, что снова ступают по твердой земле. В гиматиях, развевавшихся на ветру за нашими спинами, мы смотрели вниз на Троаду, которая лежала в нескольких лигах от нас за спокойной синевой водной глади.

Мы не могли пропустить Трою — от ее вида у меня засосало под ложечкой. Конечно, я думал о ней, сравнивая с тем, что знал: Микены на вершине Львиной горы, могучий торговый порт Иолк, Коринф, подчинивший себе обе стороны перешейка, легендарные Афины. Но они все померкли и показались мне незначительными. Троя не просто вздымалась ввысь, она раскинулась вширь, подобно гигантскому ступенчатому зиккурату,^[14] лежавшему слишком далеко, чтобы рассмотреть все детали.

— Что теперь? — спросил я Одиссея.

Он, казалось, полностью ушел в себя, его серые глаза уставились в одну точку. Но мой вопрос вернул его к действительности, и он усмехнулся.

— Я советую сегодня под покровом ночи переплыть пролив, на рассвете выстроить армию и захватить Приама врасплох, раньше, чем он успеет закрыть ворота. Завтра к вечеру, мой господин, Троя будет твоей.

Нестор захохотал, Диомед с Филоктетом пришли в ужас. Я ограничился улыбкой, а Паламед ухмыльнулся во весь рот.

Нестор же и избавил меня от труда, заговорив первым:

— Одиссей, Одиссей, неужели тебе совсем не ведомо, что такое добро

и зло? На все есть свой закон, включая войну, и я никогда не буду участвовать в предприятии, где не соблюдаются должные формальности! Честь, Одиссей! Где в твоём плане честь? От наших имен пойдёт такая вонь, что боги на Олимпе зажмут нос! Мы не можем попирать закон!

Он повернулся ко мне.

— Не слушай его, мой господин! Военные законы не допускают двух толкований. Мы должны соблюдать их!

— Успокойся, Нестор. Я знаю закон не хуже тебя.

Я взял Одиссея за плечи и легонько встряхнул.

— Ты, конечно же, не ожидал, что я послушаюсь такого нечестивого совета?

В ответ он сначала рассмеялся, потом сказал:

— Нет, Агамемнон, конечно же нет! Но ты спросил, что нам теперь делать. Я был обязан поделиться с тобой крупницей собственной мудрости. К чему мне роптать, если ты остался к ней глух? Я не верховный царь Микен. Я всего-навсего твой верный подданный Одиссей со скалистой Итаки, где мужи, чтобы выжить, иногда забывают про такие вещи, как честь. Я сказал тебе, как покончить со всем за один день, и этот способ — единственный. Предупреждаю тебя: если Приам получит шанс закрыть ворота, ты будешь выть под его стенами те десять лет, которые напороочил Калхант.

— К стенам можно приставить лестницы, а ворота можно взломать.

— Правда?

Он опять захохотал и, казалось, позабыл про нас — его взгляд снова обратился внутрь.

Его ум был поистине удивителен, настолько быстро он ухватывал истину. В глубине души я знал, что его совет верен, но я также знал, что, если бы я внял ему, никто бы за мной не последовал. Это означало согрешить против Зевса и новых богов. Меня всегда восхищало то, как ему удавалось избежать расплаты за такие нечестивые мысли. Поговаривали, будто он любимец Афины Паллады и она всегда заступается за него перед своим всемогущим отцом. Говорили, что она любит Одиссея за его ум.

— Кому-то придётся отправиться в Трою, чтобы вручить Приаму символ войны и потребовать возвращения Елены.

Они все выказали желание пойти, но я уже знал, кого выберу.

— Менелай, ты — супруг Елены, ты и должен отправиться. Одиссей, Паламед, вы пойдёте с ним.

— А почему не я? — Нестор был раздосадован.

— Потому что один из моих главных советников должен остаться при

мне, — ответил я, надеясь, что это прозвучало достаточно убедительно.

Стоит только дать ему подумать, будто я намеренно берегу его от волнений, как он тут же на меня набросится. Он подозрительно посмотрел на меня, но долгое морское путешествие наверняка возымело действие, и он не стал со мной спорить.

Одиссей очнулся от забытья.

— Мой господин, раз мне поручена такая задача, то я попрошу об одном одолжении. Пусть у троянцев не будет никакого повода предполагать, что мы уже здесь и прячемся на Тенедосе. Позволь нам создать у старого Приама впечатление, будто мы все еще готовимся к войне дома, в Элладе. Все, к чему нас обязывает закон, это торжественно объявить ему войну, прежде чем мы на него нападем. Никаких других обязательств у нас нет. А Менелай должен потребовать подходящую компенсацию за моральный ущерб, который он понес в связи с похищением его супруги. Он должен настаивать, чтобы Приам открыл Геллеспонт для наших купцов и отменил торговый запрет.

Я кивнул.

— Хорошо.

Мы спустились по склону обратно в город; меня обогнали самые энергичные из нас, возглавляемые Одиссеем и Филоктетом, которые болтали и гоготали, словно пара юнцов. Оба были выдающимися мужами, но Филоктет как воин был лучше. Сам Геракл отдал Филоктету свои лук и стрелы, когда лежал на смертном одре, хотя Филоктет тогда был всего лишь мальчишкой.

Они перепрыгивали через поросшие травой кочки, жадно глотая чистый воздух. Чтобы продемонстрировать свою прыть, Одиссей высоко подпрыгнул над зарослями кустарника и стукнул пятками в воздухе. Филоктет сделал то же самое, приземлившись легко и гибко. В следующее мгновение он выпустил короткий, резкий крик и с искаженным лицом упал на одно колено, вытянув вперед другую ногу. Гадая, не сломал ли он ее, мы все побежали туда, где он сидел, тяжело дыша, зажав в руках вытянутую ногу. Одиссей снимал с пояса нож.

— В чем дело? — спросил Нестор.

— Я наступил на змею! — задыхаясь, ответил Филоктет.

Я онемел от страха. В Элладе ядовитые змеи были редкостью, они очень отличались от домашних и алтарных змей, которых мы любили и высоко ценили за то, что они охотились на крыс и мышей.

Одиссей глубоко надрезал ножом оба прокола, потом наклонил голову и прижался к ране губами, шумно отсасывая кровь с ядом и сплевывая.

Потом он знаком подозвал Диомеда.

— Давай, аргивлянин, подними его и отнеси к Махаону. Постарайся не трясти — это погонит яд к жизненно важным органам. Друг мой, — обратился он к Филоктету, — лежи очень тихо и постарайся не унывать. Махаон недаром сын Асклепия. Он знает, что делать. ^[15]

Диомед побежал, держа свою тяжелую ношу так осторожно, словно Филоктет был ребенком, — я видел раньше, что он может долго держать такой темп даже при полном вооружении.

Конечно же, мы тоже сразу отправились к Махаону. Ему выделили хороший дом, который он делил со своим намного более застенчивым братом, Подалирием; мужи подвержены хворям и во время войны, и в мирное время. Когда мы пришли, Филоктет уже находился на ложе. Глаза его были закрыты, и он хрипло дышал.

— Кто обработал укус? — спросил Махаон.

— Я, — ответил Одиссей.

— Отлично, итакец. Если бы ты промедлил, он бы уже умер. Даже сейчас он еще может умереть. Этот яд смертельный. У него четыре раза были конвульсии, и я чувствую рукой, как замирает его сердце.

— Как долго придется ждать его выздоровления? — спросил я.

Он покачал головой: как и любой врач, он ненавидел предсказывать печальный исход.

— Понятия не имею, мой господин. Кто-нибудь поймал змею или, по крайней мере, видел ее?

Мы покачали головами.

— Тогда я не знаю, — вздохнул Махаон.

На следующий день делегация отплыла в Трою на большом корабле, все палубы которого были в нарочитом беспорядке, чтобы создать видимость, будто он только что проделал дальний путь из Эллады; остальные затаились, ожидая его возвращения. Мы держались очень тихо, стараясь, чтобы дым от наших костров не висел над холмами и не выдал наше присутствие возможным наблюдателям со стороны Трои. От тенедонян не было никаких неприятностей, настолько они были ошеломлены размером флота, который появился у них нежданно-негаданно.

Я редко видел молодых вождей. Они избрали Ахилла своим предводителем и брали пример с него больше, чем с меня. С того дня, когда умерла Ифигения, он ни разу не подошел ко мне. Я видел его не однажды — его рост и стать было сложно спутать с чьими-то еще, — но он

притворялся, будто меня не замечает, и шел своей дорогой. И я не мог не обратить внимания на то, как он тренирует мирмидонян. Он не терял времени и не позволял им прохлаждаться, как все остальные войска. Каждый день он муштровал их и устраивал им тренировки; эти семь тысяч воинов были самыми подготовленными, самыми боеспособными из всех, каких я когда-либо видел. Вначале я был немного удивлен, что он привел в Авлиду всего семь тысяч мирмидонян, но теперь я понял, что Пелей со своим сыном предпочитали качество количеству. Ни один из них не был старше двадцати лет, и все они были профессиональными воинами, а не добровольцами, которые привыкли ходить за плугом или собирать виноград. По слухам, никто из них не был женат. Очень мудро. Только юноши без жен и младенцев бросаются в битву, не заботясь о своей судьбе.

Делегация возвратилась через семь дней. Корабль вошел в гавань с приходом ночи, и трое моих послов сразу же пришли ко мне в дом. По их лицам я понял, что поездка была безуспешной, но я дождался прихода Нестора, прежде чем позволил им начать рассказ. Звать Идоменея нужды не было.

— Агамемнон, они отказались вернуть ее! — заявил мой брат, ударяя кулаком по столу.

— Менелай, успокойся! Я и не предполагал, что они ее вернут. Как все прошло? Вы видели Елену?

— Нет, они ее спрятали. Нас провели в крепость — меня знали по моему первому посещению даже в Сигее. Приам, сидя на троне, спросил, что мне нужно на этот раз. Я сказал: Елену, и он рассмеялся мне в лицо! Если бы только его гнусный сынок там был, я убил бы его на месте!

Он сел и обхватил голову руками.

— И погиб бы сам. Продолжай.

— Приам заявил, дескать, Елена пришла к ним по доброй воле, она не хочет возвращаться в Элладу, считает Париса супругом и предпочитает оставить сокровища, которые привезла с собой, в Трое, где она может ими распоряжаться, чтобы не стать обузой для своей новой родины. Он даже намекнул, что я узурпировал лакедемонский трон, ты можешь в это поверить? Он сказал, что после смерти братьев Елены, Кастора и Полидевка, право на трон должно было перейти к ней! Она — дочь Тиндарея, а я — всего-навсего микенская кукла!

— Ну-ну, — крикнул Нестор, — похоже, Менелай, даже если бы Елена предпочла остаться с тобой в Амиклах, она все равно устроила бы переворот.

Когда мой брат в ярости обернулся к старику, я ударил по полу

посохом.

— Продолжай, Менелай!

— Я вручил Приаму красную табличку с символом Ареса, и он уставился на нее, словно никогда не видел ничего подобного. Его руки так дрожали, что он уронил ее на пол. Она разбилась. Все подскочили. Потом Гектор поднял ее и унес прочь.

— Все это произошло несколько дней назад. Почему вы не вернулись сразу же?

Он казался пристыженным и не ответил, но я угадал ответ, так же как и Нестор. Он надеялся увидеть Елену.

— Ты не рассказал, чем закончилась первая аудиенция, — вернул его к делу Паламед.

— Я расскажу, если мне позволят! — огрызнулся Менелай. — Старший сын Приама, Деифоб, открыто умолял отца убить нас. Потом вперед вышел Антенор и предложил нам погостить в его доме. Он призвал Зевса Гостеприимного и сказал, чтобы никто из троянцев не смел поднять на нас руку.

— Интересно! Странно слышать это от дарданца. — Я успокаивающе похлопал Менелая по плечу. — Мужайся, брат! Очень скоро ты получишь шанс отомстить. А теперь иди спать.

Только когда мы с Нестором, Одиссеем и Паламедом остались наедине, я узнал то, что действительно хотел узнать. Менелай был единственным, кто уже бывал в Трое, но в течение всего года, когда мы готовились к войне, мне не удалось вытянуть из него никаких полезных сведений. Как высоки стены? Очень высоки. Сколько воинов может собрать Приам? Много. Насколько крепки связи Трои с остальной Малой Азией? Достаточно крепки. Выдавить что-нибудь из него было практически так же невозможно, как у Калханта, с той разницей, что мой брат не мог использовать ловкую отговорку жреца — дескать, язык ему связал Аполлон.

— Мы должны действовать быстро, мой господин, — тихо сказал Паламед.

— Почему?

— Троя — странное место, где также много мудрецов, как и дураков. И те и другие опасны. Приам — на одну половину мудрец, а на другую — дурак. Среди его советников самым большим уважением пользуются Антенор и юноша Полидамант. Старший сын Приама Деифоб, о котором говорил Менелай, — тупоголовая свинья. Однако он не наследник. Похоже, он не занимает никакого положения, кроме того, что является царским

сыном — Приама и его царицы Гекабы.

— По старшинству наследником должен быть он.

— Приам в свое время был тем еще козлом. Он похвастался, что у него невероятное количество сыновей — пятьдесят, от его царицы, прочих жен и наложниц. Дочерей же вообще больше ста — как он сам мне сказал, он плодит девочек чаще, чем мальчиков. Я спросил, почему он не бросил девочек на произвол судьбы. На что он хихикнул и сказал, что из красивых получаются хорошие жены для его союзников, а уродливые могут наткать достаточно полотна, чтобы дворец всегда был пышно украшен.

— Расскажи мне о дворце.

— Он огромен, мой господин. Я бы сказал, он такой же, как старый дворец Миноса в Кноссе. У каждого из женатых отпрысков Приама есть отдельные покои из нескольких комнат, и они живут в роскоши. В крепости есть и другие дворцы. У Антенора есть свой. И у наследника.

— Кто же наследник? Я помню, Менелай упоминал имя Гектора, но я думал, он — самый старший.

— Гектор — один из младших сыновей царицы Гекабы. Он был там, когда мы прибыли, но почти сразу же уехал во Фригию по какому-то срочному делу. Могу добавить, он умолял освободить его от этой обязанности, но Приам настоял. Поскольку он их главный военачальник, сейчас троянская армия осталась без командира. Это дает мне повод предположить, что Гектор мудрее, чем его отец. Он молод, не старше двадцати пяти, как мне кажется. Он очень огромный. Такой же, как Ахилл.

Я повернулся к Одиссею, который медленно поглаживал себе лицо.

— А ты что скажешь?

— Что касается Гектора, могу добавить, что воины и народ его обожают.

— Понятно. Так ты не ограничился обследованием дворца?

— Нет, этим занимался Паламед. Я обследовал город. Очень полезное дело. Троя, мой господин, — это государство, обнесенное стенами. Двумя рядами стен. Те, которые окружают крепость, достаточно внушительны — выше, чем стены Микен или Тиринфа. Но внешние, которые окружают весь город, просто гигантские. Троя — это город в полном смысле этого слова, Агамемнон. Он полностью построен внутри внешних стен, а не разбросан за стенами крепости, как другие. Людям не нужно спасаться внутри крепости, когда им угрожает враг, ибо они и так находятся внутри. Там множество узких улочек и нет числа высоким зданиям, которые они называют жилыми домами, — в каждом живет несколько дюжин семей.

— Антенор говорил мне, — перебил его Паламед, — что во время

последней переписи о своем присутствии заявили сто семьдесят тысяч человек. Из этого следует, что Приам может собрать армию в сорок или даже пятьдесят тысяч мужей в самом городе, если призовет и мужчин постарше.

Я подумал о том, что моя собственная армия насчитывает восемьдесят тысяч воинов, и улыбнулся.

— Этого недостаточно, чтобы помешать нам взять город.

— Этого более чем достаточно, — возразил Одиссей. — Город насчитывает несколько лиг в окружности, хотя он скорее вытянутый, чем круглый. Внешние крепостные стены просто сказочны. Я измерил один камень от кулака до локтя, а потом сосчитал ряды. Высота стен — тридцать локтей, а толщина у основания по крайней мере двадцать. Они такие древние, что никто не помнит, кем они были построены и зачем. Легенда гласит, будто на них наложено заклятие и они должны навсегда исчезнуть с лица земли из-за отца Приама, Лаомедонта. Но я сомневаюсь, что они исчезнут с лица земли из-за нашего штурма. Они идут вверх под небольшим наклоном, и камни тщательно отполированы. Лестницу или крюк зацепить не за что.

Чувствуя, что меня охватывает уныние, я прокашлялся.

— Неужели нет ни одного слабого места, Одиссей? Какой-нибудь стены пониже? Или ворот?

— Да, слабое место есть, хотя я бы на него не рассчитывал, мой господин. Участок первоначальной стены на западной стороне рухнул, как я думаю, во время того же землетрясения, которое разрушило Крит. Эак починил брешь, и троянцы теперь называют ее Западным барьером. Он около пятиста шагов длиной и обтесан довольно грубо. Множество выступов и расселин для крюков. Ворот только трое: те, что поблизости от Западного барьера, называются Скейскими; на южной стороне — ворота Дардановы; на северо-востоке — Иденские. Другие входы — это без усердия охраняемые стоки и сливы, через которые за один раз может пройти только один человек. Сами ворота очень массивны. В двадцать локтей высотой, сверху через них переброшена арка с тропой, которая проходит по верху внешних стен, позволяя воинам быстро перемещаться с одного участка стены на другой. Ворота построены из бревен, укрепленных бронзовыми пластинами и шипами. Тараном их не пробить, в лучшем случае они лишь вздрогнут. Если только ворота не будут открыты, Агамемнон, тебе понадобится чудо, чтобы войти в Трою.

Что ж, Одиссей всегда был пессимистом.

— Я не знаю, как они смогут противостоять такой огромной силе, как

наша, просто не понимаю.

Паламед изучал содержимое своего кубка с вином и ничего не сказал; Нестор тоже. Поэтому Одиссей продолжил.

— Агамемнон, — настойчиво произнес он, — если ворота Трои закроются, у троянцев будет достаточно воинов, чтобы тебя отбить. Ты сможешь попытаться приставить лестницы только в одном месте, у Западного барьера. Но он всего пятьсот шагов длиной. Сорок тысяч воинов облепят его, словно мухи мертвечину. Поверь, они смогут отражать твои атаки долгие годы! Все зависит от того, поверили они в то, что мы еще в Элладе, или нет. Но стоит какой-нибудь рыбацкой лодке заплывать на эту сторону Тенедоса, как нас раскроют. Думаю, тебе надо готовиться к долгой войне. — Его глаза блеснули. — Впрочем, ты можешь уморить их голодом.

Нестор задохнулся от возмущения:

— Одиссей, Одиссей! Ты опять за свое! Мы все будем прокляты безумием за такие речи!

Тот поднял свои рыжие брови, как всегда не выказав ни тени раскаяния.

— Нестор, я знаю. Но насколько я могу судить, все законы войны благоволят противнику. А это очень печально. И мое предложение уморить их голодом имеет смысл.

Внезапно почувствовав усталость, я поднялся на ноги.

— Горе людям, если бы все было по-твоему, Одиссей. Идите спать. Утром я соберу общий совет. Мы отплывем послезавтра на рассвете.

Выходя, Одиссей повернулся:

— Как Филоктет?

— Махаон говорит, нет никакой надежды.

— Очень жаль. Что будем с ним делать?

— А что с ним делать? Ему придется остаться здесь. Полное безумие брать его на военный корабль.

— Я согласен, с нами ему ехать нельзя, но здесь мы его тоже не сможем оставить. Как только мы отвернемся, тенедосцы перережут ему горло. Отправь его на Лесбос. Лесбийцы более культурный народ, они не причинят зла больному.

— Он не перенесет путешествия, — запротестовал Нестор.

— Это меньшее из всех зол.

— Ты прав, Одиссей, — согласился я. — Лесбос так Лесбос.

— Благодарю. Этот муж заслуживает, чтобы мы сделали все для его спасения.

Одиссей вдруг оживился:

— Я сейчас же скажу ему.

— Он тебя не услышит. Он уже три дня без сознания, — ответил я.

Глава тринадцатая, рассказанная Ахиллом

Калхант сделал еще одно предсказание, которое заставило Агамемнона изменить свое решение первым из царей ступить на троянскую землю; жрец сказал, тот царь, который сделает это, погибнет в первой же битве. Я взглянул на Патрокла и пожал плечами. Если боги предрешили мою судьбу, к чему мне волноваться? К тому же это сулило славу.

Нам выдали приказы о том, как нам следует отплывать и как причаливать, мы знали, когда нам подгребать к берегу и высаживать своих воинов. Мы с Патроком стояли на носу моего флагманского корабля, наблюдая за кораблями, шедшими впереди нас. Их было намного меньше, чем следовавших позади, ибо флот Иолка шел в числе первых. Путь указывал флагманский корабль Агамемнона — с микенской армадой слева и кораблями одного из подданных моего отца, Иолая Филакийского, справа. Дальше плыл я, потом Аякс и за ним остальные.

Прежде чем мы выступили, Агамемнон объяснил, мол, он не ожидает, что враг встретит нас с оружием в руках, — он надеялся осадить город без организованного сопротивления.

Но в тот день боги отвернулись от нас. Не успел седьмой корабль из каравана Агамемнона обогнуть оконечность Тенедоса, как с возвышавшегося над Сигеем мыса повалили клубы дыма. Они узнали, что мы затаились поблизости, и были готовы к бою.

Нам было приказано взять Сигей и немедленно следовать к городу. Когда мой собственный корабль вошел в пролив, я увидел, как на берегу выстраиваются троянские войска.

Даже ветер был против нас. Нам пришлось свернуть паруса и налечь на весла, а это означало, что половина моей армии будет слишком усталой, чтобы хорошо сражаться. В довершение всего течение, берущее начало в устье Геллеспонта, шло в сторону открытого моря, и это тоже работало против нас. Нам потребовалось целое утро, чтобы одолеть короткое расстояние до троадского берега.

Я кисло улыбнулся, заметив, что порядок, в котором мы шли, изменился: Иолай из Филакии вырвался вперед Агамемнона вместе с сорока филакийскими кораблями, которые следовали за ним вплотную, великая армада верховного царя шла от них по левую сторону. Я задавался

вопросом, проклинал Иолай свою судьбу или с радостью спешил ей навстречу? Он был избран первым царем, кому предстояло ступить на троянский берег, тем, кому Калхант предрек смерть.

Честь диктовала мне приказать гребцам удвоить усилия, но благоразумие советовало позаботиться о том, чтобы мои мирмидоняне сохранили достаточно сил для битвы.

— Ты не сможешь догнать Иолая. — Патрокл словно читал мои мысли. — Чему быть, того не миновать.

Это был не первый мой военный поход, ведь я сражался бок о бок с отцом с тех пор, как спустился с Пелиона после лет, проведенных с Хироном; но все те сражения были ничем по сравнению с тем, что ждало нас на берегу Сигейского мыса. Троянцы выстраивались тысяча за тысячей, их количество все прибывало, а те несколько кораблей, которые вчера стояли на гальке, теперь были втянуты далеко на сушу, за деревню.

Я тронул Патрокла за руку и почувствовал, что она дрожит, посмотрел на свои собственные руки — как камень.

— Патрокл, ступай на корму и крикни Автомедонту на соседний корабль, чтобы его рулевые вплотную приблизились к нам, и пусть он передаст это дальше, не только на свои корабли, но и на все остальные. Когда мы причалим к берегу, то не будем крутиться в воде и носы кораблей не пробьют корпуса. Скажи ему, пусть выводит войска на берег через мою палубу, и все остальные пусть сделают то же самое. Иначе нам никогда не удастся спустить на берег достаточно воинов, чтобы предотвратить резню.

Он поспешил на заднюю палубу, сложил ладони рупором и прокричал сообщение неусыпному Автомедонту, доспехи которого сверкнули на солнце, когда он прокричал в ответ, дескать, все понял. Потом я увидел, что он выполняет все в точности: его корабль приближался к нам до тех пор, пока между его боком и нашим не остался лишь узкий просвет. Остальные корабли сделали то же самое. Мы превратились в плавучий мост. Внизу мои воины оставили весла и надевали доспехи, — набранной скорости было достаточно, чтобы нас вытолкнуло на берег. Теперь впереди меня шло только десять кораблей, и первый из них принадлежал Иолаю.

Он вонзился носом в покрытый галькой берег и, дрогнув, остановился; несколько мгновений Иолай постоял высоко на носу, колеблясь, потом прокричал филакийский военный клич и поспешил вниз, к борту. Он и его воины высыпали на берег, затянув боевую песнь. Значительно уступая противнику в количестве, они тем не менее внесли в его ряды достаточный беспорядок. Потом появился огромный воин в золотых доспехах, секирой сразил Иолая и изрубил в куски.

Высадка продолжалась. Корабли, шедшие слева от меня, вонзались в берег, и воины прыгали в сечу прямо с борта, не дожидаясь лестниц. Я застегнул шлем с золотым гребнем, пошевелил плечами под отделанной золотом бронзовой кирасой, чтобы она села плотнее, и обеими руками схватил секиру. Это была прекрасная вещь, из тех сокровищ, которые Минос награбил в дальних походах, она была намного больше и тяжелее обычной критской секиры. Меч бился о мою ногу, но он был не чета Старому Пелиону, который, однако, был не пригоден для близкого боя. Это была работа для секиры, и мои руки могли без усталости размахивать этой двуглавой красавицей целый день. Только Аякс и я выбрали секиру для рукопашной схватки; секира достаточно велика, чтобы от нее было больше пользы, чем от меча, но она слишком тяжела для обычного мужчины. Неудивительно, что я жаждал сразиться с гигантом, одетым в золото, который убил Иолая.

Когда мы причалили, я был целиком поглощен происходящим и силился не упустить ни одной детали, но прошло всего несколько мгновений, как я растерял все мысли, роившиеся у меня в голове. Когда толчок сообщил мне, что мы ударились о берег, за ним сразу же последовал еще один, который почти сбил меня с ног. Взглянув назад, я увидел, что Автомедонт пристыковал свой корабль к моему и его воины потоком валили через мою палубу. Я забрался на нос и повис на нем, словно обезьянка какой-нибудь богатой критянки, глядя на мешанину голов вниз, такую густую, что я не мог отличить своих от врагов. Но было нужно, чтобы меня видели все те, кто шел следом, — воины Алкимоя, пересекавшие палубу Автомедонта; их поток становился все гуще, в то время как мой корабль продолжал вздрагивать, хотя и все меньше, от передававшихся по цепочке толчков.

Потом я взмахнул секирой высоко над головой, испустил пронзительный военный клич мирмидонян и бросился с носа вниз в бурлящее море голов. Удача была на моей стороне — падая, я размозжил одному из троянцев голову. Я упал на него, крепко держа секиру в руках, оставив щит где-то на палубе — в такой схватке он бы только мешал. Мгновение спустя я уже стоял на ногах, испуская военный клич во всю силу своих легких, пока мои воины не подхватили его и воздух не наполнился холодящим душу ревом мирмидонян, собравшихся убивать. На троянских шлемах развевались пурпурные гребни — еще одна удача: в Элладе носить пурпур было разрешено только верховным царям и Калханту.

Меня окружили свирепые воины и дюжина мечей, но я поднял секиру

и опустил ее с такой силой, что разрубил одного из воинов от черепа до паха. Это их остановило. Добрый совет, который мой отец давал каждому из мирмидонян: проявляй в рукопашной беспредельную жестокость и противник будет инстинктивно держаться от тебя подальше. Я снова взмахнул секирой, на этот раз очертив ею круг, и те, кто по глупости своей попытался ко мне подобраться, почувствовали, как ее лезвие рассекает им животы вместе с доспехами, сделанными из бронзы. Ни на одном из троянцев не было кожаных доспехов: ведь у них же была монополия на бронзу. Какой богатой должна быть Троя!

Патрокл стоял со щитом, прикрывая меня сзади, а мирмидоняне сыпались без числа с остальных моих кораблей. Моя команда вступила в бой. Я двинулся вперед — секира ломала передние ряды противника, словно жреческий жезл, разрубая всякого, у кого на шлеме был пурпурный гребень. В этом не было ничего от битвы, затеянной, чтобы по-настоящему испытать силу; не было ни времени, ни места найти царевича или царя, ни пространства, разделяющего противников. Вокруг была масса воинов всякого ранга, идущих стенка на стенку. Когда-то, как мне сейчас показалось, много лет назад, я поклялся вести счет убитым врагам, но скоро я стал слишком возбужден, чтобы считать, наслаждаясь мягким сопротивлением плоти под твердой бронзой, пробитой ударом секиры.

Ничего не существовало для меня, кроме крови и лиц, ужаса и ярости, храбрецов, которые умирали, пытаясь отразить секиру мечом, и трусов, которые встречали свою судьбу, бормоча и содрогаясь от ужаса. Они были хуже тех, которые поворачивались спиной и пытались бежать. Я чувствовал себя непобедимым, я знал, что никто на этом поле меня не убьет. И я наслаждался видом рассеченных лиц; страсть убивать пронизывала меня до мозга костей. Это было настоящее безумие — пожинать такой урожай животов и голов. Моя секира истекала кровью, бегущей по рукоятке, впитываясь в грубое веревочное волокно, обвитое вокруг ее основания, чтобы у меня не скользили руки. Все, чего я хотел, — это видеть, как пурпурные гребни окрашиваются в красный цвет. Если бы кто-то надел мне на голову троянский шлем и развернул против собственных воинов, я убивал бы так же. Добро и зло перестали существовать, осталась одна страсть — убивать. В этом был весь смысл лет, дарованных мне прожить под солнцем, ют для чего мне был оставлен удел смертного: стать совершенным орудием убийства.

Своими подошвами мы истоптали сигейскую землю в пыль, она клубилась у нас над головами и поднималась к небесному своду. Хотя в последующих битвах я вел себя разумнее и думал о своих людях, в той,

первой, я не думал об их судьбе. Мне было все равно, кто побеждает и кто проигрывает, пока побеждал я. Если бы сам Агамемнон дрался рядом со мной, я бы не обратил на него внимания. Даже Патрокл не смог бы остановить меня в моем бешенстве, хотя лишь благодаря ему я не пал в той первой битве, ибо он держал троянцев на расстоянии от моей спины.

Внезапно кто-то загородил мне дорогу щитом. Я ударил изо всех сил, чтобы поразить лицо того, кто за ним скрывался, но он метнулся в сторону, словно стрела, выпущенная из лука, и его меч просвистел на волосок от моей правой руки. Я хватал ртом воздух, словно выскочив из ледяной воды, и задрожал от радости, когда он немного опустил щит, чтобы получше меня рассмотреть. Наконец-то царевич! Весь закованный в золото. Секира, которой он зарубил Июлая, исчезла — ее заменил длинный меч. Зарывав от удовольствия, я горел нетерпением продолжить бой. Огромного роста, он выглядел мужем, привыкшим во всем превосходить противника, и он был первым, кто отважился бросить мне вызов. Мы осторожно кружили друг против друга. Взявшись за ремень, я волочил секиру по земле, пока он не дал мне возможность напасть. Когда я прыгнул на него и нанес удар, он отскочил в сторону, но я не уступал ему в скорости, увернувшись от его меча также легко, как и он от моей секиры. Понимая, что нашли себе достойных противников, мы размеренно и терпеливо занялись поединком. Бронза звенела, ударяясь о золото, удар отвечал на удар, ни один из нас не мог ранить другого, мы оба понимали, что воины, как троянцы, так и ахейцы, отодвинулись, расчищая нам место.

Стоило мне промахнуться, как он разражался смехом, хотя его золотой щит был пробит в четырех местах, открывая взгляду бронзовую изнанку и толстый слой олова. Мне приходилось биться со своим нарастающим гневом также жестоко, как я бился с ним, — как он посмел смеяться! Поединки были священны, во время них нельзя было оскорблять противника насмешками, и меня приводило в ярость то, что он, казалось, не знал этого. Один за другим я нанес два мощных удара и промахнулся. И тут он заговорил. Сквозь смех.

— Как тебя зовут, увалень?

— Ахилл, — сквозь зубы процедил я.

Он рассмеялся еще громче.

— Никогда о тебе не слышал, увалень! Я — Кикн, сын Посейдона, владыки глубин.

— Все мертвецы воняют одинаково, сын Посейдона, не важно, родились они от богов или людей! — воскликнул я.

Он лишь засмеялся в ответ.

Во мне поднялась такая же ярость, как та, которую я почувствовал, увидев Ифигению мертвой на жертвеннике, и я позабыл все правила боя, которым меня учили Хирон с отцом. Я прыгнул на врага с пронзительным криком, прямо под острие его лезвия, высоко подняв секиру. Оступившись, он отпрыгнул назад, меч выпал у него из рук, и я изрубил его оружие на куски. Он забросил за плечи щит почти в человеческий рост, чтобы тот прикрывал ему спину, повернулся и побежал, в диком бешенстве расталкивая троянское войско, крича, чтобы ему дали копье. Кто-то сунул оружие ему в руку, но я был слишком близко от него, чтобы он смог им воспользоваться. Он продолжал отступать.

Я бросился за ним в смыкающиеся ряды троянцев. Ни один из них не нанес мне удара, то ли потому, что они были слишком напуганы, то ли потому, что уважали древние правила поединка, — я так никогда этого и не узнал. Толпа постепенно редела, пока битва не осталось позади и выросший перед нами утес не заставил Кикна, сына Посейдона, остановиться. Лениво описывая копьем круги, он повернулся ко мне. Я тоже остановился, ожидая броска, но он предпочел использовать копье в качестве остроги, а не дротика. Мудро, поскольку у меня были и секира, и меч. Когда он послал острие вперед, я отскочил в сторону. Снова и снова он метил мне в грудь, но я был молод и так же быстр, как мог бы быть мужчина намного легче меня. Я увидел возможность для удара, нанес его и рассек копье на две части. У него остался только кинжал. Он нащупал его, еще не побежденный.

Я никогда не желал ничьей смерти так сильно, как этого шута, — но не чистой смерти, от секиры или меча. Бросив секиру, я стянул через голову тяжелую перевязь, на которой висел мой меч, кинжал последовал за ними. Наконец-то веселость сошла у него с лица. Наконец-то он почувствовал ко мне уважение, которое я поклялся у него вырвать. Но он все еще болтал!

— Так как тебя зовут, увалень? Ахилл?

Я не мог ответить — меня поглотила злость. Он не был богом настолько, чтобы понимать, что поединок между мужами из царских родов обычно молчалив настолько же, насколько священен.

Не успел он вытащить свой кинжал, как я прыгнул на него и он растянулся на земле; он поднялся на ноги и шагнул назад, но его пятки натолкнулись на гребень у основания утеса. Он перелетел через гребень и распластался на отлогой скале позади него. Прекрасно. Я взял его за подбородок одной рукой и, используя другую в качестве молота, разбил ему лицо в кашу, сломав каждую кость, которая соприкоснулась с моим кулаком, не заботясь о ранах, которые мог при этом нанести себе самому.

Завязки его шлема развязались; я схватил длинные, болтающиеся ремешки и крепко затянул их у него под челюстью, обвил вокруг шеи и встал коленом ему на живот, затягивая ремешки все сильнее, пока его изувеченное лицо не почернело, а глаза не выпучились, превратившись в шары с красными прожилками, в которых светился ужас.

Я выпустил ремешки из рук только тогда, когда он наверняка был уже мертв; к тому времени он больше напоминал какой-то предмет, нежели человека. Когда я понял, насколько глубока моя страсть к убийству, у меня к горлу на мгновение подкатила тошнота, но я поборол слабость и взвалил Кикна на плечи, зашвырнув его щит себе за спину, чтобы защитить ее от троянцев, когда я пойду обратно через их ряды. Я хотел, чтобы мои мирмидоняне и все остальные увидели, что я не потерял ни врага, ни победы.

У края поля битвы меня встретил маленький отряд под предводительством Патрокла; мы вернулись обратно к своим целыми и невредимыми. Но я задержался, чтобы бросить Кикна под ноги его собственным воинам; его распухший язык торчал меж искромсанных губ, глаза так и остались вытаращенными.

— Меня зовут Ахилл!

Троянцы бросились прочь. Муж, которого они почитали бессмертным, оказался таким же человеком, как они сами.

Дальше последовал ритуал, которым всегда завершался исход смертельных поединков между членами царских родов: я сорвал с него доспехи, ставшие моей добычей, и отправил труп в сигейскую навозную яму, где его съедят городские собаки. Но сначала я отрезал ему голову и насадил на копье. Это было ужасное зрелище — голова с раздробленным лицом и незапятнанным золотом волос. Я отдал ее Патроклу, который воткнул копье в гальку, как знамя.

Троянцы в конце концов дрогнули. Поскольку они знали, куда бежать, то легко от нас оторвались; их отступление было довольно организованным. Они бежали, и Сигей был наш.

Агамемнон отдал приказ остановить преследование, которому я не был склонен последовать, пока Одиссей не схватил меня за руку, когда я пробегал мимо него, и не развернул меня обратно. Он был силен! Намного сильнее, чем казался с виду.

— Оставь их, Ахилл. Ворота сейчас закроются, так побереги свои силы и своих людей на случай, если завтра троянцы сделают новую вылазку. Нам нужно до темноты навести здесь порядок.

В его словах был смысл. Я повернулся и вместе с ним потащился к берегу. Патрокл, как всегда, шел рядом, мирмидоняне — следом, распевая победную песнь. Мы не обращали внимания на попадавшие по дороге дома, даже если там были женщины, нам они были не нужны. Дойдя до галечной кромки, мы замерли, пораженные зрелищем. Берег был завален людьми. Со всех сторон раздавались крики, плач, стоны, захлебывающиеся мольбы о помощи. Одни тела двигались, другие лежали неподвижно — их тени унеслись в мрачные пустоши темного царства, где правит Аид.

Агамемнон с Одиссеем стояли в сторонке, пока воины суетились вокруг кораблей, освобождая их рычагами там, где носы зацепились за борт или корму; берег приводили в порядок, раненых переносили на корабли, а корабли сталкивали на глубокую воду, начиная с тех, которые стояли с внешнего края. Взглянув на солнце, я увидел, что оно уже клонится к закату, от дня оставалась одна треть. Мои кости словно налились свинцом, рука была слишком тяжелой, чтобы ее поднять, и я волочил секиру за ремень по земле. Я совершенно не знал, что мне еще делать, и подошел к Агамемнону, который смотрел на меня с отвисшей челюстью. Было видно, что он не уклонялся от битвы, ибо на нем была кираса, а лицо перепачкано запекшейся кровью и грязью. Но если его вид меня не поразил, то Одиссей являл собой странное зрелище. Его доспехи были разрублены на груди, но кожа осталась нетронутой.

— Ахилл, ты что, купался в крови? — спросил верховный царь. — Ты не ранен?

Я молча покачал головой; я начинал осмысливать тот шквал эмоций, который я испытал в начале боя, и то, что я о себе узнал, угрожало навсегда поселить дочерей Кору в моей голове. Смогу ли я жить с таким грузом или сойду с ума? Потом я подумал об Ифигении и понял, что моим наказанием было жить в здравом рассудке.

— Так это был ты со своей секирой! — продолжал Агамемнон. — Я подумал было, что это Аякс. Но ты заслужил нашу благодарность. Когда ты принес тело мужа, который убил Иолая, троянцы пали духом.

— Я сомневаюсь, что дело было во мне, мой господин. Троянцы уже получили сполна, а мы все продолжали высаживать воинов на берег. Кикн был моим личным врагом. Он осмелял мою честь.

Одиссей снова взял меня за руку, но на этот раз мягче.

— Вон твой корабль, Ахилл. Поднимайся на борт, пока он не отплыл.

— Куда?

— Не знаю. Знаю только, здесь нам оставаться нельзя. Пусть Троя позаботится об умерших. Телеф говорит, внутри лагуны, за оконечностью

мыса, на берегу Геллеспонта есть хорошее место. Мы хотим посмотреть.

В конце концов большинство царей отправились в путь на корабле Агамемнона; мы шли на север вдоль побережья, пока не достигли устья Геллеспонта, — первые корабли Эллады, которые вошли в эти воды за целое поколение, тихо покачивались на волнах. На расстоянии одной-двух лиг холмы, склоны которых уходили в море, уступили место отлогому берегу, который был намного длиннее и шире, чем тот, на котором лежал Сигей, и в целую лигу длиной. По обеим его сторонам в море впадали реки, и песчаные отмели создали лагуну, со всех сторон окруженную сушей. Единственным доступом в соленое озеро был узкий проход в середине; внутри стоял мертвый штиль. Дальний берег каждой реки заканчивался высоким, выступающим в море мысом, и на вершине того из них, чья река была больше и грязнее, стояла крепость, сейчас брошенная: ее гарнизон, несомненно, бежал в Трою. Никто не вышел из нее, чтобы посмотреть, как к берегу подходит флагманский корабль Агамемнона, но все до единого аккуратные маленькие военные корабли, приспособленные для сбора пошлины, так и остались на берегу. Когда мы собрались у борта, Агамемнон повернулся к Нестору:

— Подойдет?

— На мой неопытный взгляд, смотрится довольно мило, но спроси лучше у Феникса.

— Это хорошее место, мой господин, — скромно вмешался я. — Если они попытаются напасть на нас здесь, им придется несладко. Благодаря рекам они не смогут подобраться с флангов, хотя те, кто расположится у самых рек, будут наиболее уязвимы.

— Тогда кто согласится тащить свои корабли вверх по рекам? — спросил верховный царь и немного смущенно добавил: — Моим придется остаться в центре, чтобы остальным было проще к ним подойти...

— Я поплыву по той реке, которая побольше, — быстро ответил я, — и окружу свой лагерь частоколом на случай, если нас атакуют. Защита внутри защиты.

Лоб верховного царя нахмурился.

— Похоже, ты думаешь, мы здесь надолго, сын Пелея.

Я посмотрел ему в глаза:

— Мы здесь надолго, мой господин. Признай это.

Но он не признал. И начал раздавать приказы, кому куда ставить свои корабли, подчеркивая временность стоянки.

Флагманский корабль остался в центре лагуны, в то время как

остальные один за другим медленно входили в нее, взмахивая веслами, — наступила ночь, но еще даже треть из них не были вытащены на берег. Мои собственные корабли оставались на рейде в водах Геллеспонта вместе с кораблями Аякса, Малого Аякса, Одиссея и Диомеда. Нам предстояло стать самыми последними. К счастью, погода по-прежнему была хорошая и Геллеспонт был гладким, как озеро.

Когда солнце погрузилось в море у меня за спиной, я впервые хладнокровно осмотрел нашу гавань и остался доволен. С надежной и прочной защитной стеной позади кораблей, вытащенных на берег, наш лагерь будет почти так же неприступен, как Троя, которая высилась на востоке, словно гора, ближе, чем она казалась у Сигейского мыса. А надежная и прочная защитная стена нам понадобится. Агамемнон ошибается: Троя не падет за один день, так же как не один день она строилась.

Когда все корабли вошли в лагуну и были вытащены на берег, в четыре ряда, с вбитыми под корпуса подпорками и сложенными мачтами, мы похоронили филикийского царя Иолая. Его тело было перенесено с его флагманского корабля и уложено на высокие похоронные носилки на вершине поросшего травой холма, и один за другим мужи народов Эллады шли мимо него, пока жрецы пели погребальные песни, а цари совершали возлияния. Убийца его убийцы, то есть я, должен был сказать погребальную речь; я рассказал молчаливой толпе, как спокойно он принял свою судьбу, как храбро сражался перед смертью и что тот, кто его убил, был сыном Посейдона. Потом я предложил наградить его мужество чем-нибудь более долговечным, чем панегирики, и спросил Агамемнона, может ли он отныне именоваться Протесилаем, что означало «первый из людей».

Было дано торжественное согласие; с того дня филикийцы стали называть его Протесилаем. Жрецы укрепили на его лице посмертную маску из чеканного золота и сдернули саван, чтобы показать его полыхнувшее огненными бликами одеяние из золота. Потом носилки погрузили на плот и переправили через большую реку туда, где уже несколько дней неустанно работали каменотесы, выдалбливая ему гробницу в скалистом мысе. Похоронные носилки внесли внутрь, гробницу закрыли, и каменщики принялись наваливать землю на заложенный камнями дверной проем. Через год-два ни один глаз, даже самый зоркий, не сможет увидеть, где был предан земле царь Протесилай.

Но пророчество исполнилось — его народ им гордится.

Глава четырнадцатая, рассказанная Одиссеем

Все мое время и силы в течение нескольких дней после той первой битвы на троянской земле были заняты вытаскиванием на берег больше тысячи ста кораблей. Их число немного уменьшилось, ибо некоторые из самых бедных женихов Елены не могли себе позволить построить корабли такие же надежные, как, например, корабль Агамемнона. Несколько дюжин затонуло, они были повреждены во время безумной спешки, когда мы старались спустить как можно больше воинов на сигейский берег, но мы не потеряли ни одного корабля с провизией или с лошадьми для колесниц.

К моему удивлению, троянцы не делали никаких попыток подобраться к нашему быстро растущему лагерю, и Агамемнон расценил это как верный знак того, что сопротивление сломлено. Таким образом, весь флот был в безопасности на берегу, и теперь можно было не опасаться, что корпуса разбухнут и потрескаются, впитав слишком много воды. Верховный царь созвал совет. Его переполняла гордость от победы при Сигее, и было бесполезно спорить с его грандиозными замыслами, которым, по моему мнению, очень скоро предстояло пойти прахом. Я не стал его прерывать, гадая, кому еще придет в голову оспорить его самоуверенные заявления. Он говорил при полном молчании, но стоило ему передать жезл Нестору (Калхант на совет не пришел, не знаю почему), как Ахилл вскочил на ноги и потребовал его себе.

Да, конечно, это был Ахилл. Я не мог скрыть улыбку. Львиный царь получил в лице юноши из Иолка изрядную кость в горле, и по тому, как был нахмурен его лоб, я сделал вывод, что он страдает от острого несварения. Разве хоть одно предприятие, такое же отважное и дерзкое, когда-нибудь начиналось хуже, чем наше? Штормы и человеческое жертвоприношение, зависть и жадность, и никакой любви между теми, кто не сможет обойтись друг без друга. И что нашло на Агамемнона, зачем он послал своего двоюродного брата Эгисфа в Микены присматривать за Клитемнестрой? По-моему, он пошел на такой же безрассудный риск, как и Менелай, когда тот уехал на Крит, оставив Париса у себя в доме. У Эгисфа было законное право на трон! Может быть, дело было в том, что сыновья Атрея забыли, как Атрей поступил с сыновьями Фиеста: приготовил из них жаркое и подал их отцу в качестве угощения. Самый младший из них,

Эгисф, избежал участи старших братьев. Но это меня не касалось. А вот пропасть, которая увеличивалась между Агамемноном и Ахиллом, — касалась, и даже очень.

Эта пропасть никогда бы не возникла, будь Ахилл простым орудием убийства вроде своего двоюродного брата Аякса. Но Ахилл умел думать и при этом превосходил других в битве. Улыбка сошла с моего лица, когда я понял: если бы мне довелось родиться со статью этого юноши и его положением, но при этом сохранить свой ум, я мог бы покорить весь мир. Моя линия жизни была надежнее: похоже, я еще увижу, как безгубое лицо Ахилла накроют безгубой золотой маской, но его окружала слава, какой никогда не было у меня. Понимая, что Ахилл обладал ключом к смыслу жизни, который никак не давался мне в руки, я чувствовал нечто похожее на потерю. Разве хорошо быть таким бесстрастным, таким холодным? О, вспыхнуть бы хоть однажды, как Диомед жаждет хоть раз замерзнуть!

— Я сомневаюсь, мой господин, — напрямик сказал сын Пелея, — что мы сможем взять Трою, если троянцы не сделают вылазку. Мои глаза видят вдаль лучше, чем у других, и я все время изучаю стены, которые, как ты считаешь, мы переоцениваем. По-моему, мы их недооцениваем. Единственный способ сокрушить Трою — это выманить троянцев на равнину и победить их в открытом бою. И это будет непросто. Нам придется удерживать их с флангов, чтобы не дать им вернуться в город и подготовиться к новому бою. Тебе не кажется, что мудрее было бы это учесть? Можем ли мы придумать какую-нибудь хитрость, чтобы выманить троянцев из города?

Я рассмеялся:

— Ахилл, если бы ты сидел за стенами, такими же высокими и толстыми, как троянские, разве ты покинул бы город, чтобы дать бой? У них была такая возможность, когда мы высаживались на берег Сигея. Но даже тогда они не смогли нас победить. Если бы я был Приамом, я бы держал армию на стенах и позволил бы ей безнаказанно нас дразнить.

Он был ничуть не обескуражен.

— Это не больше чем слабая надежда, Одиссей. Я не вижу никакой возможности штурмовать эти стены или протаранить ворота. А ты?

Я состроил рожу.

— О, я молчу! Я сказал вполне достаточно. Когда вокруг будут уши, готовые меня выслушать, я продолжу. Но не раньше.

— Мои уши готовы тебя выслушать, — быстро ответил он.

— Ахилл, твои уши недостаточно велики.

Даже эта маленькая шутка возмутила Агамемнона. Он наклонился

вперед и выкрикнул:

— Троя не сможет нам противостоять!

— Тогда, мой господин, — гнул свое Ахилл, — если завтра троянская армия не выйдет на равнину, сможем ли мы подъехать к основанию стен, чтобы обследовать их вблизи?

— Конечно, — холодно ответил верховный царь.

Когда совет закончился, не приняв никакого существенного решения, кроме как выехать посмотреть на стены, я кивнул головой Диомеду. Вскоре он пришел ко мне в шатер. Он позволил себе проявить любопытство только тогда, когда вино было разлито и рабы отпущены, — Диомед учился сдерживаться.

— В чем дело? — спросил он с нетерпением.

— Разве должно быть какое-нибудь дело? Мне нравится твоё общество.

— Я не подвергаю сомнению нашу дружбу. Меня интересует то выражение твоего лица, с каким ты подал мне знак. Что происходит, Одиссей?

— А! Ты слишком хорошо выучил мои маленькие привычки.

— Возможно, мой мыслительный аппарат и подпорчен в битвах, но он все еще может отличить ароматный нарцисс от смердящего трупа.

— Тогда, Диомед, давай считать это частным советом. Ты знаешь искусство войны лучше всех нас. Ты лучше всех нас должен знать, как взять укрепленный город. Ты покорил Фивы и построил святилище из вражеских черепов — великие боги, какая же страсть нужна, чтобы такое осуществить!

— Троя — не Фивы, — рассудительно заметил он. — Фивы — это Эллада, часть наших объединенных земель. Здесь же мы воюем с Малой Азией. Как может Агамемнон этого не понимать? В Эгейском море есть только две значительные силы — это Эллада и Малая Азия, которая включает в себя Трою. Вавилон и Ниневия не очень-то беспокоятся о том, что происходит на эгейских берегах, а Египет слишком далеко, чтобы Рамзесу вообще было до этого какое-то дело.

Смутившись, он замолчал.

— Но кто я такой, чтобы учить тебя?

— Не преуменьшай своего значения. Ты прекрасно все обобщил. Мне бы хотелось, чтобы еще пара мужей на сегодняшнем совете мыслили так же разумно.

Он сделал большой глоток из чаши, чтобы не показать, как он доволен.

— Да, я взял Фивы, но только после жаркой битвы за пределами ее стен. Я вошел в Фивы по телам их воинов. Ахилл, похоже, думал о том же, когда предложил сначала выманить троянцев из города. Но сама Троя? Даже горстка женщин и детей сможет держать нас под воротами целую вечность.

— Их можно уморить голодом.

Он рассмеялся:

— Одиссей, ты неисправим! Тебе очень хорошо известно, что законы Зевса Гостеприимного запрещают это. Сможешь ли ты вынести взгляд эриний, если уморишь голодом целый город?

— Я не боюсь дочерей Коры. Я посмотрел им в глаза много лет назад.

Он, очевидно, спрашивал себя, было ли это еще одним доказательством моего непочтения к богам. Но вслух он об этом не спросил. Он спросил о другом:

— Тогда на чем же мы порешим?

— Пока только на одном. Эта война будет очень долгой — несколько лет, не меньше. И поэтому я кое-чем займусь. Мой домашний оракул сказал, что я двадцать лет проведу вдали от дома.

— Ты настолько доверяешь простому домашнему оракулу, что ратуешь за то, чтобы взять город измором?

— Мой домашний оракул, — терпеливо объяснил я, — принадлежит Великой матери Земле. Она во всем нам очень близка. Она посылает нас в этот мир и призывает обратно к своей груди, когда наш путь окончен. Муж сам должен иметь право решать, каким способом ему вести войну. Помоему, любой жалкий военный закон защищает противника. Однажды появится человек, который так сильно захочет выиграть войну, что нарушит все эти законы, и после него все изменится. Замори голодом один город, и голод лавиной покатится дальше. Я хочу стать этим первым человеком! Нет, Диомед, я почитаю богов! Мне просто не нравятся ограничения. Ойкумена будет слагать об Ахилле песни, пока Крон не женится на матери во второй раз и дни людей не будут сочтены. Но разве это высокомерие, если я хочу, чтобы ойкумена слагала песни об Одиссее? У меня нет преимуществ Ахилла — я не огромен ростом и я не сын верховного царя; все, что у меня есть, — это я сам, умный, хитрый, проницательный. Не такие уж и плохие орудия.

Диомед потянулся:

— Да уж, неплохие. И чем ты думаешь заняться в нашем долгом походе?

— Я начну завтра же, когда мы вернемся с осмотра троянских стен. Я

намерен собрать собственную маленькую армию, немножко проредив ряды большой.

— Собственную армию?

— Да, которая будет подчиняться только мне. Но это будет необычная армия из необычных воинов. Я собираюсь отобрать самых отчаянных сорвиголов, смутьянов и недовольных.

Пораженный, он открыл рот.

— Ты, верно, шутишь! Смутьяны? Недовольные? Сорвиголовы? Что же это будет за армия?

— Диомед, давай отложим вопрос о том, кто прав — мой домашний оракул, который говорит, что мы застрянем здесь на двадцать лет, или Калхант, который уверяет, что на десять. И первое и второе — долгий срок.

Я отставил чашу с вином и выпрямился.

— Если поход короткий, хороший командир сможет держать своих смутьянов при деле, за головорезами наблюдать так пристально, что те не смогут причинить вреда остальным, а бунтарей отделить от тех, на кого они могут повлиять. Но в длинном походе распри неминуемы. В течение этих десяти или двадцати лет мы не будем сражаться каждый день — или даже каждую луну. Нас ждут бесконечные луны безделья, особенно зимой. И во время этих простоев языки натворят столько бед, что недовольный ропот превратится в вой.

Диомеда это, похоже, позабавило.

— А как насчет трусов?

— О, нужно оставить командирам достаточно никчемного народа, чтобы копать выгребные ямы!

Он рассмеялся:

— Хорошо, допустим, у тебя есть своя маленькая армия. Что дальше?

— Буду все время держать ее при деле. Подкидывать воинам такую работу, которая позволит им полностью использовать свои темные таланты. Те люди, о которых я говорю, не трусы. Они — неуживчивы. Смутьяны живут для того, чтобы мутить воду. Сорвиголовы не бывают счастливы, пока не подвергнут опасности жизни всех окружающих, включая свою собственную. А недовольные, попади они на Олимп, начнут жаловаться Зевсу на качество нектара и амброзии. Завтра я подойду к каждому командиру и попрошу у него трех худших воинов, за исключением трусов. Естественно, каждый командир будет счастлив от них отделаться. Когда я соберу их всех, я займу их делом.

Хотя он и знал, что я специально дразню его, Диомед не мог не проглотить наживку.

— Каким делом?

Я продолжал его дразнить.

— На берегу, неподалеку от того места, где стоят мои корабли, есть естественная лощина. Она никому не видна, но расположена достаточно близко от лагеря, чтобы оказаться по эту сторону стены, которую собирается возвести Агамемнон, чтобы обезопасить наши корабли и войска от троянских набегов. Лощина глубокая и довольно большая. Там можно построить столько домов, сколько понадобится, чтобы разместить в них триста человек с максимальным комфортом. В этой лощине и будет жить моя армия. Там, в полной изоляции, я их всему научу. Как только они перейдут в мое распоряжение, они уже не будут иметь никаких контактов ни со своими старыми отрядами, ни с остальной армией.

— Какому делу ты их обучишь?

— Я создам поселение лазутчиков.

Такого ответа он не ожидал. И уставился на меня, сбитый с толку.

— Поселение лазутчиков? Это еще что такое? Чем они будут заниматься? Какой от них прок?

— Очень большой. — Я воодушевился, предвкушая разговор на любимую тему. — Диомед, ты только подумай! Даже десять лет — огромный срок в жизни каждого, для кого-то — седьмая или восьмая часть, а для кого-то — целая треть или половина. Среди трехсот моих рекрутов найдутся такие, что вполне могут расхаживать по дворцовым полам, — этим они и займутся. На будущий год я зашлю некоторых из них в самое сердце Трои, в крепость. Других, которые тоже умеют притворяться, я заброшу в каждый слой городских жителей, от среднего до нижнего, от купцов и торговцев до рабов. Я хочу знать о каждом шаге Приама.

— Клянусь Громовержцем! — медленно произнес Диомед.

Но потом скептически добавил:

— Их тут же раскроют.

— Почему? Знаешь ли, они отправятся в Трою не зелеными юнцами. Ты, похоже, не понял, мои триста мужей будут обладать превосходным умом: все настоящие смутьяны, сорвиголовы и недовольные — смышленный народ. Тупица в строю не опасен. Я уже бывал в Трое, и за то время, которое я там провел, я запомнил троянские особенности ахейского наречия — акцент, грамматику, слова. У меня большие способности к языкам.

— Я знаю, — расплылся в улыбке Диомед.

— Я обнаружил много такого, о чем не стал рассказывать нашему великому другу Агамемнону. Перед тем как войти в Трою, каждый из моих

лазутчиков будет знать все, что ему необходимо. Те, у кого нет способностей к языкам, скажут, будто они рабы, сбежавшие из нашего лагеря. Не имея нужды скрывать свое ахейское происхождение, они будут особенно полезны. Те, у кого есть хоть какие-то языковые способности, сойдут за ликийцев или карианцев. И это, — я радостно закинул руки за голову, — только начало!

Диомед перевел дыхание.

— Я благодарен богам, что ты на нашей стороне, Одиссей. Не хотел бы я быть твоим врагом.

Вся Троя собралась на стенах, чтобы поглазеть на верховного царя Микен и его свиту. Я заметил, как зарделись щеки Агамемнона от презрительных насмешек и грубостей, которые доносил до нас неугомонный троянский ветер, и втайне порадовался, что он не взял с собой армию.

Шея у меня болела оттого, что я постоянно задираю голову, но, когда мы подошли к Западному барьеру, я осмотрел его очень тщательно, ведь раньше, во время посещения Трои, я по-настоящему его так и не видел. Только здесь можно было попытаться атаковать крепость. Хотя к тому времени, как мы оставили его позади, даже Агамемнон бросил эту затею. Слишком короткий в длину. Сорок тысяч защитников будут опрокидывать нам на головы кипящее масло, щебень, угли, даже экскременты.

Когда Агамемнон приказал возвращаться в лагерь, лицо у него было вытянутое.

Он не стал собирать совет; дни текли один за другим без каких бы то ни было действий или решений. Я оставил его перекипеть самому, а у меня были дела поважнее, чем спорить с ним. Я начал собирать воинов для моего поселения лазутчиков.

Командиры не оказали мне никакого противодействия, они были слишком рады избавиться от своих непокорных воинов. В лощине всюду трудились каменотесы и плотники, возводя тридцать крепких каменных домов и здание побольше, чтобы использовать его для трапез, отдыха и обучения. По мере того как новобранцы прибывали, они тоже включались в работу; с того самого момента, как они были выбраны, они содержались отдельно от остальной армии под охраной итакских воинов, расставленных по краю лощины. Командиры знали только, что я строю тюрьму, чтобы держать в ней всех отщепенцев.

К осени все было готово. Я завел своих новобранцев в большой зал главного здания, чтобы объявить им о том, что их ждет. Когда я шел к

помосту, триста пар глаз наблюдали за мной: подозрительных и любопытных, недоверчивых и смысленых. Они провели в лощине уже достаточно долгое время, чтобы, к своему ужасу, обнаружить, что все они одного поля ягоды.

Я уселся в царское кресло, на ножках которого были вырезаны когтистые лапы, справа от меня сидел Диомед.

— Вы хотите знать, зачем вас сюда привели и что с вами будет. До сегодняшнего дня вы строили догадки. Но теперь вы это узнаете, я вам сейчас расскажу. Во-первых, каждый из вас обладает определенными чертами характера, которые делают вас ненавистными для любого командира. Ни один из тех, кто стоит в этом зале, не является хорошим воином либо потому, что подвергает опасности жизни товарищей, либо потому, что доставляет окружающим головную боль бесконечными проказами или нытьем. Я хочу, чтобы у вас не было никаких заблуждений, почему я выбрал именно вас. Вы были выбраны только потому, что вас очень не любят.

Я остановился и подождал, не обращая внимания на ошеломленное выражение их лиц, гнев и негодование. У некоторых на лицах не отразилось никаких чувств, и я взял их себе на заметку — это были мужи, обладающие особыми способностями и умом.

Все было подготовлено заранее. Вокруг всего здания стояли мои итакские стражи, их командиру Гакию я полностью доверял. Ему было приказано убить любого, кто выйдет за дверь раньше меня. Тем, кому мои условия покажутся неприемлемыми, нельзя было позволить вернуться к остальной армии. Они должны умереть.

— Вы прочувствовали все глубину оскорблений? Я думаю, да! Те самые качества, которые ненавистны порядочным людям, станут вашим самым большим преимуществом. Вас ждет награда за службу: вы будете жить в покоях с царским убранством, вам не придется делать тяжелую работу, и первые женщины, которых верховный царь выделит из добычи, будут вашими. Между заданиями у вас будет достаточно времени на отдых. По сути, вы станете отборным отрядом под моим командованием. Вы больше не будете в ответе ни перед своими царями, ни перед верховным царем Микен. Вы будете в ответе только передо мной, Одиссеем с Итаки.

Я сказал им, что работа, которую я им поручу, очень опасна и необычна, и закончил эту часть своего обращения следующими словами:

— Однажды подобные вам прославятся. От той работы, которая вам предстоит, зависят победы или поражения в войнах. Каждый из вас для меня стоит больше тысячи строевых воинов, поэтому вы должны понимать,

что быть избранным — великая честь. А теперь, прежде чем я продолжу, обсудите все это между собой.

Повисло короткое молчание; они были настолько удивлены, что им было трудно об этом говорить. Потом, когда обсуждение все-таки началось, я стал внимательно наблюдать за их лицами; набралось около дюжины тех, кто решил не иметь со мной ничего общего. Один из них встал и вышел, еще несколько последовали за ним, и за открытой дверью показалась фигура Гакия. Снаружи не слышалось никаких звуков. Вышли еще восемь. Гакий продолжал выполнять приказ. Раз они не вернулись в свои отряды, будет считаться, что они со мной, а раз их нет со мной, все подумают, будто они вернулись в свои отряды. Правду будут знать только Гакий и его помощники, но они с Итаки и знают своего царя.

Меня особенно интересовали два человека. Один из них был двоюродным братом Диомеда и самым большим шипом в боку своего командира из всех, кого я вытащил во время поиска новобранцев. Его звали Терсит. Кроме его способностей меня привлекало в нем еще кое-что: ходили слухи, что тетка Диомеда зачала его от Сизифа. Ту же самую небылицу рассказывали про меня, будто моим отцом был Сизиф, а не Лаэрт. Такая хула на мое происхождение никогда не причиняла мне никаких неудобств — любой муж предпочел бы иметь в жилах кровь блистательного распутника вместо крови такого царя, как Лаэрт.

Второй был мне хорошо знаком, и он был единственным из этих трех сотен, кто точно знал, зачем он здесь. Это был мой собственный двоюродный брат Синон, который пришел под Трою вместе со мной. У него были прекрасные задатки, и он с нетерпением ждал возможности полностью посвятить себя новому занятию.

Терсит и Синон сидели неподвижно, приковав взгляды своих темных глаз к моему лицу, но временами они прерывали наблюдение за мной, чтобы повертеть головой по сторонам и оценить достоинства людей, с которыми их свела судьба.

Внезапно Терсит откашлялся, прочищая горло.

— Продолжай, мой господин, расскажи нам все до конца.

И я рассказал им все.

— Теперь вы понимаете, почему я считаю вас самыми ценными мужами в войске, — сказал я в конце своей речи. — В чем бы ни была ваша роль: передавать мне сведения или доставлять неприятности правителям Трои, она будет иметь значение в ходе событий. Мы наладим безопасную систему обмена сообщениями, выберем связных и места встреч между теми из вас, кто будет находиться в Трое более или менее постоянно, и

теми, кто будет наносить туда только краткие визиты. Хотя эта работа и очень опасна, к тому времени, как вы начнете ходить на задания, у вас будет все необходимое для того, чтобы противостоять этой опасности.

Я широко улыбнулся.

— Кроме того, вам будет очень интересно.

И встал с кресла.

— Подумайте над этим, пока я не вернусь.

Мы с Диомедом удалились в небольшую смежную комнату, где и уселись, болтая и потягивая вино, пока по другую сторону занавеса то нарастал, то стихал гул голосов.

— Полагаю, — сказал Диомед, — мы с тобой тоже будем похаживать в Трою?

— Непременно. Чтобы управлять такими людьми, как они, необходимо показывать им, что мы готовы рисковать собой больше, чем требуем того от них. Мы — цари, и наши лица многим знакомы.

— Елене, — сказал он.

— Именно.

— Когда мы начнем свои вылазки?

— Сегодня ночью, — безмятежно ответил я. — Я нашел на северо-западном участке стены хороший водосток, достаточно большой, чтобы через него пролез человек. С внутренней стороны выход из него замечен меньше, чем из остальных, и он не охраняется. Мы переоденемся бедняками, походим по улицам, поболтаем с людьми и на следующую ночь выберемся тем же путем, каким вошли. Не волнуйся, мы будем в безопасности.

Он рассмеялся:

— В этом я не сомневаюсь, Одиссей.

— Пора выйти к остальным.

Представителем группы был избран Терсит; он стоял и ждал нас.

— Говори, двоюродный брат царя Диомеда.

— Мой господин, мы готовы тебе повиноваться. Из всех тех, кто остался здесь, когда ты вышел, только двое отказались от твоего предложения.

— Это не имеет значения.

Его глаза насмешливо блеснули: Терсит знал их судьбу.

— Жизнь, которую ты для нас приготовил, — продолжал он, — намного лучше, чем та, которую мы влачили в осадном лагере, маясь от безделья. Можешь на нас рассчитывать.

— Я потребую, чтобы каждый из вас дал мне в этом клятву.

— Мы дадим клятву, — флегматично заявил он, зная, что клятва эта будет настолько ужасна, что даже он не отважится ее нарушить.

После того как поклялся последний воин, я сообщил им, что они будут жить по десять человек, один из которых будет старшим — его выберу я, когда присмотрюсь к ним получше. Однако были двое, к которым я уже достаточно присмотрелся: Терсита с Синоном я назначил начальниками поселения лазутчиков.

Той же ночью мы довольно легко пробрались в Трою. Я шел первым, Диомед следовал вплотную за мной — его плечи заняли всю ширину водостока. Оказавшись внутри, мы проскользнули в уютный переулок и проспали там до утра, а когда проснулись, смешались с толпой. На большом рынке внутри Скейских ворот мы купили медовых лепешек, ячменного хлеба, две чашки овечьего молока и прислушались. Народ мало заботили ахейцы, вставшие лагерем на берегу Геллеспонта, вокруг царило радостное оживление. Люди с любовью посматривали на высившиеся вокруг бастиины и смеялись, представляя, как ахейское чудовище сидит, беспомощное, всего в нескольких лигах от них. Похоже, все как один были уверены, что Агамемнон отступится и уплывет прочь. Еды и денег у них было в избытке, Дардановы и Иденские ворота по-прежнему открыты, и движение идет через них, как обычно. Только сложная система часовых и стражников на самих стенах указывала на то, что город был готов закрыть Дардановы и Иденские ворота в тот же миг, как появится угроза.

Мы узнали, что город был снабжен многочисленными колодцами с пресной водой, а также амбарами и складами, в которых хранились непортящиеся запасы провизии.

Никто не готовился к сражению за пределами стен; воины, которые нам повстречались, слонялись без дела или распутничали, оставив оружие и доспехи дома. Агамемнона с его армией открыто высмеивали.

Вернувшись в лагерь, мы с Диомедом тут же принялись за работу в поселении лазутчиков и работали не покладая рук. Среди новобранцев были те, кто выказывал старательность и рвение, но были и такие, кто сник и расхаживал с мрачным лицом. Я перекинулся парой слов с Терситом и Синоном, и они согласились, что неприжившиеся должны исчезнуть. В конце концов из первоначальных трех сотен новобранцев у меня осталось двести пятьдесят четыре, и я считал, что мне повезло.

Глава пятнадцатая, рассказанная Диомедом

Одиссей — выдающийся муж. Даже смотреть, как он обращается с рабом, уже поучительно. К концу первой луны наши двести пятьдесят четыре лазутчика стали именно такими, как мы хотели, хотя на задание их отправлять было еще рано. Я проводил с ними почти столько же времени, сколько и с воинами, которых привел из Аргоса, но то, чему я учился у Одиссея, позволяло мне лучше руководить своим войском и направлять его, затрачивая на это вполонину меньше времени, чем обычно. Среди воинов больше не было недовольства, когда я был в отлучке, и командиры больше не ссорились — я использовал методы Одиссея с большим толком. Конечно, я слышал шутки и перехватывал лукавые взгляды, которыми обменивались мои аргивляне всякий раз, когда видели меня с Одиссеем; даже другие цари начинали сомневаться в природе нашей дружбы. Меня это вовсе не огорчало. Если бы то, о чем они думали, было правдой, я бы не имел ничего против, кроме того, надо отдать им должное, в их отношении не было ни злобы, ни порицания. Все мужи были вольны утолять свой сексуальный голод с тем полом, который они предпочитали. Обычно — с женщинами, но во время долгого военного похода в чужих странах женщины были не так доступны. Чужеземки никогда не могли заменить нам наших супругов и возлюбленных, женщин нашей страны. В таких обстоятельствах лучше наслаждаться любовью с другом, который сражается рядом с тобой в битве и отгоняет врага своим мечом, пока ты поднимаешь свой.

Когда осень была в разгаре, Одиссей велел мне отправиться к Агамемнону и засвидетельствовать ему свое почтение. Я пошел, терзаясь любопытством, в чем было дело: в последнее время Одиссей часто тайно совещался с Нестором, но не говорил мне, что обсуждалось на этих советах.

Уже пять лун мы не видели и намека на троянскую армию, и в лагере воцарилось уныние. Трудностей с провизией мы не испытывали, так как побережье к северу от Троады и дальний берег Геллеспонта изобиловали фуражом. При одном взгляде на наши рыщущие в поисках съестного отряды проживавшие в тех землях племена бросались врассыпную. Но мы

были так далеко от дома, что не могли съездить на родину навестить родных. Верховный царь не давал никаких приказов — ни возвращаться домой, ни идти в атаку, ничего.

Войдя в шатер Агамемнона, я увидел, что Одиссей был уже там и ничего особенного в его виде не было.

— Я должен был бы знать: если появился Одиссей, то и без тебя не обойтись, — заметил верховный царь.

Я улыбнулся, но ничего не ответил.

— Одиссей, чего ты хочешь?

— Собрать совет, мой господин. Давно уже пора все обсудить.

— Совершенно согласен! Например, что происходит в небезызвестной тебе лощине и почему я никогда не могу найти ни тебя, ни Диомеда после того, как стемнеет? Я хотел собрать совет еще вчера вечером.

Одиссей ответил на царское неодобрение со свойственным ему изяществом. Для начала он улыбнулся — улыбкой, которая могла победить непримиримых врагов, улыбкой, которая могла очаровать мужа намного холоднее, чем Агамемнон.

— Мой господин, я все расскажу, но — на совете.

— Очень хорошо. Оставайся здесь, пока все не соберутся. Если я позволю тебе уйти, ты можешь и не вернуться.

Первым пришел Менелай, жалкий, как всегда. Робко кивнув нам, он сгорбился на стуле в самом дальнем и темном углу комнаты. Бедный, растоптанный Менелай. Возможно, он начинал понимать, что в замыслах его властного брата Елена играла второстепенную роль, и, наверно, уже почти отчаялся когда-нибудь ее вернуть. Мысль о ней пробудила воспоминания теперь уже девятилетней давности; какой же она оказалась шлюшкой! Думает только о собственном удовольствии и безразлична к желаниям мужа. Такая красавица! И такая себялюбивая! О, как же она, должно быть, вертела Менелаем! Я никогда не испытывал к нему ненависти, он был слишком мелок и больше заслуживал жалости, чем презрения. И он любил ее так, как я никогда не мог полюбить ни одну женщину.

Ахилл вошел вместе с Патроклом, за ними трусил Феникс, так же как Аргус — собака Одиссея — трусила за ним, когда тот был на Итаке. Феникс был настолько же предан, насколько бдителен. Они поклонились, Ахилл холодно и с очевидной неохотой. Я находил его странным. И я заметил, что Одиссей не испытывает к нему симпатии. Мои же собственные чувства по отношению к нему слишком мало для меня значили, чтобы втайне посоветовать ему быть с Агамемноном повежливее.

Даже если этот юноша и был предводителем мирмидонян, ему не следовало так открыто выражать свою неприязнь. Остаться в битве один на один с противником, быть брошенным на произвол судьбы, — это очень легко устроить и очень трудно чем-нибудь объяснить, кроме отсутствия у царя полководческого таланта. Когда я увидел выражение глаз Патрокла, то не смог сдержать улыбки: вот уж где была нежная дружба! По крайней мере, с одной стороны. Ахилл принимал ее как должное. Он больше жаждал гореть в битве, чем от плотских удовольствий.

Махаон пришел один и сел, не сказав ни слова. Он и его брат Подалирий были самыми лучшими врачами в Элладе и значили для нашего войска больше, чем отряд конников. Подалирий был затворником, предпочитая свой шатер военным советам, в то время как Махаон, напротив, обладал натурой неугомонной и энергичной, умел командовать и в сражении не уступал десяти мирмидонянам. Изящно вплыл Идомей в сопровождении Мериона, — воспользовавшись могуществом критского трона и положением одного из главных вождей, он, вместо того чтобы преклонить колено перед Агамемноном, просто поклонился. Глаза Агамемнона сверкнули; я спросил себя, уж не подумал ли верховный царь, будто Крит чересчур задрал нос, но его лицо осталось непроницаемым. Идомей был фатом, но он был крепко сложен и считался хорошим вождем. Из них двоих Мерион — его двоюродный брат и наследник — был, пожалуй, лучшим; я никогда не чурался разделить с ним трапезу или вместе попробовать силы в бойцовском поединке. В них обоих нельзя было не признать критян.

Мелкой и быстрой поступью проследовал к своему особому стулу Нестор. Проходя мимо, он кивнул Агамемнону, но тот и не подумал обидеться. Когда мы были детьми, Нестор всех нас качал у себя на руках. Его единственный недостаток заключался в склонности слишком часто ударяться в воспоминания о «былых днях» и в том, что он считал сегодняшнее поколение царей неженками. Но все любили его. Одиссей его обожал. С собой Нестор привел своего старшего сына.

Аякс прибыл со своей веселой компанией — сводным братом Тевкром и двоюродным братом из Локриды, Малым Аяксом, сыном царя Оилея. Они молча расселись вдоль дальней стены, явно чувствуя себя неловко. Я с нетерпением ждал дня, когда увижу Аякса на поле битвы (при Сигее мы сражались вдали друг от друга), увижу, как эти руки с буграми мускулов управляют с его знаменитой секирой.

Сразу следом вошел Менесфей, славный верховный царь Аттики, которому хватило ума не разыгрывать из себя второго Тесея. В нем не было

и десятой доли того, что было в Тесее, но в ком было больше? Последним пришел Паламед. Он сел между мной и Одиссеем. С моей стороны было бы неблагоразумно любить его, раз Одиссей его ненавидел. Почему — я не знал, хотя до меня дошли слухи о том, что Паламед чем-то оскорбил его, когда вместе с Агамемноном ездил на Итаку, чтобы призвать его на войну. Одиссей терпеливо ждал своего часа, но в том, что он отомстит, я не сомневался. Его месть не будет горячей и кровавой. Одиссей предпочитал ее остудить. Жреца Калханта не было — очень любопытно.

Агамемнон начал довольно натянуто:

— Это первый настоящий совет, который я созвал с тех пор, как мы высадились на земле Трои. Вы все знаете, как обстоят дела, поэтому нет нужды об этом напоминать. С вами будет говорить Одиссей, а не я. Несмотря на то что я ваш повелитель и вы с радостью дали мне свои войска, я уважаю ваше право лишить меня своей поддержки, вопреки клятве на четвертованном коне. Патрокл, ты будешь в ответе за жезл, но сейчас отдай его Одиссею.

Тот вышел на середину комнаты (Агамемнон уступил надвигающимся холодам и построил себе каменный дом, хотя это было символом постоянства), грива рыжих волос волнами спадала на плечи, оставляя открытым его прекрасное лицо, взгляд огромных серых глаз пронизывал нас насквозь — несмотря на свои царские титулы, мы оставались простыми смертными. Мы, ахейцы, всегда ценили способность предвидеть будущее, а Одиссей обладал ею в полной мере.

— Патрокл, разлей вино, — вот и все, что он сказал для начала, а потом стал ждать, пока юноша не обойдет всех. — Мы высадились на берег пять лун назад. За все это время вне пределов лоцины, у которой стоят мои корабли, произошло мало чего.

За этим вступлением последовало краткое объяснение, что он взял на себя труд построить тюрьму для провинившихся воинов в том месте, где они никому не смогут причинить вреда. Я знал, почему он не открыл истинного предназначения лоцины, — он не доверял Калханту и болтливым языкам, пусть даже связанным клятвой.

— Хотя мы и не собирали большого совета, — продолжал он ровным, приятным голосом, — понять, к чему вы склоняетесь, вовсе не трудно. Например, никто не хочет осаждать Трою. Я разделяю ваше мнение по той же причине, которую привел бы Махаон: осада приводит за собой чуму и другие болезни, и, воюя таким способом, мы сами погибнем. Поэтому я не буду говорить об осаде.

Он помолчал, насмешливо глядя на нас.

— Мы с Диомедом совершили много ночных вылазок в Трою, где узнали: если мы останемся здесь до весны, то положение дел в корне изменится. Приам обратился ко всем своим союзникам на побережье Малой Азии, и все они пообещали ему свои войска. К тому времени, как с гор сойдет снег, в распоряжении Приама будет двести тысяч воинов. И нас погонят прочь.

Ахилл не выдержал:

— Одиссей, ты рисуешь мрачную картину. Разве полное бесчестие от рук врага, с которым мы сразились только однажды, — это то, зачем нас позвали покинуть дом? Твои слова значат, что мы ввязались в бесполезный поход, невысимо дорогой, который вряд ли окупится богатыми трофеями. Агамемнон, где добыча, которую ты нам обещал? Где твоя десятидневная война? Где твоя легкая победа? Не важно, в какую сторону мы повернем, нас ждет поражение. И ради этого некоторые из тех, кто сегодня здесь собрался, совершили человеческое жертвоприношение. Есть поражение хуже, чем пасть в бою. И таким поражением будет, если нас вынудят оставить этот берег и уйти домой.

Одиссей усмехнулся:

— Неужели остальные в таком же унынии, как Ахилл? Тогда мне вас жаль. Но я не могу отрицать, что сын Пелея сказал правду. От себя я добавлю, что если мы останемся зимовать, нам будет трудно добывать провизию. Сейчас мы можем брать все, что нам требуется, в Вифинии, но зимы здесь, как поговаривают, холодные и снежные.

Ахилл вскочил на ноги и яростно накинулся на Агамемнона.

— Вот о чем я тебе говорил в Авлиде еще до отплытия! Ты совсем не подумал о том, как будешь кормить огромную армию! Какой у нас выбор? Между тем остаться ли нам здесь или идти домой? Я так не думаю. Все, что нам осталось, — это воспользоваться ветрами в начале зимы и отплыть в Элладу, чтобы больше никогда не вернуться. Царь Агамемнон, ты — дурак! Самодовольный дурак!

Агамемнон сидел очень тихо, но видно было, что он едва сдерживает гнев.

— Ахилл прав, — прорычал Идомей. — Все было спланировано хуже некуда.

Он перевел дыхание, свирепо глядя на своего собрата-вождя.

— Скажи нам, Одиссей, сможем мы взять Трою штурмом или нет?

— Идомей, об этом нечего даже думать.

Чувства накалялись — Ахилл высек искру, а Агамемнон раздул ее своим молчанием. Он сидел, кусая губы, весь напрягшись от усилия, с

которым он сдерживал свою ярость.

— Почему ты не хочешь признать, что не сумел как следует спланировать такой большой поход? — спросил Ахилл. — Будь ты ничтожнее, чем есть, и не будь ты тем, кем стал по воле богов, я бы избил тебя. Ты привел нас к Трое, не думая ни о чем, кроме собственной славы! Ты использовал клятву, чтобы собрать великую армию, позабыв про желания и нужду собственного брата! Насколько сильно в действительности тебя заботил Менелай? Можешь ли ты честно признаться, что делаешь это ради брата? Конечно же нет! Ты никогда и не притворялся! С самого начала твоей целью было обогатиться за счет троянской казны и создать себе империю в Малой Азии! Мы бы все получили свой куш, признаю, но ты получил бы больше всех!

Менелай разрыдался, по его щекам потекли слезы, и его горе свидетельствовало об ужасном разочаровании. Пока он всхлипывал, как поранившийся ребенок, Ахилл поглаживал его по плечу. Атмосфера была накалена до предела, еще одно слово — и они все схватили бы Агамемнона за горло. Почувствовав, что моя рука ищет меч, я взглянул на Одиссея, стоящего неподвижно с жезлом в руке, в то время как Агамемнон сцепил руки на коленях и уставился на них.

В конце концов Нестор, воспользовавшись паузой, разрядил обстановку. Он свирепо накинулся на Ахилла:

— Юноша, твой недостаток уважения заслуживает порки! Что дает тебе право порицать своего верховного царя, когда молчат такие мужи, как я? Одиссей не предъявил никаких обвинений, как же ты смеешь это делать? Придержи свой язык!

Ахилл безропотно подчинился. Он преклонил колено перед Агамемноном, прося прощения, и сел на свое место. По натуре он не отличался горячностью, но между ним и Агамемноном была неприязнь — с тех самых пор, как умерла Ифигения. Понятное дело. Используя его имя, чтобы выманить девушку у Клитемнестры, Агамемнон не спросил его согласия. Судя по всему, Ахилл так и не простил никого из нас — и меньше всех Агамемнона — за то, что мы приняли в этом участие.

— Одиссей, — сказал Нестор, — по старшинству тебе не положено управлять таким знатным собранием, поэтому отдай жезл мне и позволь взять слово.

Он сурово посмотрел на нас:

— Это собрание — срам! В дни моей молодости никто не посмел бы сказать того, что я сегодня услышал! Когда я был молод, а Геракл странствовал по Элладе, все было иначе.

Мы откинулись на стульях и приготовились покорно выслушать знаменитое Несторово нравоучение, хотя, вспоминая об этом позже, я был уверен, что старик намеренно начал молоть чепуху — вынужденные молчать, мы успокоились.

— Возьмите Геракла, — продолжал Нестор. — Несправедливо отданный в услужение царю, недостойному носить пурпур, он получал от него задания, которые должны были принести ему смерть или унижение, — и он даже не протестовал. Слово царя было для него священо. Он был благороден разумом и могуч рукой. Может, и рожденный богом, но он был мужчиной! Лучшим, чем тот, которым ты сможешь стать, юный Ахилл. И ты, юный Аякс. Царь — это царь. Геракл никогда этого не забывал, ни тогда, когда брел по колено в нечистотах, ни тогда, когда скользил по краю бездны отчаяния и безумия.^[16] Его истинное мужество возвысило его над Эврисфеем, тем, кому он служил. Вот чем восхищались в нем все остальные мужи, за что его почитали. Он знал, что положено богам и что положено царю. И честно платил должное каждому. И хотя я с радостью в сердце привечал его, как родного брата, он никогда этим не злоупотреблял — ведь я был сыном Нелея, а он считался немногим лучше изгоя. Именно принятие своего рабского положения, уважение и терпение завоевали ему вечную любовь и имя героя! Ах! Больше в ойкумене не будет таких, как он!

Отлично! Он закончил, и жезл должен был перейти обратно к Одиссею, чтобы совет мог продолжаться. Но он не закончил; вместо этого он принялся за новую проповедь.

— Тесей! — воскликнул он. — Тесей — вот еще один пример! Он пал жертвой безумия, а не недостатка благородства, позабыв о царском долге. Он сам был верховным царем, но я знал его как настоящего мужчину! А твой отец, Диомед? Тидий был самым могучим воином своего времени, и он пал под теми самыми стенами, которые ты взял, Диомед, когда пришел твой срок, и окончил жизнь с честью. Если бы я знал, какие мужи называют себя царями и наследниками царей здесь, на троянском берегу, я бы никогда не покинул песчаный Пилос, никогда не поплыл бы по синему морю. Патрокл, налей еще вина. Я еще не все сказал, но у меня пересохло в горле.

Патрокл медленно встал — он был выведен из себя больше всех нас; было видно, что ему больно слышать, как поносят Ахилла. Не моргнув глазом, старый царь Пилоса залпом выпил неразбавленное вино, облизал губы и уселся на свободный стул рядом с Агамемноном.

— Одиссей, я намерен предвосхитить то, что ты хотел сказать. Я не

хочу тебя оскорбить, но, чтобы держать этих наглых юнцов на своем месте, нужна рука старейшины.

Одиссей расплылся в широкой улыбке:

— Продолжай, мой господин! Ты скажешь все так же хорошо, как и я, если не лучше.

Именно тогда я заподозрил что-то неладное. Эти двое шушукались целыми днями, неужели все это они подготовили заранее?

— В этом я сомневаюсь. — Глаза Нестора ярко сверкнули. — Несмотря на свою молодость, ты носишь на плечах отличную голову. Я буду сидеть здесь, позабуду про личности и стану придерживаться фактов. Чтобы избежать недопонимания или ошибок, нам все нужно взвесить хладнокровно. Прежде всего, что сделано, то сделано. Прошное должно оставаться в прошлом, и не стоит тащить его за собой, чтобы распалить обиды.

Сидя на стуле, он наклонился вперед:

— Итак, у нас есть армия больше чем в сто тысяч человек, считая воинов и помощников, и эта армия всего в трех лигах от Трои. Среди помощников есть повара, рабы, мореходы, оружейники, каменотесы и мастера. Мне кажется, если бы наша экспедиция была так плохо спланирована, как пытается представить царевич Ахилл, тогда бы их у нас не было. Очень хорошо. Это даже не нужно обсуждать. Еще нам нужно подумать о времени. Наш досточтимый жрец Калхант сказал, что нас ждут десять лет войны, и тут я склонен ему поверить. Мы пришли сюда не для того, чтобы покорить один город! Мы пришли сюда, чтобы покорить народы. От Трои до самой Киликии. Такую большую задачу не выполнишь в мгновение ока. Даже если бы мы могли разрушить троянские стены, этого нельзя делать. Разве мы пираты? Разбойники? Разве это набег? Если это так, то мы нападём на один город и с добычей вернемся домой. Но мы — не пираты. Нам нельзя останавливаться на Трое! Мы должны идти дальше и покорить Дарданию, Мизию, Лидию, Карию, Ликию и Киликию.

Ахилл попался; он смотрел на Нестора, словно никогда его раньше не видел. Я заметил, что так же смотрел на него и Агамемнон.

— Что, если мы разделим армию на две части? — почти мечтательно сказал Нестор. — Одна часть останется у Трои, а другая будет свободно передвигаться. Войска, которые останутся у Трои, смогут ее сдерживать, ведь они по меньшей мере равны любой армии, которую Приам сможет выставить против нас. Вторая часть будет странствовать по побережью Малой Азии, нападая, грабя и сжигая каждое поселение от Адрамиттия до дальних рубежей Киликии. Она будет истреблять каждого десятого,

разрушать, угонять в рабство, грабить города, опустошать земли, всегда появляясь там, где ее не ждут. Этим мы достигнем двух целей: обеспечим обе части нашей армии достаточными запасами продовольствия и других необходимых вещей — возможно, даже предметов роскоши — и будем постоянно держать союзников Трои в Малой Азии в таком страхе, что они никогда не смогут послать Приаму никакой помощи. Население побережья недостаточно многочисленно, чтобы противостоять большой и хорошо обученной армии. Но я очень сомневаюсь, что кто-нибудь из царей Малой Азии будет настолько дальновиден, чтобы бросить собственные земли и стянуть силы в Трою.

Конечно же, эта парочка придумала все заранее! Слова капали у Нестора с языка, словно сироп с пирожного. Одиссей сидел, улыбаясь довольно и одобрительно, Нестор был в своей стихии.

— Половина армии, оставшаяся под Троей, помешает троянцам напасть на наш лагерь и наши корабли, — продолжал он. — И она будет постепенно подрывать дух внутри города. Что нам нужно сделать, так это в сознании жителей Трои превратить стены из защиты в тюрьму. Не буду вдаваться в детали, но у нас есть способы влиять на мысли троянцев, от крепости до самой жалкой лачуги. Уж поверьте мне на слово. Здесь важно мастерство, но с Одиссеем мастерство у нас есть.

Он вздохнул, поерзал, попросил еще вина; но на этот раз, когда Патрокл обходил собравшихся, он делал это с большим уважением к старому царю Пилоса.

— Если мы решим продолжать войну, — сказал Нестор, — нас ждет большая награда, нужно только протянуть руку, чтобы ее забрать. Нам и не снилось, как богата Троя. Трофеи пополнят казну наших народов и нашу с вами тоже. В этом Ахилл был прав. Напомню, Агамемнон всегда видел преимущество в том, чтобы разбить союзников Малой Азии. Если мы действительно их разобьем, то получим свободу создавать колонии, переселять людей на просторы, не сравнимые с теснотой Эллады. И самое главное — продолжал он голосом тихим, но более властным, — Геллеспонт и Понт Эвксинский будут нашими. Мы сможем колонизировать даже Эвксину. Мы получим олово и медь, чтобы плавить бронзу. Мы получим скифское золото. Изумруды. Сапфиры. Рубины. Серебро. Шерсть. Отборную пшеницу. Ячмень. Янтарь. Металлы. Другую пищу. Другие предметы для торговли. Волнующая перспектива, согласны?

Мы зашевелились, улыбаясь друг другу, в то время как Агамемнон заметно оживился.

— Стены Трои нужно оставить в покое, — уверенно продолжал

старик. — Половина армии, которая останется здесь, должна играть только роль раздражителя — держать троянцев в напряжении и довольствоваться мелкими стычками. У нас здесь прекрасный лагерь, и я не вижу необходимости перебираться на другое место. Одиссей, как называются эти реки?

Одиссей тут же ответил:

— Большая, с желтой водой, зовется Скамандр.^[17] Она загрязнена троянскими сточными водами, поэтому в ней нельзя купаться и брать воду для питья. Та, что поменьше, с чистой водой, — Симоис.

— Благодарю. Тогда нашей первой задачей будет построить защитную стену от Скамандра до Симоиса на расстоянии примерно одной лиги от лагуны в сторону берега. Высотой она должна быть не меньше пятнадцати локтей. Снаружи мы устроим частокол из заточенных кольев и выкопаем ров в пятнадцать локтей глубиной, дно которого тоже утыкаем кольями. Это будет всю зиму держать при деле ту часть армии, которая останется под Троей, к тому же от работы воины быстрее согреются.

Внезапно он остановился и махнул Одиссею:

— Я сказал свое. Одиссей, продолжай.

Конечно же, они втайне подготовили все это заранее! Одиссей продолжил так, словно все это время говорил он:

— Нельзя допустить, чтобы какая-то часть армии постоянно бездействовала, поэтому обе половины будут служить по очереди: шесть лун под Троей, шесть лун в набегах на побережье. Так силы у них всегда будут свежими. Я не устану повторять: мы должны создать и сохранить впечатление, что, если понадобится, мы останемся на этой стороне Эгейского моря навсегда! Будь то троянцы или ликийцы, но я хочу, чтобы с каждым прошедшим годом народы Малой Азии все больше отчаивались, слабели и теряли надежду. Подвижная часть нашей армии заставит Приама с его союзниками истечь кровью. Их золото перекочет в наши сундуки. По моим подсчетам, на то, чтобы до них это дошло, понадобится два года, но до них дойдет. Непременно.

— Если я правильно понял, — произнес Ахилл очень вежливым тоном, — эта подвижная часть армии не будет жить здесь?

— Нет, у нее будет отдельная ставка, — ответил Одиссей, очень обрадованный такой вежливостью. — Дальше к югу, возможно на границе Дардании и Мизии. В тех краях есть порт под названием Асс. Я там не был, но Телеф говорит, что он нам подойдет. Туда будут свозиться трофеи, добытые на побережье, а также провизия и все остальное. Между Ассом и нашим берегом будет налажено постоянное сообщение — корабли будут

ходить близко к берегу, чтобы не зависеть от непогоды. Единственный опытный мореход среди вождей — Феникс, поэтому я предлагаю, чтобы за это постоянное сообщение отвечал он. Я знаю, он поклялся Пелею не оставлять Ахилла, но он отлично справится с этим в своей новой роли.

Он на мгновение остановился, чтобы дать своим серым глазам заглянуть в каждую пару глаз, которая на него смотрела.

— Наконец, я напому всем здесь присутствующим, что Калхант напророчил войне длиться десять лет. Думаю, за более короткое время нам не управиться. И об этом вы все должны подумать. Десять лет вдали от дома. Десять лет, за которые ваши дети вырастут. Десять лет, в течение которых править вашими народами придется вашим женам. Дом далеко, а наше дело здесь требует слишком много сил, чтобы позволить нам время от времени посещать Элладу. Десять лет — это очень долгий срок.

Он повернулся к Агамемнону:

— Мой господин, наш с Нестором план будет иметь силу только с твоего одобрения. Если тебе он не нравится, мы с Нестором не скажем больше ни слова. Мы были и останемся твоими слугами.

Десять лет вдали от дома. Десять лет в изгнании. Стоило ли завоевание Малой Азии такой цены? Я этого не знал. Хотя, думаю, если бы не Одиссей, то я предпочел бы отплыть домой на следующий же день, но раз он явно решил остаться, я заглушил желание своего сердца.

Агамемнон глубоко вздохнул:

— Пусть будет так. Десять лет. Я думаю, награда этого стоит. Мы очень много получим взамен. И все же я оставляю решение за вами. Вы должны хотеть этого так же, как я.

Он поднялся и встал перед нами:

— Я напому вам, что все вы здесь цари или царские наследники. Мы, мужи Эллады, отдали власть царям с одобрения олимпийцев. Сбросив ярмо матриархата, мы заменили старых богов новыми. Но, правя, мужи должны искать у богов поддержку, ибо мужчины не обладают доказательством плодородия, не несут в себе связи с детьми матери Земли. Мы отвечаем перед своими народами иначе, чем отвечали при старых богах. Тогда мы были несчастными существами, обреченными на заклятие, которых царица приносила в жертву, чтобы умиловить Великую мать, когда случался неурожай, или проигрывалась война, или нападала чума или другое бедствие. Новые боги освободили мужчин от их роковой доли, наделили нас истинной властью. Между нами и нашими народами нет посредников. Поэтому мне и удалось такое великое начинание. Оно принесет нашим народам спасение, распространит наши обычаи и

традиции. Если бы мне пришлось вернуться домой сейчас, я был бы посрамлен перед своим народом и вынужден признать поражение. Как тогда я смогу воспротивиться, если народ, разделяя мое унижение, решит вернуть старых богов, принести меня в жертву и возвысить мою жену?

Он сел на стул и положил свои белые красивые руки на задрапированные в пурпур колени.

— Я поступлю так, как решите вы. Если кто-нибудь хочет сдаться и вернуться в Элладу, пусть поднимет руку.

Руки никто не поднял. В комнате стояла тишина.

— Пусть будет так. Одиссей, Нестор, у вас есть что добавить?

— Нет, мой господин, — сказал Одиссей.

— Нет, мой господин, — ответил Нестор.

— Идоменей?

— Я со всем согласен, Агамемнон.

— Тогда нам нужно обсудить детали. Патрокл, раз уж тебе выпало быть виночерпием, ступай и прикажи подать еду.

— Как ты разделишь армию, мой господин? — спросил Мерион.

— Войска будут меняться, как предложил Одиссей. Однако с одной оговоркой. Я считаю, во Второй армии должна быть постоянная часть из мужей, которые останутся с ней на всю войну. Среди вас есть юноши, подающие большие надежды. Сидеть под Троей им будет в тягость. Я должен оставаться здесь круглый год вместе с Идоменеем, Одиссеем, Нестором, Диомедом, Менесфеем и Паламедом. Ахилл, оба Аякса, Тевкр, Мерион, вы молоды. Вам я доверяю Вторую армию. Вашим верховным вождем будет Ахилл. Ахилл, ты будешь держать ответ только передо мной или Одиссеем. Все решения во время походов и в Ассе будут твоими, не важно, насколько выше по старшинству будут те мужи, которые придут из-под Трои, чтобы провести шесть лун на войне. Ясно? Ты согласен быть верховным вождем?

Ахилл вскочил на ноги, весь дрожа; я едва мог вынести сияние его глаз, желтых и ярких, словно сам Гелиос.

— Клянусь всеми богами, ты никогда не пожалеешь о том, что доверился мне, мой господин.

— Тогда прими от меня командование, сын Пелея, и выбери себе помощников.

Я посмотрел на Одиссея и покачал головой; рыжая бровь взлетела вверх, серые глаза сверкнули. Скорее бы увидаться с ним наедине! Вот уж поистине замысел так замысел!

Глава шестнадцатая, рассказанная Еленой

Под тенью Трои Агамемнон камень за камнем строил город; каждый день, стоя на балконе, я выглядывала за стены и смотрела на ахейцев, расположившихся на берегу Геллеспонта. Издали они были похожи на муравьев. Они копошились, используя гальку и стволы могучих деревьев для строительства стены, которая протянулась от сверкающего Симоиса до мутного Скамандра. Дальше, на берегу, росли дома — высокие казармы, чтобы укрыть воинов на зиму, амбары, чтобы хранить пшеницу и ячмень от непогоды и крыс.

С тех пор как прибыл ахейский флот, моя жизнь стала намного труднее, хотя она и так никогда не была такой, какой я ее себе представляла, пока не оказалась в Трое. Почему нам не дано видеть будущее в мираже времен, даже если оно ясно там нарисовано? Мне следовало бы знать. Но Парис был для меня всем; все, что я видела, был Парис, Парис, Парис.

В Амиклах я была царицей. Это моя кровь дала Менелаю право на трон. Народ Лакедемона доверил мне, дочери Тиндарея, свое благополучие и заступничество перед богами. Я была там важным человеком. Когда я проезжала в царской повозке по улицам Амиклов, все мне кланялись. Мне поклонялись. Мною восхищались. Я была царицей Еленой, единственной из божественных отпрысков Леды, оставшейся дома. И, оглядываясь назад, я понимала, насколько полна была моя жизнь: охота, игрища, празднества, двор, всяческие развлечения. В Амиклах я говорила, что время едва ползет, но теперь я поняла: в те дни я и представления не имела, что такое настоящая скука.

В Трое я научилась скучать по-настоящему. Здесь я — не царица. Я не имею никаких прав. Я — жена младшего царского сына. И я — ненавистная чужеземка. Меня связывают правила и ограничения, пренебречь которыми у меня нет ни силы, ни власти. И здесь нечего делать, совсем нечего делать! Я не могу щелкнуть пальцами и приказать подать колесницу, чтобы поехать посмотреть, как мужи упражняются в спорте или военном искусстве. Я не могу выбраться из внутренней крепости. Когда я попыталась отправиться в нижний город, все, от Гекабы до Антенора, объявили меня легкомысленной, распутной и капризной — ведь мне

вздумалось якшаться с чернью. Неужели я не понимаю, что стоит мужам в какой-нибудь таверне увидеть мои обнаженные груди, как меня тут же изнасилуют? Но когда я их прикрыла, Приам все равно ответил «нет».

Мой мир внезапно стал ограничен моими собственными покоями (в этом Приам проявил щедрость — у нас с Парисом было много богато украшенных комнат) и залами, где собиралась знать крепости. А Парис, мой прекрасный Парис, оказался обычным мужчиной. Он ведет себя так — и только так! — как угодно ему. А ему редко угодно составить компанию своей супруге. Я здесь ради любви, но любовь быстро проходит, когда любовникам больше нечего узнавать друг о друге. С появлением ахейцев моя жизнь, и так уже скучная, стала еще хуже. На меня смотрели как на причину бедствия и обвиняли в приходе Агамемнона. Глупцы! Сначала я пыталась убедить троянскую знать в том, что Агамемнон никогда бы не начал войну из-за женщины, пусть она будет дважды его свояченицей, что Агамемнон говорил о войне с Троей еще той далекой ночью, когда жрецы четвертовали белого коня и я была отдана Менелаю. Никто меня не слушал. Никто не хотел меня слушать. Из-за меня ахейцы стояли на берегу Геллеспонта. Из-за меня за могучей стеной, протянувшейся от сверкающего Симоиса до мутного Скамандра, рос ахейский город. Все было из-за меня.

Бедный старый Приам очень встревожился. Вместо того чтобы усаживаться на свой украшенный золотом и слоновой костью трон поглубже, как раньше, он теперь садился на самый краешек. Он драл себе бороду, посылая на западную башню одного наблюдателя за другим, чтобы те сообщали ему о том, как продвигаются дела у ахейцев. С того дня, как я вошла в его тронный зал, он успел испытать всю гамму эмоций, от ликования — оттого что он натянул Агамемнону нос — до полного замешательства. Пока ничто не указывало на то, что ахейцы собираются задержаться, он посмеивался; когда союзники пообещали ему помощь, он был счастлив. Но когда ахейцы начали возводить защитную стену, его лицо помрачнело и плечи поникли.

Я любила его, хотя в нем и не было силы и самоотверженности царей Эллады. В Элладе, чтобы удержать свое, мужчине приходится быть очень сильным или иметь брата, который будет силен за двоих. Предки же Приама правили Троей целую вечность. Его народ любил его так, как народы Эллады никогда не любили своих царей, но при этом он относился к своим обязанностям с меньшим усердием, будучи уверен в безопасности своего трона. Слово богов не имело над ним большой власти.

Старик Антенор, царский шурин, не уставал ко мне придирааться; я

ненавидела его больше, чем сам Приам, а это что-то да значит. Когда бы Антенор ни обращал на меня свой взгляд, его мутные от слези глаза пылали злобой. Потом он открывал рот и — начиналось! Почему я отказываюсь прикрыть свои груди? Почему я избила служанку? Почему я не умею того, что положено женам, — ткать и вышивать? Почему мне позволено присутствовать на советах мужей? Почему у меня всегда есть свое мнение, ведь у женщин не должно его быть? Антенору всегда было в чем меня упрекнуть.

Когда стена вдоль берега Геллеспонта была закончена, терпению Приама пришел конец.

— Замолчи, старый болван! — прошипел он. — Агамемнон пришел сюда не для того, чтобы вернуть Елену. Зачем ему и подданным ему царям тратить столько денег только на то, чтобы заполучить женщину, которая покинула Элладу по собственной воле? Агамемнону нужны Троя и Малая Азия, а не Елена. Он хочет построить ахейские колонии на наших землях, хочет набить свои сундуки нашим золотом, хочет пустить через Геллеспонт поток своих кораблей в Понт Эвксинский. Жена моего сына — только предлог, и ничего больше. Вернуть ее означает сыграть Агамемнону на руку, поэтому я больше не желаю слышать от тебя про Елену! Тебе ясно, Антенор?

Антенор опустил глаза и отвесил изысканный поклон.

Государства Малой Азии начали направлять в Трою своих послов; очередное собрание, на которое я пришла, изрядно пополнилось за их счет. Мне не удалось удержать в голове всех названий, таких как Пафлагония, Киликия, Фригия. Некоторые послы значили для Приама больше других, хотя он никому не выказал пренебрежения. Усерднее всего Приам приветствовал посланца Ликийи. Тот был соправителем Ликийи, царствуя вместе со своим двоюродным братом, и его звали Главк. Брата его звали Сарпедон. Парис, которому было приказано присутствовать на собрании, шепотом сообщил мне, что Главк с Сарпедоном были неразлучны, как близнецы, и к тому же любовники. У них не было ни жен, ни наследников. Царям нельзя так поступать.

— Будь уверен, царь Главк, когда мы прогоним ахейцев прочь с наших берегов, Ликия получит большую долю добычи, — со слезами на глазах произнес Приам.

Главк, муж относительно молодой (и очень красивый), улыбнулся.

— Ликия здесь не ради добычи, дядя Приам. Мы с царем Сарпедоном хотим только одного: сокрушить ахейцев и заставить их с визгом обратиться

на свою сторону Эгейского моря. Наша торговля очень важна для нас, поскольку мы занимаем южную часть побережья. Через нас идут торговые пути на север и на юг — к Родосу, Кипру, Сирии и Египту. Ликия связывает всех. Мы считаем, нам следует действовать вместе не из жадности, а по необходимости. Будь уверен, весной ты получишь наши войска и другую помощь: двадцать тысяч воинов в полном вооружении и с запасом провизии.

Слезы закапали на пол: Приам разрыдался с легкостью, как это бывает у стариков, у которых всегда есть в запасе новое горе.

— От всего сердца благодарю вас с Сарпедоном, дорогой мой племянник.

Настал черед остальных; некоторые были также щедры, как Ликия, другие кланчили деньги или привилегии. Приам обещал каждому то, что тот хотел, и число обещанных воинов и другой помощи постепенно росло. Под конец я задала себе вопрос, удержит ли Агамемнон свои позиции, и если да, то как. Весной, когда сквозь тающий снег пробьются крокусы, Приам выстроит на равнине двести тысяч воинов. Мой бывший деверь будет разбит, если только у него не окажется подкрепления или какого-нибудь фокуса в пурпурных складках хитона. Тогда почему я по-прежнему беспокоилась? Потому что я знала свой народ. Дай ахейцу веревку, и он повесит всех в округе. Но никогда не повесится сам. Я знала советников Агамемнона по прежним временам и достаточно долго прожила в Трое, чтобы понять, что в числе придворных царя Приама не было мужей, равных Нестору, Паламеду и Одиссею.

О как скучны были эти собрания! Я ходила на них только потому, что остальная моя жизнь была еще скучнее. Никому, кроме царя, не позволялось сидеть, и уж конечно не женщине. У меня от усталости болели ноги. И пока пафлагонянин, одетый в мягкие вышитые шкуры, нес чепуху на непонятном диалекте, мой взгляд праздно бродил по толпе, пока не упал на мужа, который, видимо, только что вошел. Красавец! Какой красавец!

Он с легкостью пробирался сквозь толпу и был на голову выше всех остальных присутствующих, кроме Гектора, который по обыкновению стоял возле трона. Высокомерие вновь прибывшего выдавало в нем царя, который явно был о себе очень высокого мнения. Я тут же вспомнила Диомеда; у него была такая же грациозная поступь и воинственный вид. Темноволосый и черноглазый, он был богато одет: небрежно накинутый за плечи гиматий был отделан самым красивым мехом, какой я когда-либо видела, — длинным, пушистым, в рыжевато-коричневых пятнах. Подойдя к подножию царского помоста, он поклонился небрежно и холодно, как цари

кланяются тому, чье старшинство им трудно признать.

— Эней! — воскликнул Приам, и в голосе его было что-то странное. — Я искал тебя много дней.

— Ты меня нашел, мой господин, — ответит тот, кого звали Энеем.

— Ты видел ахейцев?

— Еще нет, господин. Я вошел через Дардановы ворота.

Он не напрасно подчеркнул название ворот; теперь я вспомнила, где слышала его имя. Эней был наследником дарданского трона. Его отец, царь Анхис, правил южной частью Трояды из города под названием Лирнесс. Говоря о Дардании, Анхисе или Энее, Приам всегда презрительно фыркал; я сделала вывод, что в Трое все они считались выскочками, хотя Парис рассказывал мне, будто царь Анхис приходился Приаму двоюродным братом и начало обоим царским родам и в Трое, и в Лирнесе положил Дардан.

— Тогда я предлагаю тебе пройти на балкон и взглянуть на Геллеспонт, — Приам не скрывал сарказма.

— Как тебе будет угодно.

Эней на несколько мгновений исчез, вернулся и пожал плечами:

— Судя по всему, они собираются здесь остаться, разве нет?

— Какое прозорливое заключение.

Эней не обратил внимания на издевку.

— Зачем ты меня звал?

— А разве не ясно? Как только Агамемнон вонзит зубы в Троию, придет черед Дардании и Лирнесса. Весной мне понадобятся твои войска, чтобы сокрушить ахейцев.

— Эллада не ссорилась с Дарданией.

— В наши дни Элладе не нужны предлоги. Эллада хочет получить земли, бронзу и золото.

— Что ж, мой господин, сегодня я вижу здесь внушительную армию твоих союзников и считаю, ты можешь сокрушить ахейцев без помощи дарданских воинов. Я приведу армию, когда она будет тебе нужна. Но не этой весной.

— Но она нужна мне этой весной!

— Я в этом сомневаюсь.

Приам ударил по полу скипетром из слоновой кости, изумруд в набалдашнике брызнул зелеными искрами.

— Мне нужны твои воины!

— Я не могу ничего обещать без разрешения царя, своего отца, а он мне такого разрешения не дал.

Не найдясь что сказать, Приам отвернулся.

Как только мы остались наедине, я, изнемогая от любопытства, принялась расспрашивать Париса об этом странном споре.

— Что стоит между твоим отцом и царевичем Энеем?

Парис лениво погладил меня по волосам.

— Соперничество.

— Соперничество? Но один правит Троей, а другой — Дарданией!

— Да, но есть предсказание оракула, согласно которому Энею суждено править Троей. Мой отец боится божественной воли. Эней тоже знает о предсказании, поэтому всегда ведет себя так, словно он наследник. Но если подумать о том, что у моего отца пятьдесят сыновей, то потуги Энея просто смешны. Наверно, предсказание оракула имеет в виду другого Энея, когда-нибудь в будущем.

— Он кажется настоящим мужчиной, — задумчиво проговорила я. — Очень привлекателен.

Голубые глаза, смотревшие на меня, вспыхнули.

— Никогда не забывай, чья ты жена, Елена. Держись от Энея подальше.

Чувства между мной и Парисом остывали. Как такое могло случиться, ведь я влюбилась в него с первого взгляда? И все же это случилось, и вскоре я обнаружила, что, несмотря на страсть ко мне, Парис не может устоять перед страстью к распутству. Или к тому, чтобы резвиться летом на склонах Иды. В то единственное лето, между моим прибытием в Трою и приходом ахейцев, Парис исчез на целых шесть лун. Когда же он наконец вернулся, то даже не извинился! И его не интересовало, как я страдала в его отсутствие.

Некоторые из женщин при дворе делали все возможное, чтобы сделать мое существование невыносимым. Царица Гекаба люто меня ненавидела, считая, что я принесу ее возлюбленному Парису гибель. Жена Гектора, Андромаха, ненавидела меня, ибо я лишила ее титула самой красивой и она умирала от страха, что Гектор попадет под мои чары. Как будто мне было до него дело! Гектор был педантом и занудой, настолько бесхитростным и непробиваемым, что я быстро начала считать его самым скучным человеком при скучном дворе.

Юная царица Кассандра приводила меня в ужас. Она носилась по залам и переходам с развевающимися черными волосами, глазами, в которых застыло безумие, и бледным искаженным лицом. Стоило ей меня увидеть, как она разражалась визгливым потоком самых обидных

обвинений. Я была демоном. Я была конем. Я принесла с собой хаос. Я была в сговоре с Дарданией. Я была в сговоре с Агамемноном. Я стану причиной падения Трои. И так далее. Она расстраивала меня, и царица Гекаба с Андромахой скоро это заметили. И тогда они принялись подстрекать Кассандру поджидать меня; конечно, они надеялись, что я перестану выходить из своих покоев. Но Елена сделана не из того теста. Вместо того чтобы отступить, я взяла себе за привычку (очень для них неудобную) присоединяться к Гекабе, Андромахе и прочим знатым троянкам в покоях для отдыха, где раздражала их, поглаживая свои груди (они действительно великолепны) под их возмущенными взглядами (ни одна из них не осмелилась бы обнажить свою собственную коллекцию фасоли на дне мешка). Когда мне это надоедало, я принималась раздавать оплеухи служанкам, проливать молоко на их унылые ковры и скатерти и вслух рассуждать об изнасилованиях, пожарах и ограблениях. Одним памятным утром я настолько разозлила Андромаху, что она бросилась на меня с кулаками, но быстро поняла, что Елена в юности занималась борьбой и далеко превосходила женщину, воспитанную в холе и неге. Я подставила ей подножку и дала кулаком в глаз, который распух, закрылся и почернел почти на целую луну. Я тайком шептала всем, что это сделал Гектор.

Париса всегда донимали, чтобы он меня приструнил, особенно его мать. Но когда бы он ни собрался увещевать меня или умолять, чтобы я вела себя полюбезнее, я поднимала его на смех и принималась перечислять все то, что мне пришлось вытерпеть от других. Поэтому я и видела Париса все реже и реже.

Ранней зимой троянский двор впервые охватило беспокойство. Прошел слух, что ахейцы покинули берег и совершают набеги на побережье Малой Азии то там, то здесь, круша города, находившиеся на дальнем расстоянии друг от друга. Но когда на берег послали вооруженные до зубов отряды, они обнаружили ахейцев на том же самом месте, готовых выйти за укрепления и дать бой. Шла зима, а разговоры о набегах возникали снова и снова. Один за другим союзники Приама извещали его, что не смогут сдержать обещаний прислать весной армию. Их собственные земли были под угрозой. Тарс, тот, который находится в Киликии, был сожжен, его жители перебиты или проданы в рабство; поля и пастбища на пятьдесят лиг вокруг сожжены, зерно погружено на ахейские корабли, скот забит и закопчен для ахейских желудков в киликийских коптильнях, храмы лишились своих сокровищ, дворец царя Этиона разграблен. Потом

пострадала Мизия. Лесбос послал Мизии помощь и был атакован следующим. Термы сровняли с землей; лесбосцы зализывали раны и спрашивали себя, не выгоднее ли было бы вспомнить свое родство с Элладой и выступить на стороне Агамемнона. Потом, когда пали Приена и Милет в Карии, паника усилилась. Даже Сарпедон с Главком, два царя на одном троне, были вынуждены оставаться дома, в Ликийи.

Мы получали новости о каждом новом ударе весьма неожиданным способом. Глашатай ахейцев вставал напротив Скейских ворот и выкрикивал сообщение для Приама сторожевому на западной смотровой башне. Он говорил, какой город взят, сколько жителей убито, сколько женщин и детей продано в рабство, называл цену награбленного и количество унесенного зерна.

И он всегда заканчивал сообщение одними и теми же словами:

— Скажи Приаму, царю Трои, что меня прислал Ахилл, сын Пелея!

Троянцы боялись упоминать это имя — Ахилл. Весной Приаму пришлось молча мириться с присутствием ахейского лагеря, ни один из союзников не прислал ни воинов, чтобы пополнить ряды его армии, ни денег, чтобы купить наемников у хеттов, в Ассирии или Вавилоне. Троянскую же казну следовало сохранить в неприкосновенности: теперь пошлины за проход через Геллеспонт собирали ахейцы.

И на троянские сердца, и на троянские дома легла серая пелена. И раз я была единственной ахейкой в крепости, все, от Приама до Гекабы, расспрашивали меня о том, кто такой этот Ахилл. Я рассказала им все, что мне удалось вспомнить, но, когда я прибавила, что он всего лишь юноша, пусть и славного рода, они мне не поверили.

Время шло, и страх перед Ахиллом становился все сильнее; от одного упоминания этого имени Приам бледнел. Не боялся его только Гектор. Он сгорал от желания повстречаться с Ахиллом. Каждый раз, когда к Скейским воротам приходил глашатай ахейцев, его глаза загорались, а рука искала кинжал. Эта встреча стала для него таким наваждением, что он приносил жертвы на каждом алтаре, умоляя богов дать ему шанс убить Ахилла. Когда же он в очередной раз донимал меня расспросами, то отказывался верить моим ответам.

Осенью на второй год Гектор потерял терпение и начал упрашивать отца разрешить ему вывести троянскую армию за городские стены.

Приам устался на него, словно его наследник сошел с ума.

— Нет, Гектор.

— Мой господин, наши разведчики донесли, что ахейцы оставили на берегу меньше половины своего войска! Мы разобьем их! И тогда армии

Ахилла придется вернуться к Трое! И мы разобьем и его!

— Или будем разбиты сами.

— Мой господин, у нас больше воинов!

— Я в это не верю.

Сжав кулаки, Гектор приводил все новые доводы, убеждая запуганного старика в своей правоте.

— Тогда, мой господин, разреши мне пойти в Лирнесс за Энеем. Если к нашим воинам добавить дарданских, то мы превзойдем числом Агамемнона!

— Энею нет дела до наших бед.

— Меня Эней слушает, отец.

Приам выпрямился, разгневанный.

— Разрешить своему сыну и наследнику о чем-то просить у дарданцев? Гектор, ты потерял рассудок! Я скорее умру, чем пойду на поклон к Энею!

И в этот самый момент я увидела его самого. Эней только что вошел в тронный зал, но успел услышать разговор на помосте. Уголки его рта поползли вниз; он переводил непроницаемый взгляд с Гектора на Приама. Потом он повернулся и вышел, прежде чем его заметит кто-нибудь важный — я важной не была!

— Мой господин, — в голосе Гектора звучало отчаяние, — ты не можешь заставить нас вечно скрываться за этими стенами! Ахейцы намерены превратить наших союзников в пепел! Наше богатство тает, ведь привычных доходов у нас больше нет, а закупка провизии обходится все дороже. Если ты не позволяешь вывести за стены всю армию, то позволь хотя бы делать набеги малым числом, чтобы заставить их прекратить наглые походы к нашим стенам и оскорблять нас!

Приам заколебался. Он уронил подбородок на руку и надолго задумался. Потом он со вздохом сказал:

— Хорошо. Начинай обучать воинов. Если ты убедишь меня в том, что этот план неглуп, будь по-твоему.

Гектор просиял:

— Мы не разочаруем тебя, мой господин.

— Надеюсь, — устало ответил Приам.

Кто-то из присутствовавших в тронном зале рассмеялся. Я удивленно оглянулась по сторонам: надо же, а я-то думала, что Парис снова куда-то исчез. Но нет, он был здесь, хохотал как безумный. Лицо Гектора потемнело, он шагнул вниз с помоста и протиснулся сквозь толпу.

— Что тебя так развеселило, Парис?

Мой муж немного пришел в себя и обхватил Гектора за плечи.

— Ты, Гектор, ты! Хлопочешь о сражениях, когда у тебя дома такая милая жена. Как ты можешь предпочитать войну женщинам?

— Я, — уверенно отвечал Гектор, — мужчина, Парис, а не смазливый мальчишка.

Я окаменела. Мой муж был не просто глупцом, он был трусом. О, какое унижение! Чувствуя на себе презрительные взгляды, я вышла вон.

Мы с Парисом — двое смазливых глупцов. Я променяла трон, свободу, детей — почему же я так мало по ним скучала? — на жизнь в тюрьме со смазливym глупцом, который к тому же был трусом. Почему я так мало по ним скучала? Ответ был прост. Они принадлежали Менелая, а где-то в глубине моего сознания Менелай, наши дети и Парис слились в одно ненавистное мне целое. Есть ли для женщины худшая доля, чем знать, что ни один мужчина в ее жизни ее не достоин?

Нуждаясь в свежем воздухе, я вышла во двор за своими покоями и принялась ходить взад-вперед, пока боль не утихла. Потом, быстро повернувшись, я с размаху налетела на человека, шедшего в противоположную сторону. Мы инстинктивно вытянули руки вперед; на мгновение он задержался, с любопытством глядя мне в лицо; в его темных глазах сверкали искорки гнева.

— Ты, должно быть, Елена.

— А ты — Эней.

— Да.

— Ты нечасто приходишь в Трою, — сказала я, с удовольствием на него глядя.

— Ты можешь сказать, зачем мне приходить чаще?

Притворяться не стоило. Я улыбнулась:

— Нет.

— Мне нравится твоя улыбка, но ты злишься. Почему?

— Это мое дело.

— Поссорилась с Парисом?

— Вовсе нет. — Я покачала головой. — Поссориться с Парисом так же трудно, как схватить ртуть.

— Ты права.

И он принялся ласкать мою левую грудь.

— Какая интересная мода — выставять их напоказ. Они воспаляют мужчин, Елена.

Мои ресницы опустились, уголки рта поползли вверх.

— Я буду это знать.

Мой голос прозвучал тише. В ожидании поцелуя я наклонилась к нему, по-прежнему закрыв глаза. Но когда, ничего не почувствовав, я их открыла, то обнаружила, что он исчез.

Забыв про скуку, я направилась на очередной совет, намереваясь соблазнить Энея. Но его там не оказалось. Когда я осторожно спросила Гектора, куда делся его дарданский двоюродный брат, он ответил, что Эней ночью запряг лошадей и уехал домой.

Глава семнадцатая, рассказанная Патроком

Угрюмо прижавшись спиной к горам хеттов, государства Малой Азии зализывали свои раны. Они одинаково боялись и двинуться к Трое, и объединить свои силы где-нибудь в одном месте, ибо понятия не имели, куда мы, ахейцы, ударим в следующий раз. Мы нанесли им поражение, едва отправившись в свой первый поход: у нас были все преимущества, мы плыли вдоль побережья на таком расстоянии, чтобы нас невозможно было заметить с земли, предупреждая всякое их передвижение, — в краю речных долин, затерявшихся среди извилистых горных хребтов, пробираться между разрозненными поселениями было не так-то просто. Народы Малой Азии общались между собой по морю, а морем правили мы.

В первый год мы перехватили множество кораблей, везущих в Трою оружие и припасы, но как только посылавшие их поняли, что это было на руку ахейцам, а не троянцам, караваны ходить перестали. Мы слишком превосходили их числом; ни один из городов, разбросанных по длинному побережью, не мог выставить против нас силы, достаточные, чтобы победить нас в битве; городские стены не могли помешать нам врываться внутрь. За два года мы разграбили десять городов, от Тарса, который находится за Родосом, в Киликии, до городов Мизии и Лесбоса, неподалеку от Трои.

Когда мы пускались в плавание, Феникс перепоручал командование линией сообщения между Ассом и Троей своему заместителю и отправлялся с нами, ведя двести пустых кораблей для добычи. Когда дым сожженного города выветривался из наших парусов, их брюхо тяжело оседало в воду, а корабли, везшие воинов, трескали от избытка трофеев. Ахилл был беспощаден. Позади не оставалось никого, кто мог бы возглавить будущее сопротивление. Тех, кого мы не могли угнать в рабство или продать в Египет или Вавилон, мы убивали: старух и стариков, от которых никому не было никакой пользы. Его имя заслужило дурную славу на побережье, и в глубине сердца я не мог осудить их за ненависть к Ахиллу.

Мы вступали в свой третий год в Троаде; таял снег, на деревьях набухли почки; Асс зашевелился и медленно пробуждался к жизни. Мы не знали ни ссор, ни разногласий, ибо давно позабыли о том, чтобы хранить

верность кому-то еще, кроме Ахилла и Второй армии.

В Ассе было расквартировано шестьдесят пять тысяч мужей: костяк из двадцати тысяч ветеранов, которые никогда не уезжали к Трое, еще тридцать тысяч из тех, кто оставался с нами на сезон кампании, и еще пятнадцать тысяч торговцев и ремесленников всякого толка, некоторые из которых жили в Ассе круглый год. Один из наших постоянных вождей всегда оставался в Ассе на случай нападения дарданцев, когда флот отправлялся в поход; даже Аякс отбыл свою очередь, но Ахилл всегда отплывал с флотом. Поскольку я всегда был при Ахилле, то я отправлялся вместе с ним. Он был жестоким вождем, из тех, которые никогда никого не щадят и не слушают мольбы побежденных. Стоило ему надеть доспехи, как он становился холоден, как Борея,^[18] и так же неумолим. Целью нашего существования, говорил он нам, было утвердить превосходство Эллады и уничтожить все сопротивление к тому дню, когда ахейские государства начнут отправлять избыток своих граждан колонизировать Малую Азию.

Когда мы вошли в гавань Асса после зимнего похода на Ликию (похоже, у Ахилла был договор с морскими богами, ибо наши плавания зимой были так же благополучны, как и летом), Аякс приветствовал нас, стоя на берегу и радостно размахивая руками в знак того, что в наше отсутствие поселению никто не угрожал, а ему не терпится вернуться к войне. Весна была в разгаре, ноги по щиколотку утопали в траве, на лугах распустились ранние цветы, лошади резвились на пастбищах, сладкий воздух кружил голову, как неразбавленное вино. Наполняя грудь запахом дома, мы вскарабкались на борт, чтобы спрыгнуть на пляжную гальку.

Потом мы разделились, договорившись встретиться позже. Аякс отправился с Малым Аяксом и Тевкром, обняв их своими могучими руками, в то время как Мерион пошел вперед в компании своего критского превосходства. Я вышагивал рядом с Ахиллом, радуясь возвращению. В наше отсутствие женщины трудились не покладая рук: бледно-зеленые ростки на грядках обещали травы и овощи для готовки, наши головы украсились венками цветов. Асс был приятным местом, совсем не похожим на мрачный военный лагерь, который Агамемнон выстроил перед Троей. Казармы были разбросаны среди куп деревьев, и улочки извивались, как в самом обычном городе. Конечно, у нас была защита. Нас окружала стена в двадцать локтей высотой с частоколом и рвом, усердно охраняемая даже в самые холодные зимние луны. Впрочем, мы не боялись, что наш ближайший противник, Дардания, проявит к нам какой-нибудь интерес: ходили слухи, что ее царь Эней был на ножах с Приамом.

В лагере было полно женщин, многие из них должны были вот-вот

родить, и зимой нас захлестнула лавина младенцев. Мне было приятно смотреть на них и их матерей, ибо они смягчали боль битв и пустоту, которые несли убийства. Однако среди этих младенцев не было ни одного ни от меня, ни от Ахилла. Я считал женщин любопытными созданиями, хотя они меня и не привлекали. Все женщины были захвачены с помощью наших мечей, но как только проходили первый шок и растерянность, им, судя по всему, удавалось забыть свою прошлую жизнь, какой бы она ни была, и мужей, которых они когда-то любили; они были готовы любить снова, создавать новые семьи и выходить замуж по ахейским законам. Что ж, они не были воинами. Они — воинская добыча. Полагаю, матери учат их превратностям женской доли, когда они еще маленькие девочки. Женщины созданы вить гнезда, поэтому гнездо для них важнее всего. Конечно, всегда находились такие, которые не могли забыть своих мужей, продолжали заливаться слезами и носить траур; они в Ассе не задерживались, их отправляли на полевые работы, копать в жирной, глинистой земле там, где Евфрат почти сливается с Тигром. Там они и умирали в конце концов, верные своему горю.

Самая большая комната в нашем доме служила одновременно и гостиной, и залом для советов. Мы с Ахиллом прошли внутрь вместе, плечо к плечу, чуть-чуть не задев за дверной проем с обеих сторон. Замечая это, я всегда чувствовал острое удовольствие, словно это свидетельствовало о том, кем и чем мы стали. Вождями, повелителями.

Я снял доспехи сам, тогда как Ахилл доверил себя раздеть женщинам, возвышаясь над ними, как башня, пока они возились с завязками и узлами и кудахтали над длинной полосой полузажившей раны, черневшей у него на бедре. Я никогда не мог переступить через себя и позволить рабыням себя раздевать: я помнил, какие у них были лица, когда мы выбирали их из своей доли трофеев. Но Ахилла это не волновало ни капли. Он позволил им снять с него меч и кинжал, по-видимому не понимая, что одна из них могла повернуть оружие в руке и убить его, пока он беззащитен. Я посмотрел на них с подозрением, но должен был признать, что такая возможность была крайне мала. От самой младшей до самой старшей, все они были в него влюблены. Нас уже ждали ванны с горячей водой, свежие набедренные повязки и чистые хитоны.

Потом, когда было налито вино и со стола исчезли остатки еды, Ахилл отпустил женщин и со вздохом лег на спину. Мы оба устали, но пытаться уснуть было напрасно — в окна светило солнце и, вероятнее всего, скоро к нам придут друзья.

Весь день Ахилл был очень молчалив — ничего необычного, если не

считать, что его сегодняшнее молчание говорило об отдалении от меня. Мне не нравилось, когда у него было такое настроение. Он словно уходил куда-то, куда я не мог за ним последовать, в свой собственный мир, оставляя меня тщетно рыдать у ворот. Поэтому я наклонился к нему и дотронулся до его руки, вложив в свои пальцы больше силы, чем рассчитывал.

— Ахилл, ты едва притронулся к вину.

— У меня нет желания его пить.

— Ты болен?

Этот вопрос его удивил.

— Нет. Разве отказ от вина — признак того, что я заболел?

— Нет, скорее признак дурного настроения.

Он глубоко вздохнул и стал переводить взгляд с одной стены на другую.

— Я люблю эту комнату больше всех, в которых жил раньше. Она принадлежит мне. Здесь нет ни одной вещи, которую я не завоевал бы своим мечом. Здесь все говорит мне, что я — Ахилл, а не сын Пелея.

— Да, комната красивая, — согласился я.

Он нахмурился:

— Красота служит для услаждения чувств, и я презираю ее как слабость. Нет, я люблю эту комнату потому, что она — трофей.

— Роскошный трофей. — Я сделал еще одну попытку.

Он не обратил на нее внимания, бродя мыслями где-то в другом месте; я снова попытался его вернуть:

— Даже спустя столько лет я так и научился понимать некоторые вещи, о которых ты говоришь. Ведь ты же ценишь красоту хоть в чем-то? Жить, считая ее слабостью, Ахилл, — это не жизнь.

Он заворчал:

— Мне все равно, как я живу и сколько моя жизнь продлится, если я завоюю славу. Люди должны вечно помнить меня, после того как меня положат в могилу.

Его настроение качнулось в другую сторону.

— Ты считаешь, я иду к славе ложным путем?

— Это только боги могут решить, — ответил я. — Ты не гневил их: не убивал ни женщин, пригодных для деторождения, ни детей, слишком юных, чтобы носить оружие. Угонять их в неволю — не грех. Ты не брал города, моря голодом их жителей. Если рука у тебя тяжела, то в этом нет преступления. Я мягче, чем ты, вот и все.

Он слабо улыбнулся:

— Патрокл, ты себя недооцениваешь. Возьми в руку меч, и ты увидишь, ты так же крепок, как и любой из нас.

— Битвы — дело другое. В битве я могу убивать без жалости. Но иногда мне снятся мрачные и тяжелые сны.

— Мне тоже. Ифигения прокляла меня перед смертью.

Не в силах поддерживать разговор, он умолк; мне нравилось смотреть на него, это было самое любимое мое занятие. Многого в нем я не мог постичь, но если кто-нибудь и знал Ахилла, то это был я. Он обладал способностью влюблять в себя людей, будь то мирмидоняне, или пленные рабыни, или я, если уж на то пошло. Но причина этого была не в его физической привлекательности; причина была в широте его духа, которой другие мужи редко обладали в достаточной мере.

С тех пор как мы отправились в плавание из Авлиды три года назад, он стал невероятно замкнутым; иногда я гадал, сможет ли жена узнать его, когда они снова встретятся. Конечно, причиной его тревог была смерть Ифигении, и я разделял их и понимал. Но я не знал ни куда уходят его мысли, ни что таится в их глубине.

Внезапный вздох холодного ветра всколыхнул занавеси по обеим сторонам окна. Я поежился. Ахилл по-прежнему лежал на боку, подперев рукой голову, но выражение его лица изменилось. Я громко позвал его. Он не ответил.

Встревожившись, я спрыгнул со своего ложа и присел на край его постели. Положил руку на его обнаженное плечо, но он этого не почувствовал. С бьющимся сердцем я посмотрел на кожу под своей ладонью, наклонился, и мои губы коснулись ее; слезы брызнули у меня из глаз так быстро, что одна упала на его руку. Я отпрянул в смнении, а в это время он повернул голову и посмотрел на меня — в его взгляде была какая-то недосказанность, словно именно в этот момент он впервые увидел настоящего Патрокла.

Он открыл свой бедный безгубый рот, чтобы что-то сказать, но так ничего и не сказал. Его глаза устремились к открытой двери, и он произнес:

— Мать.

Я с ужасом увидел, как у него изо рта потекла слюна, его левая рука задержалась, левая половина лица перекосилась. Потом он упал с ложа на пол и одеревенел, выгнув дугой спину и закатив глаза, так что я подумал, что он умирает. Я рухнул на пол рядом с ним, чтобы поддержать его, дожидаясь, пока почерневшее лицо не станет хотя бы серым, подергивание прекратится и он оживет. Когда все прекратилось, я вытер слюну у него с подбородка, устроил его поудобнее у себя на коленях и погладил намоченные

от пота волосы.

— Ахилл, что это было?

Он посмотрел на меня затуманенным взглядом, постепенно узнавая. Потом вздохнул, как уставший ребенок.

— Это была мать со своим мороком. Мне кажется, я весь день чувствовал, что она придет.

Морок! Это и был морок? Для меня он больше походил на эпилептический припадок, хотя люди, страдающие подобной болезнью, которых я знал, всегда постепенно теряли рассудок, пока слабоумие не овладевало ими до конца; вскоре после этого они умирали. Чем бы ни страдал Ахилл, это не повлияло на его ум и морок не стал приходить к нему чаще. Думаю, это был первый после того, на Скиросе.

— Зачем она приходила, Ахилл?

— Чтобы напомнить мне о том, что меня ждет смерть.

— Не говори так! Откуда ты знаешь?

Я помог ему подняться, уложил на ложе и сел рядом.

— Я видел, что делает с тобой морок, Ахилл, и это очень напоминает эпилепсию.

— Может быть, это и есть эпилепсия. Если так, то мать насылает ее на меня, чтобы напомнить мне о том, что я смертен. И она права. Я должен умереть до того, как падет Троя. Морок — это вкус смерти, призрачного существования без тревог и чувств.

Он втянул ртом воздух.

— В молодости и славе или в старости и забвении. Здесь не из чего выбирать, но она этого не видит. Ее посещения в виде морока ничего не изменяют. Я сделал свой выбор на Скиросе.

Я отвернулся и положил голову на его руку.

— Не оплакивай меня, Патрокл. Я выбрал ту судьбу, какую хотел.

Я быстро провел рукой по глазам.

— Я оплакиваю не тебя. Я оплакиваю себя.

Хотя я и не смотрел на него, я почувствовал перемену.

— У нас общая кровь, — сказал он. — Как раз перед тем, как мной овладел морок, я увидел в тебе что-то такое, чего не видел никогда раньше.

— Мою любовь к тебе. — У меня сжалось горло.

— Да. Мне очень жаль. Должно быть, я много раз причинял тебе боль, не понимая этого. Но почему ты плачешь?

— Когда на любовь не отвечают, мы плачем.

Он сел на ложе и протянул ко мне обе руки.

— Патрокл, я отвечаю на твою любовь. Всегда отвечал.

— Но ты не из тех мужей, которые любят мужчин, а мне нужна именно такая любовь.

— Может, так и было бы, выбери я жизнь долгую и безвестную. Но все так, как есть, и к чему бы это ни привело, мне вовсе не претит заняться с тобой любовью. Мы оба изгнанники, и мне будет очень приятно, если наша плоть разделит это изгнание так же, как и наш дух.

Так мы стали любовниками, хотя я и не достиг того экстаза, о котором мечтал. Но разве можно мечту сделать явью? Ахилла обуревало много страстей, но удовлетворение плоти никогда не было одной из них. Не важно. Я имел его больше, чем любая женщина, и, по крайней мере, получал удовольствие. Смысл любви не в том, чтобы владеть чьим-то телом. Смысл любви — в свободе странствовать по сердцу и мыслям возлюбленного.

Прошло пять лет, прежде чем мы навестили Трои и Агамемнона. Конечно же, я поехал с Ахиллом; еще он взял Аякса и Мериона. Время для такого визита давно пришло, но, по-моему, он так и не отправился бы туда, если бы ему не нужно было посоветоваться с Одиссеем. Государства Малой Азии стали осмотрительнее и шли на всякие хитрости, чтобы предвосхитить наши нападения.

Длинный скалистый берег между Симоисом и Скамандром ничем не напоминал то место, которое мы покинули больше четырех лет назад. Его беспорядочный временный дух сменился основательностью и четким замыслом. Умело сконструированные укрепления содержались в полном порядке. В лагерь было два входа: один у Скамандра, другой у Симоиса, где через ров были переброшены каменные мосты и в стене зияли большие ворота.

Аякс с Мерионом высадились со стороны Симоиса, а мы с Ахиллом вошли через Скамандр, обнаружив казармы, построенные, чтобы разместить мирмидонян по их возвращении. Мы шли по главной дороге, пересекавшей весь лагерь, ища новый дом Агамемнона, который, как нам говорили, был более чем великолепен.

Одни воины залечивали раны, сидя на солнце, другие весело насвистывали, натирая маслом кожаные доспехи или полируя бронзу, некоторые занимались тем, что выщипывали пурпурные гребни с троянских шлемов, чтобы самим надевать их во время битвы. Царившие вокруг оживление и довольство говорили о том, что войска, оставшиеся под Троей, отнюдь не сидели без дела.

Когда мы подошли к дому Агамемнона, Одиссей как раз выходил

оттуда. Увидев нас, он прислонил копье к колонне портика и с широкой улыбкой распахнул нам объятия. На его крепком теле виднелись два-три свежих шрама — как он их получил, в открытой битве или во время одной из ночных прогулок? Он — единственный из известных мне хитрецов, который никогда не боялся рискнуть жизнью в жарком бою. Может быть, в этом была виновата его рыжина, а может, он был настолько убежден в покровительстве Афины Паллады, что считал себя неуязвимым.

— Давно пора! — воскликнул он, обнимая нас.

И добавил, обращаясь к Ахиллу:

— Герой-завоеватель!

— Едва ли. Прибрежные города научились предупреждать мои набеги.

— Об этом поговорим потом. — Он повернулся, чтобы проводить нас внутрь. — Я должен поблагодарить тебя за твою предупредительность, Ахилл. Ты посылаешь нам щедрую долю добычи и прекрасных женщин.

— Мы, в Ассе, не жадничаем. Но похоже, у вас тут тоже кое-что происходит. Много сражений?

— Достаточно, чтобы держать всех в форме. Гектор и его дерзкие вылазки.

Ахилл внезапно насторожился.

— Гектор?

— Наследник Приама и вождь троянцев.

Агамемнон оказал нам самый любезный прием, но не сделал никаких попыток пригласить нас остаться и провести с ним утро. Ахиллу это все равно не пришлось бы по душе; услышав один раз имя Гектора, он жаждал узнать про него побольше и знал, что Агамемнон — не тот человек, которому стоит задавать вопросы.

Никто из них особенно не изменился и не постарел, если не считать пары новых боевых шрамов. Нестор, пожалуй, выглядел моложе, чем в прежние времена. Полагаю, он был в своей стихии, одолеваемый хлопотами и необходимостью действовать. Идомей стал подвижнее, что благотворно сказалось на его фигуре. Только на Менелая жизнь в военном лагере не подействовала в лучшую сторону; бедняга по-прежнему скучал по Елене.

Мы остановились в доме Одиссея и Диомеда, которые тоже стали любовниками. Отчасти по расчету, отчасти по полной взаимной симпатии. Когда мужчины ведут такую жизнь, как мы, женщины только все усложняют, кроме того, для Одиссея не существовало других женщин, кроме Пенелопы, хотя из его рассказов следовало, что он не гнушался соблазнять троянок, чтобы выудить нужные сведения. Нам с Ахиллом

рассказали о существовании поселения лазутчиков — вещь удивительная сама по себе. Мы никогда не слышали о нем ни слова.

— Это просто чудо, — произнес Ахилл. — О боги, если бы они только знали! Я понятия об этом не имел, как и никто из тех, с кем я общаюсь.

— Даже Агамемнону ничего не известно, — сказал Одиссей.

— Из-за Калханта?

— Ты проницателен, Патрокл. Я не доверяю этому человеку.

— Ну, ни он, ни Агамемнон от нас ничего не узнают, — заявил Ахилл.

Весь месяц, который мы провели у Трои, Ахилл думал только об одном — о встрече с Гектором.

— Лучше забудь об этом, дружище, — сказал Нестор в конце вечерней трапезы, которую Агамемнон устроил в нашу честь. — Ты можешь проболтаться здесь все лето, но Гектора так и не встретить. Его вылазки крайне беспорядочны. Их нельзя предугадать, несмотря на чудесные способности Одиссея узнавать, что происходит в Трое. И в данный момент мы сами никаких атак не готовим.

— Атак? — Ахилл насторожился. — Вы собираетесь взять город в мое отсутствие?

— Нет-нет! — воскликнул Нестор. — Мы не можем напасть на Трою, даже если бы Западный барьер завтра рассыпался в прах. Ты сам хорошо знаешь, лучшая часть нашей армии стоит у тебя в Ассе. Возвращайся туда! Не жди здесь, надеясь сразиться с Гектором.

— Нет никакой надежды на то, что Троя падет в твоё отсутствие, царевич Ахилл, — произнес вкрадчивый голос у нас за спиной: Калхант.

— О чем ты говоришь? — спросил Ахилл, заметно встревоженный косым взглядом розовых глаз.

— Троя не сможет пасть в твоё отсутствие. Таково пророчество оракула.

Он двинулся прочь; его пурпурное одеяние переливалось золотом и драгоценными камнями. Одиссей правильно поступал, храня некоторые свои действия в секрете. Жрец пользовался огромным расположением нашего верховного царя, его палаты (дверь в дверь с жилищем Агамемнона) отличались великолепиями, и он имел право выбирать любую из женщин, которых мы присылали из Асса. Идоменей был в такой ярости, когда Калхант перехватил у него понравившуюся ему женщину, что обратился к совету и заставил Агамемнона забрать ее у жреца и отдать своему вождю.

Ахилл покинул Трою разочарованным. И как оказалось, Аякс тоже. Они оба бродили по ветреной троянской равнине, надеясь выманить

Гектора, но тот так и не показался, как и троянское войско.

Годы неумолимо катились, мало что меняя. Государства Малой Азии постепенно превращались в прах, а рынки рабов по всей ойкумене были переполнены ликийцами, карийцами, киликийцами и людьми из дюжины других племен. Навуходоносор брал всех, кого нам случалось отправлять в Вавилон, Тиглатпаласар, царь Ассирии, скупал их тысячами, напрочь позабыв об узах, которые связывали его с Троей и хеттами. Не было ни одного царства, которому рабов было бы достаточно, и прошло уже много времени с тех пор, как последняя война открывала такой полноводный их источник, какой открыл Ахилл.

Даже помимо походов наша жизнь не всегда была мирной. Временами мать Ахилла истязала его своими гнусными чарами несколько дней подряд; потом она уходила куда-то в другие края и оставляла его в покое на много лун. Но я научился облегчать муки, которые он испытывал, когда им овладевал морок; теперь он зависел от меня во всем. А может ли быть что-нибудь отраднее, чем знать, что твой возлюбленный зависит от тебя?

Однажды пришел корабль из Иолка с посланиями от Пелея, Ликомеда и Деидамии. Благодаря стабильному притоку в Эгейское море бронзы и других товаров из нашей добычи дела дома шли самым лучшим образом. Пока Малая Азия истекала кровью, Эллада лоснилась от жира. Пелей говорил, будто в Афинах и Коринфе собирались первые колонисты.

Для Ахилла самыми важными были новости о его сыне, Неоптолеме. Он стремительно приближался к зрелости! И куда бегут годы? Деидамия говорила, что мальчик стал почти таким же высоким, как его отец, и проявлял склонность к битвам и оружию. Хотя нрава он был более дикого, любил странствовать и мог похвастаться тысячей покоренных женских сердец, не говоря о вспыльчивости и склонности пить слишком много неразбавленного вина. По словам Деидамии, ему должно скоро исполниться шестнадцать.

— Я передам Деидамии с Ликомедом, чтобы они отослали мальчика к моему отцу, — сказал Ахилл, отпустив посланца. — Ему нужна мужская рука.

Его лицо исказилось.

— О Патрокл, какие сыновья были бы у нас с Ифигенией!

Да, это по-прежнему снесало его, по-моему, даже больше, чем его мать с ее мороком.

Нам понадобилось девять лет, чтобы уничтожить Малую Азию. К

концу девятого года нам больше нечего было делать. В Колофон и Аппас шли корабли, полные колонистов, жаждавших начать новую жизнь на новом месте. Одни начинали заниматься земледелием, другие — ремеслами, некоторые уходили дальше на восток или на север. Для нас, костяка Второй армии в Ассе, это не имело значения. Наше задание было выполнено, оставалось только напасть на Лирнесс, сердце Дарданского царства.

Глава восемнадцатая, рассказанная Ахиллом

Дардания была расположена ближе к Ассу, чем любое другое государство Малой Азии, но я намеренно не трогал ее все эти девять лет, за которые мы превратили прибрежные города в руины. Одна причина была в том, что это была внутренняя территория, имевшая общую границу с Троей; вторая же причина была более тонкая: я хотел внушить дарданцам ложное чувство безопасности, заставить их поверить, будто расстояние от них до моря обеспечивало им неприкосновенность. Кроме того, Дардания не доверяла Трое. Пока я их не трогал, старый царь Анхис со своим сыном Энеем держались от Трои в стороне.

Теперь пришла пора заняться и этими землями. Вторжение в Дарданию было делом решенным. Вместо обычного долгого похода я подготовил своих воинов к стремительному броску: даже если Эней ожидает нападения, он решит, что мы морем обогнем край полуострова и высадимся на побережье напротив Лесбоса. Оттуда до Лирнесса был всего один переход в пятнадцать лиг. Я же решил выступить по суше прямо из Асса — почти сто лиг по дикой местности, через склоны горы Иды, и вниз в плодородную долину, где лежал Лирнесс.

Одиссей дал мне обученных лазутчиков, чтобы те разведали путь; они сообщили, что та местность густо поросла лесом, что на пути нам встретится несколько ферм и что сезон для выпаса уже закончился, поэтому вряд ли нам попадется на пути много пастухов. Мы приготовили меха и крепкую обувь — Ида уже наполовину покрылась снегом, и не исключено, что нас ждет метель. По моим подсчетам, нам предстояло проходить около четырех лиг в день; на двадцатый день наша цель должна быть перед нами. На пятнадцатый день из этих двадцати старый Феникс, начальник моего флота, должен был направить корабли в заброшенную гавань Адрамиттия, ближайший порт в той части побережья. Никакого сопротивления мы не боялись. В начале года я сжег Адрамиттий и сровнял его с землей — во второй раз.

Мы выступили тихо, и дни перехода не были отмечены никакими происшествиями. На заснеженных холмах не замешкался ни один пастух, чтобы помчаться в Лирнесс с известиями о нашем приближении. Безмятежный пейзаж принадлежал только нам, и наше путешествие

оказалось легче, чем ожидалось. Поэтому уже на шестнадцатый день мы подошли к городу на достаточно близкое расстояние, чтобы послать лазутчиков. Я приказал остановиться и запретил разжигать костры, пока не выяснится, заметили нас или нет.

Я привык сам ходить в последнюю разведку, поэтому отправился вперед пешком и в одиночку, несмотря на протесты Патрокла, который иногда напоминал мне квохчущую наседку. Ну почему любовь порождает собственничество и настолько ограничивает свободу?

Пройдя не больше трех лиг, я поднялся на холм и увидел под собой Лирнесс, раскинувшийся вдаль и вширь, с добротными прочными стенами и высокой крепостью. Какое-то время я вглядывался в него, сопоставляя то, что видел, с тем, что рассказывали лазутчики Одиссея. Нет, штурм предстоит нелегкий, хотя он не будет и вполтину так труден, как штурм Смирны или Гипоплакийских Фив.

Уступая искушению, я немного спустился по склону, радуясь, что он был с подветренной стороны и почти бесснежный, а земля удивительным образом сохранила тепло. Ахилл, это ошибка! Едва успев это себе сказать, я почти наступил на него. Он ловко откатился в сторону, одним гибким движением вскочил на ноги, отбежал на недоступное копыю расстояние и остановился, чтобы меня рассмотреть. Мне вспомнился Диомед: этот муж с виду казался таким же беспощадным и по-кошачьи хитрым, а по его одежде и манере держаться я понял, что он был высокого рода. Выслушав и запомнив в свое время список всех троянских вождей и вождей их союзников, который Одиссей составил для нас и передал через посланцев, я решил, что передо мной был Эней.

— Я — Эней, и я безоружен! — воскликнул он.

— Очень жаль, дарданец! Я — Ахилл, и я вооружен!

Он поднял брови, не обратив внимания на мое заявление.

— Воистину, в жизни осмотрительного мужа есть времена, когда быть отважным означает быть осторожным! До встречи в Лирнессе!

Я был силен в беге, поэтому припустил за ним, намереваясь его догнать. Но он был очень проворен и в отличие от меня знал местность. Поэтому он заманил меня в терновые заросли, из которых мне пришлось выбираться по земле, испещренной лисьими и кроличьими норами, и наконец привел к широкому речному броду, который он уверенно перемахнул по скрытым камням, в то время как мне приходилось останавливаться на каждом и искать следующий. Я потерял его и остановился, проклиная собственную глупость. У Лирнесса был целый день, чтобы подготовиться к нашей атаке.

Я приказал выступать, как только занялся рассвет, настроение у меня было мрачное. Долину Лирнесса запрудили тридцать тысяч человек, облепив городские стены. Навстречу им полетел дождь из дротиков и стрел, но они приняли их на щиты, как и были обучены, и не понесли никаких потерь. Мне показалось, что за укреплениями не так уж и много сил, и я задавался вопросом, не были ли дарданцы племенем слабаков. Хотя Эней вовсе не выглядел вождем вырождающегося народа.

К стенам приставили лестницы. Ведя за собой мирмидонян, я достиг узкой тропы на вершине стены, не повстречав по пути ни камня, ни кувшина с кипящим маслом. Когда ко мне подбежала горстка защитников, я сразил их секирой, даже не подумав позвать подмогу. Мы с удивительной легкостью побеждали по всей линии наступления и скоро поняли почему. Нашими противниками были старики и мальчишки.

Я узнал, что Эней, вернувшись накануне в город, немедленно созвал всех своих воинов. Но не для того, чтобы дать мне бой. Он забрал армию и удрал в Трою.

— Похоже, у дарданцев есть свой Одиссей, — сказал я Патроклу с Аяксом. — Ну и лиса! У Приама будет на двадцать тысяч воинов больше и свой Одиссей в придачу. Будем надеяться, что стариковское предубеждение не позволит ему разглядеть Энея по-настоящему.

Глава девятнадцатая, рассказанная Брисеидой

Лирнесс умер, свернув крылья и разбросав перья по разоренным улицам с пронзительным криком — словно все женские крики слились в один. Мы поручили Энея заботам его божественной матери Афродиты, радуясь, что у него есть возможность спасти нашу армию. Все граждане согласились, что это единственное, что можно сделать, чтобы по крайней мере часть Дардании продолжала жить и сопротивляться ахейцам.

Узловатые старческие руки доставали из сундуков старинные доспехи, дрожа от усилия; мальчишки с бледными лицами надевали игрушечные латы — латы, не предназначенные для того, чтобы держать удар бронзового клинка. Конечно, они погибли. Почтенные бороды намокли от дарданской крови, военный клич маленьких воинов сменился всхлипываниями маленьких мальчиков, рыдавших от ужаса. Мой отец даже отнял у меня мой кинжал, со слезами на глазах объяснив, что не может оставить мне средство избежать рабства; он был нужен для боя, как и кинжалы других женщин.

Я стояла у окна, беспомощно наблюдая, как умирает Лирнесс, моля Артемиду, милостивую дочь Лето, направить свою стрелу прямо мне в сердце, заглушить его биение прежде, чем какой-нибудь ахеец овладеет мной и отправит на невольничий рынок в Хаттусу или Ниневию. Наше жалкое сопротивление беспощадно подавлялось, и наконец между мной и бурлящей массой закованных в бронзу воинов, выше ростом и светлее лицом, чем дарданцы, остались только стены крепости. Свет померк для меня. Единственным моим утешением было то, что Эней с армией были в безопасности. Как и наш дорогой старый царь Анхис, который в молодости был так красив, что в него влюбилась сама Афродита и родила от него Энея. Он, как всякий хороший сын, отказался оставить отца. Не бросил он и жену, Креусу, со своим маленьким сыном Асканием.

Несмотря на то что я не могла заставить себя отойти от окна, я слышала, как в задних комнатах готовятся к битве, — до меня доносилось топанье старых ног, хриплый торопливый шепот. Там был и мой отец. Только жрецы остались молиться у жертвенников, хотя верховный жрец Аполлона, мой дядя Хрис, предпочел сбросить жреческое одеяние и облачиться в доспехи. Он сказал, что будет сражаться, защищая Аполлона

Азийского, который был богом, отличным от Аполлона Ахейского.

Чтобы сокрушить ворота крепости, принесли тараны. Дворец содрогнулся до основания, и мне показалось, будто сквозь оглушительный грохот я слышу рев колебателя земли, звук скорби, ибо он, Посейдон, сердцем был с ними, а не с нами. Нас принесли в жертву троянской гордости и неповиновению. Он мог только выразить нам сочувствие, придав свою мощь ахейским таранам. Дерево разлетелось в щепки, петли провисли, и ворота с грохотом распахнулись. Ахейцы хлынули во двор, держа копья и мечи наготове, не имея ни капли жалости к нашему ничтожному сопротивлению, только гнев за то, что Эней их перехитрил.

Во главе их войска был гигант в доспехах из бронзы, отделанных золотом. Размахивая огромной секирой, он отбрасывал стариков в сторону, словно мошкару, с презрением рассекая их плоть. Потом он кинулся в Большой зал, его люди за ним; я закрыла глаза, чтобы не видеть продолжавшейся снаружи бойни, моля Артемиду-девственницу вложить им в головы мысль убить меня. Смерть лучше изнасилования и рабства. Перед моими закрытыми глазами проносился красный туман, дневной свет безжалостно пробивался внутрь, мои уши не могли не слышать криков и лепета о пощаде. Для стариков жизнь драгоценна. Они понимают, как тяжело она им досталась. Но голоса отца я не слышала и чувствовала, что он умер так же гордо, как жил.

Раздалось бряцание тяжелых, уверенных шагов; я открыла глаза и круто обернулась лицом к двери на другом конце узкой комнаты. В нее входил муж, нагибаясь под низким проемом, секира на боку, лицо под бронзовым шлемом с золотым гребнем испачкано грязью. Его рот был так жесток, что сотворившие его боги отказались дать ему губы; я поняла, что безгубому мужу будут неведомы ни жалость, ни доброта. Он на мгновение уставился на меня, словно я возникла из-под земли, и шагнул в комнату, наклонив голову, словно приносящаяся собака. Собираясь с силами, я решила, что он не услышит от меня ни крика, ни стона, что бы он со мной ни сделал. Я не дам ему повода считать, будто у дарданок нет мужества.

Длины комнаты хватило на один его шаг, он схватил меня за одно запястье, потом за другое и поднял за руки вверх так, что пальцы моих ног едва касались пола.

— Мясник! Убийца стариков и детей! Животное! — выдохнула я, пиная его ногами.

И тут он сжал мне запястья так сильно, что хрустнули кости. Мне хотелось закричать от боли, но я не стала — не стала! В его желтых, как у льва, глазах застыл гнев — я ранила его туда, где его чувство собственного

достоинства еще не покрылось коркой. Ему не нравилось, когда его называли убийцей стариков и детей.

— Прикуси язык, девчонка! На невольничьем рынке тебя научат хорошим манерам колючей плеткой.

— Уродство будет мне подарком!

— Такую, как тебя, будет жаль, — сказал он, опуская меня на пол и отпуская запястья.

Но он тут же схватил меня за волосы и потащил к двери, а я пинала и колотила его бронзовый панцирь, пока мои ноги и руки не заныли от боли.

— Позволь мне идти самой! — крикнула я. — Позволь мне идти достойно! Я не пойду к изнасилованию и рабству, съездившись и хныча, как служанка!

Он остановился, повернулся ко мне и пристально посмотрел мне в лицо, словно в замешательстве.

— В тебе ее мужество, — медленно произнес он. — Ты на нее не похожа, но ты такая же, как она... Так ты считаешь, что твоя судьба — изнасилование и рабство?

— Какая еще судьба может быть у пленной женщины?

Улыбаясь, что сделало его больше похожим на остальных мужей, ибо улыбка делает губы тоньше, он отпустил мои волосы. Я приложила руку к голове, проверяя, на месте ли они, и пошла впереди него. Его пальцы молниеносно сомкнулись на моем посиневшем запястье, не стоило и пытаться вырваться.

— Достоинство достоинством, девочка, но я не глупец. Ты не ускользнешь от меня по моей собственной неосторожности.

— Значит, твой вождь позволил Энею ускользнуть от него на холме? — усмехнулась я.

Его лицо не изменилось.

— Именно, — бесстрастно ответил он.

Я едва узнавала комнаты, по которым он меня вел, их стены были забрызганы кровью, убранство уже было свалено в кучи, чтобы погрузить на повозки с добычей. Когда мы вошли в Большой зал, он, пробираясь сквозь груды тел, разбрасывал их в стороны, сваливая одно на другое без уважения к годам, которые они провели на ногах. Я остановилась, ища в этой безымянной свалке что-нибудь, что помогло бы мне опознать отца. Мой похититель нерешительно попытался оттащить меня в сторону, но я воспротивилась:

— Здесь может быть мой отец! Позволь мне посмотреть!

— Который из них? — В его голосе слышалось безразличие.

— Если бы я знала, то не просила бы посмотреть!

Он позволил мне потащить его туда, куда мне было нужно. Я копалась в одежде и обуви. В конце концов я увидела ногу отца в украшенной фанатами сандалиии — как и большинство стариков, он сохранил боевые доспехи, но не боевую обувь. Но я не могла его вытащить. Слишком много тел сверху.

— Аякс! — позвал мой похититель. — Подойди сюда и помоги госпоже!

Ослабев от пережитого ужаса, я неподвижно смотрела, как к нам приблизился другой гигант, еще огромное того, чьей пленницей я стала.

— Ты не можешь помочь ей сам?

— И отпустить ее? Аякс, Аякс! У нее есть характер, ей нельзя доверять.

— Она тебе понравилась, маленький братец? Давно пора, чтобы тебе понравился еще кто-нибудь, кроме Патрокла.

Аякс отодвинул меня в сторону, словно я была перышком, и, не выпуская из рук секиры, принялся расшвыривать тела, пока мой отец не оказался наверху. Я увидела его пристальный мертвый взгляд, его бороду, забившуюся в глубокую рану, раскроившую его грудь на две части. Это была рана от секиры.

— Это тот самый старец, который налетел на меня, словно боевой петух, — с восхищением сказал тот, кого называли Аяксом. — Горячая голова!

— Каков отец, такова и дочь, — ответил тот, кто держал меня.

И дернул меня за руку:

— Идем, девочка. Мне некогда пестовать твое горе.

Я неловко поднялась и принялась рвать на себе волосы, прощаясь со своим отцом. Намного лучше знать, что он мертв, чем гадать, выжил ли он, лелеять глупейшую из надежд. Аякс двинулся прочь, сказав, что он соберет всех, кто остался в живых, но он сомневается, чтобы кто-то остался.

Мы остановились в дверях у выхода во двор, где мой похититель сорвал с лежащего на ступенях тела кожаный ремень. Он крепко закрутил его вокруг моего запястья, а второй конец прикрепил к собственной руке, заставляя меня идти почти вплотную к нему. Стоя на две ступеньки выше, я смотрела на его склоненную голову, пока он завершал эту нехитрую работу с тщательностью, которая, как мне показалось, была присуща ему во всем.

— Это не ты убил моего отца.

— Нет, я. Я — тот вождь, которого перехитрил Эней. Это значит, я отвечаю за каждую смерть.

— Как тебя зовут?

— Ахилл, — кратко ответил он, проверил свою работу и потащил меня за собой во двор.

Чтобы поспеть за ним, мне приходилось бежать. Ахилл. Я должна была знать. Эней упомянул его в последнюю очередь, но я слышала это имя уже много лет.

Мы покинули Лирнесс через главные ворота — они были открыты, и через них туда-сюда сновали ахейцы, мародерствуя и распутничая, у кого-то в руках были факелы, у кого-то — винные мехи. Ахилл не сделал никакой попытки их приструнить. Он не обратил на них внимания.

У конца дороги на вершине холма я повернулась, чтобы бросить взгляд на долину Лирнесса.

— Ты сжег мой дом. Я прожила в нем двадцать лет и рассчитывала жить и дальше, пока меня не выдали бы замуж. Но такого я не ждала никогда.

Он пожал плечами:

— Превратности войны, девочка.

Я указала на крошечные фигурки грабящих город солдат.

— Разве ты не можешь помешать им вести себя как дикие звери? Разве это так необходимо? Я слышала, как кричали женщины, и я все видела!

Он цинично ухмыльнулся:

— Что ты знаешь об ахейцах-изгнанниках и их чувствах? Ты нас ненавидишь, понимаю. Но твоя ненависть не идет ни в какое сравнение с ненавистью тех мужей к Трое и ее союзникам! Приам устроил им десять лет изгнания. Они наслаждаются, заставляя его платить свою долю. И я не смог бы их остановить, даже если бы попытался. Но, честно говоря, мне вовсе не хочется их останавливать.

— Я слушала эти истории много лет, но и понятия не имела, что такое война, — прошептала я.

— Теперь знаешь.

Его лагерь стоял в трех лигах от города; когда мы вошли в него, он нашел воина, отвечавшего за обоз.

— Полид, это моя личная добыча. Возьми ремень и привяжи ее к наковальне, пока не выкуешь цепи крепче. Не отпускай ее ни на мгновение, даже если она станет просить уединения для того, чтобы облегчиться. Когда на ней будут цепи, помести ее туда, где будет все, что ей может понадобиться, включая ночной горшок, хорошую еду и мягкое ложе. Завтра отправляйся к кораблям в Адрамиттий и отдай ее Фениксу. Скажи ему, что я ей не доверяю и ее нельзя отпускать.

Он взял меня за подбородок и легонько его ущипнул.

— Прощай, девочка.

Полид нашел для моих щиколоток легкие цепи, тщательно обмотал кандалы мягкой тканью, чтобы они не поранили мне ноги, и, посадив на спину осла, отвез меня на морской берег. Там я была передана Фениксу, честному старику знатного рода с пристальным взглядом синих, окруженных морщинками глаз и походкой вразвалку, выдававшей в нем моряка. Увидев мои кандалы, он прищелкнул языком, но даже не попытался их снять, когда со всеми удобствами устроил меня на борту флагманского корабля. Он любезно предложил мне сесть, но я отказалась и осталась стоять.

— Мне жаль, что на тебе цепи, — печально сказал он.

Но я поняла, что печалился он не обо мне.

— Бедный Ахилл!

Меня задело то, что старик был обо мне такого нелестного мнения.

— Ахилл лучше знает мой нрав, чем ты, господин! Попробуй только позволить мне подобраться к кинжалу, и я с боем добуду себе лучшую долю или умру, пытаюсь это сделать!

Его грусть растворилась в усмешке.

— Ай-ай! Какой ты горячий воин! Даже не надейся, девочка. Что Ахилл связал, Феникс не развяжет.

— Разве его слово — священный закон?

— Да. Для мирмидонян он — царевич и вождь.

— Царевич муравьев? Какое удачное сравнение!

В ответ он снова усмехнулся, подтолкнув ко мне кресло. Я посмотрела на него с ненавистью, но после поездки на осле у меня болела спина и дрожали ноги, ибо я отказывалась есть и пить с самого начала плена. Феникс твердой рукой заставил меня сесть в кресло и откупорил золотую фляжку с вином.

— Выпей, девочка. Если ты и дальше хочешь сопротивляться, то тебе понадобятся силы. Не глупи.

Совет был разумный. Я выпила, обнаружив, что моя кровь была слишком жидкой, — вино сразу ударило в голову. Я больше не могла бороться. Подперев рукой голову, я уснула прямо в кресле. Когда я проснулась, то увидела, что меня уложили на ложе, приковав к балке.

На следующий день меня вывели на палубу, прикрепив цепи к перилам борта, чтобы я могла стоять на слабом зимнем солнце и наблюдать за кипевшей на берегу работой. Но тут на горизонте появились четыре корабля, и среди работавших начались суматоха и беготня, особенно среди

их начальников. Внезапно Феникс принялся отсоединять цепь от перил и потащил меня с палубы, но не в мою старую темницу, а в укрытие на корме, где воняло лошадьми. Он завел меня внутрь и приковал к балке.

— В чем дело? — удивленно спросила я.

— Агамемнон, верховный царь.

— Зачем сажать меня сюда? Разве я не достойна встречи с верховным царем?

Он вздохнул.

— Похоже, у тебя дома в Дардании не было зеркала. Один только взгляд, и ты будешь принадлежать Агамемнону вместо Ахилла.

— Я могу закричать, — задумчиво произнесла я.

Он уставился на меня, словно на сумасшедшую.

— Если ты это сделаешь, то пожалеешь, я тебе это обещаю! Какой прок менять хозяина? Поверь мне, если бы ты знала Агамемнона, то предпочла бы Ахилла.

Что-то в его тоне меня убедило, поэтому, когда за дверью стояла раздались голоса, я скорчилась на полу за яслями, прислушиваясь к чистым, текучим модуляциям ахейского наречия — и к силе и властности, которыми один из этих голосов обладал.

— Ахилл еще не вернулся? — высокомерно спросил он.

— Нет, мой господин, но до наступления ночи он непременно прибудет. Ему пришлось лично присматривать за грабежом. Трофеи очень богатые. Повозки еще грузят.

— Отлично! Я подожду у него в каюте.

— Лучше подождать в шатре на берегу, мой господин. Вы же знаете Ахилла. Удобство не имеет для него значения.

— Как тебе будет угодно, Феникс.

Голоса затихли; я выползла из своего укрытия. Звук того холодного, надменного голоса меня напугал. Ахилл тоже был чудовищем, но, как говорила мне нянька, когда я была маленькой, всегда лучше то чудовище, с которым ты знаком.

После полудня на меня никто не обращал внимания. Сначала я сидела на ложе, судя по всему принадлежавшем Ахиллу, и с любопытством изучала голую и ничем не примечательную каюту. У подпорки палубы стояли несколько копий, простые дощатые стены никогда не знали краски, и сама каюта была крошечной. В ней было только два достойных внимания предмета: один — изысканное покрывало из белого меха на ложе, а другой — массивная чаша для вина с четырьмя ручками, по бокам которой

были выгравированы изображения Громовержца на троне, каждая ручка была украшена фигуркой коня на полном скаку.

И тут мое горе прорвалось и поглотило меня, наверно потому, что в первый раз с тех пор, как я стала пленницей, вокруг не было ни одного врага, от которого мне нужно было бы обороняться. Пока я сидела здесь, тело моего отца бросили на лирнесскую мусорную свалку, на корм постоянно голодным городским собакам: это была обычная участь знатных мужей, павших в битве. По моему лицу текли слезы, я бросилась на покрывало из белого меха и зарыдала. Остановиться я не могла. Белый мех под моей щекой примялся и стал скользким, а я все рыдала, причитая и всхлипывая.

Я не услышала, как открылась дверь, поэтому, когда на мое плечо легла чья-то рука, сердце заколотилось у меня в груди, как у пойманного зверька. И все мои великие мысли о неповиновении унеслись прочь; я думала только о том, что меня нашел верховный царь Агамемнон, и вся сжалась.

— Я принадлежу Ахиллу, я принадлежу Ахиллу!

— Это мне известно. За кого ты меня приняла?

Прежде чем поднять лицо, я тщательно убрала с него выражение облегчения и промокнула слезы тыльной стороной ладони.

— За верховного царя Эллады.

— Агамемнона?

Я кивнула.

— Где он?

— В шатре на берегу.

Ахилл подошел к ящику у дальней стены, открыл его, порылся внутри и бросил мне квадратный кусок тонкой ткани.

— Вот, высморкайся и утри лицо. А не то заболеешь.

Я сделала так, как мне было велено. Он снова подошел ко мне и с сожалением посмотрел на покрывало.

— Надеюсь, на нем не останется пятен. Это подарок моей матери.

Он критически осмотрел меня.

— Что, Феникс не смог найти тебе ванну и чистый хитон?

— Он предлагал. Я отказалась.

— Но мне ты не откажешь. Когда слуги принесут тебе лохань и чистую одежду, ты ими воспользуешься. Иначе я прикажу вымыть тебя насильно, и делать это будут не женщины. Понятно?

— Да.

— Хорошо.

Он положил руку на задвижку, но помедлил.

— Как тебя зовут?

— Брисеида.

Он понимающе усмехнулся.

— Брисеида. «Торжествующая победу». Ты уверена, что ничего не придумываешь?

— Моего отца звали Брис. Он был двоюродным братом дарданского царя Анхиса и его ближайшим помощником. Его брат Хрис был верховным жрецом Аполлона. В нас течет царская кровь.

Вечером за мной пришел мирмидонский воин, снял мои цепи с балки и, держа их в руке, отвел меня к борту корабля. Через перила была переброшена веревочная лестница; он знаком приказал мне спускаться, оказав мне любезность — разрешив пойти первой, чтобы он не смог заглядывать мне под юбки. Корабль стоял, вытасченный на гальку, которая больно впивалась в мои босые ступни.

На берегу был раскинут огромный кожаный шатер, хотя я не могла припомнить, что видела его со своего осла. Мирмидонянин ввел меня внутрь. Там сгрудилось больше сотни лирнесских женщин. Никого из них я не знала. Цепи были только на мне. Когда я стала искать в толпе хоть одно знакомое лицо, их глаза уставились на меня с испуганным любопытством. Вон там, в углу! Ни у кого больше нет таких великолепных золотых волос. Мой страж не отпускал цепи, но, когда я двинулась по направлению к углу, он не стал мне препятствовать.

Моя двоюродная сестра Хрисеида сидела, закрыв руками лицо; когда я дотронулась до нее, она подскочила в панике, уронив руки. Она смотрела на меня, не веря своим глазам, а потом кинулась ко мне и разрыдалась.

— Что ты здесь делаешь? — Я была в недоумении. — Ты — дочь верховного жреца Аполлона, ты неприкосновенна.

Ответом был стон. Я встряхнула ее.

— О, только прекрати плакать!

Поскольку с раннего детства я всегда помыкала ею, она меня послушалась.

— Они все равно взяли меня, Брисеида.

— Это святотатство!

— Они говорят, что нет. Мой отец надел доспехи и сражался. Жрецы не сражаются. Поэтому они отнесли к нему как к воину и взяли меня.

— Взяли тебя? Тебя изнасиловали? — задохнулась я.

— Нет-нет! Те женщины, которые одевали меня, говорили, что воинам отдают только простых женщин. Тех, кто в этой комнате, сохранили для

какой-то особой цели.

Она взглянула вниз и увидела мои пути.

— О Брисеида! Они посадили тебя на цепь!

— По крайней мере, у меня есть очевидное доказательство моего положения. С таким украшением никто не сможет принять меня за солдатскую потаскушку.

— Брисеида! — Она поперхнулась, и на ее лице появилось знакомое выражение: мне всегда удавалось шокировать бедную, кроткую малышку Хрисеиду.

Потом она спросила:

— Дядя Брис?

— Мертв, как и все остальные.

— Почему ты его не оплакиваешь?

— Я оплакиваю его! — огрызнулась я. — Но я успела побыть в руках у ахейцев достаточно долго, чтобы понять, что пленной женщине нужно заботиться о себе.

Она посмотрела на меня непонимающим взглядом.

— Зачем нас сюда привели?

Я повернулась к мирмидонянину:

— Ты! Зачем нас сюда привели?

Хоть и с ухмылкой, но он ответил довольно любезно:

— Верховный царь Микен — гость Второй армии. Они делят трофеи. Женщины в этом шатре предназначены для царей.

Нам показалось, что мы ждали целую вечность. Слишком уставшие, чтобы разговаривать, мы с Хрисеидой опустились на землю. Время от времени заходил стражник и уводил несколько женщин, отмеченных цветными табличками, привязанными к их запястьям; это были очень красивые девушки. Ни старух, ни шлюх, ни уродливых, ни тощих среди них не было. Но ни на мне, ни на Хрисеиде таблички не было. Количество женщин уменьшалось, а на нас не обращали внимания; в конце концов мы остались одни.

Вошел страж и, прежде чем увести нас, набросил нам на головы покрывала из тонкой ткани. Сквозь рыхлую ткань я видела яркое сияние, исходившее от тысяч ламп, балдахин из ткани и море мужчин вокруг. Они сидели на скамьях у столов, уставленных чашами с вином, а между рядами сновали слуги. Нас с Хрисеидой поставили перед длинным помостом, на котором стоял стол для почетных гостей.

За ним сидело примерно двадцать мужчин, все по одну сторону, лицом к остальным пирующим. На кресле с высокой спинкой в центре сидел муж,

который выглядел так, как я всегда представляла себе Зевса. У него была благородная голова с нахмуренным лбом; искусно завитые черные волосы с проседью волнами спускались на его сверкающие одежды, на грудь падала огромная борода, перевитая золотыми нитями, в спрятанных булавах блестели драгоценные камни. Черные глаза задумчиво нас рассматривали, в то время как белая аристократическая рука покручивала длинный ус. Величественный Агамемнон, верховный царь Микен и Эллады, царь царей. В Анхисе не было и десятой части его величия.

Я оторвала взгляд от него, чтобы рассмотреть остальных, с удобством расположившихся в своих креслах. Слева от Агамемнона сидел Ахилл, хотя его было трудно узнать. Я видела его в доспехах, покрытого грязью и безжалостного. Теперь он был среди равных. Его обнаженная безволосая грудь блестела под лежащим на плечах массивным ожерельем из золота и драгоценных камней, руки сверкали от браслетов, а пальцы от колец. Он был чисто выбрит, блестящие золотые волосы были свободно откинута со лба назад, в ушах висели золотые серьги. Взгляд желтых глаз был ясным и спокойным, их необычный цвет ярко выделялся на фоне сильно подведенных — по критской моде — бровей и ресниц. Я моргнула и, смутившись, отвела взгляд.

Рядом с ним сидел муж с благородной внешностью: высокого роста, масса рыжих кудрей обрамляла широкий и высокий лоб, кожа белая и нежная. Под удивительно темными бровями сияли серые пронизательные глаза — самые удивительные глаза, какие я когда-либо видела. Наткнувшись взглядом на его обнаженную грудь, я с жалостью увидела, что она была вся покрыта шрамами; казалось, его лицо было единственной частью тела, не пострадавшей от битв.

Справа от Агамемнона сидел еще один рыжеволосый мужчина, неуклюжий увалень, не отрывавший взгляда от стола. Когда он поднес чашу к губам, я заметила, что у него дрожат руки. Его соседом был царственного вида старец, высокий и прямой, с серебряно-белой бородой и большими голубыми глазами. Хотя на нем был только простой белый хитон, его пальцы были унижены перстнями до самых кончиков. Рядом с ним сидел гигант Аякс; мне пришлось снова моргнуть, так не похож он был на того человека, который раскопал тело моего отца.

Мои глаза уже устали от незнакомых лиц, таких обманчиво благородных. Страж вытащил Хрисеиду вперед, откинув ее покрывало. У меня засосало под ложечкой, так красива она была в чужеземном ахейском одеянии, ничуть не похожем на длинные прямые одежды лирнесских жен, закрывавших их от шеи до щиколоток. Женщины в Лирнессе прятали свое

тело от всех, кроме мужа; ахейские же жены, судя по всему, одевались как шлюхи. Пунцовая от стыда, Хрисеида прикрывала свою обнаженную грудь руками, пока страж не ударил по ним, заставив убрать, чтобы притихшие мужи за столом могли увидеть, как тонка ее талия, стянутая тугим поясом, и как совершенны ее груди. Агамемнон перестал быть похожим на Зевса и превратился в Пана. Он повернулся к Ахиллу:

— Клянусь Великой матерью, она прекрасна!

Ахилл улыбнулся:

— Мы рады, что она тебе нравится, господин. Она твоя — в знак уважения от Второй армии. Ее зовут Хрисеида.

— Подойди сюда, Хрисеида. — Изящная белая рука сделала приглашающий жест; она не посмела послушаться. — Подойди, посмотри на меня! Тебе нечего бояться, я не причиню тебе зла.

Он сверкнул белозубой улыбкой и погладил ее по руке, казалось не замечая, как она вздрогнула.

— Отведите ее на мой корабль.

Ее увели прочь. Была моя очередь. Страж откинул мое покрывало, чтобы явить меня их взорам в моем неприличном наряде. Я выпрямилась, насколько могла, вытянув руки по бокам. Мое лицо не выражало ничего. Стыдиться нужно было им, а не мне. Похоть в глазах верховного царя угасла, он смутился и отвел от меня взгляд. Ахилл молчал. Я переступила с ноги на ногу, чтобы кандалы зазвенели. Агамемнон поднял брови.

— Цепи? Кто приказал?

— Я, господин. Я ей не доверяю.

— О? — В этом маленьком слове поместились все чувства. — И кому она принадлежит?

— Мне. Я пленил ее сам, — ответил Ахилл.

— Ты должен был предложить их мне на выбор. — Агамемнон был недоволен.

— Говорю тебе, господин, я пленил ее сам, и потому она принадлежит мне. Кроме того, я ей не доверяю. Эллада может обойтись без меня, но не без тебя. У меня есть достаточно доказательств, что эта девушка опасна.

— Гм!

Было не похоже, что верховный царь смягчился. Потом он вздохнул:

— Я никогда не видел таких волос, не золотых и не рыжих, и таких голубых глаз. — Он вздохнул снова. — Она красивее Елены.

Нервозный муж справа от него, тот, с рыжими волосами, стукнул кулаком по столу с такой силой, что чаши с вином подпрыгнули.

— Елене нет равных!

— Да, брат, нам это хорошо известно, — терпеливо произнес Агамемнон. — Успокойся.

Ахилл кивнул мирмидонянину:

— Уведи ее.

Я ждала, сидя в кресле в его каюте; глаза у меня слипались, но я не разрешала себе уснуть. Ни одна женщина так не беззащитна, как спящая.

Ахилл пришел много позже. Когда поднялся засов, я уже дремала, несмотря на свое решение, и вскочила в страхе, сцепив руки вместе. Вот он, момент расплаты. Но Ахилл, похоже, вовсе не горел желанием; не обращая на меня внимания, он подошел к сундуку и открыл его. Потом сорвал с себя ожерелье, кольца, браслеты и украшенный драгоценными камнями пояс. Но не набедренную повязку.

— Мне никогда не удастся отделаться от этого хлама так быстро, как хотелось бы, — заявил он, глядя на меня.

Я в растерянности уставилась на него. Как обычно начинается изнасилование?

Дверь открылась, и вошел еще один муж, очень похожий на Ахилла чертами лица и цветом волос, но меньше ростом и с намного более нежным лицом. Его глаза, голубые, а не желтые, сверкнув, оценивающе оглядели меня.

— Патрокл, это Брисеида.

— Агамемнон был прав. Она красивее Елены.

Взгляд, брошенный им на Ахилла, был полон боли.

— Я вас оставляю. Я только хотел узнать, не нужно ли тебе чего.

— Подожди снаружи, я скоро буду, — рассеянно произнес Ахилл.

Направляясь к двери, Патрокл внезапно остановился и посмотрел на Ахилла. Ошибки быть не могло: в его глазах светились радость и чувство собственности.

— Он — мой любовник, — сказал Ахилл, когда тот вышел.

— Я это поняла.

Он с усталым вздохом опустился на край узкого ложа и указал на мою цепь.

— Сядь.

Какое-то время я сидела, не отрывая от него взгляда, а он, в свою очередь, отчужденно смотрел на меня; я начинала подозревать, что он не испытывал ко мне никакой страсти. Почему же тогда он забрал меня себе?

— Я считал, что лирнесские жены всегда вели жизнь затворниц, — наконец произнес он, — но ты, похоже, знаешь, как устроена жизнь.

— Отчасти. Только то, что общеизвестно. Чего мы не понимаем, так это вашей моды. — Я прикоснулась к своим обнаженным грудям. — Должно быть, в Элладе насилие — обычное дело.

— Не больше, чем везде. Мода быстро теряет свою новизну, если она общепринята.

— Что ты со мной сделаешь, царевич Ахилл?

— Понятия не имею.

— У меня тяжелый характер.

— Знаю. — Его улыбка вышла кривой. — Ты задала хороший вопрос. Я действительно не знаю, что с тобой делать.

Он сверкнул на меня желтыми глазами:

— Ты умеешь играть на лире? Петь?

— Очень хорошо.

Он поднялся на ноги.

— Тогда я буду держать тебя, чтобы ты мне играла и пела, — сказал он и рывкнул: — На пол!

Я села на пол. Он откинул тяжелую юбку мне на бедра и вышел из комнаты. Когда он вернулся, в руках у него был молоток и долото. В следующее мгновение я была свободна от цепей.

— Ты испортил пол. — Я показала на глубокие углубления в тех местах, где долото ударило особенно сильно.

— Это просто укрытие на передней палубе, — заявил он, вставая с колен и поднимая меня на ноги.

Его руки были твердыми и сухими.

— Иди спать, — велел он и оставил меня.

Но перед тем, как лечь, я вознесла молитву Артемиде. Богиня-девственница услышала меня: муж, которому я досталась, не любил женщин. Я была в безопасности. Но почему же тогда я печалилась не только по моему возлюбленному отцу?

Наутро флагманский корабль столкнули на воду, матросы и воины сновали по палубе и между гребными скамьями, наполняя воздух хохотом и отборной бранью. Ясно было, что они рады оставить почерневший, разрушенный Адрамиттий. Возможно, им казалось, будто здесь они слышат стенания тысяч невинных жертв.

Патрокл пробрался через переполненную людьми палубу и поднялся на несколько ступеней туда, где стояла я.

— Ты хорошо чувствуешь себя сегодня утром, моя госпожа?

— Да, спасибо.

Я отвернулась, но он остался стоять рядом, не обескураженный моим холодным ответом.

— Ты скоро ко всему привыкнешь.

Я посмотрела на него:

— Ничего более глупого я не слышала. Ты бы смог привыкнуть, если бы тебя заставили жить в доме мужчины, который повинен в смерти твоего отца и разорении твоего дома?

— Возможно, нет, — ответил он, краснея. — Но это война, и ты — женщина.

— Война, — горько сказала я, — дело мужчин. Женщины — ее жертвы и жертвы мужчин.

— Война, — довольно продолжил он, — была таким же обычным делом в те времена, когда правили женщины и на все была воля Великой матери. Верховные царицы были ничуть не менее алчны и честолюбивы, чем любой верховный царь. Война не зависит от пола. Она свойственна всему человеческому племени.

С этим не поспоришь, и я сменила тему:

— Почему ты, такой нежный и чуткий, любишь человека столь безжалостного и жестокого, как Ахилл?

Его голубые глаза изумленно уставились на меня.

— Но Ахилл вовсе не безжалостен и не жесток! — решительно заявил он.

— В это трудно поверить.

— Ахилл — не тот, кем он кажется, — сказал его верный пес.

— Тогда кто же он?

Он покачал головой:

— А вот это, Брисеида, тебе придется узнать самой.

— Он женат? — Ну почему женщины всегда задают этот вопрос?

— Да. На единственной дочери Ликомеда, царя Скироса. У него есть сын Неоптолем, шестнадцати лет. И как единственный сын Пелея, он — наследник верховного царства Фессалии.

— Ничто из этого не способно изменить мое мнение о нем.

К моему удивлению, он взял меня за руку и поцеловал ее. И пошел прочь.

Я стояла на корме до тех пор, пока на горизонте была видна земля. Я уже никогда не вернусь туда. От судьбы не уйти. Мне предстояло стать музыкантшей — мне, которая должна была стать женой царя. И уже стала бы ею, но явились ахейцы и те мужи, которые пришли бы просить моей руки, внезапно оказались слишком заняты, чтобы думать о брачных узах.

Под корпусом журчала вода, разбиваясь в белую пену под ударами весел, — размеренный, успокаивающий звук незаметно наполнил мою голову, и прошло немало мгновений, прежде чем я поняла, что мне нужно сделать. Поручень не был высоким; я взобралась на него и приготовилась прыгнуть.

Кто-то грубо сдернул меня вниз. Патрокл.

— Позволь мне это сделать! Забудь, что ты меня видел! — закричала я.

— Больше этому не бывать, — сказал он, бледный как смерть.

— Патрокл, я никому не нужна, я ни для кого ничего не значу! Позволь мне это сделать! Позволь!

— Нет, больше этому не бывать. Ему не безразлична твоя судьба. Больше этому не бывать.

Тайны... Почему *«Больше этому не бывать»*?

Нам понадобилось семь полных дней, чтобы дойти до Асса. Как только мы обогнули край полуострова напротив Лесбоса, весла стали бесполезны; дул порывистый ветер, то толкавший нас к уже видневшемуся вдаль берегу, то сносивший обратно. Большую часть времени я сидела в отгороженной занавесом нише на корме, и стоило мне оттуда выйти, как Патрокл бросал то, чем он в этот момент занимался, и спешил встать рядом. Ахилла я совсем не видела и в конце концов узнала, что он плывет на корабле того воина, кого называли Автомедонтом.

Наутро восьмого дня нам удалось пристать к берегу. Чтобы укрыться от свежего ветра, я завернулась в хламиду и принялась с интересом следить за разворачивавшимся передо мной действием. Никогда раньше я не видела ничего подобного. Наш корабль поставили на подпорки вторым, первым был корабль Агамемнона. Как только спустили лестницы, мне было позволено сойти на берег. Когда Ахилл прошел в нескольких локтях от меня, я подняла голову и приготовилась дать отпор, но он меня не заметил.

Потом прибыла домоправительница, веселая дородная женщина по имени Лаодика, и отвела меня в дом Ахилла.

— Тебе выпала редкая честь, голубушка, — ворковала она. — У тебя будет своя комната в доме хозяина, а это больше, чем есть у меня, не говоря уже о других.

— Но ведь у него сотни жен?

— Да, но они с ним не живут.

— Он живет с Патроплом, — сказала я.

— С Патроплом? — Лаодика усмехнулась. — Он жил с ним раньше, до того как они стали любовниками. А потом, пару лун спустя, Ахилл

заставил его построить собственный дом.

— Почему? Непонятно...

— Очень даже понятно, если его знать! Ему нравится быть самому себе хозяином.

Гм. Что ж, возможно, я и не знала Ахилла, но я схватывала все на лету. Нравиться быть самому себе хозяином, а? Передо мной лежали кусочки головоломки, прямо как когда-то в детстве. Моей задачей было их собрать.

Этим я и занималась всю ту долгую зиму, оставаясь пленницей холода. Ахилл то уходил, то возвращался, довольно часто обедал в другом месте — иногда и спал в другом месте, полагаю, с Патроком, беднягой, которому любовь, казалось, приносила больше мук, чем счастья. Остальные женщины приготовились меня ненавидеть, ибо я жила в хозяйском доме, а они — нет, но я умею находить общий язык с женами, поэтому мы скоро поладили; они передавали мне все сплетни про Ахилла, которые знали.

На него временами нападает болезнь, которая заканчивается каким-то мороком (они слышали, как он говорил о мороке); он может странным образом уходить в себя; его мать — богиня Фетида, дочь морского старца, которая может менять свой облик так быстро, как солнце прячется за облаками и выныривает обратно. Она умеет превращаться то в каракатицу, то в кита, гольяна, краба, морскую звезду, морского ежа, акулу; дедом его отца был сам Зевс; его воспитал кентавр, самое сказочное существо на свете — с головой, руками и торсом человека и остальным телом коня; гигант Аякс — его двоюродный брат и большой друг; он живет для битв, а не для любви. Нет, они не считали его мужем, любящим мужчин, несмотря на его двоюродного брата Патрокла. Но мужем, любящим женщин, он тоже не был.

Иногда Ахилл звал меня сыграть ему и спеть, что я делала с благодарностью — моя жизнь стала совсем бесцветной. И тогда он задумчиво сидел в кресле, слушая только наполовину, в то время как другая его половина уносилась туда, где не было места ни музыке, ни мне. Ни одной искры желания, никогда. Ни намек на то, зачем он держит меня у себя. Узнать, что скрывалось за словами Патрокла, когда я хотела прыгнуть в море, мне тоже не удалось. «Больше этому не бывать!» О ком это? Что случилось в жизни Ахилла такого, что убило в нем желание?

К своему огорчению, я обнаружила, что Лирнесс и отец все реже занимали первое место в моих мыслях. Я все больше и больше жила жизнью Асса, чем воспоминаниями о Дардании. Три раза Ахилл ужинал дома в одиночестве, и все три раза он приказывал, чтобы ему прислуживала я и чтобы других женщин в доме не было. Глупая Лаодика прихорашивала

меня и опрыскивала духами, уверенная, что уж на этот раз я наконец стану его, но он ничего не говорил и не делал.

В конце зимы мы перебрались из Асса под Трою. Феникс плавал туда и обратно бессчетное количество раз, и постепенно все наши склады, амбары и казармы опустели, и в конце концов вся армия взяла курс на север.

Троя. Она была центром нашего мира и властвовала даже в Лирнессе. Царю Анхису или Энею это было не по нраву, но это была правда. Теперь Троя впервые предстала перед моими глазами. Неугомонный ветер расчистил ее долину от снега; украшенные ледяными гирляндами башни и шпили сверкали на солнце. Она была как дворец на Олимпе — далекая, холодная, прекрасная. Там жил Эней со своими отцом, женой и сыном.

Переезд под Трою почему-то тяготил меня, отчего — я не понимала; у меня участились приступы тоски, слез и беспричинного дурного настроения.

Шел десятый год войны, и оракулы, все как один, предвещали ее скорый конец. Не потому ли я роняла слезы? Зная, что, когда все закончится, Ахилл заберет меня в Иолк? Или боясь, что он продаст меня в качестве искусной музыкантши? Похоже, это было единственное, чем я могла доставить ему удовольствие.

Ранней весной ахейцы все чаще стали делать вылазки; теперь, когда все воины собрались в одном огромном лагере, требовалось огромное количество провианта, запасы которого постоянно пополнялись. Гектор устраивал засады, поджидая фуражные повозки, а ахейцы, например Ахилл с Аяксом, устраивали засады, поджидая Гектора. Я уже знала, как отчаянно Ахилл хотел сразиться с Гектором в битве; другие женщины говорили, дескать, его снедало желание убить наследника троянского трона. Весь день и полночи дом звенел от мужских голосов. Я знала всех вождей поименно.

Потом весна наполнила воздух влажными, пьянящими запахами, земля покрылась звездочками крошечных белых цветов, и воды Геллеспонта засияли голубизной. Почти каждый день происходили небольшие стычки; Ахилл еще больше жаждал встречи с Гектором. Но ему по-прежнему не везло. Ему так и не удалось сразиться с неуловимым Гектором. Так же как и Аяксу.

Хотя Лаодика и считала меня слишком высокорожденной, чтобы я выполняла работу прислуги, я принималась трудиться, стоило только ей уйти. Лучше было работать, чем без вдохновения вертеть в руках клочок

ненужной вышивки, с трудом прокалывая ткань тупой иглой.

Одна из самых любопытных историй, которую рассказывали про Ахилла, была о том, как он наконец сделал Патрокла своим любовником после стольких лет дружбы, не имевшей никакого отношения к плотским удовольствиям. По словам Лаодики, это превращение произошло во время мора, насланного Фетидой. В это время, сказала она, наш хозяин особенно восприимчив к желаниям остальных, и Патрокл воспользовался представившейся возможностью. Такое объяснение показалось мне слишком банальным, ибо я не видела в Патрокле ничего, что указывало бы на подобную беспринципность. Но неисповедимы пути богини любви: кто мог бы предсказать, что меня тоже поразят ее чары? Возможно, правда заключалась в том, что Ахилл одел свое сердце в броню и во всех иных обстоятельствах был просто неуязвим.

Это случилось в тот день, когда я тайком убежала делать ту работу, которая нравилась мне больше всего: натирать доспехи, хранившиеся в отдельной комнате. И была застигнута врасплох. Вошел Ахилл. Его шаги были медленнее, чем обычно, и он не видел меня, хотя я стояла прямо перед ним с ветошью в руке и готовым оправданием. Лицо у него было усталым и осунувшимся, на правой руке брызги крови. Чужой крови! Я расслабилась. Снятый шлем покатился на пол; обеими руками он обхватил голову, словно пытаясь унять боль. Я дрожала в испуге, а он тем временем, путаясь в завязках кирасы, сбросил ее, а за ней и все остальное. Где же Патрокл?

Оставшись в простеганном хитоне, который он надевал под весь этот металл, он, спотыкаясь, направился к креслу, повернув ко мне лишенное всякого выражения лицо. Но вместо того, чтобы сесть в кресло, он рухнул на пол, задрожал и забился в конвульсиях, изо рта потоком потекла слюна, вырывалось несвязное бормотание. Потом у него закатились глаза, он одеревенел, вытянув руки и ноги, и начал судорожно вздрагивать. Слюна превратилась в комья пены, лицо почернело.

Я ничего не могла сделать, пока он так резко дергался, но, когда это прекратилось, я опустилась рядом с ним на колени.

— Ахилл! Ахилл!

Он меня не слышал; лежа на полу с серым лицом, он бессознательно шарил руками вокруг себя. Когда его руки наткнулись на мой бок, он ощупывал меня, пока не добрался до моей головы и принялся нежно раскачивать ее из стороны в сторону.

— Мать моя, оставь меня в покое!

Его голос был настолько невнятен и глух, что мне едва удалось его

узнать; я зарыдала, испугавшись за него до ужаса.

— Ахилл, это Брисеида! Брисеида!

— Зачем ты меня мучаешь? — спросил он, обращаясь ко мне. — Почему ты думаешь, будто мне все время нужно напоминать о том, что я иду на смерть? У меня и без тебя хватает горестей — разве тебе мало Ифигении? Оставь меня в покое, оставь меня!

Потом он впал в ступор. Я выбежала из комнаты, чтобы найти Лаодику.

— Ванна хозяина готова? — спросила я, задыхаясь.

Она приняла мою тревогу за предвкушение и принялась меня поддразнивать и щипать.

— Давно пора, глупышка! Да, она готова. Искупай его сама, я занята. Хе-хе!

Я искупала его, хотя он не отличил бы меня от Лаодики. Это дало мне возможность хорошенько его рассмотреть, открыв мне то, что я отказывалась признать: как он был красив и как я желала его. В комнате стоял пар, моя одежда прилипла к моему мокрому от пота телу, и я проклинала себя за глупость. Брисеида присоединилась к остальным. Как и все прочие женщины, Брисеида была влюблена в него. Влюблена в человека, который не любил ни мужчин, ни женщин. В человека, который жил только ради смертельной схватки.

Я намочила ткань в холодной воде и выжала, чтобы протереть ему лицо, встав на стул рядом с ванной. В его глазах появилась тень узнавания. Он поднял руку и положил ее мне на плечо.

— Лаодика?

— Да, господин. Идем, твое ложе готово. Возьми меня за руку.

Его пальцы напряглись; мне не нужно было смотреть на него, чтобы понять: он узнал мой голос. Выскользнув из-под его руки, я взяла со стола сосуд с маслом. Бросив быстрый взгляд на его лицо, я увидела, что он мне улыбается, — эта улыбка почти наделила его обычным ртом и была неожиданно нежной.

— Спасибо, — произнес он.

— Не за что, — ответила я, едва слыша себя из-за биения собственного сердца.

— Как давно ты здесь?

Я не смогла солгать.

— С самого начала.

— Значит, ты все видела.

— Да.

— Теперь у нас нет секретов.

— У нас есть секрет.

И потом, сама не зная как, я оказалась в его объятиях. Он не целовал меня; потом он сказал, что, поскольку у него нет губ, поцелуи не приносят ему удовольствия. Зато какое удовольствие приносило тело! И его, и мое. Во мне не было жилки, которую эти руки не заставили бы петь, словно лиру; я вся растворилась под натиском мощи, имя которой было Ахилл. Я, столько лун голодавшая, не зная, что голодаю, наконец-то познала власть богини. Она не разделила нас и не уничтожила; на крохотный отрезок времени я почувствовала, как богиня движется в нем и во мне.

Он сказал, что любит меня. Он полюбил меня с первого взгляда, ибо увидел во мне Ифигению, хотя я и не была на нее похожа. Потом он рассказал мне ту ужасную историю, умиротворенный, как мне подумалось, впервые с тех пор, как она умерла. А я спрашивала себя, осмелюсь ли я когда-нибудь посмотреть в лицо Патроклу, который из чистой любви пытался его излечить, но потерпел неудачу. Все кусочки головоломки легли на свои места.

Глава двадцатая, рассказанная Энеем

Я привел в Трою тысячу колесниц и пятнадцать тысяч пехотинцев. Приам спрятал свою неприязнь и уделил мне подобающее внимание, заключил моего бедного помешавшегося отца в свои объятия и оказал Креусе (своей собственной дочери от Гекабы) теплый прием; увидев нашего сына Аскания, он просиял и сравнил его с Гектором. Это польстило мне намного больше, чем если бы он сравнил моего мальчика с Парисом, на которого он действительно был очень похож.

Мои войска были размещены в городе, а я со своей семьей получил собственный маленький дворец в крепости. Когда меня никто не видел, я мрачно улыбался; я правильно поступил, так долго отказывая им в помощи. Приам так жаждал избавиться от ахейских пиявок, которые сосали троянскую кровь, что готов был назвать Дарданию даром богов.

Город изменился. Улицы посерели и были не такими опрятными, как в былые времена; исчезла атмосфера неограниченного достатка и власти, как и золотые гвозди в дверях крепости. Радуюсь моему приходу, Антенор рассказал мне, что большая часть троянского золота пошла на покупку наемников у хеттов и ассирийцев, но наемники не появились. Не вернулось и золото.

Всю зиму накануне десятого года войны к нам прибывали посланцы от наших союзников на побережье, обещавших всю подмогу, какую они смогут собрать. На этот раз мы были склонны поверить, что они придут, правители Карики, Лидии, Ликийи и все остальные. Ахейцы сровняли побережье с землей от края до края, туда хлынул поток ахейских поселенцев, и у нас не осталось ничего, что стоило бы защищать. Последняя надежда Малой Азии была в том, чтобы объединиться с Троей и сразиться с ахейцами здесь. Победа позволит нам вернуться домой и вышвырнуть незваных гостей вон.

Мы получили ответ ото всех, даже от тех, на кого давно перестали надеяться. Царь Главк пришел с посланием от своего соправителя царя Сарпедона, чтобы известить Приама о том, что они сами собирали по городам оставшиеся войска; из всех некогда густонаселенных государств, от Мизии до далекой Киликийи, удалось наскрести двадцать тысяч воинов. Приам рыдал, когда Главк рассказал ему все.

Пентесилея, царица амазонок, обещала десять тысяч конных воинов; Мемнон, кровный родственник Приама, который сидел у ног Хатгусили, царя хеттов, вел пять тысяч хеттских воинов пешими и пять тысяч колесниц. Сорок тысяч троянских воинов уже были в нашем распоряжении; если придут все, кто собирался, то к лету мы намного превзойдем ахейцев числом.

Первыми прибыли Сарпедон с Главком. Его воины были хорошо вооружены, но одного взгляда на их ряды было достаточно, чтобы понять, какой сильный удар Ахилл нанес побережью. Сарпедону пришлось поставить в строй юношей и убеленных сединами мужей, неотесанных крестьян и пастухов, которые мало что понимали в оружии. Но они были полны энергии, а Сарпедон не был глупцом. Он сделает из них воинов.

Мы с Гектором сидели за чашей вина у него во дворце и беседовали все о том же.

— Пятнадцать тысяч твоих пеших воинов, двадцать тысяч тех, кто пришел с побережья, пять тысяч хеттов, десять тысяч конных амазонок и сорок тысяч пеших троянцев плюс десять тысяч боевых колесниц — Эней, у нас получится!

— Сто тысяч... Сколько ахейцев, по твоим подсчетам, выступят против нас?

— Подсчитать трудновато, только если положиться на рассказы рабов, которые сбежали из ахейского лагеря за все эти годы. Один мне особенно нравится, его зовут Деметрий. Египтянин по рождению. Через него и других я узнал, что у Агамемнона осталось пятьдесят тысяч воинов. И всего десять тысяч боевых колесниц.

Я нахмурился.

— Пятьдесят тысяч? Это невозможно.

— Вовсе нет. Когда они пришли, их было восемьдесят. Деметрий сказал мне, что десять тысяч ахейцев стали слишком стары, чтобы сражаться, — Агамемнон никогда не получал пополнения из Эллады, — и их всех отправили на побережье основывать поселения. Пять тысяч умерло от мора два года назад. Десять тысяч воинов Второй армии либо погибли, либо стали калеками, и еще пять тысяч отправились обратно в Элладу от тоски по дому. Таковы мои подсчеты. Не больше пятидесяти тысяч, Эней.

— Тогда мы изрубим их на куски!

— Согласен, — живо отозвался Гектор. — Ты поддержишь меня на собрании, когда я попрошу отца вывести армию за ворота?

— Но у нас еще нет хеттов и амазонок!

— Они нам не нужны.

— Гектор, нам следует принимать в расчет их опыт. Ахейцы закалены в битвах, мы — нет. И их войска понимают, какие великие им достались вожди.

— Я признаю, опыта у нас мало, но я не могу согласиться насчет вождей. Среди нас тоже есть знаменитые воины — ты, например. — Гектор смущенно покашлял. — И Гектор.

— Это не то же самое. Какого мнения дарданцы о Гекторе или троянцы об Энее? И кому за пределами Ликийи известно имя Сарпедона, будь он хоть трижды сын Зевса? А возьми имена ахейцев! Агамемнон, Идомей, Нестор, Ахилл, Аякс, Тевкр, Диомед, Одиссей, Мерион — и еще, и еще! Даже их главный лекарь, Махаон, мастер сражаться! И каждый ахейский воин знает их поименно. Может, он даже знает, кто из вождей что любит есть и какой у него любимый цвет. Нет, Гектор, ахейцы — единый народ, который сражается под началом верховного царя Агамемнона. Мы же — разрозненные племена, мы соперничаем по пустякам и друг другу завидуем.

Гектор посмотрел на меня долгим взглядом, а потом вздохнул:

— Конечно, ты прав. Но в общей битве наша многоязычная армия будет думать только о том, чтобы прогнать ахейцев из Малой Азии. Они сражаются из корысти. Мы сражаемся за свою жизнь.

Я рассмеялся:

— Разве ты вспомнишь о корысти с копьем у горла? Они сражаются за свою жизнь так же, как и мы.

Не отвечая на это, он наполнил чаши.

— Значит, ты будешь просить позволения вывести армию за ворота?

— Да, — сказал Гектор. — Сегодня. Я смотрю на эти стены и вижу в них клетку, мой дом стал моей тюрьмой!

— Иногда нас губит именно то, что нам всего дороже.

Он невесело улыбнулся:

— Какой же ты странный, Эней! Неужели ты ни во что не веришь? Ничего не любишь?

— Я верю в себя и люблю себя, — сказал я ему и сам себе.

Приам колебался, здравый смысл в нем боролся со страстным желанием прогнать ахейцев. Но в конце концов он прислушался к Антенору, а не к Гектору.

— Не делай этого, мой господин! — умолял Антенор. — Сражение с ахейцами раньше времени погубит все наши надежды. Дождись Мемнона с

хеттами и царицу амазонок! Если бы у Агамемнона не было Ахилла с его мирмидонянами, все могло бы быть по-другому, но они у него есть, и мой страх перед ними велик. Со дня своего рождения мирмидонянин живет только для битвы. Самое его тело отлито из бронзы, сердце высечено из камня, он также упорен духом, как муравей, по имени которого он назван! Без амазонских всадниц, готовых сразиться с мирмидонянами, твой авангард будет изрезан на куски. Подожди, мой господин!

Приам решил подождать. Внешне Гектор принял отцовский вердикт философски, но я слишком хорошо его знал. Именно с Ахиллом он жаждал сразиться больше всего, но его победил страх отца перед этим мужем.

Ахилл... Я вспоминал нашу с ним встречу на подступах к Лирнессу и задавался вопросом, какой муж лучше, Ахилл или Гектор. Оба примерно одного роста и стати, оба — доблестные воины. Но где-то в глубине души я чувствовал, что Гектор обречен. По-моему, добродетель слишком переоценивают, а Гектор был образцом добродетели. Меня же обуревали другие страсти.

Когда я вышел из тронного зала, он был охвачен тревогой. Из-за того покрытого вековой пылью пророчества, предрекавшего, что однажды я стану правителем Трои, Приам отдалился от меня и моего народа. Несмотря на всю его любезность после моего прибытия, скрытое презрение никуда не делось. Только моя армия обеспечила мне радужный прием. Но разве я мог пережить пятьдесят сыновей? Только если Троя проиграет войну, тогда не исключено, что Агамемнон предпочтет посадить на трон меня. Прекрасный выбор для того, в чьих жилах течет та же кровь, что в жилах Приама.

Я вошел в большой двор и принялся мерить его шагами, ненавидя Приама и жалея Трою. Потом я почувствовал, что за мной кто-то наблюдает, спрятавшись в тени. У меня похолодело в затылке. Приам меня ненавидит. Сможет ли он прогневить богов, убив кровного родственника?

Решив, что сможет, я вытащил кинжал и прокрался за убранный цветами алтарь Зевса Геркея. Подбравшись к наблюдателю на расстояние вытянутой руки, я прыгнул, зажал ему рот рукой и приставил к горлу клинок. Но мягкие губы, прижатые к моей ладони, не принадлежали мужу, как и нагая грудь под моим кинжалом. Я отпустил ее.

— Ты принял меня за убийцу? — Она тяжело дышала.

— Прятаться глупо, Елена.

На ступенях алтаря я нашел лампийон и зажег его от вечного огня, потом поднял его повыше и посмотрел на нее долгим взглядом. С тех пор как я видел ее в последний раз, прошло восемь лет. Невероятно! Ей должно

быть уже тридцать два. Но свет лампона ей льстил; позже, при дневном свете, я увидел следы времени в тонких морщинках вокруг ее глаз, в слегка опустившихся грудях.

Боги, как красива она была! Елена, Елена Троянская и Амиклийская. Елена Пиявка. В ее позе была грация Артемиды Охотницы, а лицо хранило всю нежность черт и распутную привлекательность Афродиты. Елена, Елена, Елена... Только теперь, взглянув на нее, я понял, сколько ночей ее образ будоражил меня, сколько раз в моих снах она развязывала свой украшенный самоцветами пояс и позволяла юбкам упасть вокруг своих ног, словно выточенных из слоновой кости. Елена была Афродитой, родившейся от смертной женщины, в Елене я узнавал формы и выражение матери-богини, которую я никогда не видел и знал только по бреду отца, сведенного с ума любовной связью с богиней любви.

Елена была воплощением всех чувств, Пандорой, которая с улыбкой хранила свои секреты, поработенная и поработительница; она была любовь и земля, влага и воздух, огонь и лед, от которого лопались мужские вены. Она манила своими чарами, смертельными и таинственными, она дразнила своей улыбкой.

Она положила мне на плечо руку с отполированными ногтями, блестящими, словно внутренняя поверхность морской раковины.

— Эней, ты в Трое уже четыре луны, но я встретила тебя только сегодня.

Взбешенный, я с отвращением сбросил ее руку.

— Зачем мне искать с тобой встреч? Чем это поможет моей дружбе с Приамом, если меня увидят пресмыкающимся перед великой шлюхой?

Она выслушала это спокойно, опустив глаза. Потом черные ресницы поднялись, и ее зеленые глаза серьезно глянули на меня.

— Ты все сказал правильно, — заявила она, усаживаясь на стул и расправляя сборки и складки юбки, от которых шел тихий звон. — В глазах мужчины, — сдержанно продолжала она, — женщина — это вещь. Часть имущества. Он может обращаться с ней так, как захочет, не боясь кары. Жены — покорные создания. Наш голос не имеет силы, ведь нам отказано в способности логически мыслить. Мы рожаем мужей, но об этом редко кто помнит.

Я зевнул.

— Жалость к себе плохо вяжется с тобой.

— Ты мне нравишься, — она улыбнулась, — ибо ты тоже поглощен своими страстями. И ты похож на меня.

— Похож на тебя?

— О да. Я — игрушка Афродиты. Ты — ее сын.

Она пришла в мои объятия со всей страстью, ее ласки кружили мне голову; я поднял ее на руки и пронес по молчаливым коридорам в свою комнату. Нас никто не видел. Полагаю, об этом позаботилась моя мать-лиса.

Даже когда глубина ее страсти до основания потрясла все мое существо, в ней осталась какая-то часть, даже не подозревавшая о своем существовании, заповедный, тайный уголок. В муках удовольствия я был с ней на равных, но, выпивая мой дух до дна, она хранила свой крепко запертым в тайнике, и у меня не было никакой надежды подобрать к нему ключ.

Глава двадцать первая, рассказанная Агамемноном

Армия давно была готова принять бой, но Приам не выходил за ворота. Прекратились даже вылазки троянцев, которые прежде постоянно держали нас в напряжении; мои воины мучались неизвестностью и бездействием. Обсуждать было нечего, и я не созывал совета, пока не появился Одиссей.

— Мой господин, ты сможешь сегодня в полдень созвать совет?

— Зачем? Говорить не о чем.

— Ты хочешь узнать, как выманить Приама?

— Одиссей, что ты задумал?

Он сверкнул на меня насмешливым взглядом.

— Мой господин! Как ты можешь просить меня открыть мой секрет тебе одному? Это все равно что просить бессмертия!

— Отлично. Тогда совет в полдень.

— Еще одно одолжение, мой господин...

— Какое? — осторожно поинтересовался я.

Он улыбался мне своей неотразимой улыбкой, которую использовал, чтобы получить то, что хотел. Я смягчился; я ничего не мог поделать, когда Одиссей мне так улыбался. Кто-то должен был его любить.

— Не общий совет. Только избранные.

— Это твой совет, выбирай кого хочешь. Назови мне имена.

— Нестор, Идомений, Менелай, Диомед и Ахилл.

— А Калхант?

— Калхант мне не нужен.

— Мне хотелось бы знать, почему он тебе так не нравится, Одиссей. Если бы он был предателем, мы бы уже давно об этом узнали. Но перед каждым важным советом ты настаиваешь, чтобы его там не было. Раз сами боги призвали его в свои свидетели, он мог бы передать наши секреты троянцам бесчисленное количество раз, но никогда этого не делал.

— У нас есть секреты, Агамемнон, которые известны ему так же мало, как тебе. Я считаю, он ждет такого секрета, какой будет достоин его предательства для тех, кому принадлежит его сердце.

Я раздраженно пожевал губами.

— Хорошо, без Калханта.

— И ты не должен говорить ему об этом совете. Более того, я хочу, чтобы после того, как мы все соберемся, двери и окна были забиты досками и вокруг расставили стражников на таком расстоянии, чтобы они могли дотронуться друг до друга.

— Одиссей! А не слишком ли?

Он хитро улыбнулся:

— Мне ужасно не хочется выставлять Калханта шутком, господин, поэтому нам нужно покончить с этим делом за десятый год.

Пять мужей, названных Одиссеем, пришли на общий совет и очень удивились, когда поняли, что, кроме них, никого больше не будет.

— Почему не позвали Мериона? — немного раздраженно спросил Идомей.

— И почему нет Аякса? — резко поинтересовался Ахилл.

Я прочистил горло; они расселись.

— Одиссей попросил меня собрать вас. Только вас пятерых, его и меня. Вы слышите шум — это стража забивает окна, что говорит о том, какое секретное дело нам предстоит. Я требую, чтобы вы все поклялись: то, что будет здесь сказано, вы не повторите даже во сне.

Один за другим они преклонили колени и дали клятву.

Одиссей заговорил тихим голосом — один из его трюков. Он начинал говорить так тихо, что все силились расслышать его, но по мере того, как он высказывался, его голос звучал все громче и в конце концов разбивался о потолочные балки, словно барабанный бой.

— Прежде чем я начну говорить об истинной цели этого маленького совета, — едва слышно произнес он, — нужно рассказать некоторым из вас о том, что остальным уже известно. А именно о настоящем предназначении моей тюрьмы в лощине.

С нарастающим гневом и изумлением я слушал рассказ Одиссея о том, что Нестору и Диомеду было известно с самого начала. Почему никому из нас не пришло в голову разузнать о том, что происходит в лощине? Возможно, потому — я вынужден был это признать, несмотря на свой праведный гнев, — что нам было удобно не задавать лишних вопросов. Одиссей избавил нас от большого зла, удалив от войска строптивых воинов, которые больше никогда не доставляли нам неприятностей. И как я теперь узнал, не благодаря суровому тюремному заключению. Они стали его лазутчиками.

— Что ж, — сказал я, когда он окончил свое повествование, — по крайней мере, теперь мы знаем, почему тебе так хорошо удавалось

предсказывать следующий шаг троянцев! Но к чему была такая таинственность? Я — царь царей, Одиссей! Я имел право знать все с самого начала!

— Нет, — возразил Одиссей, — пока ты благоволил Калханту.

— Я и сейчас благоволю Калханту.

— Но подозреваю, что уже не так, как раньше.

— Возможно. Возможно. Продолжай. Какое отношение твои лазутчики имеют к нашему совету?

— В отличие от нашей армии они не сидели без дела. Ходят слухи о том, почему Приам не предпринимает попыток выйти за стены. Говорят, он получил гораздо меньшее подкрепление, чем ожидал, и его войска слишком уступают нам в численности. Это не так. На сегодня у него есть семьдесят пять тысяч воинов, и это не считая почти десяти тысяч боевых колесниц. Когда придут царица амазонок Пентесилея и Мемнон с хеттами, он существенно превзойдет нас числом. Кроме того, у него создалось неверное представление, будто у нас едва наберется сорок тысяч воинов. Все эти сведения верны, можешь не сомневаться. У меня есть люди в кругу Приама и Гектора.

Он прошелся по комнате, в которой было мало народу и можно было расхаживать беспрепятственно.

— Прежде чем я продолжу, я должен сказать кое-что о троянском царе. Приам — старый, очень старый человек и потому склонен к сомнениям, нерешительности, страхам и предрассудкам, которые свойственны всем старикам. Короче говоря, он — не Нестор. Никто от него этого и не ждет. Он правит Троей намного более властной рукой, чем любой из царей Эллады, — он в буквальном смысле владыка всему, на что падет его взор. Даже его сын и наследник не смеет указывать ему, что делать. Агамемнон собирает советы. Приам собирает собрания. Агамемнон слушает нас и считается с нашим мнением. Приам слушает только себя и тех, кто повторяет его мысли.

Он остановился и посмотрел на нас.

— Вот каков человек, которого нам предстоит перехитрить, которого мы должны подчинить своей воле так, чтобы он ничего не заподозрил. Гектор рыдает, когда ходит по стенам, считая своих воинов и видя, что мы сидим на берегу Геллеспонта, словно фрукт, который созрел и сам просится в корзину. Эней волнуется и сгорает от нетерпения. Только Антенор бездействует, ибо поступает так, как хочется Приаму, — и Приам тоже бездействует.

Одиссей снова прошелся по комнате. Все головы как одна

поворачивались вслед за ним.

— Так почему же Приам бездействует, раз у него есть больше, чем хорошая возможность прямо сейчас выгнать нас из Трои? Действительно ли он ждет Мемнона и Пентесилею?

Нестор кивнул:

— Несомненно, так оно и есть. Именно так старик бы и поступил.

Одиссей перевел дыхание; его голос становился все громче.

— Но мы не можем позволить ему ждать! Он должен выйти из города прежде, чем позволит себе потерять тысячи воинов. Мои лазутчики намного лучше тех, которые служат Приаму, и я могу утверждать, что Пентесилея и Мемнон придут раньше, чем зима перекроет подступы к внутренним землям. Амазонки — всадницы, поэтому считаются конным войском. С ними троянская конница перевалит за двадцать тысяч. Она будет здесь раньше, чем через две луны, и Мемнон придет следом.

Я сглотнул.

— Одиссей... я даже не предполагал... почему ты не сказал нам раньше?

— Мои сведения только теперь стали полными, Агамемнон.

— Понятно. Продолжай.

— Затаился ли Приам только из осторожности или на это есть другие причины? — На этот вопрос Одиссей ни от кого не ждал ответа. — Осторожность — ответ неверный. Он бы разрешил Гектору выступить уже сейчас, если бы не Ахилл с его мирмидонянами. Он боится Ахилла и мирмидонян больше, чем всех остальных наших воинов вместе со всеми вождями. Отчасти причина этого страха в старых предсказаниях оракулов, в которых говорится, что именно от руки Ахилла падет гордость Трои. Отчасти причина в том, что у троянцев мирмидоняне считаются непобедимыми, ибо Зевс сотворил их из армии муравьев, чтобы дать Пелею лучших воинов в ойкумене. Что ж, нам всем известно, каковы смертные — они суеверны и доверчивы. Но именно по этим двум причинам Приам хочет найти для Ахилла и мирмидонян козла отпущения.

— Пентесилею и Мемнона? — с мрачным лицом спросил Ахилл.

— Пентесилею. Ее и ее всадниц окружают тайны, и они принесут с собой женскую магию. Понимаете, Приам не может позволить Гектору сразиться с Ахиллом. Даже если бы Аполлон пообещал троянцам победу, Приам не позволил бы Гектору сойтись в поединке с тем, от чьей руки, согласно предсказаниям, падет гордость Трои.

В глазах Ахилла сверкнула радость, но он промолчал.

— У Ахилла есть редкий дар, — сухо заметил Одиссей. — Он ведет

армию в бой, словно сам Арес. И за ним идут мирмидоняне.

Нестор вздохнул.

— Вернее некуда!

— Рано отчаиваться, Нестор! — бодро ответил Одиссей. — У меня тоже есть дар.

Диомед — конечно же, он уже все знал, что бы это ни было, — улыбался. Ахилл смотрел на меня, а я смотрел на него, Одиссей же смотрел на нас обоих. Потом он ударил жезлом в пол с таким звоном, что мы подпрыгнули, и, когда он заговорил снова, его голос гремел как гром.

— Должна быть ссора!

Мы открыли рты.

— Троянцы не новички в шпионских делах. — Голос Одиссея обрел нормальную громкость. — На самом деле троянские лазутчики в нашем лагере служат мне так же хорошо, как мои собственные за стенами Трои. Я знаю их всех до единого и скармливаю им лакомые куски, чтобы они передали их Полидаманту, своему предводителю, — интересный человек, этот Полидамант, хоть по заслугам его и не ценят. Нам нужно благодарить богов, что они на нашей стороне. Нет нужды говорить, что его лазутчики уносят в Трою только то, что я позволяю им уносить, например сведения о якобы ничтожном числе наших воинов. Но в последние луны я поощрял их передавать Полидаманту одну сплетню.

— Сплетню? — нахмурился Ахилл.

— Да, сплетню. Людям нравится верить в сплетни.

— Что это за сплетня? — спросил я.

— Что вы, Агамемнон и Ахилл, терпеть друг друга не можете.

Кажется, я перестал дышать на несколько мгновений дольше, чем следовало, ибо мне пришлось глубоко вздохнуть.

— Мы с Ахиллом терпеть друг друга не можем, — медленно повторил я.

— Именно. — Одиссей выглядел очень довольным собой. — Вы же знаете, простые воины всегда сплетничают о своих вождях. И среди них ходит слух, будто между вами время от времени случаются разногласия. Недавно я пустил слух о том, что ваши отношения становятся все хуже и хуже.

Ахилл, побледнев, вскочил на ноги.

— Мне не нравятся такие слухи, итакиец!

— Я и не думал, что они тебе понравятся, Ахилл. А теперь сядь! — Одиссей, казалось, задумался. — Это случилось в конце осени, когда в Адрамиттии делили добычу из Лирнесса.

Он вздохнул.

— Печально видеть, как великие мужи теряют голову из-за женщины!

Я сжал подлокотники кресла, чтобы с него не вскочить, и с сочувствием посмотрел на Ахилла; его взгляд потемнел.

— Конечно, такая сильная неприязнь кому угодно ударит в голову, — с легкостью продолжал Одиссей. — Когда вы поссоритесь, никто этому не удивится.

— Из-за чего? — потребовал я ответа. — Из-за чего?

— Терпение, Агамемнон, терпение! Для начала мне нужно поподробнее остановиться на том, что произошло в Адрамиттии. Тебе был вручен особый дар как знак уважения от Второй армии. Дева Хрисеида, чей отец был верховным жрецом Аполлона Сминфея в Лирнесе. Он надел доспехи, взял в руки меч и пал в битве. Но теперь Калхант говорит, будто приметы предвещают недоброе, если девушку не вернуть под опеку троянских жрецов Аполлона. Очевидно, нам грозит гнев бога, если мы не вернем Хрисеиду.

— Это правда, Одиссей. — Я пожал плечами. — Но я сказал Калханту, что не вижу, чем еще Аполлон может нам навредить — он и так всецело на стороне троянцев. Хрисеида мне нравится, и я не намерен ее отдавать.

Одиссей прищелкнул языком:

— И все же я заметил, что Калханта раздражает твой отказ, поэтому я уверен, он наверняка снова станет уговаривать тебя отправить девушку в Трою. И чтобы ему помочь, нам нужно устроить в лагере вспышку чумы. У меня есть трава, от которой человек тяжело заболевает дней на восемь, а потом полностью выздоравливает. Впечатляет! Как только разразится чума, Калхант непременно начнет еще упорнее требовать, чтобы ты отослал Хрисеиду, мой господин. И перед лицом страшного гнева богов, наславших болезнь, ты, Агамемнон, уступишь!

— К чему все это? — вышел из себя Менелай.

— Ты очень скоро узнаешь, обещаю.

Одиссей сосредоточил все свое внимание на мне.

— Однако, мой господин, ты не какой-то царек, чтобы позволить так легко лишиться себя того, что досталось тебе по праву. Ты — царь царей. Поэтому твой ущерб должен быть возмещен. Ты можешь заявить: раз девушку тебе подарила Вторая армия, то Вторая армия и должна возместить ее потерю. Вторая девушка из той же добычи была отдана — чересчур своевольно — Ахиллу. Ее зовут Брисеида. Все цари и две сотни старших вождей видели, как сильно наш царь царей хотел бы получить ее сам — больше, кстати, чем Хрисеиду. Сплетни, Агамемнон, расходятся

быстро. Сегодня уже вся армия знает, что ты предпочел бы Брисеиду Хрисеиде. Однако всем известно, что Ахилл очень привязан к Брисеиде и не захочет с ней расстаться. Представьте себе, как Патрокл, горя, ходит повсюду с вытянутым лицом.

— Одиссей, ты ходишь по самому краю пропасти, — сказал я, чтобы предупредить Ахилла.

Не обратив на меня внимания, он продолжал:

— Вы с Ахиллом поссоритесь из-за женщины, Агамемнон. По моим наблюдениям, все и вся считают ссоры из-за жен вполне допустимым явлением; в конце концов, мы должны признать, что такие ссоры — дело обычное и это послужило причиной смерти многих мужей. Если ты позволишь, Менелай, то в этот список можно включить и Елену.

— Не позволю! — гаркнул мой брат.

Одиссей моргнул. О, каким же он был негодяем! Только дай ему волю, и больше не остановишь.

— Я сам, — он явно получал от этого удовольствие, — позабочусь подсунуть несколько примет под нос нашему достойному жрецу Калханту и сам организую чуму. Обещаю, эта болезнь проведет даже Подалирия с Махаоном! Через день после того, как она разразится, наш лагерь будет охвачен ужасом. Агамемнон, когда тебя известят о серьезности положения, ты сразу же отправишься к Калханту и спросишь его, какой бог и за что на нас прогневался. Это ему понравится. Но еще больше ему понравится твоя просьба сделать предсказание при всех. Перед рядами старших вождей он потребует, чтобы ты отослал Хрисеиду в Трою. Твое положение, мой господин, будет совершенно безвыходным. Тебе придется уступить. Однако я уверен, никому не придет в голову тебя винить, если ты обидишься, когда Ахилл над тобой посмеется. Перед лицом всей армии? Такое нельзя стерпеть!

Тут мы просто потеряли дар речи, хотя я сомневаюсь, что Одиссей остановился бы, даже брось Зевс молнию ему под ноги.

— Естественно, Агамемнон, ты будешь в ярости. Ты набросишься на Ахилла и потребуешь, чтобы он отдал тебе Брисеиду. Потом ты обратишься к собравшимся вождям: у тебя отобрали твою награду, поэтому Ахилл должен отдать тебе свою. Ахилл откажется, но его положение будет так же безвыходно, как твое, когда Калхант потребовал Хрисеиду. Ему придется отдать Брисеиду тебе, что он сразу же и сделает. Но, передав ее тебе, он напомнит о том, что ни он, ни его отец не давали клятву на четвертованном коне. Перед всем собранием он объявит, что ни он, ни мирмидоняне больше не будут принимать участие в войне.

Одиссей захохотал во все горло и воздел руки к потолку.

— У меня есть особый укромный уголок для одного знакомого троянского лазутчика. Троя узнает о ссоре в тот же день.

Мы сидели, словно обращенные в камень взглядом Медузы. Какие бури чувств он возмутил в остальных, я мог только догадываться, мой собственный шторм был ужасен. Уголком глаза я заметил, что Ахилл сделал движение, и обратил все внимание на него, напряженно ожидая его ответа. Одиссей мог выкопать больше скелетов из тайных могил и заставить их танцевать, чем любой другой из тех, кого я знал. Но, клянусь Великой матерью, он был великолепен!

Ахилл не разозлился, и это меня поразило. В его взгляде не было ничего, кроме восхищения.

— Что же ты за человек, Одиссей, раз придумал такое! Это блестящий план, потрясающий! Но ты должен признать, он вряд ли добавит достоинства нам с Агамемноном. Если мы поступим по-твоему, насмешки и презрение падут на наши головы. И скажу тебе сразу, Брисеиду я не отдам, даже если мне придется за нее умереть.

Нестор тихо откашлялся.

— Ты никого не отдашь, Ахилл. Обеих юных жен передадут на мое попечение, и они останутся со мной до тех пор, пока все не произойдет так, как планирует Одиссей. Я поселю их в тайном месте, и никто, включая Калханта, не будет знать, где они находятся.

Ахилл еще колебался:

— Хорошее предложение, Нестор, и я тебе доверяю. Но ты ведь сам знаешь, почему этот план мне не нравится. Вдруг у нас не получится провести Приама? Без мирмидонян в авангарде мы понесем потери, которых не можем себе позволить. Я не преувеличиваю. Иметь в битве авангард — наша задача. Мне не может понравиться план, который будет стоить нам стольких жизней. — Его глаза погрузнели. — А как же Гектор? Я поклялся убить его, но что, если он умрет, когда я не буду участвовать в битве? И как долго мне придется не принимать в ней участия?

Одиссей ответил:

— Да, мы потеряем воинов, которых не потеряли бы, участвуя мирмидоняне в битве. Но ахейцы немногим им уступают. Я убежден, мы справимся, и неплохо. На твой главный вопрос — как долго тебе придется не принимать участия в битве — я сейчас не отвечу. Лучше поговорим о том, как сначала выманить Приама за стены. Я спрошу тебя: а что, если война затянется еще на годы? Если наши воины постареют, так и не вернувшись домой? Или если Приам выйдет за стены, когда придут

Пентесилея с Мемноном? С мирмидонянами или без, но мы будем разбиты. — Он улыбнулся. — Что касается Гектора, он доживет до встречи с тобой, Ахилл. Я в этом уверен.

Вмешался Нестор:

— Стоит троянцам выйти за стены, они уже не войдут назад. Они не смогут увести свои войска насовсем. Если они понесут большие потери, Приам узнает о том, что наши потери еще больше. Выманить их — все равно что прорвать плотину. Они не успокоятся, пока не прогонят нас из Трои или пока последний из них не умрет.

Ахилл вытянул руки в стороны, огромные мускулы заходили под кожей.

— Я сомневаюсь, что у меня хватит силы воли удержаться от битвы, когда все остальные сражаются, Одиссей. Целых десять лет я ждал этой битвы. Есть и другие причины. Что армия скажет о человеке, который оставил ее в нужде из-за женщины, и что подумают обо мне мирмидоняне?

— Никто не скажет о тебе доброго слова, это уж точно, — рассудительно ответил Одиссей. — Чтобы сделать то, о чем я прошу, друг мой, потребуется особое мужество. Больше мужества, чем понадобилось бы на штурм Западного барьера, случись он завтра. Пусть никто из вас не поймет меня превратно! Ахилл не добавил в мой план ни капли черной краски, он и есть такой черный на самом деле. Многие станут поносить тебя, Ахилл. Многие станут поносить тебя, Агамемнон. Некоторые проклянут. Некоторые оплюют.

Криво улыбаясь, Ахилл не без сочувствия посмотрел на меня. Одиссею удалось сблизить нас больше, чем я когда-нибудь считал возможным после того, что случилось в Авлиде. Моя дочь! Моя бедная маленькая дочь! Я сидел неподвижно и безучастно, размышляя о той отвратительной роли, которую я должен буду сыграть. Если Ахилл будет выглядеть как несдержанный глупец, то каким же глупцом буду выглядеть я? Скорее уж идиотом.

Ахилл резко хлопнул себя по бедру.

— Ты взвалил на нас тяжкий груз, Одиссей, но если Агамемнон смиренно возьмет свою часть, как же я смогу отказаться?

— Каково твое решение, мой господин? — спросил Идомений, по тону которого было понятно, что он сам никогда бы на такое не согласился.

Я покачал головой, подставил руку под подбородок и задумался, пока остальные на меня смотрели. Ахилл прервал мою задумчивость, снова заговорив с Одиссеем.

— Ответь на мой главный вопрос: как долго?

— На то, чтобы выманить троянцев, понадобится два-три дня.

— Это не ответ. Как долго мне придется держаться в стороне?

— Пусть сначала верховный царь объявит о своем решении. Каково оно, мой господин?

Я уронил руку.

— Я сделаю это с одним условием: если каждый из нас в этой комнате торжественно поклянется довести дело до конца, и не важно, каков этот конец будет. Одиссей — единственный, кто способен провести нас через этот лабиринт, верховный царь Микен никогда не был для этого предназначен. Это удел царей Внешних островов. Вы согласны дать клятву?

Все согласились.

Поскольку среди нас не было жреца, мы поклялись головами наших сыновей, их способностью произвести потомство и прекращением наших родов. Эта клятва была ужаснее той, которая дается на четвертованном коне.

— Итак, Одиссей, — сказал Ахилл, — заканчивай.

— Предоставьте Калханта мне. Я позабочусь о том, чтобы он сделал то, что от него ожидают, и ничего не узнал. Он поверит в себя так же безоговорочно, как бедняга пастушок, выбранный из толпы, чтобы изображать Диониса в оргии менад. Ахилл, как только ты отдашь Брисеиду и скажешь свое слово, ты возьмешь мирмидонских вождей и немедленно возвратишься к себе за ограду. Как кстати, что ты выстроил частокол внутри лагеря! Твое уединение будет тут же замечено. Ты запретишь мирмидонянам выходить за частокол и сам не выйдешь. С тех пор ты можешь принимать гостей, но сам будешь сидеть дома. Все будут думать, будто те, кто пришел к тебе, умоляют тебя вернуться. Всегда и со всеми своими друзьями ты должен казаться очень разгневанным — человеком, кровно обиженным и лишившимся всех иллюзий, который думает, что с ним обошлись крайне несправедливо, и который скорее умрет, чем помирится с Агамемноном. Даже Патрокл должен видеть тебя только таким. Понятно?

Ахилл кивнул с серьезным видом; теперь, когда дело было решенным и мы дали клятву, он, казалось, был готов отступить.

— Так ответишь ты мне или нет? Как долго?

— До самого последнего момента. Гектор должен быть абсолютно уверен в своей победе, и его отец — тоже. Размотай веревку, Ахилл, разматывай ее до тех пор, пока она их не удавит! Мирмидоняне вернуться в бой раньше тебя. — Он перевел дыхание. — Никто не может предсказать,

что случится в битве, даже я, но в некоторых вещах можно быть уверенным. Например, в том, что без тебя с мирмидонянами нас оттеснят внутрь собственного лагеря. Гектор сломает нашу защитную стену и подобрется к кораблям. Я немного помогу делу, используя своих лазутчиков в наших рядах. Они, к примеру, поднимут панику, что приведет к отступлению. Ты сам будешь решать, когда нужно вмешаться, но лично в битву не возвращайся. Пусть мирмидонян поведет Патрокл. Тогда будет казаться, будто ты упорствуешь. Ахилл, они знают предсказания оракулов. Они знают, что мы не сможем побить их, если ты не сражаешься с нами. Поэтому размотай веревку! Не возвращайся в битву до самого последнего момента.

Похоже, после этого сказать было уже больше нечего. Идомений встал, с ужасом глядя на меня: никто не понимал лучше его, как тяжело будет микенцу добровольно пойти на такой срам. Нестор успокаивающе нам улыбнулся; конечно же, он знал обо всем задолго до сегодняшнего утра. Как и Диомед, который широко улыбался, довольный, что идиота придется играть не ему, а кому-то другому.

Только Менелая было что сказать.

— Можно мне дать совет?

— Конечно! — искренне сказал Одиссей. — Советуй!

— Калхант. Доверьтесь ему. Если он будет знать, вам будет намного легче.

Одиссей стукнул кулаком по ладони другой руки:

— Нет, нет и нет! Он — троянец! Никогда не доверяй мужу, рожденному женой врага во вражеском стране, когда ты дерешься на его земле и вот-вот победишь.

— Ты прав, Одиссей, — заметил Ахилл.

Я не стал ничего говорить, но задумался. Много лет я защищал Калханта, но сегодня утром во мне что-то перевернулось, и я не совсем понимал, что именно. Он был у истоков того, что принесло столько зла. Это он заставил меня принести в жертву собственную дочь и тем испортить отношения с Ахиллом. Что ж, если ему и правда нельзя доверять, это станет очевидно в тот день, когда я поссорюсь с Ахиллом. При всей его осторожности и непроницаемом выражении лица, его глаза выдадут тайное удовольствие — если он его почувствует. За столько лет я его изучил.

— Агамемнон, — жалобно позвал Менелай, стоя у двери, — нас заколотили! Ты не будешь так любезен приказать, чтобы нас выпустили?

Глава двадцать вторая, рассказанная Ахиллом

Страшась посмотреть в лицо тем, кого я любил, и скрыть от них свои планы, я вернулся за мирмидонский часток, медленно переставляя ноги. Патрокл с Фениксом сидели за столом на солнце и играли в кости, сдабривая игру веселым хохотом.

— Что случилось? Что-нибудь важное? — поинтересовался Патрокл и встал, чтобы обнять меня за плечи.

С тех пор как в мою жизнь вошла Брисеида, он делал это все чаще, что было достойно сожаления. Прилюдное заявление прав на меня не могло ему помочь и, кроме того, раздражало. Он словно пытался возложить на меня бремя вины: я твой двоюродный брат и любовник и ты не можешь просто так бросить меня из-за новой игрушки.

Я дернул плечами, сбрасывая его руку:

— Ничего не случилось. Агамемнон пожелал узнать, как мы справляемся с нашими воинами.

Феникс изобразил удивление.

— Он бы мог сам это увидеть, если бы дал себе труд прогуляться по нашему лагерю, разве нет?

— Ты же знаешь нашего великого господина. Целый месяц он не созывал совет, и ему ненавистна мысль, что его рука на нашей шее дает слабину.

— Но почему позвали только тебя, Ахилл? Это я разливаю вино на совете и забочусь о том, чтобы всем было удобно.

Патрокл выглядел уязвленным.

— Нас было всего несколько человек.

— Калхант тоже был? — спросил Феникс.

— Калхант сейчас не в милости.

— Из-за Хрисеиды? Ради своего же блага ему бы стоило держать рот на замке насчет этого, — заметил Патрокл.

— Может, он думает, если надавит посильнее, то в конце концов своего добьется, — небрежно ответил я.

Патрокл удивленно посмотрел на меня:

— Ты правда так думаешь? Я — нет.

— Вы не могли придумать ничего лучше, чем играть в кости? — Я

сменил тему.

— Что может быть приятнее этого в такой прекрасный день, когда нет троянцев? — спросил Феникс.

Он бросил на меня проницательный взгляд.

— Тебя не было все утро. Слишком долго для пустой болтовни.

— Одиссей был в хорошей форме.

Патрокл погладил меня по руке.

— Иди сюда, сядь с нами.

— Не сейчас. Брисеида дома?

Я никогда не видел Патрокла в гневе, но тут его глаза полыхнули яростью, рот исказился от боли, и он закусил губу.

— Где же ей еще быть? — огрызнулся он, повернулся ко мне спиной и уселся за стол. — Давай играть, — сказал он Фениксу, который удивленно смотрел на нас.

Войдя внутрь, я позвал ее, и она выбежала из двери во внутренние покои, чтобы упасть в мои объятия.

— Ты скучала по мне? — Глупый вопрос.

— Мне показалось, будто прошло несколько дней!

— Скорее уж полгода.

Я вздохнул, думая о том, что произошло на совете в заколоченной досками комнате.

— Без сомнения, ты уже выпил вина больше чем достаточно, но, может, хочешь еще?

Я посмотрел на нее с удивлением:

— Знаешь, я только сейчас об этом подумал — мы совсем не пили вина.

Ее живые голубые глаза наполнились смехом.

— Совет был так увлекателен?

— Скорее скучен.

— Бедняга! Агамемнон тебя накормил?

— Нет. Будь хорошей девочкой и найди мне чего-нибудь поесть.

Щебеча, как птичка, она занялась моей трапезой, а я сидел и смотрел на нее, думая о том, какая прелестная у нее улыбка, какая грациозная походка, какая лебединая шея. Война постоянно грозит смертью, но она, казалось, даже не думала о возможной гибели; я никогда не говорил с ней о битве.

— Ты видел Патрокла там, на солнце?

— Да.

— Но предпочел меня.

В ее голосе прозвучало удовлетворение, означавшее, что их соперничество не было односторонним. Она подала мне горячий хлеб и блюдо с оливковым маслом.

— Вот, только что из печи.

— Ты сама испекла?

— Ахилл, ты прекрасно знаешь, я не умею печь.

— Верно. У тебя нет женских талантов.

— Скажи мне это сегодня ночью, когда мы задернем над дверью занавес и я буду на твоём ложе, — невозмутимо заявила она.

— Так и быть, у тебя есть один женский талант.

Стоило мне это сказать, как она уселась ко мне на колени, взяла мою свободную руку и просунула ее под широкую экзомиду, прикрывающую левую грудь.

— Ахилл, я так тебя люблю.

— И я тебя. — Я запустил пальцы ей в волосы и поднял ее лицо так, что ей пришлось посмотреть мне в глаза. — Брисеида, ты можешь мне кое-что пообещать?

В ее глазах не отразилось никакой тревоги.

— Все, что угодно.

— Что, если я прогоню тебя, прикажу уйти к другому мужчине?

Ее рот дрогнул.

— Если ты прикажешь, я это сделаю.

— И что ты будешь обо мне думать?

— То же, что я думаю о тебе сейчас. Значит, у тебя есть на то серьезная причина. Или я тебе надоела.

— Ты никогда мне не надоешь. Никогда, за все то время, что мне осталось. Есть вещи, которые неизменны.

Краска потоком залила ее лицо.

— Я тоже так думаю. — Она засмеялась, затаив дыхание. — Попроси меня сделать что-нибудь легкое, например умереть за тебя.

— Прежде чем мы ляжем спать?

— Хорошо, тогда завтра.

— Я все равно попрошу тебя пообещать мне кое-что, Брисеида.

— Что?

Я крутил в пальцах локон ее изумительных волос.

— Если настанет время, когда я покажусь дураком, или глупцом, или бессердечным, ты все равно будешь в меня верить.

— Я всегда буду в тебя верить. — Она чуть сильнее прижала мою руку

к своей груди. — Я тоже не глупа, Ахилл. Тебя что-то гложет.

— Даже если это и так, я не могу тебе сказать, что именно.

Она оставила этот разговор и больше никогда к нему не возвращалась.

Нам не было дано узнать, каким именно способом Одиссей справился с задачей, которую на себя взвалил, но его рука угадывалась во всем, пусть ее саму и не было видно. Как-то вдруг вся армия заговорила о том, что неприязнь между мной и Агамемноном резко усилилась, что Калхант проявляет удручающую настойчивость в деле Хрисеиды и что Агамемнон сдерживается из последних сил.

Спустя три дня после совета все эти интересные темы для разговоров были позабыты. Разразилось бедствие. Сначала вожди пытались о нем умолчать, но скоро болезнь свалила столько воинов, что спрятать их стало невозможно. Наводящее ужас слово передавалось из уст в уста: чума, чума, чума. В один день слегло четыре тысячи человек, на следующий день — еще четыре, казалось, этому не будет конца. Я отправился посмотреть на своих собственных воинов, которые были в числе заболевших, и один их вид заставил меня молить Лето и Артемиду, чтобы Одиссей знал, что делает. Они лежали в лихорадке, бредили, были покрыты мокрыми язвами и стонали от головной боли. Махаон с Подалирием оба заверили меня, что это определенно такая форма чумы.

Немного погодя мне встретился сам Одиссей. Он улыбался от уха до уха.

— Ахилл, ты должен признать, проведя сыновей Асклепия, я сотворил нечто, достойное остаться в истории!

— Надеюсь, ты не зашел слишком далеко, — кисло сказал я.

— Не волнуйся, никаких потерь не будет. Они все встанут на ноги и будут крепче, чем были.

Выведенный из себя его самодовольным весельем, я покачал головой:

— Полагаю, пора уже Агамемнону послушаться Калханта и отдать Хрисеиду. И бог пошлет нам изумительное и чудесное выздоровление. Только на этот раз это будет бог из машины. ^[19]

— Говори об этом потише, — заметил он и отправился собственноручно ухаживать за больными, чем заслужил репутацию храбреца.

Когда Агамемнон пошел к Калханту и попросил совершить прилюдное гадание, армия вздохнула с облегчением. Никто не сомневался, что жрец потребует возвращения Хрисеиды; сердца возрадовались, предвкушая конец морю.

Прилюдное гадание предполагало присутствие всех военных вождей старше тех, кто командовал отдельными отрядами. Около тысячи их собралось в специально отведенном месте, встав позади царей лицом к жертвеннику; конечно, большинство из них были царскими родственниками, некоторые даже близкими.

Сидел только Агамемнон. Проходя мимо его трона, я не сделал попытки преклонить перед ним колени и свирепо нахмурился. Это было замечено; лица присутствующих озабоченно напряглись. Патрокл зашел так далеко, что предупреждающе положил руку мне на плечо, но я сердито ее сбросил. Потом я занял свое место, выслушал, как Калхант заявляет, дескать, чума не прекратится, пока Аполлону не отдадут то, что ему причитается, — деву Хрисеиду. Агамемнон должен отослать ее в Трою.

Ни ему, ни мне не пришлось много играть; мы барахтались в паутине, сотканной Одиссеем, и ненавидели это. Я насмехался и глумился над Агамемноном, который в ответ на это приказал отдать ему Брисеиду. Отодвинув иступленного Патрокла в сторону, я покинул площадь собраний и направился к мирмидонскому частоколу. Взглянув мне в лицо, Брисеида ничего не сказала, хотя глаза ее наполнились слезами. Обратно мы вернулись в молчании. Потом перед всем великим собранием я вложил ее руку в руку Агамемнона. Нестор вызвался позаботиться об обеих девушках и отправить их навстречу судьбе. Уходя с ним, Брисеида обернулась, чтобы посмотреть на меня в последний раз.

Когда я заявил Агамемнону, что вместе со своим войском выхожу из его армии, мой голос звучал так, словно каждое слово было правдой. Ни Патрокл, ни Феникс ни на мгновение не усомнились в моей искренности. Я гордо прошествовал за частокол, предоставив им идти следом.

В доме, опустевшем без Брисеиды, звенело эхо. Избегая Патрокла, я затаился в нем на весь день, один в своем стыде и печали. В час вечерней трапезы Патрокл пришел, чтобы поесть со мной, но беседы не получилось — он отказался со мной разговаривать.

В конце концов я заговорил сам:

— Брат, неужели ты не понимаешь?

Он взглянул на меня сквозь слезы:

— Нет, Ахилл, не понимаю. С тех пор как в твою жизнь вошла эта девушка, ты стал кем-то, кого я не знаю. Сегодня ты сделал выбор за всех нас в том, что не имел право решать за нас. Ты отказал Агамемнону в наших услугах, не посоветовавшись с нами. Только верховный царь мог бы так поступить, но ты не Пелей. Ты — недостойный сын.

О, это причинило мне боль.

— Пусть ты не понимаешь, но ты меня простишь?

— Только если ты пойдешь к Агамемнону и возьмешь свои слова обратно.

Я отпрянул:

— Взять свои слова обратно? Ты сошел с ума? Агамемнон смертельно меня оскорбил!

— Это оскорбление ты навлек на себя сам, Ахилл! Если бы ты не смеялся и не глумился над ним, он бы никогда на тебе не отыгрался! Будь же справедлив! Ты ведешь себя так, словно разлука с Брисеидой разбила тебе сердце, — а тебе никогда не приходило в голову, что разлука с Хрисеидой разбила сердце Агамемнону?

— У этого тупоголового тирана нет сердца!

— Ахилл, почему ты так упрям?

— Я не упрям.

Он стукнул кулаком по столу:

— О, я не могу в это поверить! Это ее влияние! Как же она над тобой поработала!

— Я понимаю, почему тебе так кажется, но это не так. Пожалуйста, Патрокл, прости меня.

— Я не могу тебя простить, — сказал он и повернулся ко мне спиной.

Его идол Ахилл наконец-то упал со своего пьедестала. И как же прав был Одиссей. Мужчины верят в то, что женщины — корень всех зол.

Одиссей проскользнул ко мне на следующее утро без лишнего шума. Я был так рад видеть дружеское лицо, что приветствовал его почти с жаром.

— Домашние подвергли тебя остракизму?^[20]

— Да. Даже Патрокл вытер об меня ноги.

— Что ж, мы этого ожидали, так ведь? Но мужайся. Через несколько дней ты вернешься на поле битвы оправданным.

— Оправданным. Интересное слово. Мне кое-что пришло в голову, Одиссей, то, что должно было прийти в голову на совете. Но тогда я об этом не думал. Если бы подумал, то никогда бы не согласился на твой план.

— О?

Он выглядел так, словно знал, о чем я собираюсь сказать.

— Что со всеми нами будет? Естественно, мы предполагали, что после того, как план удастся — если удастся! — мы сможем о нем рассказать. Теперь я понимаю, что мы не сможем. Ни вожди, ни простые воины не найдут ему оправдания. Слишком бессердечная цена за победу. Все, что они увидят, это лица людей, которым придется умереть, ее выплачивая. Я

прав, верно?

Он с сожалением потер кончик носа.

— Я гадал, кто из вас поймет это первым. Поставил на тебя — и снова выиграл.

— А ты когда-нибудь проигрывал? Но скажи мне, я прав или ты придумал способ, как покончить с этим ко всеобщему счастью?

— Такого способа нет. Ты в конце концов понял то, что на совете просто кричало о себе. Немного поменьше страсти в этой груди, и ты понял бы все уже тогда. Наш заговор никогда нельзя будет открыть. Мы должны унести его с собой в могилу, связанные клятвой, которую предложил Агамемнон, — чем избавил меня от трудов, не говоря уже о вопросах, на которые мне было бы трудно ответить.

Я закрыл глаза.

— Значит, до самой могилы и после нее Ахилла будут считать себялюбивым бахвалом, раздутым от собственной важности, который позволил бесчисленным воинам сгинуть на потеху своей задетой гордыне.

— Да.

— Мне следовало бы перерезать тебе горло, ты, гнусный мошенник! Ты вверг меня в стыд и бесчестие, которые навеки запятнают мое имя. Когда в грядущих веках люди будут говорить об Ахилле, они скажут, что он пожертвовал всем ради своей задетой гордыни. Надеюсь, ты попадешь в Тартар!

— Обязательно попаду. — Он не был ни взволнован, ни задет. — Ты не первый меня проклинаешь и уж точно не последний. Но последствия того совета отразятся на всех нас, Ахилл. Возможно, никто никогда не узнает, как все было на самом деле, но все будут подозревать, что Одиссей приложил к этому руку. А как же Агамемнон? Если ты выглядишь жертвой самонадеянной гордости, кем выглядит он? Тебе, по крайней мере, причинили зло. Он же — тот, кто его причинил.

Я вдруг понял, насколько глуп был этот наш разговор, как мало для богов значат даже такие блестящие мужи, как Одиссей.

— Что ж, в этом есть справедливость. Мы заслужили, чтобы запятнать свое доброе имя. Чтобы отправиться в этот несчастный поход, мы безропотно принесли человеческую жертву. И это наша расплата. Именно поэтому я согласен продолжать эту сумасшедшую затею. Мне отказано в достижении моей самой заветной цели.

— Что это за цель?

— Остаться в сердцах мужей совершенным воином. Теперь это будет Гектор.

— Ты не сможешь узнать об этом наверняка, только твои правнуки смогут. Потомки будут судить по-своему.

Я с любопытством посмотрел на него:

— Разве ты не жаждешь остаться в памяти людских поколений?

Он искренне расхохотался.

— Нет! Меня не волнует, что про Одиссея скажут потомки! И будут ли они вообще знать его имя. После смерти мне предстоит, как Сизифу, катить такой же валун на тартарскую гору или, как Танталу, тянуться к воде, которая вечно будет от меня ускользать.

— Мы будем делать это бок о бок. Но что бы мы ни говорили, теперь уже слишком поздно.

— И тут ты прав.

Мы погрузились в молчание, сидя за занавесом, натянутым от непрощенных гостей, которые и не думали приходить, чтобы выразить соболезнование своему высокомерному вождю. На столе стояла амфора с вином. Я наполнил чаши доверху, и мы задумчиво выпили, не желая делиться друг с другом своими сокровенными мыслями. Без сомнения, мечты Одиссея были куда приятнее, раз он не ожидал воздаяния от потомков. Хотя он, судя по всему, верил только в вечное наказание, меня удивляло то, что размышления о своей судьбе не могли поколебать его уверенности в себе.

— Зачем ты пришел ко мне?

— Известить тебя об одном странном происшествии, прежде чем это сделает кто-то другой.

— О странном происшествии?

— Сегодня утром несколько воинов отправилось на берег Симоиса порыбачить. Когда взошло солнце, они увидели, как в воде что-то крутится. Тело человека. Они побежали за начальником караула, который его и вытащил. Это Калхант. Похоже, он умер вскоре после захода солнца.

Я вздрогнул.

— Как он умер?

— От огромной раны на голове. Один из воинов Аякса заметил, как на закате он шел по краю утеса на дальнем берегу Симоиса. Вождь клянется, что это был Калхант — только он носит такие длинные развевающиеся одеяния. Должно быть, он споткнулся и упал головой вниз.

Я пристально смотрел на него, а он сидел с взволнованным видом, и его красивые серые глаза божественно сияли. Мог ли он это сделать? Мог ли? Содрогаясь от ужаса, я гадал, не прибавил ли он еще один грех к своему длинному списку. Добавить убийство верховного жреца к

святотатству, кощунству, хуле, атеизму и ритуальному человеческому жертвоприношению, и этот список превзойдет списки Сизифа и Дедала, вместе взятые. Безбожник Одиссей, любимец богов. Жестокий парадокс — мошенник и царь в одном человеке.

Он прочитал мои мысли и мягко улыбнулся:

— Ахилл, Ахилл! Как ты мог подумать такое, пусть даже обо мне?

И усмехнулся.

— Если хочешь знать мое мнение, я считаю, это дело рук Агамемнона.

Глава двадцать третья, рассказанная Гектором

От Пентесилеи не было никаких известий; царица амазонок тянула время в своей далекой пустыне, в то время как Троя билась в агонии, — судьба города зависела от женского каприза. Я проклинал ее, и я проклинал богов за то, что те разрешили женщине остаться на троне после смерти старых богов. Абсолютная власть Великой матери Кибелы ушла в прошлое, но царица Пентесилея правила как ни в чем не бывало. Деметрий, мой бесценный беглый ахейский раб, сообщил мне, что она еще даже не начала созывать жен из своих бесчисленных племен; она не придет, пока зима не вымостит проходы.

Все приметы говорили о том, что война закончится на десятый год, но мой отец все еще колебался, унижая себя и Трою ожиданием этой женщины. Я скрежетал зубами от подобной несправедливости, я ругался с ним на собраниях. Но он принял решение, и я не мог сдвинуть его с места. Снова и снова я уверял его, что мне не угрожает опасность лично сразиться с Ахиллом, что наши отборные войска смогут дать отпор мирмидонянам, что мы сможем победить без Мемнона и Пентесилеи. Даже когда я рассказал отцу о том, что сообщил мне Деметрий о медлительности амазонок, он остался тверд как скала, заявив, что если Пентесилея не придет до наступления зимы, он согласен подождать одиннадцатого года.

Теперь, когда вся ахейская армия была на берегу, мы снова взяли привычку прохаживаться по стенам, глядя на разные флаги, которые реяли над домами ахейцев. Со стороны Скамандра, в месте, где расступалась внутренняя стена, над некоторыми из бараков развевалось знамя, которого я никогда раньше не видел, — белый муравей на черном фоне, сжимающий в челюстях красную молнию. Ахилл Эакид, его мирмидонский штандарт. Лицо Медузы не могло бы наполнить сердца троянцев большим страхом, чем он.

Обязанный выслушивать пустяки, пока мои львы рвались в битву, я не пропускал ни одного собрания. Кто-то должен был быть там, чтобы напоминать, что армия застоялась и устала от упражнений, кто-то должен был быть там, чтобы видеть, как царь пропускает все мимо ушей, видеть, как улыбается Антенор — противник всех решительных действий.

Мрачно направляясь на собрание в тот день, который изменил нашу

жизнь, я не предчувствовал ничего дурного. Придворные стояли вокруг, занятые бесцельной болтовней, не обращая внимания на тронный помост, у подножия которого проситель излагал свою жалобу, имевшую отношение к сточным каналам, по которым троянские ливневые воды и экскременты стекали в нечистый Скамандр. Его новый дом отказались подключать к стокам, и он, хозяин дома, был очень зол.

— У меня есть дела поважнее, чем стоять здесь и оспаривать право кучки глупых законников мешать честным людям! Я исправно плачу подати и требую к себе уважения! — кричал он на Антенора, который как главный судья защищал городские водоотводные службы.

— Ты обратился не к тому мужу! — отрезал тот.

— Мы что, египтяне? — вопрошал домовладелец, размахивая руками. — Я поговорил с тем, с кем говорю обычно, и он сказал «да»! А потом, прежде чем я успел подсоединить дом к стоку, приходит отряд стражников и запрещает мне это делать! Лучше жить в Ниневии или Каркемише! Где-нибудь — где угодно, — где законники еще не парализовали жизнь своими глупыми распоряжениями! Я заявляю, что Троя — такая же косная, как Египет! Я отсюда уеду!

Антенор уже открыл рот, приготовившись ринуться на защиту своих возлюбленных законников, когда в зал ворвался какой-то человек. Я не узнал его, но Полидамант сразу задал вопрос.

— В чем дело? — рявкнул он.

Человек застонал, с мукой переводя дыхание, облизал губы, попытался заговорить и в конце концов с безумным выражением указал на моего отца, который наклонился вперед, позабыв про стоки. Полидамант помог бедняге взобраться на помост и усадил на нижнюю ступеньку, дав знак принести воды. Даже разгневанный хозяин дома почувствовал, что дело это поважнее будущего сточных вод, и немного подвинулся — хотя и не настолько далеко, чтобы это помешало ему расслышать то, о чем пойдет речь.

Отдышавшись и выпив воды, человек заговорил:

— Царь, мой господин, великие новости!

Отец посмотрел скептически:

— В чем дело?

— Мой господин, на рассвете я был в ахейском лагере и присутствовал при прорицании, которое Агамемнон приказал устроить, чтобы узнать причину чумы, убившей десять тысяч воинов!

Десять тысяч ахейских воинов умерли от болезни! Я почти бегом пробрался к трону. Десять тысяч! Если мой отец не сможет понять, что это значит, то он просто слепец и Троя обречена. На десять тысяч ахейцев

меньше, на десять тысяч троянцев больше. О отец, позволь мне вывести нашу армию за ворота! Я уже почти сказал это, когда понял, что человек еще не закончил рассказывать новости; я прикусил язык.

— Мой господин, между Агамемноном и Ахиллом произошла ужасная ссора. Армия расколота. Ахилл вышел из войны сам и отозвал своих мирмидонян и остальных фессалийцев. Мой господин, Ахилл не будет сражаться за Агамемнона! Это наш день!

Я вцепился в спинку трона, чтобы не упасть, домовладелец издал изумленный вопль, отец побледнел, Полидамант уставился на своего лазутчика с недоверием, Антенор неловко привалился к колонне, все остальные в зале словно окаменели.

Раздался громкий блеющий смех.

— Как низко пали великие! — вопил мой брат Деифоб. — Как низко пали великие!

— Тихо! — оборвал его отец и посмотрел вниз, на лазутчика. — Почему? В чем была причина ссоры?

— Ссора была из-за женщины, мой господин, — ответил человек, уже спокойнее. — Калхант потребовал, чтобы Хрисеиду, отданную верховному царю в качестве лирнесского трофея, отослали в Трою. Аполлон был так разгневан ее пленом, что наслал на ахейцев чуму и прекратит ее только тогда, когда Агамемнон отдаст свой трофей. Агамемнон был вынужден починиться. Ахилл стал насмехаться над ним. Он просто глумился над ним. Тогда Агамемнон приказал, чтобы Ахилл в возмещение отдал ему свой собственный трофей из Лирнесса, царевну Брисеиду. Передав ее верховному царю, Ахилл заявил, раз так, он сам и все воины, стоящие под его знаменами, выходят из войны.

Деифоб нашел это еще более забавным.

— Из-за женщины! Армия расколота надвое из-за женщины!

— Нельзя сказать, чтобы ровно надвое! — резко бросил Антенор. — Тех, кто ушел, не может быть больше пятнадцати тысяч. И если женщина может расколоть армию, никогда не забывай, что именно женщина привела эту же армию сюда!

Мой отец ударил скипетром по полу:

— Антенор, прикуси язык! Деифоб, ты пьян!

И он обратил все свое внимание на посланца:

— Ты уверен в том, что сказал?

— О да. Я был там, мой господин; я все видел и слышал.

Раздался великий вздох облегчения; в мгновение ока все вокруг просветлело. Там, где прежде царили мрак и безразличие, расцвели улыбки.

Руки хлопали в ладоши, нарастал радостный гул. Опечалился только я. Похоже, нам так и не суждено будет сойтись в поединке, Ахиллу и мне.

К трону небрежной походкой подошел Парис.

— Дорогой отец, когда я был в Элладе, то слышал, будто мать Ахилла — богиня — окунала всех своих сыновей в воды Стикса, чтобы наделить их бессмертием. Но когда она держала Ахилла за правую пятку, что-то испугало ее и она забыла сменить руки и взять его за левую. Вот почему Ахилл остался смертным. Подумать только, его правая пятка оказалась женщиной! Брисеида. Я ее помню. Она восхитительна.

Царь рассвирепел:

— Я сказал, довольно! Когда я запрещаю говорить одному сыну, Парис, это касается вас всех! Это не повод для насмешек. Это крайне важно.

Парис опустил голову. Я наблюдал за ним с жалостью. За последние два года он постарел; ему перевалило за сорок, и годы неумолимо проникали в его кожу, убивая цветущую юношескую свежесть. Пусть когда-то Елена им восхищалась, но теперь он ей надоел. Это знал весь двор. Так же как и то, что она закрутила интрижку с Энеем. Что ж, она вряд ли останется довольна. Эней любит только Энея.

Но ее мыслей никогда нельзя было прочесть. После резких слов отца, обращенных к Парису, она не сделала ничего, лишь стряхнула его руку и отодвинулась от него. Ни в ее глазах, ни на лице не мелькнуло никаких чувств. Потом я понял, что она не была так уж таинственна — ее губы тронула самодовольная усмешка. Почему? Она знала их, этих ахейских царей. Так почему же?

Я опустил перед троном на колени.

— Отец, — мой голос был тверд, — если нам уготовано когда-нибудь прогнать ахейцев с наших берегов, то этот час настал. Если только Ахилл и мирмидоняне помешали тебе согласиться, когда я просил тебя в прошлый раз, то причина твоих колебаний исчезла. Кроме того, они потеряли десять тысяч воинов во время чумы. Даже Пентесилея и Мемнон не дадут нам такой возможности, какая у нас есть сейчас. Мой господин, дай мне приказ начать бой!

Антенор шагнул вперед. О Антенор! Всегда Антенор!

— Прежде чем ты вынесешь решение, царь Приам, я умоляю тебя сделать мне одно одолжение. Позволь мне послать в ахейский лагерь своего человека, чтобы удостовериться, что лазутчик Полидаманта сказал правду.

Полидамант с живостью закивал:

— Это хорошее предложение, мой господин. Нам нужно это

проверить.

— Тогда, Гектор, — обратился Приам ко мне, — тебе придется подождать моего ответа еще немного. Антенор, разыщи своего человека и тут же его отправляй. Сегодня вечером мы созовем еще одно собрание.

Пока мы ждали, я привел Андромаху на вершину великой северо-западной башни, которая смотрела прямо на ахейский берег. Над мирмидонской оградой по-прежнему трепетало крошечное пятнышко знамени, но по перемещению людей в лагере было заметно, что между мирмидонянами и их соседями никакого движения не было. Мы смотрели туда с полудня до вечера, позабыв про еду, — очевидное доказательство разлада в ахейском лагере было нашей единственной пищей. С наступлением ночи мы вернулись в крепость, теперь более уверенные в том, что лазутчик Антенора подтвердит утренний рассказ. Он вернулся раньше, чем мы успели сгореть от нетерпения, и несколькими фразами повторил то, что сказал лазутчик Полидаманта. Была ужасная ссора, Агамемнон и Ахилл не помирятся.

Елена стояла у дальней стены, на приличном расстоянии от Париса, и открыто улыбалась Энею — ей ничто не угрожало, ибо она была уверена, что на какое-то время все слухи о ней с дарданцем затмила новость о ссоре. Когда Эней подошел к ней, она положила руку ему на плечо, и ее обнаженные прелести наклонились к нему в красноречивом приглашении. Но я оказался прав на его счет. Он на него не ответил. Бедная Елена. Если выбор стоял между ее чарами и очарованием Трои, я знал, что он выберет. Муж, достойный восхищения, только ценит себя немного слишком высоко.

Однако его резкий уход ее не смутил. Я снова задал себе вопрос, что она думает о своих соплеменниках. Она и правда очень хорошо знала Агамемнона. Я уже почти было решил расспросить ее, но со мной была Андромаха, а Андромаха ненавидела Елену. Я решил, что то небольшое, что мне удастся из нее вытянуть, не стоит того скандала, который устроит Андромаха, если об этом узнает.

— Гектор!

Я подошел к трону и преклонил перед отцом колени.

— Прими приказ выступить нашей армии, сын мой. Разошли глашатаев, чтобы те объявили мобилизацию для битвы — она будет через два дня на рассвете. Прикажи привратнику Скейских ворот смазать маслом валун и канаву и запрячь быков. Мы провели в тюрьме десять лет, но теперь мы выйдем из нее, чтобы прогнать ахейцев из-под Трои!

Когда я поцеловал ему руку, зал разразился оглушительными

возгласами. Я даже не улыбнулся. На поле битвы не будет Ахилла, так что же это будет за победа?

Два дня пролетели, как тень от облака по горному склону, все мое время было занято беседами с разными людьми и приказами, которые я отдавал оружейникам, механикам, предводителям боевых колесниц и пеших воинов. Пока все не было улажено, я не мог думать об отдыхе, а это значило, что я не виделся с Андромахой до последней ночи перед битвой.

— Случилось то, чего я боялась, — хрипло сказала она, когда я вошел в комнату.

— Андромаха, ты не настолько глупа, чтобы так говорить.

Она нетерпеливо смахнула слезы.

— Это все случится завтра?

— На рассвете.

— Неужели ты не мог найти немного времени для меня?

— Я нашел его сейчас.

— Одна ночь, и тебя не будет. — Ее пальцы беспокойно вцепились в мой хитон. — Мне это не нравится, Гектор. Что-то не так.

— Не так? — Я взял ее за подбородок. — Что может быть не так, если мы наконец сразимся с ахейцами?

— Все не так. Слишком уж гладко.

Она подняла правую руку, сжатую в кулак с выставленными указательным пальцем и мизинцем — знак, отгоняющий зло. Потом она с дрожью сказала:

— С тех пор как лазутчик Полидаманта принес новость о ссоре, Кассандра твердит об этом день и ночь.

Я рассмеялся.

— О Кассандра! Во имя Аполлона, женщина, что на тебя нашло? Кассандра, моя сестра, — сумасшедшая. Никому нет дела до ее карканья.

— Может, она и сумасшедшая, — гнула свое Андромаха, — но разве ты никогда не замечал, как точны ее предсказания? Говорю тебе, Гектор, она постоянно твердит о том, что ахейцы приготовили нам ловушку, говорит, мол, Одиссей подучил их, чтобы они могли выманить нас за стены!

— Ты начинаешь меня раздражать. — Я тряхнул ее за плечи. — Я пришел сюда не для того, чтобы говорить о войне или о Кассандре. Я пришел, чтобы побыть с тобой, моей женой.

Взгляд ее черных глаз обиженно упал на ложе, она пожала плечами. Потом отвернула покрывала, выскользнула из своего хитона и прошла по

комнате, гася лампы, — ее стройное тело было таким же упругим и привлекательным, как и в нашу первую брачную ночь. Материнство не оставило на ней следов; ее теплая кожа мерцала при свете последнего огонька. Я лег, заключил ее в свои объятия и забыл на время о том, что наступит завтра. Потом я задремал. Провалился в сон — мое тело было удовлетворено, разум покинуло напряжение. Но в последние мгновения перед тем, как занавес беспмятства упал окончательно, я услышал плач Андромахи.

— Что теперь? — спросил я, приподнимаясь на локте. — Ты все еще думаешь о Кассандре?

— Нет, я думаю о нашем сыне. Я молюсь, чтобы после завтрашнего дня он по-прежнему знал радость иметь живого отца.

И как у женщин это получается? Как им всегда удается найти именно то, чего мужчине слышать не хочется или не нужно?

— Прекрати реветь и давай спать! — рявкнул я.

Она погладила меня по волосам, почувствовав, что перегнула палку.

— Что ж, может, я зря так упала духом. Ахилла на поле боя не будет, поэтому тебе ничто не грозит.

Я отпрянул прочь и ударил кулаком по подушке.

— Прикуси язык, жена! Я не нуждаюсь в напоминаниях о том, что человек, с которым я жажду сразиться, не выйдет со мной на поединок!

Она задохнулась:

— Гектор, ты потерял рассудок? Неужели поединок с Ахиллом значит для тебя больше, чем Троя, чем я, чем наш сын?

— Есть вещи, предназначенные только для мужских сердец. Астианакс понял бы меня лучше.

— Астианакс — маленький мальчик. С самого рождения его глаза и уши наполнены войной. Он видит, как тренируются воины, он ездит перед строем войск в великолепной боевой колеснице рядом с отцом — он полностью сбит с толку! Но разве он видел когда-нибудь поле боя, когда битва закончена?

— Наш сын не дрогнет ни перед чем!

— Нашему сыну только девять лет! И я не позволю ему стать тупым и безжалостным воином, каких Троя сделала из твоего поколения!

— Ты заходишь слишком далеко, моя госпожа, — сказал я ледяным тоном. — Кроме того, ты не будешь иметь права голоса в том, что касается дальнейшего воспитания Астианакса. Как только я вернусь с победой, я заберу его у тебя и отдам на попечение мужей.

— Если ты это сделаешь, я сама тебя убью! — прорычала она.

— Попробуй, и умрешь первой!

В ответ она разрыдалась.

Я был слишком рассержен, чтобы прикоснуться к ней или искать примирения, поэтому провел остаток ночи, слушая ее рыдания, не в силах смягчить свое сердце. Мать моего сына заявила, что предпочтет вырастить его изнеженным трусом вместо воина.

В серой предрассветной дымке я встал с ложа и посмотрел на нее; она лежала лицом к стене, отказываясь на меня смотреть. Мои доспехи ждали меня. Позабыв про Андромаху по мере того, как росло мое возбуждение, я хлопнул в ладоши. Пришли рабы, надели на меня простеганный хитон, зашнуровали обувь, прикрепили наголенники и застегнули пряжки. Я сдерживал свое нетерпение, которое всегда чувствовал перед битвой, а рабы продолжали меня одевать: кожаные птериги с бронзовыми пластинами, кираса, наручи, кожаные манжеты и налобник, чтобы задерживать пот. В руки мне дали шлем, через правое плечо перебросили перевязь, чтобы меч лежал на левом бедре, и наконец на левое плечо повесили огромный щит на скользящем ремне и прикрыли им левый бок. Один из слуг подал мне палицу, другой помог пристроить шлем на сгиб правой руки. Я был готов.

— Андромаха, я ухожу.

В моем голосе не было прощения.

Но она лежала, не двигаясь, отвернувшись лицом к стене.

Коридоры вздрогнули, звон бронзы и гвоздей в подошвах гулким эхом отскакивал от мраморных полов, весть о моем приходе волной катилась впереди меня. Те, кто не шел на битву, выкрикивали приветствия, когда я проходил мимо, ликующая толпа стояла перед каждой дверью, смыкаясь за моей спиной. Наши сапоги громыхали по плиткам пола, из-под подкованных бронзой подошв вылетали искры, вдали гремели барабаны и гудел рог. Теперь перед нами лежал огромный двор за воротами крепости.

В портике ждала Елена. Я остановился, кивнув остальным, чтобы шли без меня.

— Удачи, деверь.

— Как ты можешь желать мне удачи, когда я иду сражаться с твоими соплеменниками?

— У меня нет племени, Гектор.

— Дом всегда останется домом.

— Гектор, никогда не пренебрегай ахейцем! — Она отступила на шаг назад, словно удивленная собственными словами. — Вот, я дала тебе лучший совет, чем ты заслуживаешь.

— Ахейцы такие же люди, как и все остальные.

— Да? — Ее зеленые глаза напоминали драгоценные камни. — Не могу согласиться. Я предпочла бы иметь врагом троянца, а не ахейца.

— Это честный, открытый бой. Победа будет за нами.

— Может быть. Но ты когда-нибудь спрашивал себя, почему Агамемнон поднял столько шума именно из-за этой женщины, когда у него их сотни?

— Важно то, что Агамемнон поднял шум. Причина не имеет значения.

— Значение именно в ней. Никогда не пренебрегай ахейской хитростью. А самое главное — не пренебрегай Одиссеем.

— Ха! Он просто плод воображения!

— Так он хочет, чтобы ты о нем думал. Я же знаю его лучше.

Она повернулась и пошла прочь. Париса нигде не было видно. Что ж, он будет наблюдателем, а не участником.

Меня ждали семьдесят пять тысяч пехотинцев и десять тысяч боевых колесниц, выстроившись рядами вдоль переулков и маленьких площадей, ведущих к Скейским воротам. Внутри самих ворот стоял мой собственный отряд воинов на колесницах. Раздались крики воинов, они гремели, как гром, когда я встал перед ними, высоко подняв палицу над головой в знак приветствия. Я вскочил на свою колесницу и, не торопясь, тщательно закрепил ноги в плетеных петлях, которые помогали устоять при движении, при резком повороте и особенно при езде галопом. Пока я был занят петлями, мой взгляд проносился по тысячам шлемов с пурпурными гребнями; бронза сверкала кровавым и розовым в косых лучах золотого солнца, башни ворот нависали над головой.

Засвистели кнуты. Быки,двигающие огромный валун, который поддерживал Скейские ворота, ревели от напряжения, нагнув головы. Канава, по которой двигался валун, была смазана маслом и жиром, но животные почти уперлись носами в землю. Очень медленно ворота стали отворяться — камень со скрипом и скрежетом прерывисто заскользил по дну канавы; вскоре полоса неба и равнины между крепостными стенами расширилась. Потом шум, с которым Скейские ворота распахнулись впервые за десять лет, утонул в криках радости, вырвавшихся из глоток тысяч троянских воинов.

Когда войска двинулись вниз по направлению к площади, колеса моей колесницы быстро завертелись. И вот я уже за воротами, на равнине, с моими воинами, следовавшими за мной. Ветер дул мне в лицо, под бледно-голубым сводом неба летали птицы, мои кони наострили уши и помчались

галопом, а мой возница Кебрион обмотал вожжи себе вокруг талии и уверенно правил упряжкой. Мы шли в бой! Это была свобода!

Отъехав на пол-лиги от Скейских ворот, я остановился и развернулся, чтобы выстроить войска: передний фронт вытянулся в стройную линию с колесницами в первом ряду, в центре авангарда встала царская стража из десяти тысяч пеших и десяти тысяч воинов на колесницах. Все было сделано четко и быстро, без неразберихи и паники.

Когда все было устроено должным образом, я снова повернулся вперед и посмотрел на чужеземную стену, протянувшуюся по всей равнине от реки до реки, отгораживая берег, занятый ахейцами. Насыпи по обеим концам стены засверкали мириадами ярких вспышек — захватчики хлынули на равнину. Я отдал копье Кебриону и надел шлем на голову, откинув назад пурпурный конский хвост гребня. Мой взгляд встретился со взглядом Деифоба, колесница которого стояла бок о бок с моей в том же ряду, и мой приказ выступить побежал от одного воина к другому по всей ширине вытянувшегося на лигу фронта. Мой двоюродный брат Эней командовал левым флангом, царь Сарпедон — правым. Я вел авангард.

Ахейцы подходили все ближе и ближе, солнце усиливало сияние их доспехов; я напрягал зрение, чтобы увидеть, кто выступит против меня, гадая, будет ли это сам Агамемнон, или Аякс, или кто-то другой из их вождей. Стук моего сердца замедлился, ибо Ахилла среди них не было. Потом я бросил еще один взгляд на наши ряды и подпрыгнул от изумления. Парис был там! Со своим драгоценным луком и колчаном стрел он стоял во главе отряда царских стражников, который был поручен ему в давнишние времена. Я спросил себя, на какие уловки пошла Елена, чтобы выманить его из надежного укрытия во дворце.

Глава двадцать четвертая, рассказанная Нестором

Я вознес Громовержцу небольшую молитву. Хотя на моем счету битв было больше, чем у кого бы то ни было из ныне живущих мужей, я никогда не сражался против такой армии, как троянская. Да и Эллада никогда не собирала такого войска, как войско Агамемнона. Мои глаза смотрели на плывущие в дымке вершины далекой Иды, и я гадал, покинули ли боги Олимп, чтобы расположиться на ней и наблюдать за сражением. Оно было вполне достойно их интереса, ведь о такой великой войне никогда не мечталось ни простым смертным, ни им самим — войны богов были скорее приватными междоусобицами из-за ограниченного количества возможных участников, ведь они сражались только между собой. Не станут они и поддерживать в битве ни нас, ни наших врагов (если они собрались на Иде), хотя всем было известно, что Аполлон, Афродита, Артемида и те, кто с ними связан, яростно выступали в защиту Трои, в то время как Зевс, Посейдон, Гера и Афина Паллада стояли за Элладу. Никто не мог с точностью сказать, за кого стоял Арес, бог войны, хотя именно ахейцы поклонялись ему, но его тайная подруга Афродита была всецело на стороне Трои. Гефест же, ее супруг, был (что вполне естественно) на стороне Эллады. Это было нам на пользу, ибо мы радели о плавке металлов и тому подобных искусствах и наших ремесленников направляла его божественная рука.

Если какой-нибудь муж и был счастлив в тот день, то этим мужем был я. Мое удовольствие портило только одно: юноша в моей колеснице, который раздраженно ерзал на месте, ибо страстно хотел ехать на собственной колеснице воином, а не возницей. Я искоса посматривал на него, моего сына Антилоха. Он был совсем ребенком, мой самый младший и самый любимый, дитя моих закатных лет. Когда я покинул Пилос, ему было двенадцать. Всем его посланцам, передававшим мне его мольбы о разрешении приехать в Трою, я отвечал твердым отказом. Поэтому он спрятался на корабле, который ходил между Элладой и Геллеспонтом, и приехал тайком, негодник. По прибытии он отправился не ко мне, а к Ахиллу, и они вместе убедили меня позволить мальчишке остаться. Это была его первая битва, но я всем сердцем желал, чтобы он был далеко отсюда, на песчаном берегу Пилоса, составляя списки продуктов, которые

нужно купить на рынке.^[21]

Мы выстроились напротив троянцев. Линия войск протянулась на целую лигу; я без удивления заметил, что Одиссей был прав. Их было намного больше, чем нас, даже если бы вся Фессалия была с нами. Я всмотрелся в их ряды в поисках вождей и сразу же увидел Гектора в центре их авангарда. Мои пилосцы образовали часть авангарда вместе с воинами обоих Аяксов и еще восемнадцати мелких царей. Агамемнон, стоящий в самом центре нашего авангарда, оказался как раз напротив Гектора. Левым флангом командовали Идомей с Менелаем, а правым — Одиссей с Диомедом, эта нелепая любовная парочка. Один слишком горячий, другой слишком холодный. Вместе — то, что надо.

Гектор правил превосходной упряжкой вороных коней и стоял в колеснице, словно сам Арес Эниалий. Такой же высокий и статный, как Ахилл. Однако я не увидел в троянских рядах ни одной седой бороды; Приам и ему подобные остались во дворце. Я был самым старым мужем на поле боя.

Забили барабаны, горны и цимбалы гулко бросили вызов к бою, и, захлестнув разделявшую нас полосу шириной в сто шагов, закипела битва. Копья летали, словно листья под свирепым дыханием зимы, стрелы падали вниз, как орлы на добычу, колесницы кружили и разворачивались на полном ходу, то прибавляя, то уменьшая скорость, пехота наступала и откатывалась назад. Агамемнон командовал авангардом с решительностью и проворством, которых я в нем не подозревал. На самом деле у многих из нас никогда раньше не было возможности увидеть, как ведут себя в сражении остальные. И было отрадно узнать, что сегодня утром Агамемнону хватило опыта отлично выступить против Гектора, который даже не пытался вызвать верховного царя на поединок.

Гектор яростно наступал, снова и снова бросая на нас свои колесницы, но не мог прорвать нашу линию фронта. За утро я несколько раз бросал своих воинов прямо в гущу противника; Антилох во все горло орал военный клич пилосцев, а я берег дыхание для битвы. Не один троянец погиб под колесами моей колесницы, ибо Антилох был хорошим возницей, он держал меня подальше от неприятностей и знал, когда следует отступить. Никто не посмел бы сказать, что сын Нестора подвергал престарелого отца опасности, лишь бы только самому ввязаться в битву.

В горле у меня пересохло, доспехи быстро покрылись пылью; я кивнул сыну, и мы отступили к задним рядам, чтобы глотнуть воды и перевести дыхание. Когда я взглянул на солнце, то с изумлением увидел, что оно

близится к зениту. Мы сразу же вернулись на передовую, и с новым приливом сил я повел своих воинов на троянцев. Мы здорово поработали, пока Гектор не смотрел в нашу сторону, потом я дал сигнал отступать, и мы благополучно отошли в наши ряды, не потеряв ни одного человека. Гектор же потерял больше дюжины. Удовлетворенно вздохнув, я молча улыбнулся Антилоху. Нам обоим хотелось получить доспехи вождя, но ни один из них нам не попался.

В полдень Агамемнон послал глашатая протрубить перемирие. Обе армии со стоном опустили оружие; голод и жажда, страх и усталость в первый раз стали реальностью с тех пор, как началась битва, вскоре после восхода солнца. Увидев, что все вожди съезжаются к Агамемнону, я приказал Антилоху следовать за ними. Когда я остановил колесницу рядом с Агамемноном, ко мне подъехали Одиссей с Диомедом. Все остальные уже собрались, рабы бегали взад-вперед с разбавленным вином, едой и лепешками.

— Что теперь, мой господин? — спросил я.

— Воинам нужен отдых. Это за много лун первый день напряженной битвы, поэтому я послал к Гектору глашатая и попросил, чтобы он и его вожди встретились с нами в центре поля битвы для переговоров.

— Отлично, — сказал Одиссей. — Если нам повезет, мы сможем провести за разговорами немало времени, пока войска будут переводить дыхание и насыщаться.

Агамемнон усмехнулся:

— Это выгодно обеим сторонам, и Гектор не отвергнет мое предложение.

Нестроевые части расчистили от тел середину полосы, разделявшей две армии, установили столы и табуреты, и вожди обеих сторон вышли на переговоры. Со мной были Аякс, Одиссей, Диомед, Менелай, Идомей и Агамемнон; мы стали с огромным интересом и любопытством следить за первой встречей между верховным царем и наследником троянского престола. Да, Гектору было суждено стать царем. Очень смуглый. Черные волосы выбиваются из-под шлема и, заплетенные в косу, падают на спину, и глаза, которые смотрят на нас так же пронизательно, как и наши на него, тоже черны.

Он представил своих соратников: Энея Дарданского, Сарпедона Ликийского, Акаманта, сына Антенора, Пандара, командира царской стражи, и своих братьев, Париса и Деифоба.

Менелай тихо зарычал и свирепо уставился на Париса, но оба мужа слишком опасались своих царственных братьев, чтобы нарываться на

неприятности. Троянские вожди оказались достойными мужами и воинами, все, кроме Париса, который здесь был явно не на своем месте: миловидный, надутый, манерный. Пока Агамемнон представлял нас, я пристально наблюдал за Гектором, чтобы уловить выражение его лица, когда он будет сопоставлять известные ему имена с лицами. Когда очередь дошла до Одиссея, в его напряженном взгляде появилось легкое замешательство. Но оно вовсе не показалось мне смешным — меня захлестнула жалость. Те, кто не знал Одиссея, итакийскую лисицу, повстречав его впервые, обычно сбрасывали его со счетов из-за его непропорциональной фигуры и неопрятной, почти простонародной одежды. Он умел произвести впечатление простака, если это было ему выгодно. Загляни в его глаза, Гектор, загляни в его глаза! Я тихо повторял про себя эти слова: загляни в его глаза, пойми, каков этот муж на деле, и бойся его! Но Гектор счел Аякса, который был следующим, куда более интересным и привлекательным. Так он упустил возможность понять значительность Одиссея.

Гектор с изумлением глядел на нашего второго по значению воина, огромного, мощного. Мы подумали: наверно, впервые в жизни ему пришлось смотреть кому-то в лицо снизу вверх.

— Мы не разговаривали друг с другом десять лет, сын Приама, — произнес Агамемнон. — Давно пора было это сделать.

— О чем ты хочешь поговорить?

— О Елене.

— Эта тема закрыта.

— Вовсе нет! Ты отрицаешь, что Парис, сын Приама и твой родной брат, похитил жену моего родного брата Менелая, царя Лакедемона, и привез ее в Трою как вызов всем народам Эллады?

— Я это отрицаю.

— Госпожа сама напросилась на приглашение, — добавил Парис.

— Естественно, вы не признаете, что использовали силу.

— Конечно, поскольку нам не нужно было ее применять. — Гектор, словно бык, раздул ноздри. — Чего ты добиваешься своими заявлениями, верховный царь?

— Чтобы вы вернули Елену вместе с ее приданым ее законному супругу, чтобы вы заплатили нам за потерянное здесь время и хлопоты, открыв Геллеспонт для ахейских купцов, и чтобы вы не препятствовали переселению нашего народа в Малую Азию.

— Твои условия неприемлемы.

— Почему? Все, чего мы просим, — это право на мирное

существование. Я бы не стал сражаться, если бы мог достичь своих целей мирным путем.

— Уступить твоим требованиям — значит погубить Трои.

— Война погубит Трои раньше. Ты защитник, Гектор, — а эта позиция никогда не имела преимуществ. Вот уже десять лет мы получаем доход Трои — и доход Малой Азии.

Они продолжали переговоры, перебрасываясь бессмысленными словами, а воины тем временем лежали на спинах на истоптанной траве и щурились от яркого солнца.

— Очень хорошо, а на это ты согласишься, царевич Гектор? — спросил Агамемнон немного погодя. — Среди нас есть двое, кто положил всему начало. Менелай и Парис. Пусть они вступят в поединок на открытом поле между двумя армиями и победитель продиктует условия мира.

Если Парис с виду мало подходил для единоборства, то Менелай еще меньше. Гектору потребовалось всего мгновение, чтобы решить, что Парис с легкостью выйдет победителем.

— Согласен, — сказал он. — Мой брат Парис будет драться в поединке с твоим братом Менелаем, и победитель продиктует условия.

Я пристально посмотрел на Одиссея, сидевшего рядом.

— Ради доброго имени Агамемнона, Нестор, будем надеяться, что тот, кто прервет поединок, будет троянцем, — прошептал он мне на ухо.

Мы вернулись в наши ряды, предоставив полосу шириной в сто шагов в распоряжение обоих мужей: Менелая, который проверял щит и копье, и Париса, который самодовольно чистил перышки. Глядя друг на друга, они медленно пошли по кругу, Менелай — делая выпады копьем, а Парис — уворачиваясь. Кто-то позади меня выкрикнул язвительное замечание, отчего по рядам троянцев прокатился недовольный гул, но Парис пропустил оскорбление мимо ушей и продолжал с изяществом уклоняться от удара. Я никогда не видел в Менелае никаких достоинств, но, очевидно, Агамемнон знал, на что идет, предлагая этот поединок. Я заранее присудил победу Парису, но я ошибся. Хотя Менелай и не обладал решимостью и инстинктом, которые делают из мужа вождя, он освоил искусство единоличного боя так же хорошо, как освоил все остальное. Ему не доставало характера, но не мужества, а это значило, что в поединке он имел преимущество. Когда он метнул копье, оно разбило щит Париса. Увидев перед собой обнаженный меч, Парис предпочел бежать, а не вытащить свой. Менелай яростно бросился за ним.

Теперь все видели, кто победит; троянцы стояли молча, ахейцы разразились громкими криками. Я не отрывал взгляда от Гектора, который принял неверное решение, но он был человеком высоких принципов. Если Менелай убьет Париса, ему придется вести переговоры. И тут, без какого-либо сигнала от Гектора, Пандар, начальник царской стражи, быстро натянул тетиву. Я криком предупредил Менелая, он остановился и отпрыгнул в сторону. Под возмущенный гул толпы у меня за спиной, он стоял со стрелой, вонзившейся ему в бок. Гул огорчения с троянской стороны засвидетельствовал, что именно троянец нарушил перемирие. На Гектора легло клеймо бесчестия.

Армии бросились в бой с яростью, какой утром в них не было: одна сторона защищала запятнанную честь, а другая жаждала отомстить за оскорбление, и обе стороны кромсали и рубили друг друга в ревушем безумии. Воины падали на землю толпами; сто шагов, разделявших вражеские шеренги, сжимались, пока там не осталась только плотная масса тел и пыль, облака которой слепили и душили нас. Отягощенный виной, Гектор был сразу везде, то пригибаясь, то вставая в центре своей колесницы, чтобы лучше прицелиться. Его копье разило без промаха. Никто из нас не мог подобраться к нему достаточно близко, чтобы бросить копье наверняка, воины в ужасе погибали под копытами упряжки его черных лошадей. В тот день решительного сражения я не мог понять, как ему удавалось пробиться с упряжкой сквозь страшную давку, хотя потом это стало таким привычным, что я научился делать это сам и не находил в этом ничего особенного. Я видел, как приближается Эней с кучкой дарданцев за спиной, и посреди рукопашной схватки удивился, каким образом ему удалось уйти со своего фланга. Заменяв копье мечом, я собрал своих воинов и с колесницы ударил в самую гущу, рубя без разбора лица, покрытые грязью и потом, и не выпуская Энея из виду, когда звал подкрепление.

Агамемнон прислал еще воинов во главе с Аяксом. Эней увидел его и отозвал своих псов, но не раньше, чем я получил удовольствие, видя, как этот человек-башня наносит удары направо и налево, как его рука, словно серп, без усталости косит вражеские колосья. Он оставил свою секиру, выбрав для первого дня битвы меч — смерть с двусторонним лезвием длиной в два с половиной локтя. Хотя он использовал его как секиру, мне казалось, что вращать им над головой было для него детской забавой. Он управлялся со своим огромным щитом с перехватом лучше, чем кто-либо из смертных; он неизменно держал его над самой землей, защищая себя с головы до ног стеной из бронзы и олова. За его спиной сражались шесть могучих вождей

с Саламина, а под броней его щита прятался Тевкр со своим луком. Ничем не обремененный, он натягивал тетиву, выпускал стрелу и доставал из колчана следующую движениями настолько плавными, что они, казалось, сливались в одно в безупречном ритме. Я видел, как ахейские воины, находясь в гуще битвы далеко от него, улыбались друг другу и собирались с духом, ибо слышали знаменитый призыв Аякса Аресу и дому Эака: «Эй! Эй! Враг! Враг!» — кричал он, придумав рифму к собственному имени, бросая ее в лица троянцам как насмешку.

Окруженный своими воинами, я поднял руку, приветствуя его, когда он вразвалку направился ко мне; Антилох благоговейно замер, ослабив вожжи упряжки.

— Они ушли, старина, — прогремел Аякс.

— Даже Эней не остался, чтобы сразиться с тобой.

— Зевс превратил их в тени! Почему бы им не вступить в бой? Но Эней мне еще попадется.

— Где Гектор?

— Я ищу его весь день. Этот человек — как блуждающий огонек, я все время плетусь позади. Но я его догоню. Рано или поздно мы встретимся.

Прозвучали резкие предупреждающие крики; мы сомкнули ряды — Эней возвращался с Гектором и частью царской стражи.

Я посмотрел на Аякса.

— Вот твой шанс, сын Теламона.

— Хвала Аресу за это.

Он пошевелил своими закованными в броню плечами, чтобы лучше распределить вес кирасы, и слегка ткнул Тевкра носком огромного сапога.

— Эй, братец. Этот — мой и только мой. Защищай Нестора и побереги Энея для меня.

Тевкр выскользнул из-под щита, его ясные преданные глаза сохранили свою безмятежность, когда он прыгнул на колесницу позади нас с Антилохом. Никто не подвергал сомнению его верность, хотя его мать была родной сестрой Приама, Гесионой.

— Давай, парнишка, — обратился он к моему сыну, — перевези нас через эти трупы и приближайся к Энею. У нас к нему дело. Царь Нестор, ты прикроешь меня, пока я буду стрелять из лука?

— С радостью, сын Теламона.

— Почему Эней в авангарде, отец? — спросил меня Антилох, когда мы тронулись. — Я думал, он командует флангом.

— Я тоже, — ответил Тевкр, когда я промолчал.

Мои воины и несколько саламинцев Аякса отправились с нами, мы

хотели удержать Энея подальше от Гектора, чтобы Аякс мог принудить того к поединку. Но как только эти двое сошлись в схватке, битва с обеих сторон пошла вполсилы; мы наблюдали за Гектором и Аяксом намного пристальнее, чем смотрели, куда падают наши стрелы. Аякс никогда не сражался на колеснице, возможно, потому, что еще не была построена та, которая смогла бы выдержать его вес, да еще вес Тевкра в качестве возницы в придачу. Вместо этого он по обыкновению стоял на земле и притворялся, будто он сам — колесница.

Бронза зазвенела о бронзу, наручень треснул под внезапно взбугрившимися мускулами и упал на землю и тут же был раздавлен. Они бились на равных, Аякс и Гектор. Они стояли лицом к лицу и отражали удары, в то время как битва вокруг них медленно замирала. Эней привлек мое внимание резким свистом.

— Это нельзя пропустить, мой седовласый друг! Я предпочту посмотреть на бой, а ты как? Эней, царь Дардании, просит перемирия!

— Я согласен на перемирие до окончания поединка. Тогда, если падет Аякс, я буду защищать его тело и его доспехи не на жизнь, а на смерть! Но если падет Гектор, я помогу Аяксу унести его тело и доспехи у тебя из-под носа! Нестор, царь Пилоса, согласен на перемирие!

— Да будет так!

В круге наблюдающих не поднялась ни одна рука. Вокруг нас битва продолжала кипеть как ни в чем не бывало, а мы стояли молча, не двигаясь. Когда я смотрел на Аякса, мое сердце пылало. Ни разу не потерял он бдительности, ни разу не выставил себя из-за громады щита. Гектор танцевал вокруг него, как живое пламя, отсекая от щита огромные куски. Ни один из них, похоже, не чувствовал времени или усталости; раз за разом их оружие поднималось и опускалось с прежней силой. Дважды Гектор почти потерял щит, но отражал клинок Аякса своим и продолжал биться дальше, сохранив как щит, так и меч, несмотря на все усилия Аякса. То один, то другой видели просвет в защите друг друга и били в него, но натывались на клинок противника и продолжали биться дальше, не обескураженные.

Кто-то похлопал меня по руке: гонец от Агамемнона.

— Верховный царь хочет знать, почему прекратилось сражение, царь Нестор.

— Я согласился на временное перемирие. Взгляни сам! Ты бы сражался, если бы такое происходило на твоем участке боя?

Он внимательно присмотрелся.

— Иди и передай верховному царю, что Аякс с Гектором дерутся

насмерть.

Гонец умчался прочь, дав мне возможность снова обратить внимание на поединок. Оба мужа продолжали яростно рубить и делать выпады — как долго уже это длилось? Мне не пришлось прикладывать руку к глазам, подняв взгляд на тускло-желтый шар запыленного солнца, чтобы заметить, что оно явно клонилось к западу, почти коснувшись линии горизонта. Клянусь Аресом, какая стойкость!

Колесница Агамемнона поравнялась с моей.

— Ты оставил командование, мой господин?

— Меня сменил Одиссей. О боги! Как долго они уже дерутся, Нестор?

— Около восьмой части дня.

— Им придется скоро закончить. Солнце садится.

— Невероятно, правда?

— Это ты объявил перемирие?

— Воины не хотели сражаться. Я бы тоже не стал на их месте. Как дела?

— Мы чуть продвинулись вперед, но они намного превосходят нас в численности. Диомед весь день сражался, будто титан. Он убил нарушителя перемирия Пандара и увел его доспехи у Гектора из-под носа. А! Эней здесь. Неудивительно, что он запросил перемирия! Диомед задел копьем его плечо и считает, что рана нешуточная.

— Так вот почему он свернул с фланга.

— Этот дарданец — самый большой хитрец, который есть у Приама. Но по слухам, он всегда прежде всего заботится о себе.

— Что с Менелаем? Стрела серьезно ранила его?

— Нет. Махаон перевязал его и отправил обратно в бой.

— Он устроил неплохое представление.

— Признайся, ты удивлен?

Долгий, печальный звук рога подтвердил наступление темноты, раздавшись над пылью и гомоном поля боя. Воины опустили оружие и глотали воздух ртом, переводя дыхание. Щиты упали на землю, мечи неуклюже вошли в ножны, но Гектор с Аяксом продолжали биться. В конце концов ночь победила их когда я сошел с колесницы и разнял их, они едва могли видеть собственное оружие.

— Уже очень темно, вы же ничего не видите, мои львы, поэтому опустите мечи.

Дрожащей рукой Гектор снял шлем.

— Признаюсь, я не жалею об этом. Я почти выдохся.

Аякс отдал щит Тевкру, у которого от его тяжести подогнулись колени.

— Я тоже выдохся.

— Аякс, ты — великий муж, — заявил Гектор, протягивая правую руку.

Аякс, улыбаясь, сжал запястье троянца.

— Я могу сказать то же самое о тебе, Гектор.

— Если Ахилла ценят выше тебя, то я не знаю почему. Вот, держи мой меч! — Повинуясь порыву, он протянул его Аяксу.

Аякс осмотрел клинок с искренним удовольствием и взвесил его в руке.

— С этого дня я буду биться только им. В обмен возьми мою перевязь. Мой отец говорил, что его отец получил ее от своего отца, которым был сам бессмертный Зевс. — Он наклонил голову и стянул с себя драгоценную реликвию. — Перевязь из блестящей пурпурной кожи с золотым тиснением, истинное произведение искусства.

— Я буду носить ее вместо собственной, — с удовольствием сказал Гектор.

Я видел, какое удовлетворение, взаимная симпатия и уважение возникли у них по отношению друг к другу при таких ужасных обстоятельствах. Потом рассудок мой окончился под взмахами ледяных крыльев дурного предчувствия: этот обмен подарками не сулил ничего хорошего.

Той ночью мы расположились на ночлег там же, где остановили битву, — под стенами Трои, рядом с армией Гектора, отделявшей нас от Скейских ворот. Горели костры, над ними на перекладинах висели котлы; рабы разносили огромные подносы с ячменным хлебом и мясом, рекой текло разбавленное вино. Некоторое время я наблюдал за мириадами факелов, вспыхивающих у Скейских ворот, — троянские рабы сновали взад и вперед, прислуживая армии Гектора, — потом разделил трапезу с Агамемноном и остальными у костра, в окружении наших воинов. Когда я вступил в свет костра, их усталые лица повернулись ко мне с приветствием, и я увидел в них пустоту, которая всегда одолевает мужчину после тяжелой битвы.

— Мы не продвинулись вперед и на кончик пальца, — сказал я Одиссею.

— Как и они, — спокойно ответил он, разжевывая кусок вареной свинины.

— Какие у нас потери? — спросил Идомений.

— Примерно такие же, как и у Гектора, может быть, немного меньше. Этого недостаточно, чтобы кто-нибудь получил преимущество.

— Завтра покажет, — зевая, произнес Мерион.

Агамемнон тоже зевнул.

— Да, завтра.

На этом беседа практически прекратилась. Тело ломило от боли, веки опускались, животы были полны. Пора завернуться в мех у костра и уснуть. Я поглядел сквозь пламя на тысячи маленьких огоньков, разбросанных по равнине, каждый — источник спокойствия и тепла в окутавшей нас ночной темноте. Дым клубился, поднимаясь к звездам, дым десяти тысяч костров под стенами Трои. Я лег на спину и принялся смотреть, как звезды то разгораются, то меркнут в созданной человеком дымке, пока они не растворились во сне, приносящем разуму тьму.

Второй день был не похож на первый. Резня ни разу не прервалась перемирием, нашим вниманием не завладел ни один поединок, ни один доблестный жест не ознаменовал рождения героя. Мы действовали сурово, с озлобленной настойчивостью. Мои кости ныли, требуя отдыха, мои глаза ослепли от слез, которые роняет каждый мужчина, видя смерть сына. Антилох оплакал брата и потребовал права занять его место в строю. И я поставил другого пилосца править моей колесницей.

Неуловимый, неумолимый, словно Арес, Гектор был в своей стихии, он носился по полю, подгоняя свои войска голосом, в котором звенел металл, голосом, который не знал снисхождения и никогда не унился бы о нем просить. У Аякса не было времени его преследовать; Гектор бросил на него с Диомедом все силы царской стражи, приковав двух своих самых опасных противников к одному месту численным преимуществом. Копье Гектора несло верную смерть — он был так же хорош, как Ахилл. Если в наших рядах появлялась брешь, он бросал в нее своих воинов и, как только они занимали ее, добавлял еще и еще, как лесоруб, загоняющий узкий клин глубже и глубже в тело лесного гиганта.

О какое горе! Жестокость, боль! Я ослеп от слез, когда пал еще один мой сын — пика, брошенная Энеем, выпустила ему кишки. В следующее мгновение Антилох едва не лишился головы под ударом меча — только не он! Прошу тебя, милосердная Гера, всемогущий Зевс, оставьте мне Антилоха!

Время от времени ко мне подбегали гонцы, сообщая, как идут дела на других участках поля; по крайней мере ни один из наших вождей не был задет, чему я был рад. Однако, возможно, потому, что наши воины устали,

или потому, что нам не хватало пятнадцати тысяч фессалийцев Ахилла, не вступивших в битву, или по какой-то другой причине мы начали отступать. Медленно, шаг за шагом, бой откатывался все дальше и дальше от стен Трои, все ближе и ближе к нашей собственной защитной стене. Я оказался в самых передних рядах, и мой возница рыдал от ярости, когда наша упряжка переступила через мешанину своих следов и начала вставать на дыбы.

На нас налетел Гектор; сквозь гущу воинов передо мной замаячила его колесница, и я стал неистово звать на помощь. Удача была со мной. Диомеду с Одиссеем удалось прорваться в центр нашего авангарда, их воины встали бок о бок с моими. Диомед не пытался вступить с Гектором в поединок, вместо этого он нацелился на его возницу — это был не тот, который возил его постоянно, и ему определенно не хватало опыта. Диомед метнул копье, и он упал на спину мертвым, натягивая вожжи до тех пор, пока кони, почувствовав удил, не шарахнулись в сторону. С небольшой помощью Одиссея мы благополучно убрались прочь, пока Гектор сыпал проклятиями и обрезал вожжи.

Я пытался сплотить свою часть шеренги, но моя попытка была безнадежна. В воздухе повис страх, по рядам полз слух о дурных приметах. Никто из нас больше не мог отрицать очевидного — мы отступали по всему фронту. Поняв это, Гектор с триумфальным криком бросил вперед остатки своих запасных шеренг.

День спас Одиссей. Он вспрыгнул на брошенную колесницу — где была его собственная? — и, остановив беотийцев, когда те собирались пуститься в бегство, развернул их к врагу лицом, принуждая отступать тихо и в полном порядке. Агамемнон тут же последовал его примеру; так отступление, грозившее обернуться беспорядочным бегством, прошло с минимальными потерями и без паники. Диомед приказывал аргивлянам бить наступавших троянцев, мы с Идомеем, Еврипилом, Аяксом и нашими воинами следовали за ним.

Мы подтянули фланги к центру; наша армия сгрудилась в каплеподобную массу, чей тонкий хвост щекотал ноздри Гектору, а голова откатывалась назад.

Тевкр оставался в укрытии под щитом брата, размеренно и точно посылая свои стрелы в цель. Увидев, что Гектор замешкался, он усмехнулся и в очередной раз натянул тетиву. Но Гектор был слишком хитер, чтобы пасть от стрелы, которой наверняка стоило ожидать из окружения Аякса. Одну за другой Гектор отражал стрелы щитом, это разозлило Тевкра и заставило его совершить ошибку. Он высунулся из-за щита брата. Гектор

этого ждал. Его копья давно закончились, но он схватил камень и запустил его с силой, достойной копья. Камень ударил Тевкра в правое плечо, и он упал на землю, словно жертвенный бык. Слишком занятый врагами, чтобы это заметить, Аякс продолжал сражаться. Ах, наконец-то! Когда голова Тевкра показалась над человеческим месивом и он пополз по телам умерших и раненых под защиту Аякса, мой крик облегчения был подхвачен дюжиной глоток. Но теперь он стал бременем, которое брату пришлось тащить; троянцы наступали.

Я в отчаянии оглянулся назад, чтобы увидеть, сколько нам оставалось до нашей стены, и ахнул: наши задние шеренги уже перебирались через насыпь.

Одиссею с Агамемноном удалось сохранить спокойствие. Отступление обошлось без больших потерь, и мы укрылись за стеной — под защитой своего каменного города. Было уже слишком темно, чтобы Гектор мог последовать за нами. Его войска остались на дальнем краю рва за частоколом, посылая нам вслед ругань и насмешки.

Глава двадцать пятая, рассказанная Одиссеем

Собрание в доме Агамемнона в ту ночь не отличалось особым весельем; мы просто сидели, восстанавливая силы, чтобы выдержать следующий день. У меня болела голова, горло саднило от боевых кличей, бока лишились кожи в тех местах, где терла кираса, несмотря на стеганый хитон. Пострадал каждый из нас, хотя и не сильно — ссадины, колотые и резаные раны, мелкие порезы... Кроме того, нас отчаянно клонило ко сну.

— Возмутительное поражение, — в могильной тишине произнес Агамемнон. — Возмутительное, Одиссей.

Диомед встал на мою защиту:

— Как Одиссей и предсказывал!

Нестор утвердительно кивнул. Бедный старик. Сейчас он выглядел на свои годы, и неудивительно. Он потерял в битве двоих сыновей. Пронзительным голосом он сказал:

— Отчаиваться пока рано. Победа придет. И сегодняшнее поражение сделает ее слаще.

— Знаю, знаю! — воскликнул Агамемнон.

— Кто-то должен пойти и рассказать Ахиллу новости. — Тон Нестора был понятен только тем из нас, кто был посвящен в наш план. — Он с нами, но если мы будем держать его в неведении, он может выступить преждевременно.

Агамемнон злобно посмотрел на меня:

— Одиссей, это твоя идея. К Ахиллу пойдешь ты.

Я устало побрел прочь. Заставив меня пройти вдоль всего ряда домов, Агамемнон по-своему на мне отыгрался. Но по мере того, как я шел, в покое и безопасности, силы начали ко мне возвращаться. От этой небольшой дополнительной прогулки я отдохнул больше, чем мог бы, проспав целую ночь. Поскольку каждый, кто меня видел, мог предположить, будто после сегодняшнего поражения Агамемнон послал меня умолять Ахилла вернуться, я открыто прошел в мирмидонские ворота, за которыми увидел мирмидонян и прочих фессалийцев, сидящих то тут, то там со скорбными лицами, алчущих битвы, страдающих от беспомощности.

Ахилл сидел в своем доме, грея руки над пылавшей жаровней, и

казался таким же измученным и напряженным, как и любой из нас, кто провел эти два дня в сражении. Напротив него с каменным лицом сидел Патрокл. После появления Брисеиды это не особенно меня удивляло. Отношения между Диомедом и мной были настолько же дружескими, насколько они были чувственными, это было целесообразно и приносило нам обоим невероятное удовольствие. Но если бы кому-то из нас приглянулась женщина — прекрасно. Ни трагедии, ни чувства предательства. Патрокл же любил, он считал себя в безопасности, навеки лишенным соперников. Тогда как Ахилл, подобно всем мужчинам, страсти которых не имели отношения к плоти, не отдал ему себя без остатка. Человек, созданный исключительно для любви мужей, Патрокл считал себя несправедливо обиженным. Бедняга, он любил.

— Что тебя ко мне привело? — хмуро спросил Ахилл. — Патрокл, найди для царя еды и вина.

С благодарным вздохом я уселся в большое кресло и дождался, пока Патрокл выйдет.

— Я слышал, дела плохи, — тут же произнес Ахилл.

— Как мы и ожидали, не забывай. Гектор держал троянцев в кулаке, но Агамемнон не смог сделать того же с нашими воинами. Отступление началось почти в тот же момент, что и ропот: все приметы против нас, по левую сторону неба пролетели тучи орлов, троянская крепость искупалась в золотом свете, и так далее. Разговоры о приметах всегда плохо кончаются. Мы пятились, пока Агамемнон не приказал укрыться за укреплениями на ночлег.

— Я слышал, вчера Аякс бился с Гектором.

— Да, их поединок длился больше восьмой части дня — безрезультатно. Тебе не о чем беспокоиться, друг мой. Гектор твой.

— Но воины гибнут напрасно! Позволь мне выступить завтра, пожалуйста!

— Нет, — жестко ответил я. — До тех пор, пока армии не будет грозить полное уничтожение или не начнут гореть корабли, из-за того что Гектор ворвется к нам в лагерь. И даже тогда ты прикажешь Патроклу вести войска — ты не должен вести их сам.

Я сурово посмотрел на него:

— Ахилл, ты поклялся в этом Агамемнону.

— Будь спокоен, Одиссей, я не нарушу клятвы.

Потом он склонил голову и погрузился в молчание. Так мы и сидели, когда вернулся Патрокл, Ахилл — согнувшись, а я — полусонно глядя на его золотые волосы. Патрокл приказал слугам поставить на стол еду и вино

и встал рядом, как ледяной столб. Ахилл бросил быстрый взгляд на него, потом на меня.

— Передай Агамемнону, что я отказываюсь взять свои слова обратно, — произнес он церемонным тоном. — Передай, пусть он ищет другого, кто вытащил бы его из беды. Или пусть вернет Брисеиду.

Я хлопнул себя по бедру, якобы рассерженный.

— Как тебе будет угодно.

— Одиссей, останься и поешь. Патрокл, ступай спать. Но не в этом доме!

Патрокл вышел за дверь.

Может, мне и удалось бы уснуть, но, когда я шел обратно, я чувствовал себя настолько бодро, что меня потянуло совершить какое-нибудь озорство, и я отправился в лощину, где все еще находилось мое шпионское поселение. Большинство лазутчиков из тех, которые не жили в Трое постоянно, сидели за остатками ужина; Терсит с Синоном тепло меня приветствовали.

— Есть новости? — спросил я, усаживаясь рядом.

— Только одна, — сказал Терсит. — Я собирался тебя искать.

— А! Так говори.

— Сегодня вечером, как только закончилась битва, прибыл новый союзник — дальний родственник Приама по имени Рес.

— Сколько воинов он привел?

Симон негромко рассмеялся.

— Ни одного. Рес — громогласный пустозвон. Он называет себя союзником, но правильнее будет назвать его беженцем. Собственный народ вышвырнул его вон.

— Хе-хе, — откликнулся я и стал ждать продолжения.

— Рес правит упряжкой из трех великолепных белых коней, о которых говорится в предсказании троянского оракула. Согласно оракулу, они — бессмертные дети крылатого Пегаса, быстрые, как Борей, и неукротимые, как Персефона, до того как ею завладел Аид. Если они выпьют воды из Скамандра и пощиплют троянской травы, то Троя никогда не падет. В предсказании говорится, что таково обещание Посейдона, который вообще-то на нашей стороне.

— И раз Посейдон на нашей стороне, они уже выпили воды из Скамандра и пощипали троянской травы?

— Они пощипали травы, но не стали пить из Скамандра.

Я усмехнулся.

— Разве их можно за это винить? Я бы тоже не стал.

— Приам послал набрать пару кадок выше по течению, — сказал Синон, тоже усмехаясь. — Он решил устроить из этого принародную церемонию завтра на рассвете. А до тех пор лошадей будет мучить жажда.

— Очень интересно. — Я встал и потянулся. — Я должен увидеть этих легендарных созданий собственными глазами. Тройка белых коней добавила бы моему образу определенной, э-э, утонченности.

— Немного утонченности тебе бы не помешало, — хихикнул Синон.

— Даже намного больше не помешало бы, — прибавил Терсит.

— Спасибо на добром слове! И где мне искать эту бессмертную упряжку?

— Точно узнать не удалось. — Терсин нахмурился. — Нам известно только, что их держат на равнине с троянской армией.

Диомед и Агамемнон с Менелаем ждали у моего дома; я важно прошествовал к ним, словно наслаждался обычной прогулкой, и улыбнулся Диомеду. Он узнал мой хитрый взгляд, и у него заблестели глаза.

— С Ахиллом все в порядке, — сообщил я Агамемнону.

— Хвала богам! Теперь я смогу уснуть.

Как только они с Менелаем ушли, мы с Диомедом вошли в дом и я хлопнул в ладоши, призывая раба.

— Принеси мне кожаные доспехи и два кинжала.

— Полагаю, мне тоже лучше пойти и одеться, — сказал Диомед.

— Встретимся у насыпи со стороны Симоиса.

— А мы сегодня вообще спать собираемся?

— Потом, потом!

Одетый в мягкую черную кожу, с двумя кинжалами за поясом, Диомед присоединился ко мне на насыпи со стороны Симоиса. Мы двинулись вперед, молча перебегая из тени в тень, пока не добрались до дальнего конца моста, где ров соединялся с частоколом.

— Зачем мы куда-то идем? — прошептал он.

— Мне взбрело в голову, что у меня должна быть тройка бессмертных белых коней.

— Это определенно улучшило бы твой внешний вид.

Я бросил на него подозрительный взгляд:

— Ты случайно не сговорился с Терситом и Синоном?

— Нет, — невинно ответил он. — А где эта тройка?

— Понятия не имею. Где-то там, в темноте.

— Значит, мы ищем иголку в стоге сена.

Я сжал его руку:

— Шшш! Кто-то идет.

Я мысленно поблагодарил свою покровительницу, мою возлюбленную богиню Афины Палладу: она всегда приносила мне удачу. Мы нырнули в траншею, идущую вдоль насыпи, и стали ждать.

Из темноты вышел человек, громохоча доспехами, — лазутчик-любитель, который шныряет повсюду, не понимая, что в таком деле нужно соблюдать тишину, а не устраивать трезвон. У него даже не хватило ума обойти стороной островок лунного света; лучи тут же осветили его с головы до ног, представив нашим взорам низенького, рыхлого человечка в дорогих одеждах и с пурпурным троянским гребнем на шлеме. Прежде чем прыгнуть, мы подпустили его поближе, на расстояние плевка, Диомед метнулся, чтобы встать слева от меня, и он оказался между нами. Я зажал ему рот, оборвав пронзительный крик; Диомед заломил ему руки за спину, и мы надели на него, повалив на траву. Его вылезшие из орбит глаза испуганно смотрели на нас; мы чувствовали, как он дрожит, словно медуза. Это не один из лазутчиков Полидаманта. Просто предприимчивый дурак.

— Кто ты? — прорычал я тихо, но свирепо.

— Долон, — удалось ему выдать.

— Что ты здесь делаешь, Долон?

— Царь Гектор попросил добровольцев пробраться в ваш лагерь и узнать, выйдет ли завтра Агамемнон за ворота.

Глупый Гектор! Почему было не отправить в разведку профессионала вроде Полидаманта?

— Сегодня прибыл один человек. Рес. Где его бивак? — спросил я, любовно проводя пальцем по лезвию своего кинжала.

Он сглотнул, задрожал и проблеял:

— Не знаю!

Диомед навис над ним, отсек ему ухо и принялся размахивать им у него перед носом, а я зажимал ему рот, пока он не понял, что мы так просто не отступим.

— Говори, змея! — прошипел я.

Он сказал. А потом мы свернули ему шею.

— Одиссей, взгляни на его драгоценности!

— Очень богатый человек, вероятно мародер. Он не стоит внимания Гектора. Сними с него побрякушки, старина, спрячь и забери, когда пойдем обратно. Это твоя часть добычи, раз я оставляю себе упряжку.

Он подбросил в руке огромный изумруд.

— Моя упряжка и так хороша. Зато лишь на этот камешек можно

купить сто коров Гелиоса, чтобы заселить равнины Аргоса.^[22]

Мы обнаружили бивак Реса именно там, где сказал Долон, и улеглись на ближайший бугор, чтобы спланировать свои дальнейшие действия.

— Глупец! — пробормотал Диомед. — К чему такое уединение?

— Исключительная привилегия, полагаю. Сколько ты насчитал?

— Двенадцать, но кто из них Рес, трудно сказать.

— Сначала убьем людей, потом заберем упряжку. Никакого шума.

Мы зажали ножи в зубах и скользнули в ночь, он — заняться делом со стороны костра, я — со стороны равнины. В таких вещах практика много значит; они умерли во сне, и кони — размытые белые тени на заднем фоне — не испугались.

Того, кого звали Рес, узнать было просто. Он тоже был любителем украшений. Прикорнув ближе всех к костру, он весь переливался.

— Посмотри на эту жемчужину! — вздохнул Диомед, поднимая ее, чтобы сравнить с луной.

— Тысяча коров Гелиоса, — ответил я вполголоса.

Никогда нельзя знать наверняка, кто может оказаться поблизости.

Морды у лошадей были обмотаны на тот случай, если они сорвутся с привязи и побегут утолить жажду. Тем лучше — они не начнут ржать. Пока я искал недоуздки и знакомился со своей новой упряжкой, Диомед собрал все, что было ценного, и погрузил на мула. Затем по предусмотрительно оставленным меткам мы направились назад к насыпи у Симоиса, где мой аргивский друг подобрал сокровища Долона.

Агамемнон не мог смириться с тем, что его разбудили, пока я не рассказал ему историю Реса с его лошадьми, здорово насмешив.

— Я понимаю, Одиссей, ты должен оставить сыновей крылатого Пегаса себе, но как насчет Диомеда?

— Я ни на что не претендую, — ловко ввернул Диомед с самым благородным видом.

Да, это был самый благоразумный ответ. Зачем говорить человеку, у которого есть лишний пустой сундук, что кто-то за пару часов приобрел целое состояние?

К утренней трапезе история с конями Реса передавалась из уст в уста по всей армии; воины были в восторге и приветствовали меня, когда я проехал на своей новой упряжке по насыпи со стороны Симоиса даже впереди Агамемнона, который хотел, чтобы Троя это увидела.

Троя увидела, и Троя шутку не оценила.

Битва была кровавая и жестокая. Агамемнон воспользовался

предоставившейся возможностью и пробил глубокую брешь в шеренге троянцев, заставив их отступить. Все наши воины были за то, чтобы покончить с этим делом, и принялись теснить их назад, пока за их спинами не выросли троянские стены. Но там троянцы, по-прежнему сильно превосходившие нас числом, пришли в себя и удача нам изменила. Начали выбывать из строя цари.

Первым оказался Агамемнон, весь день бывший в отличной форме. Подъезжая к нам вдоль линии фронта, он метнул копье в воина, который пытался остановить его колесницу, но не заметил еще одного, который шел следом и глубоко всадил копье Агамемнону в бедро. Наконечник был зазубрен, рана сильно кровоточила; верховный царь был вынужден покинуть битву.

Потом пришла очередь Диомеда. Ему удалось ударить Гектора по шлему дротиком, на мгновение его оглушив. Диомед с гиканьем бросился вперед, намереваясь покончить с ним, а я сосредоточил внимание на вознице Гектора и упряжке, чтобы вывести колесницу из строя. Никто из нас не увидел человека, надежно укрывшегося позади нее, пока он не выпрямился во весь рост с натянутой тетивой в руках и, сверкнув зубами, не выпустил стрелу. Это был выстрел с большого расстояния и почти в землю, но по пути стрела нашла свою цель, вонзившись в стопу аргивлянина. Пришпиленный к земле, Диомед сыпал ругательствами и потрясал кулаком, пока Парис удирает прочь. У Трои оказался свой Тевкр.

— Нагнись и вытащи ее! — крикнул я Диомеду, приближаясь к нему с немалым числом итакийцев.

Он послушался, а я тем временем схватил секиру какого-то павшего воина — она ему явно больше не была нужна. Для меня это было необычное оружие, слишком грубое и тяжелое, но, чтобы держать противника на расстоянии, подходило как нельзя лучше. Полный решимости помочь Диомеду благополучно выбраться с поля боя, я свирепо размахивал этой ужасной секирой, пока он, хромя, брел прочь, слишком покалеченный, чтобы быть полезным в битве.

И тут я тоже был сражен. Чье-то удачливое копье вонзилось мне в голень, чуть ниже подколенного сухожилия. Мои итакийцы окружили меня и отражали удары, пока я его вытаскивал, но острие оказалось зазубренным и, выходя, выдрало огромный кусок плоти. Быстро теряя кровь, я был вынужден потратить время на то, чтобы перетянуть ногу полосой, оторванной от хитона ближайшего мертвеца.

К нам на подмогу пришли Менелай и его спартанцы; мне удалось пробиться к нему и встать рядом. Появился Аякс, и они вдвоем отступили в

сторону, чтобы дать мне возможность укрыться за колесницей Менелая. Аякс — славный воин! Огонь горел у него в крови, он наносил удары вокруг с силой, какой у меня никогда не было, заставляя троянцев отступить. Его саламинцы так им гордились, что пошли бы за ним в огонь и в воду. Один из троянских вождей заметил это и начал посылать к нам все больше и больше воинов, пока они не оказались прижаты к секире Аякса под напором очередной волны воинов, напавших сзади. Не успевали наши богатыри с могучим Аяксом во главе их скосить, как они появлялись перед ними снова, словно воины из легенды, выраставшие из зубов дракона.

Радостно отметив, что Гектор исчез, я попытался стянуть силы на нашу сторону поля боя. Ближе всех был Еврипил, который подтянулся с фланга, — как раз вовремя, чтобы поймать плечом одну из стрел Париса. Махаон подошел следом, но и его постигла та же участь. Парис. Что за жалкая тварь! Он не тратил стрелы на простых воинов, вместо этого он прятался где-то в безопасности, поджидая хотя бы царевича. Этим он отличался от Тевкра, который стрелял по всем подряд.

Мне наконец удалось выбраться за воюющие шеренги и найти Подалирия, занимавшегося Агамемноном и Диомедом, которые ждали с несчастным видом так близко к месту боя, как только осмелились. Когда мы с Махаоном и Еврипилом попали в их поле зрения, они пришли в ужас.

— Зачем тебе сражаться, брат? — процедил Подалирий сквозь зубы, опуская Махаона на землю.

— Займись сначала Одиссеем. — Махаон дышал с трудом, из его плеча торчал обломок стрелы Париса и капала кровь.

Моя рана была обработана и перевязана первой; потом Подалирий направился к Еврипилу. Он предпочел протолкнуть стрелу вперед, боясь, что она причинит плечу еще больший вред, если вытаскивать ее тем же путем, каким она в него вошла.

— Где Тевкр? — спросил я, опускаясь на землю рядом с Диомедом.

— Я недавно отправил его обратно в бой, — ответил Махаон, все еще ждущий своей очереди. — Плечо, на которое вчера пришелся удар Гектора, распухло до размеров камня, которым был нанесен этот удар. Мне пришлось сделать надрез и выпустить жидкость. Его рука была почти парализована, но сейчас он вполне может ею двигать.

— Наши ряды редеют.

— Слишком сильно, — мрачно заметил Агамемнон. — Воины тоже об этом знают. Разве ты не чувствуешь перемены?

— Да, чувствую, — ответил я, поднимаясь и пробуя ступить на ногу. — Предлагаю вернуться в лагерь прежде, чем начнется паника. Мне кажется, армия скоро помчится на берег.

Несмотря на то что я сам был в ответе за отступление, оно оказалось для меня ударом. В битве уже было слишком мало царей, чтобы удерживать войска вместе; из главных вождей остались только Аякс, Менелай и Идомей. На одном из отрезков наш фронт был прорван, слух о поражении распространялся с удивительной быстротой. Внезапно вся наша армия повернулась и побежала под укрытие лагеря. Крик Гектора был таким громким, что я услышал его с высоты защитной стены, и троянцы с воплем бросились в погоню, как голодные псы. Наши воины все еще валили внутрь по симоисской насыпи с троянцами на хвосте, когда Агамемнон, побледнев, отдал приказ. Ворота закрылись прежде, чем последние из них — и самые доблестные — успели вбежать внутрь. Я заткнул уши и закрыл глаза. Твоя вина, Одиссей! Все это твоя вина.

День еще не закончился, и было слишком рано прекращать битву. Гектор попытается взять стену. Слоняясь по лагерю, наши воины постепенно собрались с духом и поняли, что теперь им предстояло защищать укрепления. Рабы носились взад и вперед, водружая на огонь огромные котлы и лохани с водой, чтобы лить на головы тем, кто попытается штурмовать стену; мы не осмелились использовать масло из страха, что стена загорится. На ее вершине уже были навалены камни — мы сделали это просто на всякий случай уже несколько лет назад.

Разочарованные троянцы сбились в кучу вдоль рва, их вожди разъезжали туда-сюда в своих колесницах, убеждая воинов вернуться в строй. Гектор ехал в золотой колеснице со своим прежним возницей, Кебрионом. Даже спустя несколько дней после ожесточенного боя он держался прямо и уверенно. Как и должен был. Наши воины начинали заполнять место вокруг меня на вершине стены, где я устроился поудобнее, чтобы понаблюдать, какой способ выберет Гектор для штурма: предпочтет ли он пожертвовать многими воинами или придумает что-то лучше, чем грубая сила.

Глава двадцать шестая, рассказанная Гектором

Я загнал их за собственную ограду, как овец, победа была у меня в руках. Я прожил за стенами всю свою жизнь, и не было в ойкумене никого, кто бы лучше меня знал, как их штурмовать. Ни одни стены, кроме троянских, не были неуязвимы. Пришло мое время. Я упивался поражением Агамемнона, давая клятву заставить этого гордого мужа почувствовать то же отчаяние, в котором жили мы с тех самых пор, как тысяча его кораблей обогнула Тенедос. Когда мы с Полидамантом проезжали в моей колеснице вдоль их жалкой стены, из-за нее выглядывали сотни голов. Кебрион отправился напоить лошадей.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я Полидаманта.

— Это, конечно, не Троя, но укрепления построены хитро. Между двумя насыпями большое расстояние — ловкий трюк. И ров с частоколом тоже. Ты видишь, в чем их ошибка?

— О да. Зазор между стеной и рвом слишком широк. Мы воспользуемся их насыпями, но не для того, чтобы атаковать ворота. Мы перейдем по ним частокол и ров, а потом бросим войско в зазор, чтоб штурмовать саму стену. Камень здесь редкость, поэтому им пришлось построить ее из дерева, за исключением смотровых вышек и основания.

Полидамант кивнул:

— Я сделал бы так же. Мне послать в Трою за горючим?

— Сейчас же вези все, что горит, даже кухонный жир. А я пока соберу вождей.

Когда все собрались — Парис, как всегда, не торопился и пришел последним, — я объявил о своих намерениях.

— Две трети армии войдут внутрь через симоисскую насыпь, одна треть — через насыпь у Скамандра. Я разделю войско на пять частей. Первую поведу сам, вместе с Полидамантом. Парис, ты поведешь вторую. Гелен, ты — третью, вместе с Деифобом. Мы трое перейдем здесь, у Симоиса. Эней, ты поведешь четвертую часть у Скамандра, вместе с Сарпедоном и Главком.

Гелен сиял, ибо я назначил главным его, а не Деифоба, который никак не мог решить, что злило его больше — это или то, что Парису дали отдельный отряд. Эней тоже не был особенно счастлив разделить

компанию с Сарпедоном и Главком.

Когда войска достигнут противоположных концов насыпей, они повернутся и пойдут навстречу друг другу вдоль стены, от Симоиса к Скамандру, пока не заполнят все пространство между стеной и рвом. Тем временем нестроевые силы будут разбирать частокол на лестницы и дрова. Нашим лучшим оружием станет огонь. Поэтому для начала нам нужно разжечь костры и сделать так, чтобы ахейцы не смогли их потушить.

Среди вождей был мой двоюродный брат Асий, постоянный шип у меня в боку, ибо он никогда не выполнял приказы.

— Гектор, — чересчур громко заявил он, — ты собираешься бросить колесницы?

— Да, — не колеблясь, ответил я. — Какая в них польза? Нам меньше всего нужно, чтобы лошади путались под ногами.

— А как насчет того, чтобы атаковать ворота?

— Их слишком легко защитить, Асий.

Он фыркнул:

— Чушь! Вот, смотри!

И прежде чем я смог ему помешать, он помчался, выкрикивая своим воинам приказ занять места в колесницах. Встав во главе своего отряда, он направил коней на симоисскую насыпь. Она была широка, но широка была и упряжка из трех лошадей в ряд; две крайние дико вращали глазами при виде кольев, торчащих из рва по обе стороны насыпи, пока их паника не передалась той, которая была в центре. В следующее мгновение все три осадили назад и принялись вставать на дыбы, приведя в замешательство воинов, которые следовали за Асием. Пока возница Асия боролся с упряжкой, ворота в конце насыпи приоткрылись. В проем шагнули два воина, за которыми последовал большой отряд. По знамени было видно, что это лапифы. Я вздрогнул: Асий был обречен. Один из двух предводителей метнул копье, пронзив моему брату-бахвалу грудь. Он выпал из колесницы и, неуклюже разбросав руки и ноги, упал на колья во рву. Его возница тут же последовал за ним. Лапифы обошли колесницу и поразили тех, кто ехал следом. Мы ничем не могли им помочь. Покончив с резней, лапифы слаженно отступили назад, и ворота закрылись.

Теперь, прежде чем наступать, нам предстояло очистить насыпь от кровавого месива, но Эней и Сарпедон с Главком, не теряя времени, отправились к насыпи у Скамандра, у которой — я знал — не будет защитников. По ту сторону ворот сидел Ахилл, но Ахилл больше не служил Агамемнону. Глупая девчонка значила для него больше, чем его соплеменники. Предатель.

Воины хлынули через насыпь и побежали вдоль основания стены, встреченные шквалом дротиков, стрел и камней, посыпавшихся сверху. Эти снаряды не причиняли им большого вреда, — прикрыв головы щитами, они размеренно бежали по направлению к скамандрской насыпи, навстречу чужеземным войскам, которые тоже начали двигаться вдоль стены. Нестроевые разбирали на части деревянный частокол, превращая длинные колья в лестницы, а все ненужное рубили на дрова. Из Трои уже начали подвозить масло, смолу и кухонный жир, когда я надоумил своих воинов делать рамы, класть на них щиты наподобие черепицы и, укрывшись под ними, словно под крышей, спокойно работать.

Загорелись костры; я смотрел, как клубы дыма взмыли вверх, к лицам, которые виднелись из-за верхнего края стены, — на них внезапно появился страх. Сверху водопадом низвергалась вода, но мы использовали несколько «крыш» и прикрыли костры, чтобы они разгорелись так, что их было невозможно потушить; кроме того, от масла с водой шел черный дым, который был мне только на руку.

Мы попытались приставить лестницы, но ахейцы были слишком хитры, чтобы нам это позволить. Аякс метался вдоль средней части стены, где наступал я, громко крича и ногой сталкивая лестницы вниз. Я приказал прекратить штурм.

— Остаются костры, — сказал я Сарпедону, войска которого присоединились к моим.

Костры вдоль нашего участка стены уже пылали вовсю. Ликийские лучники прятали головы за брустверами, а в это время другие ликийцы с троянцами подливали в костры масло.

— Я попытаюсь взять стену, — сказал Сарпедон.

Пока лучники Сарпедона сыпали на защитников град стрел под прикрытием дыма от костров, вдоль стен вытянулись вверх лестницы — и остались на месте. Потом, словно по волшебству, на вершине стены взвился гребень ликийского шлема, и началась битва. Я смутно слышал, как вождь ахейцев зовет подкрепление, но не ждал Аякса с его саламинцами. В считанные мгновения наша маленькая победа обернулась поражением, к нам под ноги с глухим стуком падали тела, военный клич ликийцев сменился криками боли. А Тевкр, прячась за щитом брата, посылал свои стрелы не в гущу сражения на вершине стены, а вниз, в нас.

Рядом раздался сдавленный вопль, и на меня навалилось тело Главка. Я опустил его на землю — стрела пробила его доспехи и вонзилась в плечо. Слишком глубоко. Глядя на Сарпедона, я покачал головой; на губах Главка

пузырилась розовая пена, признак неминуемой смерти.

Они были неразлучны, как близнецы, они правили вместе и любили друг друга долгие годы. Смерть одного наверняка означала скорую гибель другого.

Излив свою боль в мощном рыке, Сарпедон содрал с одного из раненых конскую попону, набросил ее на голову и плечи и шагнул через костер. С торчавшего из стены крюка свисала веревка, не замеченная ахейцами, которые слишком торопились столкнуть ликийцев вниз. Сарпедон ухватился за нее и потянул с поистине нечеловеческой силой — так велико было его горе. Дерево застонало и заскрипело, почерневшие бревна начали расходиться и ломаться; внезапно большой кусок стены рухнул прямо на нас. Троянцы, которые оказались под стеной, были раздавлены, ахейцы, стоявшие наверху, рухнули вместе с ней, и в считанные мгновения вся центральная часть моего строя обратилась в хаос. Сквозь проем я увидел высокие каменные дома и бараки, позади них — ряды кораблей и серые воды Геллеспонта. Потом Сарпедон заслонил мне вид; он отбросил попону в сторону, схватил меч и щит и ринулся в лагерь ахейцев с воплем, предвещавшим врагу смерть.

Ахейцы бежали от нас, а мы все наступали, все больше и больше воинов проходило сквозь брешь в стене, пока наконец воины Эллады не смогли собраться с духом и повернуться к нам лицом. Аякс был там, поддерживая сопротивление, но в таком месиве о поединке нечего было и думать. Линия фронта не двигалась ни на йоту, ни назад ни вперед; Идоменей с Мерионом подтянули критян, и брат мой Алкаф упал. Я стер с глаз слезы и проклял свою слабость, хотя в ней было больше ярости, чем печали. Это лишь заставило меня лучше сражаться.

Появлялись и исчезали знакомые лица: Эней, Идоменей, Мерион, Менесфей, Аякс, Сарпедон. Среди ликийцев и дарданцев попадалось все больше троянцев; взглянув назад, я увидел, что проем в стене намного расширился. Только пурпурные гребни мешали нам убивать своих, такая была давка, такая жаркая была битва. Мужчины погибали без счета, бессмысленно и храбро; мои подошвы скользили на настиле из человеческих тел, местами напор с обеих сторон был так силен, что мертвые оставались стоять с открытыми ртами, с истекающими кровью ранами. Мои руки и грудь были в чужой крови.

Рядом, словно из ниоткуда, возник Полидамант.

— Гектор, ты нам нужен. Мы прорываемся сквозь брешь, но ахейцы не уступают. Скорее к Симоису, поторопись!

Мне понадобилось время, чтобы выбраться из схватки, не создавая

паники, но в конце концов мне удалось протиснуться вдоль ахейской стены, подбадривая воинов по пути, напоминая им, что мы окончательно победим тогда, когда сожжем эту тысячу вражеских кораблей и лишим ахейцев надежды уплыть восвояси.

Кто-то подставил мне ногу — и почти поплатился за это своей головой. Но, заносся меч, я взглянул на него — он сидел на земле и глупо посмеивался.

— Почему ты не смотришь, куда идешь? — спросил Парис.

Словно громом пораженный, я уставился на него.

— Парис, ты никогда не перестанешь меня удивлять. Вокруг гибнут воины, а ты сидишь в укрытии как ни в чем не бывало. И даже находишь время развлекаться, ставя мне подножки.

Даже это не стерло улыбку с его лица.

— Гм, если ты думаешь, будто я стану просить у тебя прощения, Гектор, то ты ошибаешься! Признай, если бы не я, тебя бы здесь не было. Чьи стрелы сбили тех ахейских царьков, а? Кто заставил Диомеда покинуть битву, а?

Я схватил его за длинные черные кудри и рывком поставил на ноги.

— Тогда сбей еще кого-нибудь! Аякса, например, а?

Бросив на меня взгляд, полный ненависти, Парис ускользнул прочь, а я обнаружил, что наши ряды, к которым я направлялся, были атакованы Аяксом и большим отрядом саламинцев.

Битва шла уже по другую сторону насыпи. Теперь мы дрались среди домов — задача сложная и опасная, ибо каждый дом служил ахейцам прикрытием. Но те, кто сражался на открытом месте, постепенно отступали к берегу и кораблям. Аякс услышал мой боевой клич и ответил на него своим: «Эй! Эй! Враг! Враг!» Мы протискивались навстречу друг другу сквозь людской прибой, я держал копье наготове. И тут, когда я уже почти добрался до него, он внезапно нагнулся и выпрямился, держа обеими руками валун, до этого служивший подпоркой кораблю, вытащенному на берег. Мое копье было бесполезно. Я отбросил его и вытащил меч, рассчитывая на то, что успею ударить первым. Он швырнул в меня камень со всей силы. Мою грудь разорвала боль, и я упал.

Из гудящей темноты к свету, полному мучительной боли: вкус крови во рту, меня рвет, я открываю глаза, вижу рядом с собой на земле почерневшую кровь и снова лишаюсь чувств. Когда я прихожу в себя во второй раз, боль уже не так мучительна; один из наших лекарей стоит на коленях, склонившись надо мной. Я с усилием попытался сесть, он помог

мне.

— Царевич Гектор, у тебя сильный ушиб ребер и несколько разорванных вен, но больше ничего серьезного.

— Боги сегодня на нашей стороне, — вздохнул я и поднялся на ноги, опираясь на него.

Чем больше я двигался, тем меньше была боль; я продолжал двигаться. Несколько моих воинов вынесли меня за симоисскую насыпь и положили рядом с моей колесницей. Кебрион улыбался мне во весь рот.

— Мы думали, ты умер.

— Отвези меня обратно, — велел я, залезая в колесницу.

Отсутствие необходимости передвигаться на ногах целый день было счастьем, но, доехав до толчеи, я вынужден был спешиться. Считая меня погибшим, моя армия потеряла уверенность, но как только воины узнали, что я жив и возвращаюсь в битву, они сразу воспряли духом. Должно быть, для ахейцев мое появление стало жестоким ударом. Они сломали строй и побежали между домами, пока неизвестному мне вождю не удалось остановить их у носа корабля, одиноко стоявшего, подобно полководцу, впереди первого, бесконечного с виду ряда кораблей. Мы с боем заставили ахейцев сдаться, ибо они отказались отступать дальше; не покорились только Аякс, Мерион и несколько критян.

Над моей головой навис нос одинокого корабля; когда Аякс уперся ногами в землю напротив меня и поднял свой меч — мой меч, который я ему подарил, я увидел победу на расстоянии вытянутой руки. Я сделал выпад, и он уверенно его отбил; мы вернулись к своему поединку, но на этот раз за нами не наблюдала ни одна пара глаз — вокруг все дрались с такой же свирепостью.

— Чей... корабль? — выдохнул я.

— Принадлежал... Протесилаю, — тяжело дыша, ответил он.

— Я... его... сожгу!

— Сначала... сгоришь... сам!

Ахейцы бросились защищать судно, которое, очевидно, было их талисманом, — нас с Аяксом разделил их внезапный натиск. Но со мной были воины из царской стражи, а ахейцы, вставшие против нас, были не чета саламинцам. Отнимая одну жизнь за другой, мы продвигались вперед. Я снова увидел Аякса, но на этот раз он не пытался заставить нас отступить. Несколькими мощными рывками он подтянулся на палубу корабля Протесилая, быстрый и гибкий, как гимнаст. Там он схватил длинный шест и начал лениво размахивать им по кругу, сшибая моих воинов с палубы в тот самый момент, когда они на нее залезали.

Когда последний из ахейцев, противостоящий мне, пал мертвым, я взобрался на плечи троянских воинов и принялся карабкаться вверх, пока не ухватился за корабельный нос. Оттуда до палубы был один прыжок. Аякс стоял передо мной, переминаясь с ноги на ногу, так и не побежденный. Мы обменялись оценивающими взглядами, одновременно почувствовав невероятную усталость от такой долгой битвы. Медленно качая головой, словно пытаясь убедить себя в том, что я не существую, он размахнулся шестом. Я выставил перед собой меч и, встретив его клинком, рассек вдоль на две части. От внезапной потери равновесия Аякс едва не упал навзничь; но он выпрямился и схватился за меч. Я рванул вперед, уверенный, что с ним покончено, но он снова показал мне, каким он был великим воином. Вместо того чтобы сразиться со мной, он побежал к корме, напряг мускулы и перепрыгнул с корабля Протесилая на другой, стоявший как раз позади него в середине первого ряда.

Я не стал его преследовать. Я любил этого человека, как и он, конечно же, любил меня. Будь мы друзьями или врагами, но наша взаимная привязанность крепла. Я знал, боги не хотят, чтобы мы убили друг друга: ведь мы обменялись подарками.

Я перегнулся за поручни и посмотрел на пурпурное море троянских гребней.

— Дайте мне факел!

Кто-то швырнул мне факел. Я поймал его, подошел к голой мачте, опутанной канатами, и позволил огню ласково облизать потрескавшееся сухое дерево. Аякс смотрел с соседнего корабля, его руки неловко повисли вдоль туловища, по лицу катились слезы. Огонь вспыхнул; полотнище пламени развернулось от основания мачты до ее верхушки, палуба засочилась струйками дыма от других факелов, заброшенных снизу в весельные проемы. Я побежал обратно на нос.

— Мы победили! Корабли горят!

Мои воины подхватили крик и бросились на ахейцев, сгрудившихся перед кораблями, стоявшими позади своего талисмана — корабля Протесилая.

Глава двадцать седьмая, рассказанная Ахиллом

Большую часть времени я проводил, стоя на крыше самой высокой мирмидонской казармы и глядя с ее высоты через стену, за которой лежала равнина. Я видел, как армия дрогнула и обратилась в бегство; я видел, как Сарпедон пробил брешь в стене; я видел, как воины Гектора хлынули в лагерь. Слушать, как Одиссей рассказывает о своем плане, было одно. Видеть, чем этот план обернулся, — невыносимо. Я тяжело побрел к дому.

На скамье снаружи сидел Патрокл, с лицом, мокрым от слез. Увидев меня, он отвернулся.

— Ступай найди Нестора. Я видел, как он недавно принес Махаона. Узнай у него новости про Агамемнона.

Пустая просьба. И так было ясно, каковы будут новости. Но по крайней мере, мне не придется смотреть на Патрокла или слушать, как он умоляет меня изменить решение. Шум битвы, бушевавшей по другую сторону укрепленной ограды, которая отрезала моих фессалийцев от остального лагеря, был почти не слышен; основной бой шел со стороны Симоиса. Я сел на скамью и дождался возвращения Патрокла.

— Что сказал Нестор?

Его лицо было перекошено презрением.

— Мы разбиты. После десяти лет страданий и боли мы — разбиты! И только по твоей вине! С Нестором и Махаоном был Еврипил. Наш рок ужасен, Гектор обезумел. Даже Аякс не в силах отразить его натиск. Они сожгут корабли.

Он перевел дыхание.

— Если бы ты не поссорился с Агамемноном, ничего этого не случилось бы! Ты пожертвовал Элладой ради страсти к презренной женщине!

— Патрокл, почему ты не веришь в меня? Почему ты против меня? Из-за ревности к Брисеиде?

— Нет. Я разочарован, Ахилл. Ты просто не тот человек, которым я тебя считал. Дело не в любви. Дело в гордости.

Я не сказал того, что мог бы сказать, ибо раздался ужасный крик. Мы оба помчались к защитной стене и взбежали по ступеням, чтобы заглянуть за нее. В небо поднимался столб дыма — это горел корабль Протесилая.

Все уже случилось. Я мог выступать. Но как сказать Патроклу, что это ему, а не мне следует повести за собой фессалийцев и мирмидонян?

Когда мы спустились, Патрокл упал передо мной на колени.

— Ахилл, корабли сгорят! Если ты не хочешь, то позволь мне повести войска! Ты же видел, как им ненавистно сидеть здесь, пока остальные воины Эллады гибнут! Или ты замахнулся на микенский трон? Ты хочешь вернуться в земли, которые не смогут противостоять твоему нашествию?

Мое лицо окаменело, но я сумел ответить ровным голосом:

— Я не собираюсь занимать трон Агамемнона.

— Тогда позволь мне сейчас же возглавить воинов! Позволь мне вывести их к кораблям, пока Гектор не сжег их все!

Я сурово кивнул:

— Хорошо, веди их. Я понимаю тебя, Патрокл. Принимай командование.

Но, сказав это, я увидел, как можно улучшить план, и поднял Патрокла на ноги.

— Но с одним условием. Ты наденешь мои доспехи и заставишь троянцев думать, будто к ним вышел Ахилл.

— Надень их сам и иди с нами!

— Я не могу этого сделать.

Я привел его в свою оружейную и надел на него золотые латы из сундука Миноса, подаренные мне отцом. Они были ему велики, но я постарался их подогнать, укрепив пластины кирасы внахлест и положив в шлем подкладку. Наголенники доходили ему до бедер, давая больше защиты, чем обычно. Пожалуй, если смотреть с не очень близкого расстояния, он сойдет за Ахилла. Посчитает ли это Одиссей нарушением клятвы? А Агамемнон? Что ж, будет жаль, если так. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить своего старинного друга — любовника — от беды.

Протрубил рог; мирмидоняне и фессалийцы собрались в мгновение ока, и стало очевидно, что они давно были готовы броситься в схватку. Вместе с Патроком я вышел на площадку для сборищ, пока Автомедонт побежал запрягать мою колесницу; пусть толку от нее в лагере будет мало, было нужно, чтобы все увидели, что пришел Ахилл — вышвырнуть троянцев прочь. В золотых доспехах, которые я надевал только в редких случаях, каждый признает Ахилла.

Но как же так? Воины приветствовали меня так же оглушительно, смотрели на меня с той же любовью, какую выказывали мне всегда. Как такое возможно, если от меня отвернулся даже Патрокл? Я поднес руку к

глазам и взглянул на солнце — еще немного, и оно сядет за горизонт. Хорошо. Не нужно, чтобы обман длился долго. С Патроком все будет в порядке.

Автомедонт был готов. Патрокл вскочил на колесницу.

— Дорогой брат. — Я положил руку ему на плечо. — Выгони Гектора из лагеря, но не больше. Что бы ты ни делал, не преследуй его на равнине. Приказ понятен?

— Абсолютно. — Дернув плечом, он стряхнул мою руку.

Автомедонт прищелкнул языком, упряжка двинулась к воротам, отделявшим наш лагерь от основного, пока я поднимался на крышу казармы.

Теперь сражение кипело перед первым рядом кораблей; Гектор казался непобедимым. Но расстановка сил изменилась в одно мгновение, когда на троянцев со стороны Скамандра вышли пятнадцать тысяч свежих воинов, во главе которых был некто в золотых доспехах, на золотой колеснице, заряженной тремя белыми конями.

— Ахилл! Ахилл!

Я слышал, как обе стороны выкрикивают мое имя, — это было настолько же странно, насколько неловко. Но этого было достаточно. Стоило троянцам увидеть фигуру на колеснице и услышать мое имя, как они обратились из победителей в побежденных. Они побежали. Мои мирмидоняне жаждали крови и налетали на отстававших, не жалея сил, безжалостно кромсая их на куски, пока «я» выкрикивал свой военный клич и поддерживал их.

Армия Гектора повалила наружу через симоисскую насыпь. Я поклялся, что никогда больше нога троянца не ступит внутрь нашего лагеря. Никакая, самая хитрая уловка Одиссея не сможет меня убедить. Я обнаружил, что плачу, и не знал, по кому именно — по себе, по Патроклу или по всем погибшим ахейским воинам. Одиссею удалось выманить Гектора за ворота, но какой страшной ценой. Я мог только молить богов, чтобы потери Гектора сравнялись с нашими.

Ах! Патрокл преследовал троянцев по равнине. Когда я увидел, что он задумал, у меня дрогнуло сердце. Внутри лагеря толпа не давала никому приблизиться к нему достаточно близко, чтобы обман раскрылся, но на равнине — о, на равнине было возможно все! Гектор соберется с духом, и Эней еще в битве. Эней знает меня. Меня, а не мои доспехи.

Внезапно я понял, что лучше ничего не знать. Я ушел с крыши и сел на скамью у своего дома, ожидая, пока кто-нибудь придет. Солнце скоро сядет,

сражение прекратится. Он останется жив. Он должен остаться жив.

Раздались шаги — младший сын Нестора, Антилох. Он рыдал и заламывал руки — все было ясно. Я попытался заговорить, но мой язык прилип к небу; с усилием я выдавил из себя вопрос:

— Патрокл мертв?

Антилох зарыдал в голос.

— Ахилл, его бедное нагое тело лежит на равнине среди троянского войска. Гектор расхаживает в твоих доспехах и смеется нам в лицо! Мирмидоняне убиты горем, но они не позволяют Гектору приблизиться к телу, хотя тот и поклялся бросить Патрокла на корм троянским псам.

Я вскочил, но колени мои подогнулись, — я упал в пыль, туда, где стоял на коленях Патрокл, умоляя меня вступить в бой. Неправда, неправда. Но это было правдой. Я знал, что это случится. На мгновение я ощутил в себе силу моей матери и услышал плеск и рокот моря. Опять она наслала на меня морок. Я с ненавистью выкрикнул ее имя.

Антилох положил мою голову к себе на колени, его теплые слезы падали мне на плечо, его пальцы растирали мне затылок.

— Он не хотел понять, — бормотал я. — Он отказывался понимать. Я никогда об этом не думал. Чтобы из всех именно он поверил, будто я могу оставить тех, кого люблю? Я дал им клятву. Он умер, считая мою гордыню сильнее гордыни Зевса. Презирая меня. И я уже ничего не смогу объяснить. Одиссей, Одиссей!

Антилох перестал рыдать.

— При чем здесь Одиссей?

И тут я вспомнил, покачал головой и поднялся на ноги. Мы вместе пошли к воротам в защитной стене.

— Ты думал, что я покончу с собой?

— Недолго.

— Кто это сделал, Гектор?

— Гектор надел его доспехи, но кто именно его убил — неясно. Когда троянцы приняли бой на равнине, Патрокл сошел с колесницы. И споткнулся.

— Его убили доспехи. Они были ему слишком велики.

— Мы этого никогда не узнаем. На него напали трое. Последний удар нанес Гектор, но тогда он мог быть уже мертв. Но он успел пустить им кровь. Убил Сарпедона. Когда на помощь подоспел Эней, то обман раскрылся. Троянцы были в ярости от нашей уловки, но воспряли духом. Потом Патрокл убил Кебриона, возницу Гектора. Вскоре после этого он спустился с колесницы и споткнулся. Не успел он встать, как они

набросились на него, словно шакалы, — у него не было возможности защититься. Гектор сорвал с него доспехи, но прежде, чем он успел увезти тело, подоспели мирмидоняне. Аякс с Менелаем до сих пор сражаются, защищая его.

— Я должен помочь им.

— Ахилл, ты не сможешь! Солнце садится. Пока ты туда доберешься, все будет уже кончено.

— Я должен помочь!

— Предоставь это Аяксу и Менелаю.

Он положил руку мне на плечо:

— Я должен попросить у тебя прощения.

— За что?

— Я в тебе усомнился. Мне нужно было понять, что это все Одиссей.

Я проклинал свой длинный язык. Даже в морoke я был связан клятвой.

— Ты никому не должен этого говорить, Антилох, ты слышишь?

— Да.

Мы поднялись на крышу и посмотрели туда, где равнина была запружена людьми. Я заметил Аякса и увидел, что он крепко держит свежие силы фессалийцев на занятой позиции, в то время как Менелай выносит из битвы нагое тело, высоко подняв его на щите. Они возвращали Патрокла назад. Троянские псы не отведают его плоти.

— Патрокл! — закричал я. — Патрокл!

Некоторые услышали крик и посмотрели в мою сторону. Я выкрикивал его имя снова и снова. Все войско хранило молчание. Потом рог долгим, протяжным воем возвестил о приходе вечера. Гектор, сверкая моими золотыми доспехами в последних лучах красного заката, уводил свою армию к троянским стенам.

Патрокла уложили на самодельный помост в центре огромной площади для собраний перед домом Агамемнона. Менелай с Мерионом, покрытые запекшейся кровью и грязью, были настолько измучены, что едва держались на ногах. Потом, ковыляя, подошел Аякс. Когда из его обессиленных пальцев выпал шлем, у него не было сил нагнуться и поднять его. Я сделал это за него, отдал шлем Антилоху и крепко обнял своего двоюродного брата — это был способ поддержать его, не дав ему уронить своей чести, ибо он был повержен.

Собрались цари, окружив Патрокла и разглядывая его тело. Все раны были от подлых ударов: один нанесли под плечо, в зазор между кирасой и телом, другой — в спину, и еще один — в живот, куда копье вошло так

глубоко, что, выходя, потянуло за собой кишки. Я узнал удар Гектора, но подумал, что умер Патрокл от удара в спину, кто бы его ни нанес.

Его рука свесилась с края помоста. Я взял ее в свою и опустился рядом с ним на землю.

— Ахилл, уйди, — произнес Автомедонт.

— Нет, мое место здесь. Позаботься вместо меня об Аяксе и пошли за женщинами, чтобы обмыть Патрокла и одеть его в саван. Он останется здесь до тех пор, пока я не убью Гектора. Вот моя клятва: я положу тела Гектора и двенадцати знатных троянских юношей ему в ноги в могиле. Их кровью он заплатит Харону, чтобы тот переправил его через реку Стикс в царство мертвых.^[23]

Вскоре пришли женщины и смыли с Патрокла грязь. Они вымыли его спутанные волосы, забальзамировали раны сладко пахнущей мазью, стерли мягкой губкой следы от слез вокруг его крепко закрытых глаз. Только за это я мог благодарить судьбу: когда его принесли в лагерь, его веки уже опустились.

Всю ночь я держал его руку в своей, не чувствуя ничего, кроме отчаяния человека, чье последнее воспоминание о любимом было наполнено ненавистью. Уже две тени жаждали отмщения: Ифигения и Патрокл.

С первыми лучами солнца пришел Одиссей и принес две чаши разбавленного вина и тарелку ячменного хлеба.

— Поешь и попей.

— Только после того, как выполню то, в чем поклялся Патроклу.

— Он не знает о том, что ты делаешь, и ему все равно. Если ты поклялся убить Гектора, то тебе нужны силы.

— Я справлюсь.

Внезапно я уставился на него, только теперь осознав, что в лагере не было слышно признаков пробуждения.

— В чем дело? Почему все до сих пор спят?

— У Гектора вчера тоже был трудный день. На рассвете пришел гонец и попросил день перемирия, чтобы оплакать и похоронить мертвых. Битва продолжится только завтра.

— Если продолжится! — огрызнулся я. — Гектор вернулся в город, больше он оттуда не выйдет.

— Ты ошибаешься. — Глаза Одиссея сверкнули. — А я прав. Гектор считает, будто взял нас за горло, а Приам не поверит, что ты вернешься на поле боя. Уловка с Патроком сработала. Поэтому Гектор с армией все еще на равнине, а не за стенами.

— Завтра я убью его.

— Завтра.

Он с любопытством посмотрел на меня:

— В полдень Агамемнон собирает совет. Воины слишком устали, чтобы помнить о ваших с ним отношениях, — ты придешь?

Я сжал пальцами холодную руку друга:

— Да.

Мое место рядом с телом Патрокла занял Автомедонт, а я отправился на совет, по-прежнему одетый в старую набедренную повязку из кожи и покрытый грязью. Усевшись рядом с Нестором, я задал ему немой вопрос: среди нас были Антилох и Мерион.

— Антилох догадался по тому, что ты вчера сказал ему, — прошептал старик. — Мерион догадался, слушая ругань Идоменея во время битвы. Мы решили, лучше уж полностью им довериться и связать их такой же клятвой.

— А Аякс? Он догадался?

— Нет.

Агамемнон был обеспокоен.

— Наши потери ужасны, — мрачно заявил он. — Насколько я знаю, с начала битвы с Гектором мы потеряли пятнадцать тысяч мертвыми или ранеными.

Нестор покачал седой головой, пропустив сквозь пальцы блестящую бороду:

— Ужасны — это не то слово! О, если бы только с нами были Геракл, Тесей, Пелей с Теламоном, Тилей, Атрей и Кадм! Говорю вам, теперь воины уже не те. С мирмидонянами или без, но Геракл с Тесеем смели бы на своем пути все.

Он вытер глаза пальцами, униженными перстнями. Бедный старик. Он потерял в битве двух сыновей.

И тут Одиссей разозлился. Вскочил на ноги.

— Я вас предупреждал! Я говорил вам прямо и честно, что нас ждет, прежде чем нам улыбнется удача! Нестор, Агамемнон, к чему ваши жалобы? На наши пятнадцать тысяч Гектор потерял двадцать одну! Прекратите витать в облаках! Никто из ваших легендарных героев не сделал бы и половины того, что сделал Аякс, что сделал каждый из вас! Да, троянцы хорошо сражались! А вы ожидали другого? Но только Гектор держит их вместе. Если Гектор умрет, умрет и их дух. И где же их подкрепление? Где Пентесилея? Где Мемнон? Завтра Гектор не сможет бросить в битву свежие силы, а у нас будет почти пятнадцать тысяч

фессалийцев, включая семь тысяч мирмидонян. Завтра мы сломаем троянцам хребет. Может, нам и не прорваться в город, но мы полностью деморализуем их войско. Завтра Гектор будет на равнине, и Ахилл получит возможность убить его.

Он самодовольно взглянул на меня:

— Ставлю на тебя, Ахилл.

— Еще бы! — едко сказал Антилох. — Я понял твой замысел, но услышал о нем не от тебя. Мне рассказал отец.

Одиссей внезапно насторожился, закрыв глаза.

— Твой план был основан на смерти Патрокла. Почему ты так настаивал, чтобы Ахилл не возвращался в битву даже после того, как это будет позволено мирмидонянам? Только ли для того, чтобы заставить Приама поверить, будто Ахилл никогда не смягчится? Или для того, чтобы унижить Гектора, заставив его сразиться с недостойным его противником? Патрокл погиб в тот момент, как получил командование. Гектор сразился бы с ним, даже и сомневаться не стоило. И он сразился. Патрокл умер. Именно такую участь ты ему и готовил.

Я вскочил на ноги, от слов Антилоха у меня будто череп раскололся. Мои руки потянулись к Одиссею с намерением свернуть ему шею. Но упали на полпути. Я безвольно сел обратно. Одиссей не предлагал одеть Патрокла в мои доспехи. Это предложил я. И кто знает, что случилось бы, пойдя Патрокл в бой под своей личиной? Как я мог винить Одиссея? Виноват был только я сам.

— Ты и прав, и не прав, Антилох, — произнес Одиссей, притворившись, будто не заметил, как я вскочил с места. — Как я мог знать, что Патрокл погибнет? Судьба мужа в битве не в наших руках. Она — в руках богов. Почему он споткнулся? Может быть, один из богов, которые стоят за троянцев, подставил ему подножку? Я простой смертный. И не могу предсказывать будущее.

Агамемнон встал:

— Хочу вам всем напомнить, что вы дали клятву выполнить план Одиссея. Ахилл знал, на что он идет. И я тоже. И мы все. Нас не заставили силой, не завлекли обманом, не одурачили. Мы решили сделать так, как предложил Одиссей, ибо никто не смог предложить нам ничего лучше. И мы сами не могли ничего придумать. Неужели вы забыли, как мы бранились и раздражались, видя, что Гектор укрылся за стенами? Неужели вы забыли, что Троей правит Приам, а не Гектор? Все это было придумано в первую очередь для Приама. Мы знали цену. И решили ее заплатить. Больше сказать нечего.

Он сурово посмотрел на меня:

— Готовьтесь к завтрашней битве. Я созову общее собрание и перед всеми вождями верну тебе Брисеиду, Ахилл. И я поклянусь, что не спал с ней. Все ясно?

Каким старым он выглядел, каким уставшим. Волосы, которые десять лет назад были редко присыпаны сединой, сейчас перемежались широкими серебристыми лентами, по обеим сторонам бороды свисала снежно-белая прядь. Я устало поднялся, обняв все еще дрожащей рукой Антилоха, и вернулся к Патроклу.

Усевшись в пыль рядом с помостом, я взял у Автомедонта окоченевшую руку друга. День протек, словно вода, которая капля за каплей падает в колодец времен. Мое горе смягчилось, но вина — нет. Горе естественно, вину мы навлекаем на себя сами. Горе излечивается временем, но только смерть может смыть вину. Я никогда раньше об этом не думал.

Солнце становилось розовым и водянистым, прячась за дальний берег Геллеспонта, когда ко мне подошел Одиссей. На его лицо легли тени, глаза запали, руки безвольно висели по сторонам. С тяжелым вздохом он присел рядом со мной на корточки, сомкнув руки вокруг колен, и так и остался сидеть. Мы долго молчали; его волосы пламенели в последних лучах солнца, а профиль на фоне сумерек был словно выточенным из прозрачного янтаря. Он казался богом.

— Какие доспехи ты завтра наденешь?

— Бронзовые с золотой отделкой.

— Хороший выбор, но я бы дал тебе лучше.

Повернув голову, он серьезно посмотрел на меня:

— Какие чувства ты ко мне испытываешь? После слов того мальчика на совете ты хотел свернуть мне шею, но потом передумал.

— Те же, что и обычно. Только потомки смогут рассудить, кто ты есть, Одиссей. Ты не принадлежишь нашему времени.

Он склонил голову, что-то рисуя пальцем в пыли.

— Из-за меня ты потерял драгоценные доспехи. Гектор будет с удовольствием их носить, надеясь затмить тебя. Но у меня есть золотые доспехи, которые будут тебе впору. Они принадлежали Миносу. Ты примешь их?

Я посмотрел на него с любопытством:

— Откуда они у тебя?

Он рисовал в пыли каракули; над одной он нарисовал дом, над другой — лошадь, над третьей — человека.

— Списки покупок. У Нестора есть для них специальные символы.

Он нахмурился и стер рисунки ладонью.

— Нет, символов недостаточно. Нам нужно еще что-то, что может передавать идеи, мысли, у которых нет формы, они летят на крыльях разума... Ты слышал сказки, которые рассказывают про меня? Будто Лаэрт мне не отец? Что меня зачал Сизиф, с которым моя мать ему изменяла?

— Да, слышал.

— Это правда. И к лучшему! Будь я сыном Лаэрта, Эллада была бы беднее. Я не признаю своего происхождения открыто лишь потому, что, если я это сделаю, мои подданные сбросят меня с итакского трона, не успею я и глазом моргнуть. Но я увлекся. Я только хотел, чтобы ты понял, что эти доспехи были добыты нечестным путем. Сизиф украл их у Девкалиона, царя Крита, и отдал моей матери в знак любви. Ты наденешь то, что было добыто нечестно?

— С радостью.

— Тогда на рассвете я их принесу. Еще одно.

— Что?

— Не говори, что получил их от меня. Скажи всем, будто это дар богов, якобы твоя мать попросила Гефеста выковать их за ночь в своем небесном горне, чтобы ты смог надеть их на битву, как подобает сыну богини.

— Если ты хочешь, я так и скажу.

Я немного поспал, опустившись на колени и привалившись к помосту, тревожно, преследуемый сновидениями. Одиссей разбудил меня перед рассветом и повел к себе в дом, где на столе лежал огромный сверток, обернутый льняной тканью. Я невесело развернул его, ожидая увидеть добротные, искусно сделанные доспехи — конечно, отделанные золотом, но ничуть не похожие на те, которые теперь носил Гектор. Мы с отцом всегда считали, что они были лучшими из принадлежавших Миносу.

Возможно, они такими и были, но те, которые дал мне Одиссей, были намного лучше. Я постучал по безупречному золотому покрытию костяшками пальцев, и оно отозвалось глухим, тяжелым звуком, совершенно не похожим на звон, который издает многослойный металл. Озадаченный, я перевернул невероятно тяжелый щит и увидел, что он был сделан не так, как другие, многослойные и толстые. Здесь, похоже, слоев было всего два: внешнее золотое покрытие и под ним единственный слой темно-серого металла, который не давал ни блеска, ни отражения при свете лампона.

Я слышал про него раньше, но никогда не видел, если не считать

наконечника моего копья, Старого Пелиона, — его называли закаленным железом. Но мне и не снилось, что оно существует в количестве, достаточном для изготовления полного набора доспехов такого размера. Каждый предмет был сделан из того же самого материала и покрыт золотом.

— Их сделал Дедал триста лет назад, — сообщил Одиссей. — Он был единственным человеком в истории, который знал, как закалять железо, плавить его в тигле вместе с песком, чтобы оно вобрало немного его в себя и стало тверже бронзы. Он собирал куски железной руды, пока их не набралось достаточно, чтобы отлить эти доспехи, а потом набил сверху золото. Если его поцарапает стрелой или клинком, золото можно быстро выправить. Видишь? Фигурки отлиты вместе с железом, а не накованы сверху.

— Они принадлежали Миносу?

— Да, тому самому Миносу, который со своим братом Радамантом и твоим дедом Эаком сидит в Аиде и судит тени мертвых, которые собираются на берегах Ахерона.

— Любой благодарности будет мало. Когда мои дни будут сочтены и я предстану перед этими судьями, возьми эти доспехи обратно, чтобы отдать своему сыну.

Одиссей рассмеялся.

— Телемаху? Нет, он никогда до них не дорастет. Отдай их своему сыну.

— Меня захотят в них похоронить. Поручаю тебе позаботиться о том, чтобы Неоптолем их получил. Похороните меня в хитоне.

— Как скажешь, Ахилл.

Автомедонт помог мне одеться на битву, пока рабыни стояли у стены, бормоча молитвы и заклинания, чтобы отогнать зло и наделить доспехи силой. При малейшем движении доспехи сверкали золотом.

Агамемнон выступил на собрании перед командирами, слушавшими его с деревянными лицами. Потом настала моя очередь принять унижение верховного царя, после чего Нестор вернул мне Брисеиду; Хрисеиды нигде не было видно, но вряд ли ее отправили в Трою. В конце концов мы разбрелись, чтобы поесть, — трата драгоценного времени.

Высоко подняв голову, Брисеида молча шла рядом. Она казалась больной, изнуренной и более встревоженной, чем когда выходила со мной из горящих руин Лирнесса. Войдя в мирмидонские укрепления, мы прошли мимо Патрокла, лежавшего на своем помосте, — его перенесли сюда из-за собрания. Она вздрогнула.

- Брисеида, пойдём.
- Он сражался вместо тебя?
- Да. Его убил Гектор.

Я заглянул ей в лицо, чтобы найти там крупицу нежности. В ее улыбке сияла сама любовь.

— Дорогой мой Ахилл, ты так устал! Я знаю, как много он для тебя значил, но нельзя же так убиваться.

— Он умер, презирая меня. Он отказался от нашей дружбы.

— Значит, он совсем не знал тебя.

— Тебе я тоже не смогу все объяснить.

— Ты не должен мне ничего объяснять. Как бы ты ни поступил, ты поступил правильно.

Мы перешли через насыпь и построились на равнине под подернутым дымкой солнцем нового дня. Дул ласковый ветерок, похожий на касание непряженой шерсти. Они выстроились перед нами, одна шеренга за другой, потом третья, словно устраивали нам смотр. От возбуждения у меня стоял ком в горле, а когда я мельком взглянул на свои руки, сжимавшие древко Старого Пелиона, костяшки пальцев на фоне почерневшего дерева казались совершенно белыми. Я отдал Патроклу свои доспехи, но копье оставил себе.

Гектор с грохотом выехал с правого фланга в колеснице, запряженной тремя вороными жеребцами, слегка покачиваясь в такт движению. Мои доспехи сидели на нем превосходно. Гребень шлема уже украсили пурпуром. Он подъехал ближе и остановился напротив меня, мы обменялись холодными взглядами. В каждом читался вызов. Одиссей выиграл. Мы оба знали: только один из нас покинет поле боя живым.

Когда мы ждали звука рогов и барабанов — сигнала начать битву, — повисла странная тишина: ни одна из армий не издавала ни звука, не было слышно ни лошадиного фыркания, ни стука щитов. Мои новые доспехи оказались очень тяжелыми; чтобы привыкнуть к ним и наловчиться двигаться, потребуется время. Гектору придется подождать.

Загрохотали барабаны, затрубили рога, и богини судьбы подбросили ножницы над разделявшей нас с Гектором полосой земли.^[24]

Я прокричал свой военный клич, Автомедонт хлестнул упряжку, бросив колесницу вперед, но, прежде чем мы встретились, Гектор свернул в сторону и помчался вдоль своих рядов. Меня остановил бурлящий поток колесниц, и преследовать его не стоило и пытаться. Мое копье поднималось и опускалось, обагрясь троянской кровью; все чувства

исчезли, осталась только страсть убивать. Я не думал даже о своей клятве Патроклу.

Я услышал знакомый военный клич и увидел колесницу, пробиравшуюся сквозь давку, — Эней хладнокровно наносил удары, не давая воли гневу, когда мирмидоняне ловко от них уворачивались. Я крикнул свой клич. Он услышал меня и поприветствовал, тут же спрыгнув с колесницы и приготовившись к поединку. Я принял его первый удар на щит — меня до мозга костей пробрало гулкое колебание, но копье не причинило чудесному металлу никакого вреда. С искореженным острием, оно упало на землю. Старый Пелион прочертил ровную дугу над головами разделявших нас воинов, высоко и точно. Эней увидел острие, летящее к его горлу, вскинул щит и пригнулся. Мое любимое копье насквозь пронзило обтянутый шкурой металл, опрокинуло щит и вошло в плоть Энея, приколов его к щиту, словно булавкой. С обнаженным мечом я расталкивал своих воинов, собираясь настичь его раньше, чем он освободится. Его дарданцы отступали под нашим натиском, и на моем лице уже сияла победоносная улыбка, как вдруг я почувствовал толчок неведомой силы — обескураживающий, приводящий в бешенство феномен, который иногда возникает, когда огромная масса людей тесно сжимается вместе. Словно мелкая морская зыбь сменилась мощной волной и разметала людские шеренги от края до края; воины падали друг на друга, как кирпичи из каменной кладки.

Когда людской волной меня почти сбило с ног и подхватило, словно смытый с корабля груз, я испустил отчаянный крик: я потерял Энея. К тому времени, как я освободился, он успел удрать, а я оказался на сто шагов дальше от моего прежнего места. Призывая мирмидонян и приказывая им сомкнуть строй, я проложил дорогу назад. Вот то, что я искал: Старый Пелион по-прежнему прикалывал щит к земле, никем не взятый. Я вытащил копье и бросил щит одному из нестроевых помощников, отвечавшему за трофеи.

Вскоре после этого я оставил колесницу и Автомедонта на задней половине поля, поручив Старый Пелион его заботам. Эта битва была занятием для секиры. Ах, как же это оружие подходит для давки! Мирмидоняне держались рядом со мной, и мы были непобедимы. Но какой бы исступленной ни была драка, я все время продолжал искать глазами Гектора. И нашел его сразу же после того, как убил воина, на груди которого был знак сына Приама. Сражаясь невдалеке, Гектор с перекошенным лицом наблюдал за судьбой брата. Наши взгляды встретились; поле боя, казалось, исчезло. Мы впервые посмотрели друг

другу в лицо, и в его мрачной задумчивости я прочел удовлетворение. Мы сходились все ближе и ближе, сражая врагов с одной только мыслью: встретиться, оказаться в пределах удара. И тут поле всколыхнулось еще раз. Что-то ударило мне в бок, и я почти потерял опору под ногами, когда меня потащило обратно сквозь воинские шеренги. Мужики падали и превращались в месиво, а я рыдал, ибо Гектор был для меня потерян. Мое горе сменилось гневом и угаром битвы.

Кровавая ярость отступила, когда около меня осталась только горстка воинов с пурпурными гребнями на шлемах и у них под ногами проглянула истоптанная трава. Троянцы исчезли. Они вышли из боя, их вожди снова встали на колесницы, и Агамемнон отпустил их, решив воспользоваться моментом и перестроить собственные шеренги. Откуда-то появилась моя колесница, и Автомедонт остановил ее позади меня.

— Найди Агамемнона, — выпалил я, со вздохом облегчения поставив щит на решетчатый пол колесницы. Защита замечательная, но слишком тяжелая.

Все вожди уже собрались. Подъехав, я встал между Диомедом и Идомением. Почувствовав вкус победы, Агамемнон снова был царем царей. На предплечье у него виднелся порез, перевязанный куском льна, с которого на землю падали темно-красные капли, но он не обращал на это внимания.

— Они отступают всем фронтом, — сказал Одиссей. — Однако ничто не указывает на то, что они готовы укрыться в городе, по крайней мере сейчас. Гектор все еще надеется победить. Торопиться нам некуда.

Он бросил на Агамемнона взгляд, говоривший о том, что ему в голову пришла замечательная идея.

— Мой господин, а если нам сделать то, что мы делали все эти девять лет? Давай разделим армию на две части и попытаемся вклиниться к ним в середину! В трети лиги отсюда Скамандр изгибается в большую петлю по направлению к городским стенам. Гектор уже направился в ту сторону. Если мы сманеврируем так, чтобы их силы сосредоточились у жерла петли, то с помощью Второй армии мы сможем загнать по крайней мере половину из них внутрь, а остальные наши войска продолжат теснить их вторую половину в направлении Трои. Мы не сможем разбить тех, кто побежит к Трое, но мы сможем разделаться с теми, кто окажется в наших руках у Скамандра.

План был отличный, Агамемнон сразу это понял.

— Согласен. Ахилл, Аякс, возьмите из Второй армии те отряды, которые вам по душе, и разделайтесь со всеми троянцами, которых вам

удастся загнать в западню у Скамандра.

Я предупредил:

— Только если ты не дашь Гектору удрать в город.

— Согласен, — тут же сказал Агамемнон.

Они шли в западню, словно рыба в сеть. Мы настигли троянцев, когда они поравнялись с жерлом речной петли, а Агамемнон тем временем бросил свою пехоту прямо в середину их рядов, разметав их в разные стороны. Напор огромной массы войск Агамемнона лишил их надежды на стройное отступление. На левом фланге мы с Аяксом держали позиции до тех пор, пока основная часть отступающих не поняли, что попали в тупик. Потом мы ринулись к жерлу, чтобы перекрыть единственный выход. Я собрал пехотинцев и повел их внутрь петли, Аякс с ревом заходил справа, делая то же самое. Троянцы ударились в панику, беспомощно заметались в разные стороны и отступили еще больше, пока их ряды не оказались на самом берегу. Масса воинов, продолжавших отступать под нашим натиском, неумолимо толкала их все дальше; те, кто оказался позади всех, словно овцы на вершине утеса, начали падать в загаженную стоками воду.

Половину работы за нас сделал Скамандр — пока мы с Аяксом кромсали их под истошные вопли о пощаде, они тонули в нем сотнями. Со своей колесницы я видел, что речной поток стал чище и сильнее обычного — Скамандр разлился. У тех, кто потерял почву под ногами на берегу, уже не было надежды обрести ее вновь и сразиться с течением, им мешали доспехи и паника. Но почему разлился Скамандр? Дождей уже давно не было. Потом я взглянул на Иду; небо над ней почернело от грозowych туч, над предгорьями позади Трои повисли серые полотна дождя, отсекая их от остальной ойкумены.

Я отдал Старый Пелион Автомедонту и сошел с колесницы с секирой в руках, щит был слишком тяжел. Придется обойтись без него, и не было Патрокла, чтобы меня прикрыть. Но прежде, чем ринуться в сечу, я подозвал одного из нестроевых помощников, — я обещал Патроклу положить в его могилу двенадцать знатных троянских юношей. В такой свалке собрать нужное количество не составляло труда. И меня снова захлестнула та жуткая, бездумная жажда крови, которую я не мог утолить, сколько бы троянцев ни полегло от моей руки. Я не остановился даже у самой кромки воды, преследуя тех несчастных, которых загнал в реку. Вес доспехов служил мне якорем в нарастающем напоре течения, и я убивал, пока воды Скамандра не стали красными от крови.

Один из троянцев попытался сойтись со мной в поединке. Он назвался

Астеропеем и явно принадлежал к знати, поскольку был одет в позолоченную бронзу. Преимущество было на его стороне, ибо он стоял на берегу, а я — по пояс в воде, с одной лишь секирой против его пучка копий. Но пусть никто не считает Ахилла глупцом! Когда он приготовился метнуть в меня свой первый снаряд, я схватил секиру за конец рукоятки и бросил в его сторону, словно кинжал. Он кинул в меня копье, но вид моего оружия, рассекающего воздух, помешал ему прицелиться. Секира летела, сверкая на солнце, и попала ему прямо в грудь, глубоко вонзив в его плоть свои челюсти. Он прожил всего мгновение, потом наклонился вперед и камнем упал в воду, лицом вниз.

Намереваясь высвободить секиру, я побрел к нему и перевернул его на спину. Но секира вошла в него по самую рукоятку, торчавшую из искореженной кирасы. Я был так сосредоточен на секире, что не обратил внимания на глухой рев в ушах и не почувствовал, что река взбрыкивает, будто недавно отвязанный жеребец. Внезапно вода забурлила у моих подмышек, и Астеропей закачался на ней, словно кусок коры. Я схватил его за руку и притянул к себе, используя собственное тело в качестве якоря и продолжая вытаскивать секиру. Рев превратился в грохот, и мне приходилось бороться изо всех сил, чтобы устоять на ногах. В конце концов секира была освобождена. Чтобы не потерять ее, я намотал ее ремень на запястье. Бог реки разгневался на меня — он, похоже, предпочитал, чтобы собственные дети оскверняли его нечистотами, нежели я осквернял его их кровью.

Стена воды навалилась на меня, словно оползень. Даже Аякс или Геракл не смогли бы ей противостоять. А, вот! Ветка вяза над водой! Я прыгнул к ней. Мои пальцы схватились за листья, и я с огромным усилием подтянулся на несколько ладоней вверх, пока не нащупал твердое дерево; ветка согнулась под моей тяжестью, и я снова погрузился в поток.

На мгновение берег навис надо мной, словно выросшая у бога водяная рука, а потом он обрушил ее мне на голову со всей яростью, на которую был способен. Я вдохнул побольше воздуха, прежде чем мир вокруг превратился в жидкость. Сила, намного превосходившая мою, толкала меня и тянула во все стороны сразу. Моя грудь готова была разорваться, обе руки вцепились в ветвь вяза; в агонии я подумал о солнце и небе, и сердце мое рыдало от горькой иронии — меня победила река. Я растратил слишком много сил, скорбя о Патрокле и круша троянцев, а железные доспехи сулили мне смерть.

Я взмолился дриаде, домом которой был вяз, но вода перекатывалась над моей головой с прежней силой; потом дриада, а может быть, нимфа,

услышала меня, и моя голова поднялась над поверхностью. Я жадно глотал воздух, моргая, удалял воду Скамандра с ресниц и осматривался. Берега, которого я должен был вот-вот коснуться, больше не было. Я покрепче ухватился за вяз, но дриада меня покинула. Размыв остатки берега, вода оголила могучие корни старого дерева. Мое тело в железных доспехах оказалось для него дополнительным грузом. Масса ветвей и листьев накренилась, и вяз рухнул в реку с гневным урчанием, потонувшим в реве потока.

Я продолжал держаться за ветку, гадая, хватит ли у Скамандра сил снести все это вниз по течению. Но вяз остался на месте, окунув ветви в воду и превратившись в плотину, которая задерживала обломки, плывущие к нашему лагерю и мирмидонским укреплениям. Тела сбивались в кучу, цепляясь за его громаду, словно коричневые цветы с темно-красными чашечками, пурпурные гребни вплелись в зелень листвы, руки покачивались на воде, белые, отвратительные и бесполезные.

Я отпустил ветку и побрел к берегу, который хотя и стал ниже после того, как его размыло, но все же был достаточно высок. Снова и снова неумолимый поток утягивал меня на глубину, разрывая ненадежное сцепление моих ног со скользким речным дном; снова и снова моя голова уходила под воду. Но я отвечал ударом на удар, все ближе подбираясь к цели. Мне даже удалось ухватиться за пучок травы, только для того, чтобы увидеть, как он выдирается из пропитанной влагой почвы. Я ушел под воду, забарахтался, встал прямо и потерял надежду. Земля размытого скамандрского берега темными струйками просочилась у меня между пальцами, я воздел руки к небу и взмолился повелителю мира:

— Отец, отец, позволь мне жить до тех пор, пока я не убью Гектора!

Он услышал меня. Он ответил мне. Его внушающая трепет голова внезапно склонилась надо мной, выглянув из бесконечных небесных далей; несколько кратких мгновений он любил меня настолько, чтобы простить мне мой грех и мою гордость, помня, может быть, только о том, что я был сыном его внука Эака. Я ощутил его присутствие всем своим существом, и мне показалось, что я увидел мимолетную тень его исполинской руки, мелькнувшую по реке. Скамандр вздохнул, покоряясь силе, правившей богами так же, как и людьми. Только что я готовился умереть, но вдруг вода зажурчала у моих щиколоток, и мне пришлось отпрыгнуть в сторону — вяз упал в грязь.

Противоположный, более высокий берег обвалился; Скамандр растратил свою силу, набросив на равнину тонкий водяной покров, серебряный дар, который истомившаяся жаждой почва выпила одним

жадным глотком.

Я, шатаясь, выбрался из реки и обессиленно сел на затопленную траву. Колесница Феба над моей головой уже проехала свой зенит, мы сражались уже половину его пути по небесному своду. Гадая, где сейчас моя армия, я вернулся к реальности с чувством стыда — так велика была во мне страсть к убийству, что я совершенно забыл про своих воинов. Неужели я так никогда ничему и не научусь? Или страсть убивать — это часть безумия, которое я, без сомнения, унаследовал от матери?

Раздались крики. Ко мне приближались мои мирмидоняне, а вдалеке Аякс выстраивал свое войско. Повсюду ахейцы, и ни одного троянца. Широко улыбаясь Автомедонту, я вскарабкался на свою колесницу.

— Отвези меня к Аяксу, дружище.

Он стоял, держа в огромной руке копье, мечтательно глядя перед собой. Я сошел с колесницы, с меня все еще стекала вода.

— Что с тобой произошло?

— Соревновался в борьбе с богом Скамандра.

— Что ж, ты победил. Он выдохся.

— Сколько троянцев уцелело в нашей засаде?

— Не много. — Он говорил тихим голосом. — Нам с тобой на пару удалось убить пятнадцать тысяч. Может быть, столько же смогло вернуться в армию Гектора. Ты хорошо поработал, Ахилл. В тебе есть такая жажда крови, какой не дано даже мне.

— Я предпочел бы твою любовь своей страсти.

— Пора возвращаться к Агамемнону, — сказал он, не поняв меня. — Сегодня у меня тоже есть колесница.

Я поехал вместе с ним в его колеснице (хотя вернее было бы назвать ее повозкой, ведь у нее было четыре колеса), а Тевкр встал в мою колесницу с Автомедонтом.

— Что-то подсказывает мне, что Парис приказал открыть Скейские ворота. — Я указал на стены.

Аякс зарычал. Когда мы подъехали ближе, стало ясно, что я был прав. Скейские ворота были открыты, и армия Гектора, преследуемая Агамемноном, прорывалась внутрь, мешая самой себе из-за количества троянцев, сгрудившихся у входа. Я искоса взглянул на Аякса и оскалил зубы.

— Забери их Аид, там Гектор! — прорычал он.

— Гектор — мой. У тебя была возможность поквитаться с ним.

— Знаю, маленький братец.

Мы заехали в гуцу войск Агамемнона и отправились его искать. Как

обычно, стоит рядом с Одиссеем и Нестором. Хмурится.

— Они закрывают ворота, — сообщил я.

— Гектор набил туда столько народу, что у нас нет никакой надежды отогнать их или взять ворота штурмом. Большинство успело зайти внутрь. Два отряда намеренно оставлены снаружи, защищают вход. Диомед скоро заставит их подчиниться.

— А что сам Гектор?

— Внутри, наверно. Никто его не видел.

— Трус! Он знал, что я ищу его!

Подходили остальные: Идоменей, Менелай, Менесфей и Махаон. Вместе мы стали наблюдать, как Диомед приканчивает тех, кто остался снаружи, — разумные мужи, ибо они сразу сдались, как только поняли, что им не миновать смерти. Сочувствуя их мужеству и дисциплине, Диомед взял их в плен, вместо того чтобы убить. Потом, ликуя, он направился к нам.

— У Скамандра они потеряли пятнадцать тысяч, — сказал Аякс.

— Тогда как мы потеряли не больше тысячи, — заявил Одиссей.

Отдыхающие позади нас воины громко вздохнули, а с вершины смотровой башни раздался крик, исполненный такой страшной муки, что мы перестали смеяться.

— Смотрите! — Нестор указывал на что-то дрожащим костлявым пальцем.

Мы медленно повернулись. Опираясь на бронзовую лепнину, у ворот стоял Гектор с прислоненным к двери щитом и двумя копьями в руке. На нем были мои золотые доспехи с чужеземным пурпуром на гребне шлема и сверкающая аметистами пурпурная перевязь, которую ему подарил Аякс. Я, никогда не видевший себя в этих доспехах, заметил, как ловко они облевали мужа, которому были впору. В тот самый миг, как я отошел назад, чтобы взглянуть на облаченного в них Патрокла, я должен был понять, что обрек его на гибель.

Гектор поднял щит и сделал несколько шагов вперед.

— Ахилл! — позвал он. — Я остался, чтобы сразиться с тобой!

Мой взгляд встретился со взглядом Аякса, который кивнул мне. Я взял у Автомедонта щит и Старый Пелион, отдав ему секиру. Такого мужа, как Гектор, нельзя было оскорблять секирой.

У меня сжалось горло от радости, я выступил из рядов царей и размеренным шагом пошел ему навстречу, словно на жертвенник; я не поднял копья, и он тоже. В трех шагах друг от друга мы остановились, каждый полный решимости понять, кто же такой его противник, которого

он никогда не встречал ближе чем на расстоянии броска копьем. Нам пришлось заговорить, прежде чем начать поединок, и мы стояли так близко друг к другу, что едва не соприкасались. Я взглянул в непоколебимую черноту его глаз и понял, что он во многом такой же, как и я. За одним исключением: его дух незапятнан. Он — совершенный воин.

Я любил его намного больше, чем себя самого, больше, чем Патрокла, или Брисеиду, или отца, ибо он был я сам в другом теле; он был предвестником смерти, не важно, сам ли он нанесет мне роковой удар, или я протяну еще несколько дней, пока меня не сразит кто-нибудь из троянцев. Один из нас должен был умереть в поединке, второй — чуть позже: так было решено, когда переплелись нити наших судеб.

— Все эти долгие годы, Ахилл... — начал он, но замолчал, словно не мог выразить чувства словами.

— Гектор, сын Приама, я хотел бы, чтобы мы называли друг друга друзьями. Но кровь, которая нас разделяет, нельзя смыть.

— Лучше погибнуть от руки врага, чем от руки друга, — ответил он. — Сколько воинов погибло у Скамандра?

— Пятнадцать тысяч. Троя падет.

— Только после того, как паду я. Мои глаза этого не увидят.

— Мои тоже.

— Мы рождены для войны. Ее исход нас не заботит, и я рад, что это так.

— Твой сын уже взрослый и сможет за тебя отомстить?

— Нет.

— Тогда у меня преимущество. Мой сын придет в Трою, чтобы за меня отомстить, а Одиссей позаботится, чтобы твой сын недолго оплакивал свои младенческие годы.

Его лицо исказилось.

— Елена предупреждала меня, чтобы я остерегался Одиссея. Он — сын какого-нибудь бога?

— Нет. Он сын негодяя. Я бы назвал его духом Эллады.

— Я хотел бы предупредить отца.

— Ты не проживешь так долго, чтобы это сделать.

— Я могу победить тебя, Ахилл.

— Если ты победишь меня, Агамемнон прикажет изрубить тебя на куски.

Он на мгновение задумался.

— У тебя есть женщины, которые оплачут тебя? Отец?

— Я не умру неоплаканным.

И в этот момент наша любовь горела сильнее, чем ненависть; я быстро вытянул руку вперед, прежде чем во мне умрет родник этой страсти. Он взял мою руку в свою.

— Почему ты остался сразиться со мной?

Его пальцы напряглись, лицо потемнело от боли.

— Как я мог уйти за ворота Трои? Как я мог посмотреть в глаза отцу, зная, что это мои горячность и глупость погубили тысячи его воинов? Мне следовало отступить в Трою в тот день, когда я убил твоего друга, того, кто носил эти доспехи. Полидамант предупреждал меня, но я его не послушал. Я хотел сразиться с тобой. Вот истинная причина того, почему я оставил армию на равнине.

Он шагнул назад, выпустив мою руку, его лицо снова стало лицом врага.

— Я наблюдал за тобой, Ахилл, в твоих таких красивых золотых доспехах, и решил, что это наверняка чистое золото. Оно тебя тяготит. Мои доспехи намного легче. Поэтому, прежде чем скрестить мечи, давай устроим состязание в беге.

С последним словом он сорвался с места, захватив меня врасплох, но через мгновение я припустил за ним. Задумано умно, Гектор, но это ошибка! Зачем мне пытаться тебя догнать? Ты и так скоро повернешься ко мне лицом.

На расстоянии четверти лиги от Скейских ворот в направлении нашего лагеря — в том направлении, в котором он бежал, — троянские стены выбрасывали на юго-запад огромную опору, и там ахейская армия перекрыла ему путь.

Мне дышалось легко, может быть, после схватки со старым Скамандром у меня открылось второе дыхание. Он повернулся, я остановился.

— Ахилл! — прокричал он. — Если я убью тебя, клянусь, что верну твое тело неоскверненным! Поклянись мне, что сделаешь то же самое для меня!

— Нет! Я обещал твое тело Патроклу!

У меня над головой вдруг просвистел порыв ветра, и в глаза полетела пыль. Гектор уже поднимал свою руку, Старый Пелион уже покидал мою. Его копье было брошено прямо в цель — древко отскочило от центра моего щита, а Старый Пелион безвольно упал мне под ноги. Прежде чем я смог нагнуться и поднять его, Гектор метнул второй снаряд, но капризный ветер изменил направление. Я так и не поднял Старый Пелион. Гектор вытащил из перевязи Аякса меч и бросился на меня. Передо мной встала дилемма:

сохранить щит и прикрыться им от умелого противника или отбросить его в сторону и сразаться необремененным? С доспехами я мог справиться, но щит был слишком тяжел. Поэтому я отшвырнул его и встретил Гектора с обнаженным мечом в руках. Даже наступая, он был способен остановиться, — он тоже отшвырнул щит в сторону.

Мы сошлись, познав удовольствие сразиться с равным. Он рубил сверху вниз, и я останавливал его удары своим клинком; наши руки сохраняли твердость, и ни один не хотел уступать; мы одновременно отпрыгнули назад и пошли по кругу в ожидании, когда один из нас приоткроется. Рассекая воздух, мечи пропели смертельную песнь. Когда он сделал выпад, я молниеносно ударил его в левую руку, и в тот же момент он поддел кожаную птеригу, прикрывавшую мне бедро, и рассек плоть. Мы оба были покрыты кровью, но ни один из нас не остановился, чтобы позаботиться о своих ранах; мы слишком хотели покончить с этим. Раз за разом сверкали клинки, опускались, встречали отпор и разили снова.

Ища удобное место для удара, я осторожно поменял позицию. Гектор был чуть ниже меня, поэтому в моих доспехах должен быть зазор, где защита не столь надежна. Но где? Я почти добрался до его груди, но он быстро скользнул в сторону, и, когда он поднял руку, я заметил, что кираса отошла от шеи сбоку, куда не доходил шлем. Я отступил назад, заставив его последовать за собой. И тогда это случилось, я почувствовал досадную слабость в сухожилии правой пятки, от которой нога подвернулась и я оступился. Но даже когда я задохнулся от ужаса, мое тело сработало как противовес, удержав меня вертикально, но оставив открытым мечу Гектора.

Он тут же увидел эту возможность и бросился на меня со скоростью жалящей змеи, высоко подняв лезвие, чтобы нанести смертельный удар, во все горло крича от радости. Его кираса — моя кираса — с левой стороны шеи отодвинулась в сторону. Я ударил в тот же миг. Моя рука все-таки выдержала мощную силу его руки, опускавшей меч. Его меч с лязгом встретился с моим и отлетел в сторону. Мой клинок без помех продолжил свой путь и погрузился в левую сторону его шеи, между кирасой и шлемом.

Увлекая мой меч за собой, он упал так быстро, что я не успел подхватить его, чтобы помочь. Я выпустил рукоять, словно обжегшись, видя, как он лежит у моих ног, еще живой, но смертельно раненный. Его огромные черные глаза уставились на меня, говоря, что он знает об этом и принимает свою судьбу. Клинок наверняка рассек все кровяные жилы на своем пути и вошел в кость, но, пока он находился в ране, смерть не могла наступить. Гектор медленно, судорожно задвигал руками, пока они не сомкнулись на отчаянно остром клинке. В ужасе решив, что он хочет

выдернуть его прежде, чем я буду к этому готов — буду ли я готов когда-нибудь? — я упал рядом с ним на колени. Но он больше не двигался. Он тяжело дышал, костяшки пальцев побелели от усилия, с которым он сжимал меч, из раненой руки сочилась кровь.

— Ты хорошо сражался.

Его губы дрогнули; он немного повернул голову набок и с усилием попытался заговорить. Из раны струей хлынула кровь. Я взял его лицо в ладони, покрытые его кровью. Шлем откатился в сторону, и его свернутая в кольцо коса черных волос упала в пыль, ее кончик начал расплетаться.

— Самым большим наслаждением для меня было бы сражаться с тобой бок о бок, а не лицом к лицу.

Хотел бы я знать, что он желал от меня услышать. И сказал бы все, что угодно. Почти.

В его глазах светилось понимание. Из уголка рта потекла тонкая струйка крови — его время быстро уходило, но мысль о его смерти все еще была мне невыносима.

— Ахилл...

Я едва расслышал свое имя и наклонил голову, пока мое ухо почти коснулось его губ.

— Что?

— Отдай мое тело... моему отцу...

Все, что угодно, но только не это.

— Не могу, Гектор. Я поклялся отдать тебя Патроклу.

— Верни меня... Если я пойду к Патроклу... твоё тело скормят троянским псам.

— Будь что будет. Я дал клятву.

— Тогда все... кончено.

Он напряг все свои оставшиеся силы, и его руки еще крепче схватились за рукоять. Последним усилием он вытащил лезвие. Его глаза сразу же померкли, в горле заклокотало, из ноздрей выступила розовая пена, и он умер.

Я неподвижно стоял на коленях, продолжая держать его голову. Вся ойкумена застыла в молчании. Возвышавшиеся надо мной зубчатые стены были также безжизненны, как умерший Гектор, армия Агамемнона у меня за спиной тоже не издала ни звука. Как же он был красив, мой троянский близнец, моя лучшая половина. И как я скорбел о его кончине. Какая боль! Какое горе!

«Ахилл, почему ты любишь его? Ведь он убил меня!»

С заколотившимся сердцем я вскочил на ноги. Во мне говорил голос

Патрокла! Гектор был мертв. Я поклялся убить его, но сейчас, вместо того чтобы ликовать, я рыдал. Я рыдал! А Патроклу нечем было заплатить за переезд через реку.

Мое движение разорвало тишину. Со смотровой башни слышался страшный крик отчаяния — Приам протестовал против смерти возлюбленного сына. Его крик подхватили другие. Воздух наполнился женскими воплями, мужи хулили богов, глухие удары кулаков о грудь словно отбивали поминальную дробь, а позади воины Агамемнона все выкрикивали и выкрикивали ликующие приветствия.

Я принялся грубо срывать с Гектора доспехи, вырывая из сердца непрошеную печаль, желая изгнать скорбь из своего существа, — каждую сорванную часть доспехов я сопровождал проклятием. Когда я закончил, подошедшие цари стали в круг над нагим телом, Агамемнон с ухмылкой рассматривал мертвое лицо. Он поднял копье, которое принес с собой, и вонзил его Гектору в бок; все остальные последовали его примеру, нанося беззащитному мертвому воину удары, которых не могли нанести, пока он был жив.

Мне стало дурно, и я отвернулся — вот она, возможность раскалить свой гнев добела и высушить слезы. Когда я повернулся, то увидел, что не оскорбил тела Гектора только Аякс. Как можно было называть его увальнем, если только он был способен понять? Я грубо оттолкнул Агамемнона и остальных прочь.

— Гектор принадлежит мне. Уберите оружие и уходите!

Пристыженные, они отступили назад: ни дать ни взять горстка хитрых бродячих псов, которых отогнали от украденной еды.

Я снял пурпурную перевязь с крепления на кирасе и вытащил кинжал. Потом я надрезал его сухожилия на пятках и продел выкрашенную, инкрустированную аметистами кожу сквозь надрезы; Аякс бесстрастно наблюдал за гибелью своего подарка. Автомедонт подогнал колесницу, и я укрепил перевязь за перекладину пола.

— Спускайся. Я поведу сам.

Моя белая тройка почуяла запах смерти и бросилась вперед, но, когда я обернул вожжи вокруг своей талии, лошади успокоились. Взад и вперед под смотровой башней гонял я колесницу под горестные стоны с троянских стен и ликование армии Агамемнона.

Волосы Гектора расплелись и тащились по истоптанной земле, пока не посерели от пыли, поднятые руки безвольно волочились по обеим сторонам головы. Всего двенадцать раз я прогнал лошадей между башней и Скейскими воротами, возвещая нашу победу. Потом я поехал на берег.

Патрокл неподвижно лежал на помосте, завернутый в саван. Три раза объехал я вокруг площади, потом сошел с колесницы и освободил перевязь. Поднять мягкое тело Гектора на руки было нетрудно, но бросить его, оставить лежать в ногах помоста было невероятно тяжело. Но я это сделал. Брисеида испуганно метнулась прочь. Я сел на ее место, опустив голову между колен, и снова зарыдал.

— Ахилл, пойдем домой.

Я взглянул на нее с намерением отказаться. Она тоже страдала, я не мог позволить ей страдать еще больше. Поэтому я встал, все еще продолжая рыдать, и пошел с ней в свой дом. Она усадила меня в кресло, дала кусок ткани вытереть лицо, чашу с водой, чтобы смыть с рук кровь, и вина, чтобы успокоиться. Ей как-то удалось снять с меня железные доспехи и перевязать рану на бедре.

Когда она принялась стягивать с меня простеганный хитон, я остановил ее:

— Уйди.

— Позволь мне вымыть тебя как следует.

— Я не могу, пока не погребен Патрокл.

— Патрокл стал твоим злым духом, — тихо сказала она, — и это насмешка над тем, кем он был при жизни.

Бросив на нее горящий упреком взгляд, я вышел из дома, но пошел не на площадь, где лежал Патрокл, а вниз, к берегу, усыпанному галькой, и упал там, словно камень среди камней. Мой сон был безмятежным, пока бесцветная бездна, где я бродил, не наполнилась волокнистой белизной, сверкавшей неземным светом, сквозь тонкие кольца которой зияла бездонная чернота. Она придвинулась еще ближе к центру моего сознания, обретая по пути форму и непрозрачность, пока не предстала перед средоточием моего существа в своем окончательном виде. На мою наготу смотрели влюбленные голубые глаза Патрокла. Его нежный рот был сурово сжат, именно так, как я его запомнил, желтые волосы забрызганы красным.

— Ахилл, Ахилл, — прошептал он голосом, который принадлежал ему, но все же был не его, скорбный и холодный, — как ты можешь спать, пока я лежу непогребенный, не имея возможности переправиться через Стикс? Освободи меня! Дай мне покинуть свое тело! Как ты можешь спать, пока я лежу непогребенный?

Я протянул к нему руки, умоляя понять меня, пытаюсь сказать ему, почему я позволил ему занять мое место в битве, — сумбурные объяснения сыпались одно за другим. Я заключил его в объятия, но мои руки схватили

пустоту, он сжался и исчез в темноте, пока еще не затихло последнее эхо его тонкого голоса, пока последняя, замешкавшаяся нить его блеска не растворилась в пустоте. Пустота! Пустота!

Я закричал. И проснулся от крика, обнаружив, что меня удерживает на месте дюжина мирмидонян. Нетерпеливо стряхнув их с себя, я побрел между кораблями обратно, а воины вокруг волновались и спрашивали друг у друга, что это был за ужасный шум. Путь мне указывали предрассветные сумерки.

Ночной ветер сдул саван на землю; мирмидонянин, выполнявший роль почетного стража, не посмел подойти так близко, чтобы вернуть его на место. Поэтому когда я, шатаясь, пришел на площадь, то увидел самого Патрокла. Спящего. Видящего сны. Такого безмятежного и кроткого. Точная копия. Я только что видел настоящего Патрокла и по его губам понял, что он никогда меня не простит. Что сердце, такое щедрое в пору нашего общего отрочества, в конце стало холодным и твердым, как мрамор. Почему же лицо копии было таким нежным, таким кротким? Могло ли это лицо принадлежать призраку, который преследовал меня во сне? Правда ли, что смерть так меняет людей?

Моя нога дотронулась до чего-то холодного; я непроизвольно вздрогнул и посмотрел вниз на Гектора, распростертого в той же позе, в которой я его оставил накануне вечером: ноги подогнуты, точно сломанные, рот и глаза широко открыты, в обескровленной белой плоти зияет дюжина розовых ран-ртов, а та, на шее, разверзлась, точно жабры.

Я отвернулся, когда со всех сторон начали подходить мирмидоняне, разбуженные безумными криками своего вождя. Их возглавлял Автомедонт.

— Ахилл, пора его похоронить.

— Давно пора.

Мы перевезли Патрокла на плоту через воды Скамандра и пошли дальше пешком, облаченные в доспехи, неся его тело на щите, лежавшем на наших плечах. Я стоял позади щита, держа его голову на ладони правой руки, ибо я был его главным плакальщиком, а вся армия заполнила утесы и берег на две лиги вокруг, чтобы увидеть, как мирмидоняне положат его в могилу.^[25]

Мы перенесли Патрокла в пещеру с выпуклым сводом и осторожно положили его на погребальную колесницу из слоновой кости; на нем были те же доспехи, в которых он встретил смерть; его тело покрывали пряди наших волос; его копья и все личные вещи были разложены на золотых треножниках вдоль покрытых росписью стен. Я бросил взгляд на потолок, гадая, сколько осталось до тех пор, когда меня тоже положат здесь.

Оракулы говорили, что недолго.

Жрецы укрепили на его лицо золотую маску, завязав ее сзади, уложили его руки в золотых наручах на бедра так, чтобы пальцы обхватили рукоять меча. Отзвучали песнопения, совершили возлияния богам. Потом одного за другим двенадцать знатных троянских юношей подняли над огромной золотой чашей, стоявшей на треножнике в ногах погребальной колесницы, и перерезали им горло. Мы запечатали вход в гробницу и вернулись обратно в лагерь, на площадь для собраний перед домом Агамемнона, где обычно устраивались погребальные игры. Я вынес призы и, преодолев страдание, вручил их победителям, а потом, пока остальные справляли тризну, в одиночестве вернулся к себе домой.

Теперь Гектор лежал в пыли перед моей дверью — его перенесли туда после того, как мы сняли Патрокла с помоста; воспоминание о гневе из моих снов побуждало меня положить его в гробницу с Патроком, как бродячего пса, в ногах у героя, но я не смог этого сделать. Я нарушил клятву, данную своему самому старому и дорогому другу — своему любовнику! — и оставил Гектора себе. У Патрокла было чем заплатить перевозчику — двенадцать знатных троянских юношей. Достаточно, более чем достаточно.

Я хлопнул в ладоши, прибежали служанки.

— Нагрейте воды, принесите благовонные масла, пошлите за главным бальзамировщиком. Я хочу приготовить царевича Гектора к погребению.

Я отнес его в маленький амбар поблизости и положил на каменную плиту, как раз такой высоты, чтобы женам было удобно его убирать. Но это я выпрямил ему руки и ноги, это я положил ладонь ему на лицо, чтобы закрыть глаза. Они очень медленно открылись снова, незрячие. При виде бранных останков Гектора меня охватывал ужас. Я думал о своих собственных.

Брисеида ждала меня, ссутулившись в кресле. Она взглянула на меня, но заговорила не сразу. Через какое-то время она произнесла безучастным голосом:

— Я согрела воду для ванны, есть еда и вино. Придется зажечь лампы, уже темнеет.

О если бы только вода обладала силой смывать пятна с духа! Мое тело очистилось. Мой дух — нет.

Брисеида сидела на ложе напротив меня, пока я ел и утолял жажду. Мне казалось, что позади у меня были годы безумного бега.

Потом она произнесла это же слово. Безумный. Она сказала:

— Ахилл, почему ты ведешь себя как безумный? Смерть Патрокла не остановит жизнь. Остались живы другие, кто любит тебя не меньше, чем любил он. Автомедонт. Мирмидоняне. Я.

— Уходи.

— Только когда я закончу. Ахилл, у тебя есть только один способ себя исцелить. Прекрати угождать Патроклу и верни Гектора его отцу. Я не ревную и никогда не ревновала. То, что вы с Патроком были любовниками, не мешало мне, я занимала свое место в твоей жизни. Но он ревновал, и это сбilo его с пути. Ты считаешь, он думал, будто ты предал свои идеалы. Но для Патрокла твоим настоящим предательством стала твоя любовь ко мне. С этого все началось. И с тех пор, что бы ты ни делал, твои поступки перестали быть для него безупречными. Я не осуждаю его, я просто говорю правду. Он любил тебя и считал, что ты предал его любовь, полюбив меня. А если ты смог это сделать, то ты уже не был тем человеком, которым он считал тебя прежде. Ему стало необходимо искать в тебе недостатки. Кормить свою обиду.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Нет, имею. Но я не хочу говорить о Патрокле. Я хочу поговорить о Гекторе. Как ты можешь поступать так с мужем, который храбро с тобой сражался и достойно умер? Отдай его отцу! Тебя преследует не настоящий Патрокл, а тот, кого ты придумал, чтобы свести себя с ума. Забудь Патрокла. Под конец он не был твоим настоящим другом.

Я ударил ее. Ее голова откинулась назад, и она упала на пол. В ужасе я подхватил ее, уложил обратно и увидел, что она со стоном пошевелилась. Я, пошатываясь, направился к креслу и опустил голову на руки. Даже Брисеида стала жертвой этого безумия. Но как его исцелить? Как изгнать мою мать?

Что-то обернулось вокруг моих ног и мягко уткнулось в подол набедренной повязки. Я поднял голову, в ужасе гадая, какая новая напасть меня посетила, и в растерянности уставился на седую голову и искореженный годами лик старого, очень старого мужа. Приам. Это может быть только он. Приам. Когда я убрал локти с колен, он схватил мои руки и принялся их целовать, его слезы капали на ту же кожу, которую уже оросила кровь Гектора.

— Верни его мне! Верни его! Не бросай его своим псам! Не оставляй его без пристанища! Не лишай его настоящего погребения! Верни его мне!

Я взглянул на Брисеиду поверх его головы, она сидела прямо, глаза ее были полны слез.

— Сядь, мой господин. — Я поднял его и усадил в свое кресло. —

Царю не подобает умолять. Сядь.

В дверях стоял Автомедонт.

— Как он сюда попал? — Я подошел к нему.

— В повозке с мулом и слабоумным мальчишкой. Именно слабоумным. Бедняга постоянно что-то бормочет. Армия до сих пор справляет тризну, страж на насыпи оказался мирмидонянином. Старик сказал ему, что у него к тебе дело. Повозка была пуста, оружия у них не было, поэтому он их пропустил.

— Разожги огонь. Никому ни слова о том, что он здесь. Передай это стражу и поблагодари его от меня.

В ожидании огня — заметно похолодало — я пододвинул другое кресло, сел рядом, взял его узловатые руки в свои и растер, чтобы согреть. Они были такими холодными.

— Нужно иметь много мужества, чтобы прийти сюда, мой господин.

— Нет, вовсе нет.

Его слезящиеся темные глаза заглянули в мои.

— Когда-то, — произнес он, — я правил счастливым и процветающим царством. Но потом все пошло не так. И виной тому был я... Вы, ахейцы, были посланы мне в наказание за мою гордость. За мою слепоту.

У него задрожали губы, глаза заблестели от слез.

— Нет, мне не нужно было ни капли мужества, чтобы прийти сюда. Гектор был последней ценой.

— Последней ценой, — не удержался я, — станет падение Трои.

— Падение моей династии — может быть, но не падение города. Троя больше, чем мы.

— Город Троя падет.

— Что ж, в этом нам придется не согласиться, но надеюсь, что с причиной моего прихода будет по-другому. Царевич Ахилл, отдай мне тело моего сына. Я заплачу надлежащий выкуп.

— Я не требую выкупа, царь Приам. Увези его домой.

Он снова упал на колени, целуя мне руки, у меня по телу пробежали мурашки. Кивнув Брисеиде, я высвободился.

— Сядь, мой господин, и преломи со мной хлеб, пока Гектора собирают. Брисеида, поухаживай за нашим гостем.

Разговаривая с Автомедонтом снаружи, я кое о чем подумал.

— Перевязь Аякса — она принадлежала Гектору, в отличие от доспехов. Найди ее и положи вместе с ним в повозку.

Вернувшись, я обнаружил, что Приам оправился и весело болтает с Брисеидой — его настроение непостижимым образом изменилось, как это

бывает с глубокими стариками. Он спрашивал ее, как ей, рожденной в доме Дардана, нравится со мной жить.

— Мне не на что жаловаться, мой господин, — отвечала она. — Ахилл — хороший человек и не лишен благородства.

Она наклонилась вперед:

— Мой господин, почему он считает, будто скоро умрет?

— Их судьбы связаны, его и Гектора, — сказал старый царь. — Так сказали оракулы.

Увидев меня, они тут же сменили тему. Мы сели ужинать, и я обнаружил, что умираю от голода, но заставил себя не обгонять Приама и не пить чересчур много вина.

Потом я проводил его до запряженной мулом повозки, в которой лежало прикрытое саваном тело Гектора. Не заглянув под саван, Приам вскарабкался на повозку позади слабоумного мальчишки и поехал прочь, сидя так прямо и гордо, словно это была колесница из чистого золота.

Брисеида ждала меня с распущенными волосами, в свободном хитоне, заложенном складками. Я прошел прямо к ложу, а она принялась задувать лампы.

— Слишком устал, чтобы раздеться?

Она растегнула мое ожерелье и пояс, сняла набедренную повязку и оставила все это лежать на полу. Измученный, я закинул руки за голову и лег на спину, а она примостилась рядом, спрятав сжатые кулачки у меня под мышками. Я улыбнулся ей, внезапно почувствовав себя легким и счастливым, как маленький ребенок.

— У меня нет сил даже погладить тебя по голове.

— Тогда лежи спокойно и спи. Я здесь.

— Я слишком устал, чтобы спать.

— Тогда отдыхай. Я здесь.

— Брисеида, пообещай мне, что останешься со мной до конца.

— До конца?

Ее смех затих; ее лицо склонилось над моим, глаза потускнели при свете единственной лампы, к тому же горевшей в дальнем углу комнаты. С невероятным усилием я поднял руки и взял ее лицо в ладони, держа ее хрупкую головку, как держал голову Гектора, приблизив ее лицо к своему.

— Я слышал, что ты спрашивала у Приама, и слышал его ответ. Ты знаешь, о чем я говорю.

— Я отказываюсь в это верить!

— Есть предсказания, которые делают мужу в день его рождения, и

позже ему говорят о них. Мой отец не стал бы, но моя мать сказала. Прийти в Трою для меня означало, что я умру здесь, и теперь, после смерти Гектора, Троя должна пасть. Моя смерть тому ценой.

— Ахилл, не оставляй меня!

— Я сделаю все, чтобы остаться в живых, но все будет напрасно.

Она надолго затихла, ее глаза блуждали вокруг крошечного огонька, шипевшего в лампе, ее дыхание было ритмичным и неспешным. Потом она сказала:

— Перед тем как мы увиделись сегодня вечером, ты приказал приготовить Гектора к погребению.

— Да.

— Почему ты не сказал мне? Тогда я не стала бы говорить многих других вещей.

— Может быть, их нужно было сказать. Я ударил тебя. Мужчина никогда не должен бить женщину или ребенка, никого, кто слабее его. Новые боги позволили людям отказаться от старых и отдали мужам право правления только с этим условием.

Она улыбнулась:

— Ты ударил не меня, а своего демона и, ударив, прогнал его. Остаток твоей жизни принадлежит тебе, а не Патроклу, и я этому рада.

Усталость меня покинула; я приподнялся на локте, чтобы взглянуть на нее. Крошечная лампа была бы добра к любой женщине, но в Брисеиде не было изъянов, и она делала ее богиней, придавая светлой коже теплоту золота, а глаза заливая расплавленным янтарем. Я нерешительно прикоснулся к ее щеке и провел линию вниз ко рту, где была припухлость от удара, нанесенного моей рукой. Ее шея была тенистой долиной, ее груди сводили меня с ума, ее маленькие ступни были для меня последним пристанищем.

И поскольку я наконец признал, как сильно я нуждался в ней, я нашел в ней то, о чем не смел и мечтать. Если в прошлом я сознательно старался доставить ей удовольствие, то сейчас я думал о ней как о продолжении своего собственного существа. Я понял, что плачу, — ее волосы намокли от моих слез, руки расслабленно скользнули в мои и сплелись с ними со стоном блаженства — ее руки в моих у нас над головами на общей подушке.

Итак, Гектор снова был во дворце своих предков, но на этот раз сам об этом не зная. Через Одиссея мы узнали, что Приам обошел оставшихся старших сыновей и выбрал наследником Троила, еще очень юного. В Трое

некоторые поговаривали, что он еще не достиг брачного возраста — понятие, которое у нас было не в ходу, но, по словам Одиссея, очевидно, служило у троянцев основным критерием зрелости.

Его решение было встречено огромным недовольством, сам Троил умолял царя выбрать в наследники Энея. Это побудило Приама разразиться против дарданца обличительной речью, которая закончилась только с уходом Энея из тронного зала. Деифоб тоже был в ярости, как и младший сын-жрец Гелен, который напомнил Приаму о предсказании оракула, которое гласило, что Троил спасет город, только если доживет до брачного возраста. Приам настаивал, что Троил уже достиг брачного возраста, что, по мнению Одиссея, подтверждало расплывчатость этого понятия. Гелен продолжал умолять царя изменить решение, но тот стоял на своем. Троил был провозглашен наследником. А мы на берегу принялись точить мечи.

Троянцам понадобилось двенадцать дней, чтобы оплакать Гектора. За это время прибыла Пентесилея с десятью тысячами конных жен-воинов. Еще один повод наточить мечи.

Наши точильные камни умаслило любопытство — ведь жизнь этих необыкновенных женщин была полностью посвящена Артемиде Девственнице и Аресу Азийскому. Они обитали в Скифии у подножия хрустальных гор, пронзавших пиками крышу мира, скакали на своих огромных лошадях по лесам, охотились и грабили во имя Артемиды. Они жили под властью богини Земли в ее изначальном триединстве — дева, мать, старуха — и повелевали мужчинами так же, как когда-то женщины в наших краях ойкумены, до того как новые боги сменили старых. Но мужам открылось нечто очень важное, а именно что мужское семя так же необходимо для деторождения, как и женщина, чтобы выносить плод. До тех пор пока это открытие не было сделано, иметь мужчину считалось пустой роскошью.

Род у амазонок велся только по материнской линии, их мужчины были имуществом и даже не принимали участия в битвах. Первые пятнадцать лет жизни после прихода менструации женщина полностью посвящала служению богине-девственнице. Потом она уходила из армии, брала себе мужа, рожала детей. Только царица никогда не выходила замуж, хотя оставляла трон примерно в то же время, что и другие жены оставляли службу Артемиде; вместо того чтобы взять мужа, царица шла под секиру и приносила себя в жертву людям.

Если мы чего-то не знали об амазонках раньше, то узнали от Одиссея; похоже, у него повсюду были лазутчики, даже у подножия скифских хрустальных гор. Хотя, конечно же, больше всего нас занимало то, что

амазонки ездили на лошадях верхом. Так не делал больше никто, даже в далеком Египте. На лошади было слишком сложно усидеть. Шкура у них была скользкая, и покрывало не могло на ней удержаться; единственное, от чего был прок, это рот, в который можно было вложить удила, прикрепленные к головной сбруе, и поводья. Поэтому мы использовали лошадей только для того, чтобы тянуть колесницы. Их даже в повозки нельзя было запрягать, ибо ярмо их душило. Так как же амазонки могли ехать верхом на битву?

Пока троянцы скорбели по Гектору, мы отдыхали, гадая, предстоит ли нам еще раз увидеть их за пределами стен. Одиссей пребывал в полной уверенности, что они непременно выйдут, но остальные не слишком разделяли его уверенность.

На тринадцатый день я надел доспехи, которые мне дал Одиссей, и обнаружил, что они стали намного легче, — я привык к ним. В рассветных сумерках мы вышли за насыпь, и по мокрой от росы равнине протянулись бесконечные цепочки бредущих воинов с колесницами во главе. Агамемнон решил стать вдоль всего фронта на расстоянии в пол-лиги от стены, примыкавшей к Скейским воротам.

Они нас ждали, не такие многочисленные, как раньше, но все еще превосходившие нас числом. Скейские ворота уже закрылись.

Орда амазонок располагалась в центре троянского авангарда; дожидаясь, пока наши фланги встанут на позицию, я присел на бортик своей колесницы и принялся их рассматривать. Они сидели верхом на огромных косматых зверях неизвестной мне породы — уродливые горбатые головы, короткие гривы и хвосты, копыта, заросшие шерстью. По масти лошади были пестро-гнедыми или коричневыми, кроме одной белой красавицы в центре. Эта наверняка принадлежала царице Пентесилее. Я увидел, как они держались верхом, — умно! Каждая женщина-воин усаживалась бедрами и ягодицами в кожаный каркас, закрепленный ремнем под лошадиным брюхом, чтобы он крепко держался на месте.

На них были бронзовые шлемы, но остальные доспехи были сделаны из дубленой кожи, а от талии до стоп их ноги были обвязаны кожаными полосками. На ногах у них были мягкие короткие сапоги. Их любимым оружием был, конечно же, лук со стрелами, хотя у некоторых на поясе висели мечи.

И тут рога и барабаны возвестили начало битвы. Я стоял прямо, со Старым Пелионом в руке, железный щит удобно повис на левом плече. Агамемнон стянул все свои колесницы в авангард напротив амазонок,

которых было до обидного мало.

Воительницы разлетелись меж колесниц с пронзительными воплями и криками, как гарпии. Из их коротких луков со свистом вылетали стрелы, проносились у нас над головами и вонзались в землю. Этот бесконечный смертоносный дождь потряс даже мирмидонян, не привыкших сражаться с противником, который нападал издалека, чтобы избежать немедленного возмездия. Я сдвинул свой небольшой отряд воинов на колесницах плотнее и оттеснил амазонок, используя Старый Пелион в качестве пики, отбивая стрелы щитом и крича остальным, чтобы они делали то же самое. Невероятно! Эти женщины не целились в наших коней!

Я взглянул на Автомедонта, с помрачневшим лицом он боролся с упряжкой. Наши взгляды встретились.

— Сегодня троянцев придется рубить остальной армии, — сказал я. — Я же назову битву удачной, если мы хотя бы сохраним свои позиции. Против этих женщин трудно бороться.

Он кивнул и резко свернул в сторону, чтобы избежать воительницы, которая направила своего скакуна прямо на нас — его толстые и мощные передние ноги били копытами, вполне подходящими, чтобы выбить мозги. Я схватил свободное копье и метнул, удовлетворенно хмыкнув, когда оно свалило ее с лошадиной спины прямо под эти копыта. Потом я отложил Старый Пелион и взял секиру.

— Держись ко мне поближе, я спускаюсь.

— Ахилл, не надо! Они тебя растопчут!

Я рассмеялся.

На земле я держался намного устойчивее; я передал мирмидонянам приказ спешиться.

— Не обращайте внимания на размер лошадей. Бросайтесь им под ноги — они не убивают наших лошадей, но мы будем убивать их. Убитая лошадь — почти то же самое, что и убитый воин.

Мирмидоняне без колебания последовали за мной. Некоторые были покалечены и растоптаны, но большинство устояло — под потоками стрел они рубили мохнатые животы и ноги, разрывали конские шеи. Им удалось это сделать, удары их были точны и быстры, ибо ни мой отец, ни я никогда не мешали ни одному из них проявлять смекалку и гибкость, — амазонки были вынуждены беспорядочно отступить. Победа нам дорого стоила. Поле было усеяно погибшими мирмидонянами. Но сейчас они победили. Воспрянув духом, они готовы были и дальше убивать амазонок и амазонских коней.

Я снова вскочил на колесницу к Автомедонту и стал искать

Пентесилею. Вон она! В гуще своих всадниц, она пытается поднять им дух. Я кивнул Автомедонту.

— Вперед, на царицу.

Стоя в колеснице, я атаковал ее ряды, застав воительниц врасплох. Но стрелы все равно продолжали падать; чтобы прикрыться от них, Автомедонт надел на плечи щит. Но мне не удавалось подобраться к ней достаточно близко, чтобы причинить вред. Три раза ей удавалось нас отбить, одновременно перегруппировывая свои шеренги. Автомедонт обливался потом и слезами, не в силах управлять моими тремя жеребцами так, как это удавалось Патроклу.

— Дай мне вожжи.

Их звали Ксанф, Балий и Подарг, и я к каждому обратился по имени, прося открыть мне свое сердце. Они меня поняли, пусть и не было рядом Патрокла, чтобы за них ответить. Ну, вот и замечательно! Я мог думать о нем без чувства вины.

Не нуждаясь в кнуте, они снова ринулись в бой. Они были достаточно крупными, чтобы разметать амазонских лошадей в стороны. Выкрикивая свой боевой клич, я отдал вожжи Автомедонту и взялся за Старый Пелион. Царица Пентесилея была почти на расстоянии удара и продвигалась все ближе, ряды ее воительниц смешались еще больше, чем раньше. Бедная женщина, у нее не было дара командовать. Ближе, ближе... Чтобы избежать столкновения с моей упряжкой, ей пришлось направить свою белую кобылу в сторону. Ее палевые глаза сверкали, ее бок был открыт Старому Пелиону, как подарок. Но я не смог бросить копье. Я поприветствовал ее и приказал отступить.

Амазонская лошадь без всадницы — похоже, они все были кобылами, — была привязана к собственным ногам, потому что наступила одной из них на лежащие на земле поводья. Когда Автомедонт проезжал мимо, я нагнулся, вытащил поводья у нее из-под копыт и заставил пойти следом.

Как только сутолока боя осталась позади, я выпрыгнул из колесницы и принялся рассматривать амазонскую лошадь. Понравится ли ей мужской запах? Как мне залезть в этот кожаный каркас?

Автомедонт побледнел.

— Ахилл, что ты делаешь?

— Она не боится умереть и потому заслуживает лучшей смерти. Я сражусь с ней как равный, на спине лошади, ее секира против моей.

— Ты сошел с ума? Мы не ездим верхом!

— Сейчас нет, но, увидев, как это делают амазонки, неужели ты

думаешь, будто мы не научимся?

Я вскарабкался кобыле на спину, встав на колесо колесницы как на ступеньку; по углам каркас заканчивался массивными шишкообразными выступами, а это означало, что мне было довольно трудно в нем устроиться, потому что он был очень мал. Но как только мне это удалось, я поразился. Держать спину прямо и сохранять равновесие было так просто! Единственную трудность представляли ноги, которые свисали без опоры. Кобыла дрожала, но мне, похоже, посчастливилось выбрать животное с мирным характером; когда я хлопнул ее по холке и дернул за поводья, чтобы развернуть ее кругом, она послушалась. Я сидел верхом — первый мужчина в ойкумене, кто это сделал.

Автомедонт передал мне секиру, но о щите размером в человеческий рост не могло быть и речи. Один из мирмидонян подбежал ко мне и с широкой улыбкой подал маленький круглый амазонский щит.

С криками восторга мирмидоняне последовали за мной, а я бросился в гущу воительниц, надеясь найти царицу. В давке моя лошадь двигалась не быстрее улитки и поэтому могла лучше ко мне привыкнуть. Возможно, мой вес ее пугал.

Увидев царицу, я издал боевой клич. Ответив диким, завывающим криком, она развернулась, чтобы стать ко мне лицом, коленями понукая белую кобылу идти сквозь толпу — я выучил новый трюк, — отбрасывая лук за спину и кладя правую руку на золотую секиру. Резкий приказ заставил ее воительниц отступить в сторону, образовав полукруг, а мирмидоняне с радостью сделали его полным. В других частях поля боя битва, должно быть, шла своим чередом, ибо среди мирмидонян-наблюдателей я увидел воинов Диомеда и чернявое, неприятное лицо его двоюродного брата Терсита. Что здесь делает Терсит? Он был начальником лазутчиков Одиссея.

— Ты — Ахилл? — спросила меня царица на ужасном ахейском наречии.

— Да, я!

Она рысью подъехала ближе, держа секиру вдоль кобыльей лопатки, прикрываясь щитом. Зная свою неопытность в такого рода поединках, я решил сначала заставить ее показать все свои приемы, положившись на удачу в том, что мне удастся избежать неприятностей, пока я не почувствую себя увереннее. Она развернула своего скакуна боком и повернулась, как молния, но я вовремя отъехал в сторону и принял удар на щит из бычьей кожи, жалея, что у меня нет такого же размером, но железного. Ее лезвие глубоко вонзилось и вышло из кожи так чисто, как нож из сыра. Она не

умела командовать, но умела драться. Как и моя гнедая кобыла, которая знала, когда повернуть, раньше меня. Учась на ходу, я взмахнул секирой и промахнулся всего на ладонь. Потом я попытался применить ее собственный прием, ринувшись на белую кобылу. Ее глаза широко раскрылись, и из-за края щита я увидел, что она надо мной смеется. Изучая друг друга, мы обменивались ударами с возрастающей скоростью, секиры гудели и сыпали искрами. Я чувствовал силу ее руки и признавал ее отточенное мастерство. Ее секира была намного меньше моей и предназначалась для одной руки, что превращало ее в очень опасного врага; лучшее, что я мог сделать с собственным оружием, — это схватиться за его рукоятку намного ближе к острию, чем обычно, одной правой рукой. Я старался держаться справа и принуждал ее изо всех сил напрягать мускулы, отражая каждый ее выпад с силой, которая пронизывала ее до мозга костей.

Я уже давно мог ее измотать, но мне не хотелось унижать ее гордость. Лучше покончить со всем быстро и с честью. Когда она поняла, что ее путь окончен, то подняла на меня глаза и молча приняла свою судьбу, а потом попытала счастья с последним, отчаянным приемом. Белая лошадь поднялась на дыбы и, опускаясь вниз, развернулась и рухнула на мою кобылу с такой силой, что та пошатнулась, заскользив копытами по земле. Пока я удерживал ее голосом, левой рукой и пятками, опустилась секира. Я поднял свою секиру, чтобы отразить удар и отвести ее в сторону, и больше не колебался. Мое лезвие вошло в обнаженный бок Пентесилеи, как в необожженную глину. Не доверяя ей, пока она держится прямо, я быстро выдернул секиру, но ее рука, нащупывавшая кинжал, уже ослабела. На белую шкуру кобылы хлынул алый поток, и царица зашаталась. Я соскользнул со своей лошади, чтобы поймать ее, прежде чем она упадет.

Ее вес придавил меня к земле. Я опустился на колени, обняв ее за плечи и щупая ее пульс. Она была еще жива, но тень ее уже услышала зов Аида. Она взглянула на меня глазами бледно-голубыми, как разбавленная солнцем вода.

— Я молила, чтобы это был ты.

— Царь должен умереть от руки самого достойного из врагов, а ты — скифский царь.

— Благодарю тебя за то, что ты покончил с поединком быстрее, чем у меня закончились силы, и именем Девы-лучницы прощаю тебе мою смерть.

У нее в горле раздался предсмертный хрип, но губы все еще двигались. Я нагнулся, чтобы расслышать.

— Когда царица умирает под секирой, она должна вдохнуть свое

последнее дыхание в рот своей убийце, которая будет править вместо нее.

Кашель. Она силилась договорить:

— Возьми мое дыхание. Храни мой дух, пока тоже не станешь тенью и я не попрошу его обратно.

У нее во рту крови не было; собрав остатки своего мужества, онадохнула мне в рот и умерла. Чары развеялись, я осторожно опустил ее на землю и встал на ноги. С криками горя и отчаяния ее воительницы бросились на меня, но мирмидоняне меня прикрыли, дав возможность увести с поля гнедую кобылу и найти Автомедонта. Этот каркас из кожи и дерева был добычей получше рубинов.

Раздался чей-то голос:

— Ахилл, какое отличное представление ты им устроил. Уверен, немногие из мужчин — да и женщин тоже, если уж на то пошло, — когда-нибудь видели, чтобы кто-то занимался любовью с трупом.

Мы с Автомедонтом круто повернулись, не веря своим ушам. Нам глупо ухмылялся Терсит-лазутчик. Неужели армия настолько меня презирает, что кто-то подобный Терситу может высказывать свои поганые мысли мне в лицо и считать себя в безопасности?

— Как жаль, что они напали на тебя и помешали тебе закончить, — глумился он. — А я-то надеялся хоть мельком взглянуть на твое самое мощное оружие.

Дрожа от холодного гнева, я поднял руку:

— Убирайся, Терсит! Убирайся прочь за спину Диомеда или Одиссея, под чью дудку ты пляшешь!

Он повернулся к нам спиной.

— Правда жалит, верно?

Я ударил его только раз, и, когда мой кулак нашел его шею как раз в том месте, где заканчивался шлем, рука вспыхнула болью до самой лопатки. Он упал, словно камень, и свернулся на земле, как змея. Автомедонт зарыдал от ярости.

— Пес! — Он опустил на колени. — Ты сломал ему шею.

— Скатертью дорога!

Мы поставили амазонок на колени, ибо их сердца умерли вместе с Пентесилеей; они продолжали сражаться, только чтобы погибнуть в своем первом набеге на мир мужчин. Когда у меня выдавалось время, я искал тело царицы, но его нигде не было видно. Под конец дня ко мне подошел один из мирмидонян.

— Господин, я видел, как тело царицы унесли с поля.

— Куда? Кто?

— Царь Диомед. Он прибыл с несколькими аргивлянами, раздел ее, привязал за пятки к своей колеснице и уехал прочь вместе с ее доспехами.

Диомед? Я едва мог в это поверить, но, когда поле начали убирать после битвы, направился к нему.

— Диомед, это ты взял мою добычу, тело царицы амазонок?

— Да! — свирепо отрезал он. — Я бросил ее в Скамандр.

Я сохранил вежливый тон:

— Почему?

— А почему бы и нет? Ты убил моего двоюродного брата Терсита, один из моих воинов видел, как ты ударил его, когда он повернулся к тебе спиной. Ты заслужил расстаться и с царицей, и с ее доспехами!

Я сжал кулаки:

— Ты поспешил с выводами, друг мой. Найди Автомедонта и спроси его, что сказал мне Терсит.

С несколькими мирмидонянами мы отправились искать царицу, не надеясь ее найти. Скамандр вернул себе силу течения и полноводность. За двенадцать дней траура по Гектору мы укрепили речной берег, чтобы держать лагерь в сухости, а над Идой снова прошли дожди.

Стало темно; мы зажгли факелы и продолжали бродить по берегу, заглядывая под кусты и ивы. Потом кто-то позвал меня. Я побежал на звук голоса, силясь хоть что-нибудь рассмотреть. Она болталась в потоке, то погружаясь, то выныривая, зацепившись длинной светлой косой за ветвь того самого вяза, схватившись за который я боролся за жизнь. Я вытащил ее и завернул в покрывало, а потом положил на ее белую кобылу, которую отыскал Автомедонт, — она скиталась по опустевшему полю, оплакивая свою хозяйку.

Когда я вернулся домой, Брисеида ждала меня.

— Любовь моя, заходил Диомед и оставил для тебя сверток. Он сказал, что вместе с ним приносит тебе искренние извинения и что он сам сделал бы с Терситом то же самое.

Он вернул мне вещи Пентесилеи. Поэтому я похоронил ее в одной гробнице с Патроком, в позе царя-воина, вооруженную, с прикрытым золотой маской лицом и белой кобылой в ногах, чтобы ей не пришлось ходить пешком в царстве мертвых.

Троянцы не показались ни на следующий день, ни на третий. Я направился к Агамемнону, гадая, в чем дело. С ним был Одиссей, такой же веселый и уверенный, как обычно.

— Не бойся, Ахилл, они выйдут. Приам ждет Мемнона, который идет сюда с отборной армией хеттов, купленной у царя Хаттусили. Но мои лазутчики сообщают, что хетты еще в половине луны пути отсюда, а пока у нас есть более срочное дело. Мой господин, ты расскажешь?

Наш хитрец прекрасно понимал, когда будет благоразумнее всего передать слово нашему верховному царю.

— Конечно, — с важностью ответил наш верховный царь. — Ахилл, вот уже восемь дней, как из Аргоса пришел последний корабль с провизией. Я подозреваю, что на остальные напали дарданцы. Ты сможешь взять армию и взглянуть, что там происходит? Мы не можем позволить себе сражаться с Мемноном и хеттами на голодный желудок, но сражаться без войска мы тоже не можем. Ты сможешь разобраться с Ассом и быстро вернуться?

Я кивнул.

— Да, мой господин. Я возьму десять тысяч воинов, но не мирмидонян. Ты даешь мне разрешение взять других?

— Конечно, конечно!

Он был в очень хорошем настроении.

Дела в Ассе во многом обстояли именно так, как предсказал Агамемнон. Наше поселение осадили дарданцы; нам пришлось сразиться не на шутку, прежде чем мы ворвались за укрепления и разбили их в открытом бою. Это было потрепанное войско, разношерстное и разноязыкое, — тот, кто правил теперь в разрушенном Лирнесе, собрал пятнадцать тысяч воинов отовсюду, возможно со всего побережья. По всей видимости, они направлялись в Трою, но не смогли устоять перед искушением, каким для них оказался лежавший по пути Асс. Стены удержали их снаружи, и я прибыл слишком быстро, чтобы они успели пробить в них брешь, так что они ничего не получили и никогда не добрались до Трои.

За четыре дня все было кончено; на пятый мы отплыли обратно. Но ветра и течения были против нас всю дорогу, поэтому только на шестую ночь, уже в полной темноте, мы пристали к троянскому берегу. Я сразу направился к дому Агамемнона, по пути обнаружив, что в мое отсутствие армия поучаствовала в серьезных боевых действиях. В портике я встретил Аякса и поприветствовал его, горя нетерпением узнать подробности.

— Что случилось?

Уголки его рта поползли вниз.

— Мемнон пришел раньше, чем мы его ждали, с десятью тысячами

хеттов. Ахилл, они умеют сражаться! И мы, должно быть, устали. Несмотря на то что нас было больше и на равнине были мирмидоняне, к темноте они загнали нас за укрепления.

Я мотнул головой в сторону закрытых дверей:

— Царь царей принимает?

Аякс усмехнулся:

— Воздержись от иронии, брат! Он не очень хорошо себя чувствует — как обычно после поражения. Но он принимает.

— Ступай поспи, Аякс. Завтра мы победим.

Агамемнон выглядел очень усталым. Он все еще сидел за столом с остатками вечерней трапезы, в компании Нестора и Одиссея. Его голова покоилась на руках, но он поднял ее, когда я вошел и сел рядом.

— Покончил с Ассом?

— Да, мой господин. Корабли с провизией прибудут завтра, а пятнадцать тысяч воинов, шедших к Трое, — нет.

— Прекрасно! — сказал Одиссей.

Нестор не проронил ни слова — на него не похоже! Я посмотрел в его сторону и поразился. Его волосы и борода были небриты, глаза покраснели. Осознав, что я уставился на него, он бесцельно шевельнул рукой; по морщинистым щеками покатились слезы.

— Что случилось, Нестор? — осторожно спросил я, кажется уже понимая, в чем дело.

Он содрогнулся от рыданий:

— О Ахилл! Антилох мертв.

Я поднял руку, чтобы прикрыть глаза:

— Когда?

— Сегодня, на поле боя. Это моя вина, только моя... Он пришел мне на помощь, и Мемнон пронзил его копьем. Я даже не могу увидеть его лицо! Копье вошло в затылок и вышло через рот, оно раздробило его лицо на куски. Он был так красив. Так красив!

Я закричал зубами:

— Мемнон поплатится, Нестор, клянусь. Клянусь обетами, которые я дал богу реки Сперхею.

Но старик только покачал головой:

— Разве это что-то изменит? Антилох мертв. Труп Мемнона мне его не вернет. Я потерял пять сыновей на этой несчастной равнине — пятерых из семи моих сыновей. И Антилох был мне дороже их всех. Он умер в двадцать лет. А я жив в девяносто. Боги не ведают справедливости.

— Мы покончим с этим завтра? — спросил я у Агамемнона.

— Да, завтра. Троя надоела мне до смерти! Еще одной зимы здесь я не вынесу. У меня нет никаких новостей из дома, ни от жены, ни от Эгисфа. Я посылаю своих гонцов, они возвращаются и говорят, что в Микенах все хорошо. Но я хочу домой! Хочу увидеть Клитемнестру, моего сына, двух оставшихся дочерей.

Он посмотрел на Одиссея:

— Если мы не возьмем Трою осенью, я поеду домой.

— Осенью Троя будет взята, мой господин.

Он вздохнул; этот мужчина был хладнокровным и твердым, как железо, и в его глазах было больше, чем просто усталое безразличие.

— Мне тоже надоела Троя. Если мне суждено двадцать лет провести вдали от Итаки, то следующие десять пусть пройдут где-нибудь еще, кроме Трояды. Я предпочту сражаться с сиренами и гарпиями, чем с этими скучными троянцами.

Я усмехнулся:

— Сирены и гарпии не знают, что их ждет, если они с тобой свяжутся, Одиссей. Но мне все равно. Троя — конец моего мира.

Зная пророчество, Одиссей ничего не ответил и наклонился над чашей с вином.

— Агамемнон, пообещай мне только одно.

Его голова снова опустилась на руки.

— Все, что пожелаешь.

— Похорони меня в скале с Патроклом и Пентесилеей и проследи, чтобы Брисеида вышла замуж за моего сына.

Одиссей напрягся:

— Ты уже призван?

— Не думаю. Но скоро это должно случиться. — Я протянул ему руку.

— Обещай, что мой сын будет носить мои доспехи.

— Я уже обещал. Он их получит.

Нестор вытер глаза и высморкался в рукав.

— Ахилл, все будет, как ты пожелаешь.

Дрожащими пальцами он вцепился себе в волосы.

— Почему бог не может призвать меня! Я молил его и молил, но он не услышал. Как я вернусь на Пилос без сыновей? Что я скажу их матерям?

— Ты вернешься, Нестор, — произнес я. — У тебя остались еще два сына. Когда ты поднимешься на свои бастионы и согласишься вни-з на песчаный берег, Троя поблекнет и будет казаться сном. Только помни нас, павших, и совершай нам возлияния.

Я отрубил Мемнону голову и швырнул тело под ноги Нестору. В тот день мы воспряли духом, недолгому возрождению троянцев пришел конец. Они медленно отступали по равнине, а я все убивал и убивал. Моя рука казалась мне чересчур медлительной, хотя секира взлетала с прежней частотой и жестокостью. Но когда я продирался сквозь строй лучших хеттских воинов, каких царь Хаттусили смог предложить в жертву на пропитанный кровью алтарь, имя которому Троя, мне стало дурно от этой бойни. Где-то в уголке своего сознания я слышал мелодичный голос, в котором слышались слезы, наверно моей матери.

Под конец дня я засвидетельствовал свое почтение Нестору и помог подготовить Антилоха к погребению. Мы положили юношу рядом с его четырьмя братьями в склеп на утесе и бросили Мемнона ему в ноги, как пса. Но мысль о погребальных играх и тризне была невыносима; я незаметно ускользнул домой.

Брисеида ждала меня. Когда она меня не ждала?

Я взял ее лицо в ладони и сказал:

— Ты всегда прогоняешь горе прочь.

— Сядь и побудь со мной.

Я сел, но говорить с ней не смог: мое сердце сковывал ужасный холод. Она оживленно болтала, пока не взглянула на меня, и тогда ее оживление пропало.

— Ахилл, что случилось?

Я молча покачал головой и вышел на свежий воздух, там я остановился, подняв голову к бесконечным небесным просторам.

— Ахилл, что случилось?

— О Брисеида! Все мое существо потрясено до основания! Никогда до сих пор я так остро не чувствовал ветер, не ощущал так сильно запах жизни, не видел таких спокойных и ясных звезд!

Она схватила меня за руку:

— Пойдем внутрь.

Я позволил ей подвести меня к креслу и усадить в него, тогда как сама она опустилась на землю у моих ног и положила руки мне на колени, вглядываясь мне в лицо.

— Ахилл, это твоя мать?

Я взял ее за подбородок и улыбнулся:

— Нет. Моя мать больше ко мне не придет. На поле я слышал, как она рыдала, прощаясь со мной. Брисеида, я призван. Бог наконец-то позвал меня. Мне всегда хотелось знать, на что это будет похоже, но я ни разу не думал, что это будет полное осознание жизни. Я думал, это будут слава и

ликование, что-то такое, что сможет физически меня поддержать в последнем бою. Но это — покой и милосердие. Я спокоен. Ни демонов прошлого, ни страха за будущее. Завтра все закончится. Завтра я перестану быть. Бог сказал свое слово. Больше он меня не оставит.

Она начала возражать, но я остановил ее:

— Муж должен умереть благородно. Этого хочет бог, а не я. И я не Геракл и не Прометей, чтобы ему противостоять. Я — смертный. Я прожил тридцать один год, успев повидать и почувствовать больше, чем большинство мужей, которые сто раз видели, как желтеет листва на деревьях. Я не хочу жить дольше троянских стен. Здесь падут все великие воины. Аякс. Аякс! Аякс... Если бы я выжил, это было бы неправильно. За рекой, где кончается все, я встречу тени Патрокла и Ифигении. Наши ненависть и любовь принадлежат миру живых, эти чувства слишком сильны, чтобы тревожить мир мертвецов. Я сделал все, что мог. Больше ничего не осталось. Я молил, чтобы имя мое воспевали все грядущие поколения. В этом и есть бессмертие, на которое может рассчитывать любой муж. В царстве мертвых нет радости, но нет и печали. Если я смогу сразиться с Гектором еще миллион раз на устах живущих, я никогда по-настоящему не умру.

Она все плакала и плакала; женское сердце не способно постичь хитросплетение узоров на полотне времен, поэтому она не могла порадоваться вместе со мной. Но горе может достичь таких глубин, когда высыхают даже слезы. Она лежала притихшая.

— Если ты умрешь, я тоже умру.

— Нет, Брисеида, ты должна жить. Ступай к моему сыну Неоптолему и стань его женой. Дай ему сыновей, которых ты не дала мне. Нестор с Агамемноном пообещали за этим проследить.

— Даже тебе я не могу этого обещать. Ты взял меня из одной жизни и дал мне другую. Третьей не бывать. Я должна разделить твою смерть.

Улыбаясь, я поднял ее на руки.

— Когда ты увидишь моего сына, ты будешь думать иначе. Женщины созданы для того, чтобы жить. Ты должна мне еще одну только ночь. Потом я отдам тебя Неоптолему.

Глава двадцать восьмая, рассказанная Автомедонтом

Мы с легким сердцем перешли через насыпь, чтобы сразиться с врагом, которого мы почти уничтожили. Ахилл был необычно спокоен, но мне и в голову не пришло расспрашивать его о причине его настроения. Он стоял, словно маяк, в своих золотых доспехах, изящный золотой гребень шлема сверкал на солнце. Ожидая его обычной товарищеской улыбки, я повернулся, чтобы подарить ему свою, но в этот день он забыл про наш маленький ритуал. Он смотрел вперед, я не знал, на что именно. На его суровое лицо, так часто искаженное яростью, снизошел покой; внезапно мне показалось, будто я везу незнакомца. Ни разу за то время, пока мы ехали к месту боя, он не заговорил со мной, ни разу не улыбнулся. Это должно было повергнуть меня в уныние, но не повергло, я не мог понять почему. Скорее я чувствовал себя ободренным, словно часть его души перешла в меня.

Он сражался лучше, чем когда-либо, и, казалось, был сосредоточен на том, как вместить всю свою огромную славу в один-единственный день. Только вместо того, чтобы дать волю своей обычной слепой ярости, он прилагал все усилия, чтобы мирмидонянам сопутствовал успех. Он разил мечом, а не секирой, и разил в полном молчании, сродни тому, в каком царь совершает ежегодное жертвоприношение богам. Эта мысль привела к другой, я сразу же понял, какая в этом была разница. Он всегда был царевичем, но никогда не был царем. А в этот день он им стал. Я спрашивал себя, не предчувствовал ли он смерть своего отца Пелея.

Когда я мчал колесницу по полю боя, я случайно взглянул на небо, и погода мне не понравилась. Уже на рассвете она была мрачной и пасмурной, обещая не холод, а бурю. Теперь небосвод принял странный медный оттенок, и с востока и с юга, сверкая молниями, собирались огромные грозовые тучи. Как раз над Идой, где, как мы все были уверены, собирались боги, чтобы смотреть на битву.

Разгром был полный. Троянцы не могли дать нам отпор: куда им, когда каждый вождь в нашей армии обладал величием, пусть и меньшим, чем Ахилл, от которого оно исходило, словно лучи от головы Гелиоса. Я подумал, что оно отражается от него, осеняя других своим светом, — Ахилл стал самым великим из наших царей.

Через некоторое время троянцы дрогнули и обратились в бегство. Я искал глазами Энея, недоумевая, почему он не пытается их удержать. Но наверно, это был не его день, ибо его нигде не было видно. Потом я узнал, что он держался особняком и не посылал своих воинов туда, где была нужда в подкреплении. До нас дошли слухи, что у Трои есть новый наследник и его имя — Троил. Потом я вспомнил, ведь Ахилл рассказывал мне, что Приам оскорбил Энея, назначив Троила наследником.

Что ж, сегодня Эней показал, как глупо поступил старый царь Трои, оскорбив царевича Дардании, который тоже был наследником трона.

Мы уже видели Троила на поле боя и раньше, во время битвы с Пентесилеей, а потом и с Мемноном. Он не пытал удачу, стараясь держаться подальше от Ахилла с Аяксом, но сегодня ему это не удалось. Ахилл безжалостно его преследовал, куда бы он ни свернул, подъезжая все ближе и ближе. Поняв, что встреча с Ахиллом неизбежна, он позвал на помощь — его воины исчерпали все силы. Я видел, как он отправил гонца к Энею, стоявшему поблизости. Я видел, как гонец говорит с Энеем, который нагнулся к нему с колесницы, якобы проявляя интерес. Я видел, как посланец направился обратно. Но я не видел, чтобы Эней хоть пальцем пошевелил, чтобы помочь. Вместо этого он развернул колесницу и двинулся — вместе со своим войском — куда-то в другую сторону.

Троил был смелым мальчиком. Он был родным братом Гектора и через несколько лет мог бы стать ему равным. Но сейчас он был еще слишком юн. Когда я подъехал ближе, он поднял копье, и его возница придержал колесницу, чтобы он смог его метнуть, — единственная попытка, которая у него была, прежде чем мы окажемся слишком близко. Я почувствовал, как рука Ахилла коснулась моей, и понял, что он поднимает Старый Пелион. Великое копье взмыло в великолепном броске и полетело к цели так прямо, словно его метнул сам Аполлон. Его железный наконечник глубоко вонзился юноше в горло, и тот упал, навеки лишенный голоса, и над головами теряющих надежду троянских воинов я увидел Энея, который наблюдал за происходящим с горечью на лице. Мы забрали доспехи и упряжку Троила, а его оставшихся воинов изрубили на куски.

После смерти Троила Эней оживился. Он стряхнул с себя безразличие и бросил остатки троянской армии на нас, перемещаясь по флангам, но осторожно следя за тем, чтобы не оказаться в пределах досягаемости копья Ахилла. Дарданец был хитер. Ему отчаянно хотелось жить; я гадал, что за страсти им овладели, ведь он не был трусом.

Солнце скрылось за тяжелыми тучами, быстро собиралась буря.

Настолько велика была скрытая сила, исходившая от небес, что воины принялись судачить о плохих приметах. Тучи опускались все ниже и ниже, все ближе сверкала молния, гром перекрывал грохот битвы. Мне никогда раньше не доводилось видеть такого неба и чувствовать, как Громовержец бросает молнии одну за другой. Свет померк, а тучи стали черными, словно борода Аида, клубясь, будто дым от огромного костра, в которое попало масло, и становясь ярко-синими при вспышке молний. Я услышал, как мирмидоняне позади нас говорят, что Зевс посылает нам знак полной победы, и по действиям троянцев подумал, что, наверно, они тоже так считают.

Прямо перед нами сверкнула обжигающе-белая молния. Кони в упряжке встали на дыбы, а я прикрыл глаза, боясь ослепнуть. Когда вспышка молнии погасла, я взглянул на Ахилла.

— Давай сойдем на землю, так будет безопаснее.

В первый раз за день его глаза встретились с моими. Я ошеломленно уставился на него. Грозовые вспышки словно играли вокруг его головы, желтые глаза светились радостью, и он рассмеялся над моим страхом.

— Ты видишь это, Автомедонт? Ты это видишь? Мой прадед готовится меня оплакать! Он считает меня достойным отпрыском своего семени!

Я открыл рот от изумления.

— Оплакать? Ахилл, о чем ты говоришь?

В ответ он крепко сжал мои запястья:

— Я призван. Сегодня я умру. Оставляю мирмидонян под твоим командованием до тех пор, пока ты не пошлешь за моим сыном. Зевс готовится к моей смерти.

Я не мог в это поверить. Я не хотел в это верить. Словно в кошмаре, я хлестнул коней, посылая их вперед. Когда потрясение немного прошло, я постарался сделать лучшее, что мог: так незаметно, насколько это было возможно, я стал направлять колесницу поближе к Аяксу и Одиссею, чьи воины бились бок о бок.

Если Ахилл и заметил мой маневр, то оставил его без внимания. Я смотрел в небо и молил бога взять мою жизнь и пощадить его; но бог только оглушительно хохотал, и я дрожал от страха. Троянцы внезапно бросились под защиту стен Трои, и мы принялись их преследовать. Аякс был уже недалеко; я продолжал гнать лошадей, пока не приблизился к нему настолько, чтобы иметь возможность сообщить ему, что Ахилл вообразил, будто он призван. Если какой-нибудь муж и был в силах это предотвратить, то только Аякс.

Мы бились у Западного барьера, слишком близко к Скейским воротам,

чтобы Приам позволил их открыть. Ахилл и Аякс с Одиссеем прижимали Энея к воротам, заставляя его принять последний бой. Ахилл был полон решимости покончить с Энеем, я чувствовал это по его молчанию, молясь о том, чтобы схватка с самым опасным из всех оставшихся в живых троянских вождей его миновала.

Я услышал, как он довольно хмыкнул, и увидел, что дарданец оказался в пределах броска копья, но он был слишком занят, отбиваясь от окруживших его врагов, и не мог заметить всех, кто выступил против него. Он был прекрасной целью. Ахилл поднял Старый Пелион, мышцы у него на руке забугрились, собираясь с силами для броска, оголив подмышку, покрытую тонкими золотыми волосами. Мой взгляд с интересом прочертил линию от конца копья до Энея, зная, что жизнь дарданца окончена и еще одной великой угрозой стало меньше.

Все это случилось в одно мгновение, хотя я клянусь, что не колесница заставила Ахилла потерять равновесие. У него подвернулась правая нога, несмотря на то что она, казалось, твердо была закреплена петлей, а его правая рука взлетела еще выше, помогая ему устоять на ногах. Я услышал глухой звук и увидел, как в его обнаженную подмышку по самое оперение вонзилась стрела. [\[26\]](#)

Старый Пелион, так и не брошенный, упал на землю, Ахилл же воспрянул, словно титан, и прокричал боевой клич Хирона голосом, в котором звенел триумф, словно он победил саму смерть. Его рука упала, загнав стрелу по самый наконечник. Я обеими руками пытался удержать упряжку: Ксанф в ужасе рвался в сторону, Балий повесил голову, а Подарг выбивал копытами дробь. Но не было Патрокла, чтобы говорить за них, чтобы облечь их горе и ужас в человеческие слова.

Все, услышавшие боевой клич, обернулись; Аякс вскрикнул, словно его тоже поразило стрелой. Из беззубого рта и ноздрей Ахилла хлынула кровь, широким потоком заливая золотые доспехи. Одиссей оказался позади Аякса, он испустил вопль бессильного гнева, указывая на что-то вытянутой рукой. В безопасности, за огромным камнем стоял Парис с луком в руке и улыбался.

Очень скоро Ахилл больше не смог стоять, он выпал из колесницы прямо на руки Аяксу, который опустил его на землю, — лязг его доспехов отдался эхом в наших сердцах и остался в них навсегда. Я находился рядом с Аяксом, когда тот опустился на колени с двоюродным братом на руках, когда снял его шлем и безмолвно смотрел в его залитое кровью лицо. Ахилл видел, кто держал его, но смерть его была уже близко. Он попытался заговорить, но захлебнулся в крови; он попрощался с нами глазами, потом

зрачки расширились, и желтые радужки исчезли под их безликой, прозрачной чернотой. Он был мертв. Ахилл был мертв. Мы смотрели в его блестящие пустые глаза — за ними не было ничего. Аякс протянул огромную, неуклюжую руку, чтобы опустить ему веки, потом снова надел на него шлем и туго его затянул; его слезы капали все чаще и чаще, рот искривила гримаса боли.

Должно быть, потрясение лишило обе армии способности двигаться. Но внезапно троянцы набросились на нас, словно псы, алчущие человеческой крови. Они хотели добраться до тела Ахилла и его доспехов. Одиссей вскочил на ноги, не обращая внимания на слезы, застилавшие ему глаза. Мирмидоняне застыли в молчании, глядя на тело своего вождя. Наклонившись, Одиссей подобрал Старый Пелион и потряс им перед их лицами.

— Вы позволите им получить его? — заорал он, брызгая слюной. — Вы же видели, какую трусливую уловку они использовали, чтобы убить его! Вы собираетесь вот так стоять и позволить им забрать у вас его тело? Во имя Ахилла, защитите его!

Они стряхнули оцепенение и собрались с силами — ни один троянец не смог бы подобраться к телу Ахилла, пока был жив хотя бы один ахеец. Сомкнув перед нами ряды, они приняли бой, совладав с ужасным горем. Одиссей помог рыдающему Аяксу встать на ноги, помог ему поднять безвольное и очень тяжелое тело Ахилла на руки.

— Вынеси его за наши позиции. Я постараюсь их удержать.

Словно подчиняясь запоздалой мысли, он вложил в правую руку Аякса Старый Пелион и подтолкнул его в спину. Я всегда недолго любил Одиссея, но он был царем. С мечом в руке он повернулся и широко расставил ноги, упираясь в землю, окропленную кровью Ахилла. Мы встретили атаку троянцев и отбили ее; Эней взвыл, как шакал, увидев, как Аякс медленно уходит, унося тело двоюродного брата. Я посмотрел на Одиссея.

— Аякс силен, но с телом Ахилла он далеко не уйдет. Позволь я догоню его и положу Ахилла в колесницу.

Он кивнул.

Я развернул упряжку, следуя за Аяксом, который показался из-за самых дальних ахейских рядов, продолжая брести к берегу. В этот момент — я все еще был слишком далеко, чтобы прийти на помощь, — мимо меня промчалась наперерез Аяксу колесница: в ней стоял один из сыновей Приама, это было видно по пурпурному символу дарданского дома на его кирасе. Стегая коней, я крикнул Аяксу, чтобы предупредить

его. Но он не услышал.

Троянский царевич, улыбаясь, прыгнул с колесницы с мечом в руке. Это говорило о том, что он не знал Аякса, который даже не споткнулся, продолжая свой путь. Он поднял Ахилла еще выше и насадил троянца на Старый Пелион, который Одиссей вложил ему в руку.

— Аякс, положи Ахилла в колесницу, — сказал я, поравнявшись с ним.

— Я сам понесу его домой.

— Слишком далеко, ты убьешь себя.

— Я понесу его!

— Тогда хотя бы давай снимем с него доспехи и положим их в колесницу. Так будет легче.

— И я буду чувствовать его тело, а не броню. Да, давай это сделаем.

Как только мы освободили Ахилла от ужасного веса доспехов, Аякс пошел дальше, сжимая своего двоюродного брата в объятиях, целуя его залитое кровью лицо, разговаривая с ним, напевая вполголоса.

Армия медленно следовала за нами через равнину; я держал колесницу чуть позади Аякса, который еле переставлял ноги, словно прошел с Ахиллом на руках сотни лиг.

Зевс уже достаточно сдерживал свою скорбь. И вот он обрушил ее на наши головы, и весь небосвод озарился белыми вспышками молний. Кони задрожали и остановились, скованные страхом; даже Аякс остановился — он стоял, а у нас над головами гремели раскаты грома, и молнии разрисовывали небо причудливым кружевным узором. Наконец начался дождь, огромные тяжелые капли падали редко, но с силой, словно бог был слишком расстроен, чтобы дать волю рыданиям. Наконец дождь усилился, и мы забарахтались в море грязи. Армия поравнялась с нами — все боевые действия прекратились перед лицом Громовержца. И мы вместе перенесли Ахилла через насыпь у Скамандра, Аякс впереди, царь Итаки позади него. Под проливным дождем мы положили его на похоронные дроги, пока небесный отец смывал с него кровь своими слезами.

Мы с Одиссеем пошли к его дому, чтобы найти Брисеиду. Она стояла у двери, словно ожидая нас.

— Ахилл мертв, — сказал Одиссей.

— Где он?

— Перед домом Агамемнона. — Одиссей все еще рыдал.

Брисеида погладила его по руке и улыбнулась:

— Не нужно горевать, Одиссей. Он станет бессмертным.

Над похоронными дорогами соорудили навес от дождя; Брисеида

нырнула под него и остановилась, устремив взгляд на останки великого мужа, — волосы его потускнели от воды и крови, лицо было бледным и застывшим. Я спрашивал себя, видит ли она то же, что и я, — его безгубый рот в смерти казался естественным, хотя никогда не был таким при жизни. Его рот воплотил в себе все, что в нем было от воина, и сделал его безупречным.

Но то, что она думала, она не сказала ни тогда, ни потом. С нежностью она склонилась над ним и поцеловала его веки, сложила его руки на груди, подогнула и расправила саван, чтобы он соответствовал ее представлению о безупречности.

Он был мертв. Ахилл был мертв. Сможем ли мы когда-нибудь с этим смириться?

Мы оплакивали его семь полных дней. В последний вечер на заходе солнца мы положили его тело на золотую погребальную колесницу и переправили его через Скамандр к гробнице на утесе. Брисеида пошла с нами, ни у кого не хватило духу прогнать ее; она шла в конце длинной процессии, сложив руки и опустив голову. Главным плакальщиком был Аякс, державший голову Ахилла на ладони своей руки, когда того вносили в склеп. Ахилл был одет в золото, хотя и не в свои золотые доспехи. Их взял на хранение Агамемнон.

После того как жрецы сказали нужные слова, накрыли его лицо золотой маской и совершили возлияния, мы один за другим стали медленно выходить из гробницы, которую он разделил с Патроклом, Пентесилеей и двенадцатью знатными троянскими юношами. Самым удивительным из многих удивительных событий и предзнаменований была атмосфера внутри гробницы — благовонная, чистая, невыразимая. Кровь двенадцати юношей в золотой чаше до сих пор была жидкой, до сих пор сохранила густо-красный цвет.

Я повернулся, чтобы убедиться, что Брисеида идет следом, и увидел, как она встала перед погребальной колесницей на колени. Не надеясь успеть, я бросился в гробницу вместе с Нестором. Мы не смогли произнести ни слова, когда она, собрав последние силы, ударила ножом себе в грудь и упала на землю. Да, это было правильно! Как мог кто-то из нас посмотреть в лицо новому дню, который не будет знать Ахилла? Я нагнулся, чтобы подобрать нож, но Нестор остановил меня.

— Автомедонт, пойдем. Им здесь больше никто не нужен.

Поминальную тризну устроили на следующий день, но игр проводить не стали. Агамемнон объяснил почему.

— Я сомневаюсь, что у кого-нибудь хватит мужества соревноваться. Но это не главная причина. Главная причина в том, что Ахилл не хотел, чтобы его похоронили в доспехах, которые его мать — богиня! — получила от Гефеста. Поэтому они станут призом лучшему воину из тех, кто остался в живых под стенами Трои. Вместо поминальных игр.

Я не поверил ему, ведь Ахилл никогда мне об этом не говорил.

— Мой господин, как же ты выберешь лучшего? В поединке? Но успех в поединке не всегда может свидетельствовать об истинном величии.

— Именно, — ответил верховный царь. — Поэтому я собираюсь устроить поединок речей. Любой, кто считает себя лучшим воином из тех, кто остался в живых под стенами Трои, пусть выйдет и скажет почему.

Соперников оказалось двое. Аякс и Одиссей. Как странно! Они представляли собой противоположные стороны величия: воин и — как называют того, кто сражается разумом?

— Да, согласен, — сказал Агамемнон. — Аякс, ты принес его тело. Одиссей, ты сделал так, чтобы Аякс его принес. Аякс, говори первым и скажи нам, почему ты считаешь, что заслуживаешь доспехов.

Мы все сидели в креслах по обе стороны от Агамемнона, я — с царем Нестором и остальными, ведь теперь я был вождем мирмидонян. Больше никого не было.

Аякс был настолько взволнован, что не мог говорить; он стоял перед нами, самый огромный человек из всех, кого я знал, и не мог выдать ни слова. Выглядел он тоже неважно: с правой стороны его тела от лица до ноги что-то было не так. Выходя вперед, он подволакивал ногу, правая рука тоже двигалась неестественно. Я подумал, что с ним случился небольшой удар. Он нес двоюродного брата слишком долго, и это надорвало самое слабое в нем — его мозг. Когда он наконец заговорил, то постоянно останавливался, мучительно подбирая слова:

— Верховный царь, цари и царевичи... Я — двоюродный брат Ахилла. Его отец, Пелей, и мой отец, Теламон, были родными братьями. Их отец, Эак, был сыном Зевса. Наш род велик. Наше имя овеяно славой. Я требую доспехи, ибо я ношу это имя, принадлежу к этому роду. Я не могу позволить, чтобы их получил незаконный сын вора.

Двадцать мужей задвигались и нахмурились. Что это Аякс делает, как можно клеветать на Одиссея? Одиссей не возражал; словно оглохнув, он смотрел в пол.

— Я пришел в Трою по доброй воле, так же как и Ахилл. Нас не связывала никакая клятва. Меня не нужно было разоблачать, как разоблачили Одиссея, когда он изображал сумасшествие. Только два мужа в

нашем великом войске сражались в поединке с Гектором — Ахилл и я. Мне не нужен Диомед, чтобы делать за меня грязную работу. Для чего Одиссею эти доспехи? Старый Пелион слишком тяжел для его немошной левой руки. Его рыжая голова поникнет под весом шлема. Если вы сомневаетесь в моем праве на имущество моего двоюродного брата, то швырните его в гущу троянцев, и посмотрим, кто из нас двоих его вытащит!

Он проковылял к своему креслу и тяжело сел.

Агамемнон казался пристыженным, но было ясно, что большинство из нас было согласно с тем, что сказал Аякс. Я озадаченно вглядывался в лицо Одиссея. Зачем он вообще заявил права на доспехи?

Он вышел вперед и стал в свободной позе, расставив ноги, его рыжие волосы на свету горели еще ярче. Рыжий и левша. Точно, в нем не было никакой божественной крови.

— Это правда, что я пытался уклониться от похода на Трою, — сказал он. — Я знал, какой долгой будет эта война. Клятва клятвой, но многие из вас присоединились бы к этому походу добровольно, если бы имели хоть малейшее понятие о том, как долго вы не вернетесь домой? Что касается Ахилла, то именно я был причиной того, что он пришел в Трою, — я, и только я, раскрыл заговор, когда его держали на Скиросе. Аякс был там, но ничего не понял. Спросите Нестора, он подтвердит. Что касается моих предков, то мне нет дела до подлых намеков Аякса. Моим прадедом тоже был всемогущий Зевс. Что до моего мужества в бою, кто из вас в нем сомневается? Мое тело не лучше, чем у других, и не может подчеркнуть мою доблесть, но я хорошо сражаюсь. Если вы сомневаетесь, сосчитайте мои шрамы. Царь Диомед — мой друг и любовник, а не мой подпевала, делающий за меня грязную работу.

Он остановился, настолько же ловко подбирая слова, насколько Аякс был неловок.

— Я заявил права на доспехи только по одной причине — я хочу распорядиться ими так, как того пожелал сам Ахилл. Если я не смогу их носить, сможет ли Аякс? Если они слишком велики для меня, то определенно слишком малы для него. Отдайте их мне. Я их заслужил.

Он широко раскинул руки, словно говоря, что спорить тут не о чем, и вернулся на свое место. Теперь многие колебались, но это не имело значения. Решение было за Агамемноном.

Верховный царь взглянул на Нестора:

— Что ты думаешь?

Нестор вздохнул:

— Одиссей заслужил доспехи.

— Тогда пусть так и будет. Одиссей, приз твой.

Аякс вскрикнул. Он вытащил меч, но, что бы он ни собирался сделать, это осталось несделанным. Едва он вскочил с кресла, как тут же растянулся в полный рост на полу. Что бы мы ни делали, поднять его нам не удалось. В конце концов Агамемнон распорядился принести носилки, и восемь воинов унесли его прочь. Одиссей складывал доспехи на тележку, а цари расходились, опечаленные и упавшие духом. Я отправился на поиски вина, чтобы отбить горечь во рту. К тому времени, как Одиссей закончил свою речь, мы узнали, что он хотел сделать с доспехами — отдать их Неоптолему. Может, в Трое такой дар и можно было сделать напрямую, но в наших краях оружие и доспехи погибшего хоронились вместе с ним либо служили призом при погребальных играх. Жаль. Очень жаль.

Стояла глухая ночь, когда я оставил свои попытки напиться. Я бродил по опустевшим улицам среди высоких домов в поисках света, хоть какого-то места, где бы мне предложили приют. Вот наконец-то огонек! В доме Одиссея. Занавес над дверью был отдернут, и я, шатаясь, прошел внутрь.

Он сидел с Диомедом, смотрел на умирающие угли в очаге и о чем-то размышлял. Обнимая рукой аргивлянина, он медленно ласкал его обнаженное плечо. Посторонний свидетель их близости, пес без хозяина, я ощутил новый укол одиночества. Ахилл был мертв. Я был вождем мирмидонян, но я не был рожден для этого. Ужасно. Я вошел в круг света и устало сел.

— Я не помешаю?

Немного запоздалый вопрос.

Одиссей улыбнулся:

— Нет. Выпей вина.

У меня сжался желудок.

— Нет, благодарю. Я всю ночь пытался напиться, но безуспешно.

— Тебе так одиноко? — спросил Диомед.

— Более одиноко, чем хотелось бы. Как я могу занять его место? Я не Ахилл!

— Успокойся, — прошептал Одиссей. — Я послал за Неоптолемом десять дней назад, когда впервые увидел на лице Ахилла тень смерти. Если ветры и боги будут к нам милостливы, Неоптолем скоро будет здесь.

Мое облегчение было так велико, что я едва не расцеловал его.

— Одиссей, благодарю тебя от всего сердца! Мирмидонян должна вести кровь Пелея.

— Не благодари меня за то, что я поступил разумно.

Мы просидели, разговаривая, до конца ночи, и каждый находил утешение в остальных. Один раз мне показалось, будто я услышал вдалеке какую-то возню, но она быстро прекратилась, и я сосредоточился на том, что говорил Диомед. Потом раздался громкий крик; на этот раз мы все трое услышали его. Диомед вскочил, как пантера, и потянулся за мечом, в то время как Одиссей остался сидеть, настороженно подняв голову. Шум усилился; мы вышли из дома и пошли в его направлении.

Он привел нас на берег Скамандра, где мы держали в загоне священных животных для жертвенников, каждое из которых было тщательно выбрано, освящено и помечено священным символом. Несколько других царей нас обогнали и успели поставить стражника, чтобы тот держал любопытствующих на расстоянии. Конечно же, нас тут же пропустили, и мы присоединились к Агамемнону с Менелаем, которые стояли у загона и вглядывались во что-то маячившее в темноте. Мы слышали безумный смех, невнятный голос, который поднимался все выше и выше, выкрикивая имена, улетающие к звездам, изливая в воплях гнев и насмешки.

— Получи, Одиссей, воровское отродье! Умри, Менелай, презренный трус!

Он все продолжал кричать, а мы безуспешно вглядывались в темноту. Потом кто-то подал Агамемнону факел, и тот поднял его над головой. Вокруг разлилось озерцо света. Я задохнулся от ужаса. Вино и пустой желудок, который я не захотел наполнить, взбунтовались; я отвернулся в сторону, и меня вырвало. Насколько хватало света факела, повсюду была кровь. Овцы, коровы, козы лежали в кровавых лужах с остекленевшими глазами, обрубленными конечностями, перерезанными глотками, на шкурах у некоторых было по дюжине ран. На заднем плане выплясывал Аякс с окровавленным мечом в руке. Когда его перекошенный рот не выплевывал оскорбления, из него раздавался путающий смех. У него в руке болтался маленький теленок, который в ужасе молотил копытами по его непробиваемому огромному торсу, пока он кромсал его на куски. Каждый раз, нанося удар, он называл теленка Агамемноном и снова закатывался смехом.

— До чего он дошел! — прошептал Одиссей.

Мне удалось подавить рвоту.

— Что с ним?

— Он обезумел, Автомедонт. Он получил слишком много ран и ударов по голове за все эти годы, пережил слишком много горя, и, возможно, с ним случился удар. Но чтобы дойти до такого! Я молюсь, чтобы он никогда не

оправился настолько, чтобы понять, что он натворил.

— Мы должны остановить его!

— Пожалуйста, Автомедонт, попробуй. У меня нет ни малейшего желания убеждать Аякса в чем бы то ни было, когда он в припадке безумия.

— У меня тоже, — сказал Агамемнон.

Все, что мы могли, — это стоять и смотреть.

На рассвете его безумие прекратилось. Он пришел в себя, стоя по щиколотку в крови, и, словно в кошмаре, принялся озиаться на дюжины священных животных, лежащих вокруг, на покрывавшую его с головы до ног кровь, на меч у себя в руке и на царей, молча взиравших на него из-за забора. Он все еще держал в руке козленка, обескровленного и страшно изуродованного. Выронив его с криком ужаса, он наконец понял, что натворил этой ночью. Потом он подбежал к забору, перепрыгнул через него и помчался прочь, словно за ним гнались эринии. Тевкр последовал за ним; мы же остались там, где стояли, потрясенные до мозга костей.

Первым способность говорить обрел Менелай.

— Ты спустишь ему это с рук, брат? — спросил он Агамемнона.

— Чего ты хочешь, Менелай?

— Его жизни! Он убил священных животных и должен поплатиться жизнью! Так требуют боги!

Одиссей вздохнул:

— Тех, кого боги любят больше всего, они сначала сводят с ума. Оставь это, Менелай.

— Он должен умереть! — настаивал тот. — Казните его, и пусть никто не выкопает ему могилы!

— Достойное наказание, — пробормотал Агамемнон.

Одиссей хлопнул в ладоши:

— Нет, нет и нет! Оставьте его! Менелай, разве тебе не достаточно того, на что Аякс себя обрек? Ведь за то, что он сделал этой ночью, его тень будет сослана в Тартар! Оставь его в покое! Не сваливай еще больше на его бедную безумную голову!

Агамемнон отвернулся от кровавой бойни.

— Одиссей прав. Он сошел с ума, брат. Пусть он искупит это так, как сможет.

Мы с Одиссеем и Диомедом шли по улицам мимо дрожащих людей, переговаривающихся шепотом, туда, где жил Аякс со своей главной наложницей Текмесой и сыном Еврисаком. Когда Одиссей постучал в запертую на засов дверь, Текмесса испуганно выглянула из окна, а потом

открыла ему и остановилась в дверях вместе с сыном.

— Где Аякс? — спросил Диомед.

Она вытерла слезы.

— Не знаю, мой господин, он лишь сказал, что пойдет просить прощения у Афины Паллады и для этого искупается в море.

Ее голос прервался, но она собралась с силами:

— Он отдал свой щит Еврисаку. Сказал, что это единственное из его оружия, которое не запятнано святотатством, и что все остальное должно быть похоронено вместе с ним. Потом он поручил нас заботам Тевкра. Мой господин, что случилось? Что он сделал?

— Много чего, но он не понимал, что делает, Текмесса. Оставайся здесь, мы найдем его.

Он был на берегу, где волны мягко плескались об изрезанную кромку лагуны и из крупного песка выступали одинокие камни. С ним был Тевкр. Он стоял на коленях, опустил голову. Флегматичный Тевкр, который никогда не отличался многословием, всегда был рядом, когда Аякс в нем нуждался. Даже сейчас, когда все было кончено.

То, что он сделал, безмолвно говорило само за себя: мы увидели плоскую скалу, которая на несколько пальцев выступала из песка, с поверхностью, расколотой ударом трезубца Посейдона. В трещину была вставлена рукоятка меча, лезвие было направлено вверх. Он надел доспехи и искупался в море, он нарисовал на песке сову в честь Афины и глаз в честь Великой матери Кибелы. Потом он встал над мечом и упал на него всем своим весом; меч вошел в середину груди и рассек позвоночник. Лезвие меча на два локтя выступало из спины. Он лежал в собственной крови, с закрытыми глазами, безумие еще полностью не изгладилось из его черт. Его огромные руки обмякли, пальцы были слегка согнуты.

Тевкр поднял голову и с горечью посмотрел на нас; его глаза, остановившись на Одиссее, красноречиво сказали, что он знает, кого винить. О чем думал Одиссей, я даже не брался гадать.

— Что мы можем сделать? — спросил он.

— Ничего, — ответил Тевкр. — Я сам его похороню.

— Здесь? — в ужасе спросил Диомед. — Нет, он заслуживает большего!

— Ты знаешь, что это не так. И он это знал. И я тоже. Он получит именно то, чего заслуживает по законам богов, — могилу самоубийцы. Это все, что я могу для него сделать. Все это останется между нами. Он должен был заплатить жизнью, как Ахилл заплатил смертью. Так он сказал перед своей кончиной.

Потом мы ушли и оставили их одних, братьев, которые больше никогда не пойдут вместе в битву, маленький под щитом большого. За восемь дней не стало их обоих, Ахилла и Аякса, духа и сердца нашей армии.

— Эй! Эй! Враг! Враг! — воскликнул Одиссей, по лицу которого катились слезы. — Неисповедимы пути богов! Ахилл тащил Гектора за колесницей за перевязь, которую ему подарил Аякс. А теперь Аякс упал на меч, который подарил ему Гектор.

Он болезненно поморщился:

— Клянусь Великой матерью, я сыт Троей до смерти! Я ненавижу даже запах троянского воздуха!

Глава двадцать девятая, рассказанная Агамемноном

Дни сражений были окончены — Приам запер Скейские ворота и наблюдал за нами с высоты своих башен. Троянцев осталась всего горстка, а из их великих вождей был жив только Эней. После смерти своего любимого сына Приаму осталось искать утешения в никудышных. Это было время ожидания, когда заживали наши раны и медленно оживал наш дух. Случилась любопытная вещь: Ахилл и Аякс, казалось, вошли в самую суть каждого ахейского воина. Все до последнего, они были полны решимости покорить Трою. Я рассказал об этом феномене Одиссею, желая узнать, что он об этом думал.

— Здесь нет ничего таинственного, мой господин. Ахилл с Аяксом стали героями, а герои никогда не умирают. Воины просто взвалили на себя их ношу. Кроме того, они хотят вернуться домой. Но с победой. Падение Трои — вот единственное оправдание событий, произошедших за десять лет жизни на чужбине. Мы дорого заплатили за этот поход — нашей кровью, нашими поседевшими волосами, болью в наших сердцах, родными, которых мы так долго не видели, что любимые черты почти стерлись из памяти, слезами и горькой пустотой внутри. Троя вгрызлась нам в кости. Если мы вернемся домой, не разнеся ее в пыль, это будет равносильно осквернению таинств Матери.

— Тогда, — сказал я, — я спрошу совета у Аполлона.

— Он троянец намного больше, чем ахеец, мой господин.

— Пусть так, но предсказания оракулов исходят из его уст. Он не может отказать народу — любому народу! — в правдивом ответе.

Верховный жрец Талфибий посмотрел в пылающие недра священного огня и вздохнул. Не чета Калханту, ахеец, он использовал для гаданий огонь и воду, оставляя животных для ритуальных жертвоприношений. И он не объявил о том, что увидел, во время самой церемонии. Он дождался, пока мы соберемся на совет.

— Что ты увидел? — спросил я.

— Многое, мой господин. Кое-что я так до сих пор и не понял, но есть и то, что сомнений не вызывает.

— Рассказывай.

— Мы не сможем взять город только теми силами, которые у нас

остались. Есть две вещи, дорогие богам, которыми мы должны завладеть. Если мы их получим, то боги разрешат нам войти в Трою. Если нет — то Олимп восстанет против нас.

— И что это за вещи, Талфибий?

— Первая — это лук и стрелы Геракла. Вторая — муж Неоптолем, сын Ахилла.

— Мы благодарим тебя. Можешь идти.

Я смотрел на их лица. Идомей с Мерионом сидели с видом угрюмым и печальным; мой бедный никчемный брат Менелай никогда не менялся; Нестор так постарел, что мы стали бояться за него; Менесфей сражался без единой жалобы; Тевкр так никого из нас и не простил; Автомедонт все еще не смирился с тем, что ему выпало командовать мирмидонянами; Одиссей... а, Одиссей! Кто знал, что скрывалось за этими сияющими, красивыми глазами?

— Ну, Одиссей? Ты знаешь, где теперь лук и стрелы Геракла. Насколько велики наши шансы их получить? Ведь они были у Филоктета.

Он медленно встал на ноги.

— За эти почти десять лет с Лесбоса не было ни одной весточки.

— Я слышал, он умер, — мрачно сказал Идомей.

Одиссей рассмеялся:

— Умер? Филоктет? Да он бы не умер, если б ему в жилы влили яд двенадцать гадюк! Я думаю, он все еще на Лесбосе. Нам обязательно нужно попытаться счастья, мой господин. Кто поедет?

— Вы с Диомедом. Вы были его друзьями. Если он вспоминает нас добром, то только благодаря вам. Сейчас же отправляйтесь на Лесбос, найдите его и попросите лук и стрелы, которые он унаследовал от Геракла. Скажите, мы сохранили его долю добычи и всегда о нем помнили.

Диомед потянулся:

— Пара дней в море! Здорово.

— Но остается Неоптолем. Понадобится больше месяца, чтобы он добрался сюда, если старик Пелей ему позволит.

Одиссей оглянулся, стоя в дверях:

— Не волнуйся, мой господин, об этом уже позаботились. Я послал за Неоптолемом больше чем пол-луны назад. Что до Пелея — принеси жертву Зевсу.

Через восемь дней парус шафранного цвета, выбранный Одиссеем, вновь показался на горизонте. С сердцем, бьющимся в горле, я ждал на берегу около пустых кораблей. Даже если предположить, что он еще жив,

Филоктет провел на Лесбосе десять лет и ни разу не послал нам весточки. И наши посланцы так никогда его и не нашли. Кто знает, что может сделать болезнь с человеческим разумом? Взять хотя бы Аякса.

Одиссей стоял на носу корабля и весело махал рукой. Он был мастер вводить в заблуждение, но не стал бы так широко улыбаться, если бы его постигла неудача. Ко мне присоединились Менелай с Идомениеем; ни один из нас не знал, чего ожидать. Тогда мы сочли жизнь Филоктета конченной; а если бы он выжил, то никто не верил, что ему удастся сохранить ногу. И я стоял, представляя себе калеку, потрепанную временем развалину, но никак не мужа, который перемахнул через поручни и спрыгнул с высоты во много локтей легко, словно мальчик. Он не изменился, лишь лет ему стало немного больше. У него была аккуратная золотая борода, а из одежды только набедренная повязка. На плече у него висели мощный лук и закоптелый колчан со стрелами. Я знал, что ему по меньшей мере сорок пять лет, но его крепкое, загорелое тело выглядело на десять лет моложе, а его сильные ноги были безупречны. Я разинул рот от изумления.

— Как, Филоктет, как?

Это было все, что я смог выдать, когда мы уселись в кресла у меня дома и виночерпий занялся своим делом.

— Все просто, Агамемнон, когда ты знаешь, как было дело.

— Так расскажи! — потребовал я; с тех пор как умерли Ахилл и Аякс, я еще не был так счастлив. Вот как повлиял на нас Филоктет: он впустил в затхлые коридоры моего дома ветер жизни и ободрения.

— Мне понадобился год, чтобы вернуть себе разум и ногу, — начал Филоктет. — Из страха, что местные жители не проявят излишней доброты к ахейцу, слуги отнесли меня высоко в горы и устроили в пещере. Это было к западу от Терм и Антиссы, в нескольких лигах от любой деревни, даже фермы. Мои слуги были мне преданы, и никто не узнал, что я был там. Представляете, как я удивился, когда Одиссей сказал мне, что Ахилл четыре раза грабил Лесбос за последние десять лет! Я ничего об этом не знал!

— Ну, грабят обычно города, — заметил Мерион.

— Верно.

— Но ты же стал бродить по острову, когда выздоровел! — возразил Менелай.

— Нет, — ответил Филоктет, — не стал. Во сне меня посетил Аполлон и сказал, чтобы я оставался там, где был. Честно говоря, это было совсем не трудно. Я занялся охотой и бегом, охотился на оленей и диких свиней, а мои слуги обменивали мясо на вино и фиги или оливки в ближайшей

деревне. У меня была не жизнь, а идиллия! Ни забот, ни царства, ни ответственности. Шли годы, я был счастлив и даже не подозревал, что война продолжается до сих пор. Я думал, вы вернулись домой.

— Пока мы не влезли на гору и не нашли тебя, — сказал Одиссей.

— Аполлон разрешил тебе уйти? — спросил Нестор.

— Да, и я очень рад, что вступаю в бой.

Вошел посланец и что-то прошептал на ухо Одиссею; тот встал и вышел вместе с ним. Когда он вернулся, на его лице было написано такое удивление, что на него было смешно смотреть.

— Мой господин, — обратился он ко мне, — один из моих лазутчиков сообщил, что Приам готовит еще один бой. Троянская армия будет у нас на пороге завтра перед рассветом с приказом напасть, пока мы спим. Интересно, правда? Вопиющее нарушение законов ведения войны. Бьюсь об заклад, это придумал Эней.

— О, Одиссей, перестань! — неожиданно воскликнул Менелай, насмешливо присвистывая. — Что это ты несешь про нарушение законов войны? Ты занимался этим все эти годы!

Рот Одиссея дернулся в ухмылке.

— Да, но они этим не занимались.

— Занимались они этим раньше или нет, Менелай, — сказал я, — теперь они точно это сделали. Одиссей, даю тебе разрешение использовать любые средства, какие придут тебе в голову, чтобы мы могли проникнуть за троянские стены.

— Голод, — тут же сказал он.

— Кроме голода.

Мы выстроились в тени стены задолго до того, как темнота рассеялась, поэтому Эней обнаружил, что слишком промедлил с собственным выступлением. Я сам повел войско в атаку, и мы искромсали их на куски, показав, на что мы способны без Ахилла с Аяксом. Когда мы свалились на них, троянцы, и без того не в своей тарелке из-за хитрости Энея, ударились в панику. Нам оставалось только преследовать их и убивать сотнями.

Филоктет использовал стрелы Геракла с поразительной меткостью. Он придумал, чтобы помощники подбегали ко всем его жертвам, вытаскивали драгоценные стрелы, очищали их и возвращали в старый изношенный колчан.

Те, кто ушел от погони, укрылись в городе; Скейские ворота захлопнулись у нас перед носом. Бой вышел очень коротким. Уже вскоре после восхода солнца мы стояли, одержав победу, на усеянном телами

тroyанцев поле; последний тroyанский цветок упал в пыль.

Подъехали Идомей с Мерионом, сразу за ними Менелай и потом все остальные; поставив колесницы в круг, мы принялись осматривать поле и обсуждать битву.

— Филоктет, в твоих руках стрелы Геракла определенно обладают магической силой.

Он усмехнулся:

— Признаюсь, им это дело нравится больше, чем вливаться в бока оленям, Агамемнон. Но когда мои помощники сосчитают число стрел, трех будет не хватать.

Он посмотрел на Автомедонта, который хорошо постарался, руководя мирмидонянами.

— Автомедонт, у меня есть для тебя хорошие новости, чтобы передать мирмидонянам.

Мы все затаили дыхание.

— Хорошие новости?

— Очень! У меня состоялся поединок с Парисом. Один из воинов указал мне на него, и я начал его преследовать, пока не загнал туда, где не было ни одной щели, в которую он мог бы забиться. Потом я стал хвастаться своим мастерством лучника и хорошенько высмеял его маленький лук, сказав, что он по размеру больше подходит женщине. Поскольку он не отличил бы меня от ассирийского наемника, он проглотил наживку и принял мой вызов. Первую стрелу я пустил мимо, чтобы раззадорить его. Хотя я признаю, у него меткий глаз. Если бы я вовремя не прикрылся щитом, он попал бы мне прямо в грудь с первого выстрела. Потом я его подстрелил. Первая стрела — в ту руку, которой он держал лук, и вторая — в правую пятку — я подумал, это подходящая расплата за Ахилла, и третья — прямо в правый глаз. Ни одной из них не было достаточно, чтобы убить его сразу, но более чем достаточно, чтобы рано или поздно он умер. Я просил бога направить мою руку так, чтобы он умирал помедленнее.

Хлопнув Менелая по плечу, он рассмеялся:

— Менелай преследовал его, когда он удирал с поля боя, но Парис был ранен и слишком слаб, и наш рыжий друг им побрезговал.

Теперь мы смеялись уже все вместе; я послал гонцов, чтобы они сообщили всей армии о том, что убийца Ахилла мертв. Так пришел конец Парису-соблазнителю.

Глава тридцатая, рассказанная Еленой

Большую часть времени я была предоставлена самой себе. Как хихикала бы сейчас моя двоюродная сестра Пенелопа! Время лежало на моих руках таким грузом, что я занялась ткачеством! Удел, как я теперь поняла, брошенных жен. Парис в полном смысле слова ко мне близко не подходил. Как и Эней.

Со смертью Гектора атмосфера во дворце изменилась к худшему. Гекаба настолько рехнулась, что принялась изводить Приама упреками за то, что она не была его первой женой. Сбитый с толку и подавленный, он отвечал ей, что он сделал ее своей главной женой, царицей! Потом она садилась на корточки и начинала выть, словно старая собака. Ужас! Но по крайней мере, сейчас я понимала, откуда это у Кассандры.

Безнадежно несчастное место. Теперь, став вдовой Гектора и потому лишенная своего прежнего статуса, Андромаха сама вела себя, как тень. Во дворце ходили слухи, будто они с Гектором жестоко поссорились как раз накануне того, как он покинул Трою, чтобы пойти в свой последний бой, и что размолвка была по ее вине. Он умолял ее взглянуть на него, попрощаться, но она предпочла лежать на их ложе, отвернувшись лицом к стене. Я поверила в эти рассказы: весь ее бледный вид выражал такую жуткую боль и такое бесконечное раскаяние, какие может носить в себе только виновная и любящая женщина. Никакого интереса к своему сыну Астинаксу она тоже не проявляла — как только Гектора опустили в могилу, она отдала его на воспитание мужам.

Когда Ахилл убил Троила, остатки мира Приама распались окончательно. Даже смерть Ахилла не смогла вытащить его из трясины уныния. Я знала, о чем сплетничали в крепости: будто Эней намеренно воздержался посылать Троилу подмогу, ибо Приам оскорбил его на собрании, где он назначил Троила наследником. Как и в случае с Андромахой, я поверила рассказам. Эней был не тем мужем, которого стоило оскорблять.

А потом Эней потребовал, чтобы ему разрешили возглавить неожиданное нападение на лагерь ахейцев, и Приам, униженный, согласился.

Ничто не могло остановить болтливые языки, но ничего нельзя было

поделать. Эней был всем, что у нас осталось. Хотя Приам до конца не сдался: он назначил наследником этого дикого вепря, Деифоба. Этот акт пренебрежения не произвел на Энея особого впечатления — он был слишком в себе уверен.

Я долго вглядывалась в его смуглое лицо дарданца; я знала, какой огонь пылал в нем за его невозмутимой внешностью; я знала, как далеко может его завести всепоглощающее честолюбие. Словно медленный поток лавы, Эней неумолимо пробирался вперед, поглощая противников одного за другим.

Когда Эней потребовал разрешения напасть на лагерь ахейцев, он знал, о чем он просит царя: отступить от законов богов. И только мне была известна истинная величина триумфа Энея, когда Приам сказал «да». Ему наконец удалось унизить Трою до собственного уровня.

В день нападения я закрылась в своих покоях, заткнув уши ватой, чтобы заглушить грохот и крики. Я ткала отрез тонкой шерсти с разноцветным затейливым узором; заставив себя сосредоточиться, я сумела забыть о том, что где-то идет битва. Ха! — Пенелопа Паутиннолика, жена кривоногого мужа, у которого нет чести и очень мало совести. Я готова побиться об заклад, что она никогда не соткала ничего и вполовину такого изящного. С ее задатками она наверняка занялась тканием саванов.

— Лицемерная придирчивая корова! — В ярости я разговаривала сама с собой, когда волоски у меня на руке встали дыбом, словно на меня смотрел кто-то с того света. Паутиннолика Пенелопа умерла? Это было бы слишком большим везением.

Но, подняв голову, я увидела, что на меня смотрит Парис. Он цеплялся за дверной проем, открывая и закрывая рот, не издавая ни звука. Парис? Парис, залитый кровью? Парис, у которого из глаза торчат два локтя стрелы?

Я вытащила из ушей вату, и на меня обрушился дикий шум, словно менады бежали по склону горы с намерением убить свою жертву. Уцелевший глаз Париса сверкал безумием, а с языка срывались слова, которых я не могла понять.

Пока я смотрела на него, мой шок прошел. Я начала смеяться, от смеха я упала на ложе и продолжала надрывно хохотать, ничего не в силах с собой поделать. И он упал на колени! Он пополз ко мне, его правая рука оставляла за собой на белом полу темно-красный след, торчавшая из правого глаза стрела шевелилась, и это было так смешно, что я захохотала еще громче. Добравшись до моих ног, он обхватил их здоровой рукой и

залил кровью все мое одеяние. Отвращение мое было так велико, что я пнула его ногой, отчего он растянулся на полу.

Потом я побежала к двери.

Гелен с Деифобом стояли в огромном дворе, ни тот ни другой еще не сняли доспехов. Моего прихода никто не заметил, и мне пришлось тронуть Гелена за руку — ни за что в жизни я не согласилась бы дотронуться до Деифоба.

— Мы проиграли, — устало произнес Гелен. — Они нас поджидали.

В его глазах стояли слезы.

— Мы нарушили закон! Теперь мы прокляты.

Я пожала плечами:

— Какое мне дело? Я пришла не за новостями о вашей глупой битве — вам кто угодно сказал бы, что вы проиграете. Я пришла просить помощи.

— Все, что пожелаешь, Елена, — с вожделием в глазах заявил Деифоб.

— У меня в покоях Парис, и он, кажется, умирает.

Гелен вздрогнул:

— Парис умирает? Парис?

Я повернулась и пошла прочь.

— Я хочу, чтобы его убрали.

Придя в мои покои, они подняли Париса с пола, чтобы уложить его на постель.

— Я хочу, чтобы его унесли, а не устраивали поудобнее!

Гелен пришел в ужас:

— Елена, ты не можешь его выгнать!

— Посмотри на меня! Чем я обязана ему, кроме своего краха? Он годами не обращал на меня внимания! Годами он позволял мне быть предметом насмешек для каждой злорадной троянской мегеры! Но когда я в конце концов оказываюсь ему нужна, он считает, будто я до сих пор осталась той помешанной идиоткой, которую он увез из Амикл! Он ошибся! Пусть умирает где-нибудь в другом месте. Пусть умирает на руках у той, которую сейчас любит!

Парис затих; уцелевший глаз с ужасом смотрел на меня.

— Елена, Елена! — простонал он.

— Отстань от меня!

Гелен погладил его седеющие кудри:

— Парис, что случилось?

— Престранная вещь! Какой-то муж вызвал меня на поединок с расстояния, на которое только мы с Тевкром можем стрелять без промаха.

Высокий муж с золотой бородой, настоящий дикарь. Он был похож на царя лесов с Иды. Но я его не знал, я никогда его раньше не видел! Поэтому я принял вызов, я думал, победа будет за мной! Но он стрелял лучше. Он трижды попал в меня, а потом стоял и хохотал, прямо как Елена!

Я больше рассматривала стрелу, чем слушала его жалостливый рассказ. Я уже видела такую раньше? Или слышала о ней в песне аэда в Амиклах? Очень длинное древко из ивового дерева, окрашенное ягодным соком в малиново-красный цвет, с оперением из белых гусиных перьев в таких же малиновых пятнах.

— Человека, который стрелял в тебя, Парис, зовут Филоктет. Ты удостоился чести, какой не заслуживаешь. У тебя в голове торчит стрела Геракла. Перед смертью он отдал свой лук и стрелы Филоктету. Я слышала, будто Филоктет умер от змеиного укуса, но, очевидно, слух был неверный. Эта стрела когда-то принадлежала Гераклу.

Гелен бросил на меня свирепый взгляд:

— Заткнись, бессердечная гарпия! Не можешь удержаться, чтобы не выместить злобу на умирающем?

— Знаешь, Гелен, — мечтательно ответила я, — ты еще хуже своей лунатичной сестрицы. Она, по крайней мере, не пытается изображать, будто она в здравом уме. А теперь, пожалуйста, уберите Париса.

— Гелен. — Парис слабо потянул его за набедренную повязку. — Отнесите меня на Иду к моей дорогой Эноне. Она сможет меня вылечить, она получила от Артемиды дар врачевания. Отнесите меня к Эноне!

Я влезла между ними, горя от ярости.

— Мне нет дела до того, куда вы его денете! Только унесите его отсюда! Отнести его к Эноне — ха! Он разве не понимает, что уже мертвец? Вытащи стрелу, Гелен, пусть он умрет! Он это заслужил!

Они усадили его на край ложа. Деифоб, сильнейший из них двоих, нагнулся, чтобы поднять его, но Парис ничем ему не помог; малодушный до крайности, он рыдал от страха. Когда Деифоб, пошатнувшись, выпрямился с Парисом на руках, тот повис на нем всем своим весом.

Гелен пошел позади Деифоба, чтобы ему помочь. Обходя его, он случайно задел рукой за древко стрелы. Парис взвизгнул и забился в истерике, дико замахал руками, задержавшись всем телом. Деифоб потерял равновесие, и они все втроем кучей упали на пол. Я услышала придушенный, булькающий хрип. Потом Гелен поднялся и поставил Деифоба на ноги, а я увидела то, чего они еще не видели.

Парис лежал частично на спине, частично на левом боку, одна нога подвернута под другую, искалеченная рука вытянута в сторону. Пальцы на

ней скрючились, его шея и спина выгнулись крутой дугой. Должно быть, когда Деифоб упал, он уронил Париса лицом вниз на мраморный пол. Стрела разломилась на две части; пятнистое оперение и два локтя древка лежали рядом с ним, а из глаза на палец выступал расщепленный обломок. Тонкая струйка черной крови капала на мраморные плитки пола, скапливаясь в лужицу.

Наверно, я закричала, ибо они оба повернулись посмотреть, что случилось.

Гелен вздохнул:

— Он мертв.

Деифоб тупо покачал головой:

— Парис? Парис мертв?

Потом они унесли его. Следы от его рук на моей юбке и красные пятна на чистом белом полу — вот все, что напоминало мне о существовании моего мужа. Я задержалась на мгновение, потом подошла к окну и посмотрела из него невидящим взглядом. Так я и простояла до самой темноты, но то, о чем я думала в тот день, я потом никогда не могла вспомнить.

Вечный ненавистный троянский ветер громко завывал между башнями, когда в дверь постучали. Пришел слуга.

— Царевна, царь зовет тебя в тронный зал.

— Благодарю. Передай ему, я уже иду.

В огромном зале стоял полумрак. Только вокруг тронного помоста судорожно подрагивали огоньки ламп, отбрасывая мягкий желтый свет на сидевшего на троне царя и Деифоба с Геленом, стоявших по обеим сторонам от него. Они кидали друг на друга свирепые взгляды поверх царских седых волос.

Я подошла к ступеням:

— Ты звал меня, мой господин?

Нахмурившись, он наклонился вперед. Его лицо выражало муку, она навсегда впечаталась в его черты. Его терзали горе, отчаяние, полнейшая безысходность.

— Дочь моя, ты потеряла мужа, а я еще одного сына. Я уже сбился со счета, сколько их погибло, — дрожащим от уныния голосом произнес он. — У меня отняли всех достойных. Тело их брата еще не остыло, а эти двое приходят ко мне, грызутся и пререкаются — каждый требует одного и того же, и ни один не думает уступить.

— О чем речь? — Выйдя из себя, я позабыла про вежливость — Какое

отношение имеют ко мне разногласия этой парочки?

— О, самое прямое! — резко ответил старик. — Деифоб хочет жениться на тебе. Гелен хочет жениться на тебе. Поэтому скажи, кого из них ты предпочитаешь.

— Никого! — Я задохнулась от возмущения.

— Тебе придется выбрать одного из них, — заявил царь, словно он вдруг нашел в ситуации нечто забавное, что было способно вернуть ему вкус к жизни. — Назови мне его имя, моя госпожа! Через шесть лун ты выйдешь за него замуж.

— Шесть лун! — возмутился Деифоб. — Почему я должен ждать шесть лун? Я хочу ее сейчас, отец, сейчас!

Приам выпрямился:

— Как ты можешь! Твой брат еще не остыл.

— Не нужно волноваться, мой господин, — вставила я, пока Деифоб не устроил один из своих знаменитых гневных припадков. — Я дважды была замужем. И не собираюсь выходить замуж в третий раз. Я собираюсь посвятить себя службе Великой матери и убирать ее алтарь до конца моих дней. Поэтому никакой свадьбы не будет.

Гелен с Деифобом разразились протестующими криками, но Приам, подняв руку, заставил их замолчать.

— Молчите и слушайте! Деифоб, ты — мой старший царственный сын, и я назначил тебя наследником. Ты женишься на Елене через шесть лун, но не раньше. Что до тебя, Гелен, ты принадлежишь Аполлону. И должен почитать его больше, чем какую-нибудь жену, даже эту.

Деифоб испустил радостный вопль. Гелен стоял как оглушенный, но когда я, оглушенная не меньше, взглянула на него, то увидела, как он меняется на глазах. Как странно.

Потом он пристально посмотрел на отца и сказал:

— Всю свою жизнь я смотрел, как другие удовлетворяют свои желания, а сам оставался голодным и томимым жаждой. Никто не спросил меня, хочу ли я служить Аполлону — меня посвятили ему в день моего рождения. Когда умер Гектор, ты сделал бы меня наследником, если бы не Аполлон. И когда умер Троил, ты снова обошел меня! И теперь, когда я прошу у тебя такой малости, ты еще раз мне отказываешь.

Он гордо выпрямился:

— Наступает время, когда даже самые ничтожные из мужей поднимают мятеж. Для меня это время пришло. Я покидаю Трою. Я добровольно ухожу в изгнание. Лучше стать безымянным бродягой, чем оставаться здесь и смотреть, как Деифоб разрушает все, что осталось от

Трои. Мне неприятно это говорить, отец, но ты — дурак.

Пока Приам размышлял над его словами, я сделала еще одну попытку:

— Мой господин, умоляю тебя, не заставляй меня выходить замуж!

Позволь мне посвятить себя богине!

Но он покачал головой:

— Ты выйдешь за Деифоба.

Я больше не могла оставаться с ними в одной комнате и умчалась прочь, словно меня преследовали дочери Коры. Что стало с Геленом, я не знаю. И не хочу знать.

Я отправила послание Энею, умоляя его прийти ко мне в покои. Он был единственным, кто, может быть, захотел бы помочь мне. Пока я ждала его, меряя шагами комнату, меня терзали сомнения. Пусть с нашей связью было давно покончено, но мне казалось, он еще питал ко мне какие-то чувства. Или нет? Где же он? Время летело, и каждое следующее мгновение было еще длиннее, еще тоскливее, еще бессмысленнее. Я тщетно пыталась услышать его твердые, решительные шаги по коридору; со смертью Гектора его поступь осталась единственной, которая еще могла вселять в людей уверенность в ее обладателе.

— Елена, чего ты хочешь? — Он вошел в комнату так тихо, что я его не заметила. И тщательно задернул занавес.

Смеясь и плача, я подлетела к нему, чтобы обнять.

— Я думала, ты не придешь! — Я подняла лицо для поцелуя.

Он отодвинулся:

— Чего ты хочешь?

Я пристально на него посмотрела и заговорила дрожащим голосом:

— Эней, помоги мне! Парис мертв!

— Я знаю.

— Тогда ты понимаешь, что это означает для меня. Мне приказано выйти замуж за Деифоба! За этого слюнявого пса! О боги! В Лакедемоне ему бы не позволили дотронуться до моего подола, а Приам приказывает мне за него выйти! Эней, если я хоть немного тебе дорога, заклинаю тебя, пойди к Приаму и скажи ему, чтобы он понял, — у меня нет желания выходить замуж! Никакого!

У него был такой вид, словно его попросили выгрести помойную яму.

— Елена, ты просишь невозможного.

— Невозможного? — ошеломленно переспросила я. — Эней, для тебя нет ничего невозможного! Ты — самый могущественный муж в Трое!

— Я советую тебе выйти за Деифоба и покончить с этим.

— Но я думала... я думала... даже если ты не захочешь меня сам, ты

хоть посочувствуешь мне и защитишь!

Он рассмеялся, положив руку на занавес.

— Елена, я ничем не могу тебе помочь. Пожалуйста, пойми это. С каждым днем сыновей Приама остается все меньше, каждый день приближает меня к троянскому трону. Я сейчас на подъеме и не стану из-за тебя рисковать своим положением. Ты поняла меня?

— Эней, не забывай, к чему приводит такое честолюбие.

Он снова рассмеялся:

— К трону, Елена! К трону!

— Я куплю проклятие специально для тебя, — мечтательно произнесла я. — Я потрачу на него все, что у меня есть. И я попрошу, чтобы ты никогда не сел ни на какой трон, чтобы ты никогда не знал покоя, чтобы тебе пришлось скитаться по всей ойкумене и чтобы ты закончил свои дни среди варваров, живущих в плетеных хижинах.

Думаю, это его напугало. Занавес колыхнулся, и он исчез.

После ухода Энея я еще раз подумала о том, что меня ожидает: замужество за тем, кого я ненавидела, от чьего прикосновения меня тошнило. Потом я поняла, что впервые в жизни могу рассчитывать только сама на себя. Если я хочу выбраться из этого ужасного места, мне придется это сделать без чьей-либо помощи.

Менелай был недалеко, и двое других ворот Трои были всегда открыты. Но у дворцовых жен не было в обычае совершать прогулки, у них даже не было прочной обуви. Выйти из Дардановых ворот и пробраться мимо Скейских ворот к ахейскому берегу было невозможно. Если только... не поехать верхом! Женщины ездили на ослах — просто садились к ним на спину, свесив ноги с одной стороны. Да, я так и сделаю! Я украду осла и поеду на берег, пока город и долина покрыты ночным мраком.

Украсть осла оказалось проще простого. Как и взобраться к нему на спину. Но когда я доехала до Дардановых ворот, которые находились намного дальше от крепости, чем Скейские, мое средство передвижения встало как вкопанное. Привыкший к городу осел учуял чистый воздух открытых просторов, и запахи, прилетевшие с ветром, — резкий привкус приближавшейся осени, дуновение моря — ему не понравились. Когда я отстегала его хлыстом, он принялся печально реветь, и мне пришел конец. Стража подошла узнать, в чем дело. Меня узнали и остановили.

— Я хочу пойти к своему мужу! — рыдала я. — Пожалуйста, отпустите меня к моему мужу!

Но конечно же, они меня не отпустили, хотя несчастный осел уже

решил, что, пожалуй, свежий воздух ему нравится. Он взбрыкнул задними ногами и рванул на свободу, а меня вернули во дворец. Но они не стали будить Приама. Они разбудили Деифоба.

Я покорно ждала, пока он встанет с ложа, и, когда он вышел к нам, спокойно на него посмотрела. Он любезно поблагодарил привратников и щедро их одарил. Когда они наконец откланялись, он широко отдернул занавес в свою спальню.

— Прощу.

Я не двинулась с места.

— Ты хотела пойти к своему мужу. Вот, я здесь.

— Мы не женаты, и у тебя уже есть одна жена.

— Какое это имеет значение?

— Приам сказал, мы поженимся через шесть лун.

— Но, дорогая, это было до того, как ты попыталась бежать к ахейцам и Менелаю. Когда отец об этом узнает, он не станет возражать. Особенно когда я сообщу ему о том, что наш брачный союз уже заключен.

— Ты не посмеешь!

Вместо ответа он схватил меня одной рукой за ухо, а другой — за нос, силой принуждая войти в спальню. Одурев от боли и не в силах вырваться, я рухнула на ложе. Хуже такого насилия была только смерть. Последнее, о чем я подумала, прежде чем поручить свой разум заботам Великой матери, было то, что однажды я изнасилую Деифоба самым страшным способом — я его убью.

Глава тридцать первая, рассказанная Диомедом

Вскоре после неудачного нападения троянцев Агамемнон собрал совет, хотя Неоптолема все еще не было. На берегу царило всеобщее воодушевление, ведь теперь нас останавливали только стены, но с Одиссеем, который продолжал обдумывать эту задачу, у нас была надежда преодолеть и их. Мы смеялись и шутили, пока Агамемнон болтал с Нестором, который рассказывал ему вполголоса что-то забавное. Потом он взял жезл и стукнул им об пол:

— Одиссей, полагаю, у тебя есть для нас новости.

— Да, мой господин. Мне кажется, я нашел способ проникнуть за троянские стены, но пока говорить об этом еще рано. Есть кое-что более интересное.

Он взглянул на Менелая, потом подошел к нему и положил руку ему на плечо, слегка его растирая.

— До меня дошел обрывок сплетен из крепости о разногласиях между Приамом, Геленом и Деифобом. Из-за женщины. Если быть точным, то из-за Елены. Бедняжка! После смерти Париса она просила позволения посвятить себя службе матери Кибеле, но Деифоб с Геленом оба потребовали ее руки. Приам решил в пользу Деифоба, который силой принудил ее к браку. Весь двор воспротивился этому, но Приам отказался объявить союз недействительным. Кажется, Елену поймали, когда она пыталась бежать к тебе, Менелай.

Менелай что-то прошептал и, склонив голову, спрятал лицо в ладонях. А я подумал о том, что прекрасная, царственная Елена опустилась до уровня заурядной жены из гарема.

— Все это внушило такое отвращение Гелену, сыну-жрецу, что он предпочел удалиться в изгнание. Я перехватил его у выхода из города в надежде, что его разочарование окажется достаточно велико, чтобы позволить ему рассказать мне о троянских оракулах. Он сидел у алтаря Аполлона Фимбрея, который, по его словам, велел ему рассказать мне обо всем, что я пожелаю узнать. Я пожелал узнать все предсказания оракулов для Трои — утомительное занятие. Гелен пересказал тысячи! Однако я получил то, что мне было нужно.

— Великая удача, — заметил Агамемнон.

Одиссей оттопырил губу.

— Удачу, мой господин, — ровным тоном заявил он, — слишком переоценивают. К успеху ведет не удача, а тяжкий труд. Удача — это то, что случается, когда играют в кости. Тяжким же трудом успех достается человеку, упорно идущему к цели.

— Да, да, да! — Верховный царь раскаивался за неудачно выбранные слова. — Одиссей, я приношу извинения! Тяжкий труд, всегда тяжкий труд! Я знаю, я согласен. Так что там насчет предсказаний оракулов?

— Что касается меня, то из этих тысяч только три могут быть нам как-то полезны. Хорошо, что ни одно из них не является непреодолимым препятствием. Они звучат примерно так: Троя падет в этом году, если у ахейских вождей будет лопатка Пелопа, если на поле боя выйдет Неоптолем и если Троя лишится палладия Афины Паллады.^[27]

От возбуждения я подпрыгнул:

— Одиссей, лопатка Пелопа у меня! Царь Питфей подарил ее мне после смерти Ипполита. Старик любил меня, а это была его самая драгоценная реликвия. Он сказал, что лучше пусть она достанется мне, чем Тесею. Я взял ее с собой на... э-э... удачу.

Одиссей усмехнулся.

— Разве это не удача? — спросил он Агамемнона. — На Неоптолема мы возлагаем большие надежды, поэтому об этом я уже позаботился. Остается палладий Афины Паллады, которая — вот удача — моя покровительница. Моя, моя!

— Одиссей, ты начинаешь меня раздражать, — заметил верховный царь.

— А, о чем это я? Палладий. Что ж, придется раздобыть этого древнего идола. Это самая большая городская святыня, и ее потеря будет для Приама тяжелым ударом. Насколько я знаю, статуя находится где-то в подземном святилище в крепости. Секрет хранят как зеницу ока. Но я уверен, у меня получится его разгадать. Труднее всего будет вынести ее — говорят, она очень большая и тяжелая. Диомед, ты пойдешь со мной в Трою?

— С радостью!

Поскольку все важное мы обсудили, совет был окончен. Менелай остановил Одиссея в дверях и взял за плечо.

— Ты увидишь ее? — с тоской спросил он.

— Да, наверно.

— Скажи ей, я хотел бы, чтобы ей удалось до меня добраться.

— Скажу.

Но когда мы возвращались к дому Одиссея, он сказал:

— Не скажу ни за что! Елену ждет секира, а не теплое местечко на ложе Менелая.

Я рассмеялся:

— Хочешь поспорить?

— Мы пролезем по сточной трубе?

Это был мой первый вопрос, когда мы уселись разрабатывать план действий.

— Ты, но не я. Мне нужно попасть к Елене, не вызывая подозрений. Поэтому я не могу выглядеть как Одиссей.

Он вышел из комнаты, но тут же вернулся с короткой, грозной плетью из четырех ремней, каждый из которых заканчивался зазубренной бронзовой шишкой. Я ошеломленно смотрел на него и на плеть, пока он не повернулся ко мне спиной и не принялся стягивать с себя хитон.

— Высеки меня.

Я подскочил от ужаса:

— Ты сошел с ума? Высечь тебя? Я не могу!

Его губы вытянулись в ниточку.

— Тогда закрой глаза и представь, что я — Деифоб. Меня нужно высечь — как следует!

Я обнял его обнаженные плечи:

— Проси все, что хочешь, но не это. Высечь тебя, царя, словно беглого раба?

Посмеиваясь, он прижался щекой к моей руке:

— Что такое несколько лишних шрамов для моего искромсанного тела? Я должен выглядеть как беглый раб, Диомед. Какое зрелище для троянцев может быть приятнее окровавленной спины раба, бежавшего от ахейцев, а? Бери плетку.

Я покачал головой:

— Нет.

Он помрачнел:

— Диомед, возьми плетку!

Я нехотя взял. Он нагнулся. Я раскрутил четыре ремня вокруг своей кисти и опустил их на его кожу. Появились розовые рубцы; с отвращением я смотрел, как они набухают.

— Ударь посильнее, — нетерпеливо сказал он. — Даже кровь не выступила!

Я закрыл глаза и сделал так, как мне было велено. Всего я нанес ему

десять ударов этим гнусным орудием; каждый раз, опуская его, я рассекал кожу Одиссея до крови, оставляя шрамы — клеймо беглого раба, которое останется с ним на всю жизнь.

Потом он поцеловал меня.

— Диомед, не горюй так. На что мне красивая кожа? — Он поморщился. — По-моему, достаточно. Как выглядит, ничего?

Я молча кивнул.

Он сбросил набедренную повязку и прошелся по комнате, оборачивая вокруг бедер грязную льняную тряпку, всклокочивая себе волосы и измазывая их сажей из жаровни. Я мог поклясться, что его глаза сверкали от удовольствия. Потом он протянул мне кандалы.

— Заковывай, аргивский тиран!

Я снова сделал так, как мне было велено, понимая, что порка причинила мне большую боль, чем ему. Для Одиссея это было просто средство достижения цели. Пока я стоял на коленях, заклепывая бронзовые манжеты у него на лодыжках, он рассказывал про свой план:

— Как только я попаду в город, мне нужно пробраться в крепость. Мы поедем вместе в колеснице Аякса — она крепкая, устойчивая и едет тихо, пока не достигнем рощицы рядом со смотровой башней у ближнего края Западного барьера. Там мы разделимся. Я расскажу свою сказку у маленькой двери в Скейских воротах и повторю то же самое у ворот крепости — скажу им, что мне срочно нужно видеть Полидаманта. Я заметил, его имя работает лучше всего.

— Но, — я выпрямился, — ты ведь не пойдешь к Полидаманту?

— Нет, я намерен разыскать Елену. Думаю, после своего насильственного брака она будет рада мне помочь. Она наверняка знает про подземелье. Может быть, она даже знает, где именно находится святилище Афины Паллады.

Он побряцал кандалами, привыкая к ним.

— А я?

— Ты будешь ждать в роще, пока не пройдет половина ночи. Потом поднимешься по нашей сточной трубе и убьешь стражников поблизости от маленькой караульной вышки. Я как-нибудь притащу статую к стенам. Когда услышишь, что ночной жаворонок запел вот так, — он просвистел три раза, — ты спустишься вниз и поможешь мне протащить ее сквозь трубу.

Я высадил Одиссея у рощицы и приготовился ждать. Нас никто не заметил. Он побежал к Скейским воротам словно буйно-помешанный —

хромая, пошатываясь, крича, визжа и падая в пыль; я никогда не видел более жалкого человеческого создания. Ему всегда нравилось изображать из себя тех, кем он не был, но, думаю, личина беглого раба нравилась ему больше всего.

Когда прошла половина ночи, я нашел нашу сточную трубу и медленно и бесшумно пополз по ее извилистому душному нутру. Добравшись до выхода, я посидел, чтобы мои глаза привыкли к лунному свету, прислушиваясь к звукам, которые доносились с тропы на вершине стен. Я был неподалеку от малой смотровой вышки, которую Одиссей выбрал местом нашего свидания, ибо она располагалась на значительном расстоянии от остальных охраняемых мест.

В карауле было пять воинов, все они бодрствовали и были начеку, но все они сидели внутри — кто только ими командовал, чтобы позволить сидеть в тепле и оставлять бастионы без внимания? В ахейском лагере они бы долго не протянули!

На мне была мягкая кожаная набедренная повязка и короткий хитон, в зубах я зажал кинжал, а в правой руке держал короткий меч. Незаметно подобравшись к окну караульного помещения, я громко покашлял.

— Посмотри, кто там, Меос, — раздался чей-то голос.

Вот и Меос, идет, не торопится, — громкий кашель вовсе не вызывает подозрений, даже если он раздается на вершине стен, за которые идет самый жестокий бой в ойкумене. Никого не увидев, он напрягся, но, поскольку был идиотом, не стал звать на подмогу. Очевидно, убеждая себя, что у него разыгралось воображение, он, с пикой наготове, пошел дальше. Я позволил ему пройти мимо меня, а потом тихо встал, одной рукой зажав ему рот, а второй вонзив в него меч. Потом осторожно опустил его на тропу и затащил в темный угол.

Несколько мгновений спустя появился второй стражник, которого послали на поиски Меоса. Я беззвучно перерезал ему горло: двое готовы, остались трое. Потом, не давая тем, кто остался внутри, проявить беспокойство, я снова подобрался к окну и пьяно заикал. Кто-то внутри раздраженно вздохнул; из караульной нетерпеливо выбежал следующий страж. Я обхватил его руками, словно совершенно пьяный, и, когда бронза скользнула ему под ребро и достигла сердца, он смог только крикнуть. Держа его стоя, я закружился в танце, одновременно подражая троянскому выговору. Это выманило ко мне четвертого. С тихим смехом я швырнул в него мертвеца и, пока он отбивался от бедняги, вогнал в него меч на целый локоть, пронзив от бока до бока. Я уложил обоих на землю, и они будто растворились в темноте. Я заглянул в окно.

Там остался только начальник стражи, который что-то сердито бормотал себе под нос, сидя за столом. Понимая, что попал в переплет, он пялился на дверцу люка в полу. Ожидал кого-нибудь, чтобы его поприветствовать? Я проскользнул в комнату и прыгнул на него сзади, зажав его рот рукой. Он умер так же быстро, как и остальные, и присоединился к ним в темном углу между тропой и стеной башни. Потом я уселся ждать снаружи, посчитав, что будет лучше, если гость, появившись, никого не увидит в караульной.

Прошло совсем немного времени, и Одиссей просвистел свою трель — как умно он придумал! Ведь если бы он начал в точности подражать птице, я бы мог не обратить на это внимания. Однако никаких ночных жаворонков поблизости не было; все, что мне оставалось, — это надеяться, что никого вокруг тоже не было, ибо я не смог бы предупредить Одиссея.

Я открыл крышку люка в караульном помещении и спустился вниз по лестнице; Одиссей меня ждал.

— Подожди! — прошептал я и вышел наружу осмотреться. Но на улицах было тихо и темно — ни лампы, ни факела.

— Диомед, она у меня, но весит она не меньше Аякса! — сказал Одиссей, когда я вернулся. — Будет трудновато затащить ее на двадцать пять локтей вверх по лестнице.

Она — статуя-палладий — была надежно пристроена на спине осла; разрешив животному удрать прочь, мы втащили ее в камеру под лестницей. Охваченный благоговением, я присмотрелся к ней при свете лампы. О, какая же она была древняя! Грубые, но узнаваемые женские формы были вырезаны из темного дерева, слишком закопченные вечностью, чтобы быть красивыми, и красивой она не была. У нее были крошечные соединенные вместе клиновидные ноги, громадные бедра, раздутый живот, две похожие на луковицы груди, прижатые к бокам руки, круглая голова и вытянутые вперед губы. И еще она была невероятно толстая. Выше меня ростом, она была просто громадиной. Клиновидные ноги позволяли ей вращаться волчком, но стоять на них она не могла — нам пришлось ее поддерживать.

— Одиссей, а она влезет в трубу?

— Да. Ее живот не шире, чем твои плечи, и она более круглая. Как и труба.

Потом мне в голову пришла удачная мысль. Я поискал, нет ли в комнате веревки, и нашел ее в ящике, потом пропустил веревку у нее под грудью, затянул, и свободного конца оказалось достаточно, чтобы за него можно было ухватиться. Я полез по лестнице первым, подтягивая ее на

веревке, а Одиссей уперся обеими руками в ее огромные шаровидные ягодицы и толкал ее снизу.

— Ты думаешь, — вздохнул я, когда мы добрались до караульной, — что она когда-нибудь простит нам те вольности, которые нам пришлось себе позволить?

— О да, — ответил он, лежа на полу рядом с ней. — Она — самая первая Афина Паллада, и я с ней накоротке.

Спускать ее по трубе на деле оказалось просто, Одиссей был прав. Ее округлости намного меньше задевали стенки, чем я сам, со своими плечами и мужской угловатостью. Мы не стали снимать веревку, и это снова нам помогло, когда мы оказались на равнине, — мы оттащили ее в рощицу к четырехколесной колеснице Аякса. Потом, охнув под ее тяжестью, мы, собрав последние силы, водрузили ее наверх и рухнули на землю. Полумесяц клонился к западу, а значит, у нас еще было достаточно времени, чтобы доставить ее домой.

— Одиссей, ты это сделал!

— Без тебя у меня не получилось бы, дружище. Скольких стражников тебе пришлось убить?

— Пятерых. — Я зевнул. — Я устал.

— А я, как ты думаешь? По крайней мере, у тебя спина цела.

— Не упоминай об этом! Лучше расскажи мне, что было в крепости. Ты видел Елену?

— Я легко обдурил привратников, и они пропустили меня в город. Единственный стражник у ворот крепости спал — я просто подобрал свои цепи и перешагнул через него. Когда я пришел, Елена была одна, Деифоб куда-то делся. Окровавленный, грязный раб, который простерся у ее ног, застал ее врасплох, но потом она увидела мои глаза и узнала меня. Когда я попросил ее показать мне путь в подземелье, она тут же вскочила. Думаю, она боялась, что придет Деифоб. Но нам удалось избежать встречи с ним, и как только мы нашли тихое место, она помогла мне избавиться от кандалов. Потом мы отправились в святилище.

Он усмехнулся:

— Мне кажется, она часто бывала здесь, когда у нее была интрижка с Энеем, ибо она знала святилище как свои пять пальцев. Едва мы оказались там, она закидала меня вопросами. Как дела у Менелая? А у тебя? А у Агамемнона? Она не могла наслушаться.

— А палладий? Как тебе удалось сдвинуть его с места, если тебе помогала только Елена?

Его плечи затряслись от смеха.

— Пока я возносил молитвы и просил у богини согласия на то, чтобы ее увезти, Елена исчезла. А потом вернулась — с ослом! Затем она вывела меня из святилища прямо на улицу рядом со стеной крепости, поцеловала — очень целомудренно! — и пожелала удачи.

— Бедная Елена. Судя по всему, Деифоб решил исход дела в нашу пользу.

— Ты совершенно прав, Диомед.

Агамемнон построил на площади собраний великолепный алтарь и установил палладий в золотой нише. Потом он созвал столько воинов, сколько смогло уместиться на площади, и рассказал им о том, как мы с Одиссеем похитили статую. Для служения ей был выделен отдельный жрец, который принес ей жертвы; дым был белым как снег и так быстро поднимался в небо, что мы сразу поняли: ее новый дом ей понравился. Как же ей должен быть ненавистен промозглый холод ее прежнего троянского обиталища! Священная змея без всякого колебания проскользнула в свою нору под алтарем и высунула голову, чтобы окунуть ее в блюдо с молоком и проглотить яйцо. Волнующая и счастливая церемония.

Когда ритуал был окончен, Одиссей, остальные цари и я последовали за Агамемноном в его дом, где нас ждал пир. Никто из нас никогда не отказывался разделить трапезу с верховным царем — лучше его стряпух не было ни у кого. Сыр, оливки, хлеб, фрукты, жаренное на вертеле мясо, рыба, медовые сласти, вино.

Настроение у нас было хорошее, мы были оживлены, беседа перемежалась смехом и шутками, вино было превосходным. Потом Менелай позвал аэда с лирой. Мы, уже размякшие от вина и еды, устроились поудобнее и приготовились слушать. Еще не родился ахеец, который не любил бы песен, гимнов и сказаний своей страны; песнь аэда мы предпочли бы женскому ложу.

Аэд спел нам сказание о Геракле, потом терпеливо дождался, пока стихнут чересчур возбужденные рукоплескания. Слова и музыка были одинаково прекрасны; Агамемнон привез его с собой из Авлиды десять лет назад, но он был уроженцем севера, и говорили, будто его предком был сам Орфей, певец певцов.

Кто-то просил спеть военный гимн Тидея, кто-то — плач Данаи, Нестор хотел сказание о Медее, но он качал головой на каждую просьбу. А потом преклонил колено перед Агамемноном.

— Мой господин, я сочинил песнь о событиях, которые к нам намного ближе, чем подвиги древних героев. Если тебе угодно, я могу ее спеть.

громко ахнул от изумления. В комнате повисло внезапное молчание, и все головы повернулись в его сторону. И ахнули все вместе.

С первого взгляда сходство было поразительным; мы все еще были под чарами песни, и нам показалось, что Алфид из Сальмидесса вызвал тень послушать его песнь. Ахилл тоже пришел послушать! И он был из плоти и крови!

Потом я взглянул повнимательнее и понял, что это не Ахилл. Этот человек был так же высок и широк в плечах, но на много лет моложе. Его борода еще не огрубела, и цвет щетины был более темного золотого оттенка, а глаза более янтарными. И у него была пара прекрасных полных губ!

Никто из нас не знал, как долго он уже стоял там, но страдание на его лице означало, что достаточно долго, чтобы услышать по крайней мере конец песни.

Агамемнон встал и подошел к нему, протянув руку:

— Приветствую тебя, Неоптолем, сын Ахилла!

Молодой муж печально вздохнул:

— Благодарю. Я приехал помочь, но я отплыл раньше, чем... раньше, чем я узнал, что мой отец мертв. Я услышал об этом от аэда.

Одиссей присоединился к ним:

— Разве может быть лучший способ узнать ужасную новость?

Вздохнув, Неоптолем склонил голову:

— Да, песнь рассказала обо всем. Парис мертв?

Агамемнон взял обе его руки в свои:

— Да, мертв.

— Кто его убил?

— Филоктет, стрелами Геракла.

Он старался быть вежливым, заставлял свои черты сохранять бесстрастность.

— Мне очень жаль, но я не знаю ваших имен. Кто такой Филоктет?

Филоктет откликнулся:

— Я.

— Меня здесь не было, и я не мог за него отомстить, поэтому я должен поблагодарить тебя.

— Знаю, мальчик. Тебе хотелось бы сделать это самому. Но я встретил негодяя случайно — или по повелению богов. Кто знает? А теперь, раз ты нас не знаешь, позволь мне всех тебе представить. Первым тебя приветствовал наш верховный царь. Следующим был Одиссей. Остальных зовут: Нестор, Идомей, Менелай, Диомед, Автомедонт, Менесфей,

Мерион, Махаон и Еврипил.

Как же уменьшились наши ряды!

Одиссей, восторженный Автомедонт и я отвели Неоптолема к мирмидонским укреплениям. Путь был достаточно долгий, и весть о его прибытии обогнала нас. Повсюду, где мы проходили, воины высыпали из домов и приветствовали его от всего сердца, так же как когда-то приветствовали его отца. Мы обнаружили, что он был похож на Ахилла не только внешне; он принимал их исступленную радость с той же тихой улыбкой и беззаботным взмахом руки, и, как его отец, он жил сам в себе, не выплескивая свой характер на всех, с кем ему доводилось общаться. По пути мы, заполняя пробелы в песне, рассказали ему, как умер Аякс, рассказали про Антилоха и всех остальных павших. Потом мы стали рассказывать про живых.

Мирмидоняне стояли, построившись в шеренги. Ни единого приветствия не прозвучало, пока мальчик — ему не могло быть больше восемнадцати — не обратился к ним, не заговорил первым. Тогда они стали мечами плашмя бить о щиты, пока этот шум восторга не заставил нас с Одиссеем уйти. Мы побрели на другую сторону берега к нашим собственным укреплениям.

— Вот так, Диомед, все идет к концу.

— Если богам ведома жалость, я молю их, чтобы все шло к концу.

Он сдул с глаз прядку волос.

— Десять лет... Странно, что Калхант оказался прав. Интересно, что это — удачное совпадение или у него действительно был дар предвидения?

Я поежился:

— Не стоит сомневаться в жреческих способностях, это недальновидно.

— Может быть, может быть... О, отряхнуть с волос троянскую пыль! Снова плыть в открытом море! Смыть вонь этой равнины чистой соленой водой! Отправиться туда, где в воздухе нет ветра и звезды светят сами по себе, а не соревнуются с десятью тысячами костров! Очиститься!

— Я мечтаю о том же. Хотя мне тоже трудно поверить, что все почти закончилось.

— Напоследок я устрою катаклизм, который заставит ревновать Посейдона.

Я уставился на него:

— Ты придумал, как это сделать?

— Да.

— Расскажи мне!

— Раньше времени? Эх, Диомед, Диомед! Даже тебе я ничего не скажу! Но время скоро придет.

— Заходи в дом и дай мне омыть твои рубцы.

Он рассмеялся:

— Они заживут.

На следующий вечер Неоптолем ужинал с нами.

— Неоптолем, у меня есть кое-что, что я должен тебе передать, — сказал Одиссей, когда с трапезой было покончено. — Это мой тебе подарок.

Неоптолем озадаченно посмотрел на меня:

— О чем это он?

Я пожал плечами:

— Об этом не знает никто, кроме него самого.

Он вернулся, везя на колесиках огромный треножник, на котором были разложены доспехи, которые Фетида выпросила у Гефеста.

Неоптолем вскочил на ноги, пробормотав что-то, чего я не понял, потом протянул руку и нежно, с любовью прикоснулся к кирасе.

— Я рассердился, — сказал он с глазами, полными слез, — когда Автомедонт рассказал мне, что ты выиграл их в споре с Аяксом. Но я должен просить у тебя прощения. Ты выиграл их, чтобы отдать мне?

Одиссей широко улыбнулся:

— Они тебе подойдут, юноша. Их следует носить, а не вешать на стену или тратить на родственников мертвеца. Носи их, Неоптолем, и, может быть, они принесут тебе удачу. Но тебе понадобится время, чтобы к ним привыкнуть. Они весят почти столько же, сколько ты сам.

В следующие пять дней у нас было несколько мелких стычек; Неоптолем попробовал на вкус своих первых троянцев и облизнулся. Он был воином, рожденным для битвы и жаждавшим ее. Его единственным врагом было время, и он это знал. Его глаза говорили всем нам, что он понимает, что ему суждено сыграть лишь маленькую роль в последних мгновениях великой войны, что лавровые венки плетутся для других, тех, кто выдержал все десять лет. И все же он имел решающее значение. Он принес надежду, ярость и новые силы; когда он проезжал мимо в колеснице отца и в отцовских доспехах, глаза воинов — мирмидонян, аргивлян или этолийцев, без разницы, — следовали за ним с собачьей преданностью. Для них он был Ахиллом. И все это время я продолжал наблюдать за Одиссеем, с нетерпением ожидая приглашения на совет.

Оно пришло спустя полмесяца после прибытия Неоптолема, с гонцом

верховного царя: на следующий день, после полуденной трапезы. Я знал, что Одиссея пытать бесполезно, поэтому после нашего совместного ужина я напустил на себя совершенно безразличный вид и слушал, как он обсуждает какой-то предмет, играя словами также легко и ловко, как акробат своим позолоченным мячиком. Он ничуть не обиделся, только беспомощно рассмеялся, когда я с большим достоинством с ним распрощался. Мне хотелось пнуть его, но я до сих пор испытывал от той порки боль более сильную, чем он сам, поэтому я удержался; вместо этого я в самых нелицеприятных выражениях высказал все, что думаю о его предках.

Все пришли к Агамемнону пораньше, как псы на поводке, почуявшие свежую кровь, тщательно одетые в свои лучшие набедренные повязки и украшения, словно собрались на церемониальный прием в Львином зале в Микенах. У подножия Львиного трона стоял старший глашатай верховного царя, называя имена присутствующих помощнику, задачей которого было сохранить их в памяти для потомков:

— Царственный Агамемнон, верховный царь Микен, царь царей; Идомей, верховный царь Крита; Менесфей, верховный царь Аттики; Нестор, царь Пилоса; Диомед, царь Аргоса; Одиссей, царь Внешних островов; Филоктет, царь Мелибеи; Еврипил, царь Ормениона; Фоант, царь Этолии; Агапенор, царь Аркадии; Аякс, сын Оилея, царя Локриды; Мерион, царевич Крита, наследник Крита; Неоптолем, царевич Фессалии, наследник царя Пелея; Тевкр, царевич Саламина; Махаон, лекарь; Эпей, инженер.

Царь царей кивком отпустил глашатаев и вручил жезл прений Мериону. А потом обратился к нам в самых высокопарных выражениях, какими делают церемониальные заявления:

— После того как Приам пограл священные законы войны, я поручил Одиссею, царю Итаки, измыслить стратегию, дабы взять Трою хитростью и обманом. Меня известили, что Одиссей, царь Итаки, готов сказать свое слово. Призываю вас всех в свидетели. Царь Одиссей, твой черед.

Одиссей встал, улыбнувшись Мериону:

— Подержи жезл за меня.

Потом он взял со стола в центре комнаты скатанный в трубку кусок мягкой светлой шкуры и подошел к стене, которую мы все хорошо видели. Там он развернул шкуру и надежно пришил ее к стене маленькими кинжалами, украшенными драгоценными камнями, воткнув их в каждый из четырех ее углов.

Мы, все до единого, недоуменно уставились на нее, гадая, не

разыгрывают ли нас. На шкуре был рисунок, нанесенный толстыми угольными штрихами, без сомнения, сделанный очень удачно: что-то вроде огромной лошади, сбоку от которой была проведена вертикальная черта.

Одиссей обвел нас загадочным взглядом:

— Да, здесь нарисована лошадь. Вы, конечно же, удивляетесь, зачем мы позвали Эпея. Так вот, мы позвали его, чтобы я мог задать ему кое-какие вопросы и получить на них ответы.

Он повернулся к Эпею, настолько же сбитою с толку, насколько ему было неловко находиться в такой знатной компании.

— Эпей, ты самый блестящий инженер Эллады со времен Эака. Ты также искусен в работах по дереву. Внимательно посмотри на этот рисунок. Особенно на черту сбоку от коня. Длина этой черты равна высоте троянских стен.

Озадаченные, мы все посмотрели на шкуру так же пристально, как и Эпей.

— Прежде всего я хочу узнать, что ты думаешь вот по какому поводу, — сказал Одиссей, царь Внешних островов. — У тебя было десять лет, чтобы как следует рассмотреть стены Трои. Скажи мне, есть ли в ойкумене таран или осадное орудие, способные разрушить Скейские ворота?

— Нет, царь Одиссей.

— Отлично! Второй вопрос: с теми материалами, мастерами и средствами, которые у тебя есть сейчас, смог бы ты построить мне огромный корабль?

— Да, господин. У меня есть корабельщики, плотники, каменщики, пильщики и много рабов. И я думаю, что в пределах пяти лиг отсюда подходящего дерева хватит на целый флот из таких кораблей.

— Прекрасно! Третий вопрос: ты смог бы построить мне деревянного коня, такого, как на рисунке? Еще раз посмотри на черную линию. Это тридцать локтей — высота троянских стен. То есть уши коня будут в тридцати пяти локтях от земли. И четвертый вопрос: сможешь ли ты поставить этого коня на деревянную платформу, которая выдержит его вес? И мой пятый вопрос: сможешь ли ты сделать коня полым внутри?

Эпей улыбался; было очевидно, что эта затея разбудила его фантазию.

— Да, мой господин, на все твои вопросы я отвечаю — да!

— Сколько времени тебе на это понадобится?

— Не больше нескольких дней, мой господин.

Одиссей снял шкуру со стены и бросил инженеру.

— Благодарю тебя. Возьми это и ступай к моему дому. Увидимся там.

Мы были в полном недоумении. Наши лица, наверно, выражали полное замешательство, страх и подозрительность, но, пока мы ждали ухода Эпея, Нестор начал посмеиваться от удовольствия, словно вдруг услышал самую удачную шутку за всю свою долгую жизнь.

Одиссей широко раскинул руки и вытянулся во весь рост, став, как нам показалось, намного выше нас; он оседлал любимого конька, и теперь никому из нас не удалось бы ни сбить его с мысли, ни остановить. Он взмахнул рукой, а его голос зазвенел под потолочными балками.

— Вот, мои братья цари и царевицы, как мы возьмем Трои!

Мы сидели, проглотив языки, и смотрели на него во все глаза.

— Да, Нестор, ты прав. И ты, Агамемнон. Конь такого размера вместит в свое брюхо, думаю, примерно сто воинов. И если они выйдут из него тихо, под покровом ночи и неожиданно, ста воинов вполне хватит, чтобы открыть Скейские ворота.

Со всех сторон на него обрушился шквал вопросов. Скептики орали, приверженцы ликовали, и шум не утих, пока Агамемнон не слез с Львиного трона, забрал у Мериона жезл и застучал им по полу.

— Вы сможете задать все свои вопросы, но только спокойнее и... после меня. Одиссей, сядь, налей себе вина и объясни все по порядку и как можно подробнее.

Совет закончился только с наступлением темноты; мы с Одиссеем вернулись в его дом. Эпей терпеливо ждал, расстелив шкуру перед собой — теперь на ней было еще несколько рисунков поменьше. Я оцепенело слушал, как они обсуждают между собой технические подробности — что Эпею понадобится, сколько времени займет постройка — и необходимость держать все в полном секрете.

— Ты можешь работать в тайной лощине, которая начинается прямо за этим домом. Она глубока, а на другой стороне растут деревья, которые скроют коня по самые уши. С городских смотровых башен ничего не будет видно. У этого места есть еще одно преимущество. Оно было под запретом для всех и вся так много лет, что у тебя не будет никаких любопытных зрителей. Вместо рабов ты будешь использовать тех, кто там живет. Ни один человек, которого ты приведешь в лощину, не сможет из нее выйти, пока работа не будет закончена. Ты согласен с такими условиями?

Глаза Эпея блеснули.

— Положись на меня, царь Одиссей. О том, чем мы занимаемся, никто не узнает.

Глава тридцать вторая, рассказанная Приамом

С оледенелых скифских равнин с воем налетел Борей, северный ветер, выкрасив деревья багрянцем и желтизной; прошло лето десятого года, но Агамемнон был все еще здесь, словно шелудивый пес, охраняющий вонючую троянскую кость.

Ничего не осталось. Перед самой смертью Гектора я приказал вынуть из дверей, полов и ставень последние золотые гвозди и бросить в тигель. Сокровищница опустела; все, пожертвованное в святилища, пошло на золотые слитки; и богачи, и бедняки стонали под бременем налогов, но и этого мне не хватало на то, в чем Троя нуждалась, чтобы продолжать сражаться, — наемников, оружие и прочие военные нужды. Мои доходы от пошлин за проход в Геллеспонт перестали поступать десять лет назад. Агамемнон собирал их со всех ахейских кораблей, потоком хлынувших в Понт Эвксинский, изгнав из него корабли других племен. Мы ели досыта только потому, что наши южные и северо-восточные ворота оставались открытыми и селяне продолжали заниматься земледелием, но наша пища состояла лишь из того, что можно было вырастить в нашей местности, остального у нас не было. Легендарных коней Лаомедонта, которые паслись на южной равнине, осталось всего несколько, я был вынужден продать почти всех. Как говорится, все движается по кругу. То, в чем мы с Лаомедонтом отказали ахейцам, теперь ахейцам и принадлежало: позже я узнал, что основным покупателем этих коней был царь Аргоса, Диомед. Гордыня, гордыня... К падению ты ведешь.

В моей комнате постоянно поддерживали огонь в больших жаровнях, чтобы согреть мою плоть, но никакой огонь на земле не мог растопить отчаяние, которое сосущей тварью обернулось вокруг моего сердца. Пятьдесят сыновей породил я, пятьдесят прекрасных юношей. И большинство из них были уже мертвы. Бог войны отобрал себе лучших, оставив никчемных в утешение моему старому сердцу. Мне было восемьдесят три года, и казалось, я переживу их всех. Я видел, как расхаживает Деифоб — пародия на наследника, и проливал реки слез. Гектор, Гектор! Моя жена Гекаба сошла с ума и выла, словно старая сука, лишенная пищи; она все время проводила с Кассандрой, которая обезумела еще больше. Красота Кассандры росла со временем, вместе с ее безумием.

В свои черные волосы она вплетала две огромные белые ленты, кожа на лице под выступающими скулами стала почти прозрачной, а глаза были такими большими и сверкающими, что напоминали два черных сапфира.

Иногда я заставлял себя пойти на смотровую башню у Скейских ворот и смотреть на бесчисленные струйки дыма, поднимавшиеся с берега, на корабли, ряд за рядом выстроившиеся вдоль отмели. Ахейцы не нападали; мы висели над краем пропасти, а они и не думали бросать нам веревку, мы ничего не знали об их намерениях. Они просто занимались своим таинственным делом. Остатки троянской армии стояли у Западного барьера — именно там нападет Агамемнон, а напасть он должен был.

Все ночи я лежал без сна; утро всегда заставляло меня бодрствующим. Но я не сдался. Я не отдам Трою, пока внутри моего изношенного тела обитает дух. Я удержу Трою, несмотря на всю силу Агамемнона, даже если бы мне пришлось продать всех, кто живет в этих стенах.

Уже третий день дул Борей. Я лежал лицом к окну. Занимался рассвет. По склонам Иды полз туман, и серая дымка казалась еще серее сквозь мутную пелену слез. Я оплакивал Гектора.

Я услышал сдавленный крик, вздрогнул и заставил себя встать с ложа. Похоже, он донесся со стороны Западного барьера. Иди туда, Приам, посмотри, в чем дело. Я приказал подать колесницу.

Шум становился все громче и громче, слышались отдельные голоса, но с такого расстояния нельзя было разобрать, чем это вызвано, страхом или горем. Ко мне присоединился Деифоб, протирая заспанные глаза и недовольно надув губы.

— Отец, на нас напали?

— Откуда я знаю? Я собираюсь на стены, чтобы это выяснить.

Главный конюх привел колесницу, спотыкаясь, подошел возница, проснувшийся только наполовину; я уехал, оставив наследника следовать за мной или оставаться — на его выбор.

Город поблизости от Скейских ворот и Западного барьера кишел людьми; они метались во всех направлениях, крича и размахивая руками, но никто не торопился надевать доспехи. Вместо этого они скакали по площади и кричали другим, чтобы те поднялись наверх и что-то увидели.

Воин помог мне подняться по лестнице на Скейскую смотровую башню, и я кое-как вылез из люка в караульном помещении. Начальник караула стоял с залитым слезами лицом, а его заместитель сидел в кресле и безумно смеялся.

— Что все это значит? — потребовал я ответа.

Слишком погруженный в то, что его потрясло, не понимая, что он делает, начальник караула больно схватил меня за руку и потащил наружу. Там он развернул меня лицом к ахейскому лагерю и трясущимся пальцем указал на него:

— Вот, смотрите, мой господин! Аполлон внял нашим молитвам!

Я напряг глаза (совсем неплохие для моего возраста) и вгляделся в постепенно светлеющий горизонт. Я смотрел и смотрел. Как это понимать? Как в это поверить? Ахейские костры погасли, и в воздухе не было ни следа тлеющей древесины; не было ни одной движущейся фигурки; галечная полоса, сверкая, купалась в восходящем солнце. Единственным знаком того, что там когда-то стояли корабли, были длинные, глубокие борозды, уходящие в воду лагуны. Корабли ушли! Воины ушли! От восьмидесятитысячной армии не осталось ничего, кроме поселка из серых домов. Ночью Агамемнон уплыл прочь.

Я вскрикнул. Меня охватила безграничная радость, но тут ноги мои подкосились, и я осел на булыжники. Я смеялся и плакал, катаясь по твердым камням, словно они были из пуха, бормотал благодарности Аполлону и хлопал в ладоши. Стражник поднял меня на ноги; я заключил его в объятия и расцеловал, обещая ему сам не помню что.

Подбежал изменившийся в лице Деифоб, подхватил меня и закружил в сумасшедшем танце, а стражники стояли кругом и отбивали ритм.

Ахейская гидра покинула свое логово на берегу. Троя была свободна!

Ни одна весть никогда не разлеталась так быстро. Весь город уже проснулся, толпы горожан валили на стены — вопить от радости, петь и приплясывать. Когда солнце взошло окончательно и тени над равниной рассеялись, мы увидели совершенно отчетливо: Агамемнон действительно уплыл прочь, прочь, про-о-очь! О бог света, благодарю тебя! Благодарю тебя!

Начальник караула стал рядом со мной, прикрывая меня своим телом, — к нему вернулась бдительность. Внезапно напрягшись, словно от дурного предчувствия, он потянул меня за рукав. Потом Деифоб тоже что-то заметил и подошел ближе.

— В чем дело? — спросил я, и сердце у меня екнуло.

— Мой господин, на равнине что-то есть. Я заметил это еще на рассвете и принял за рощу у Симоиса, но сейчас вижу, это не так. Это что-то огромное. Видите?

— Да, вижу. — У меня пересохло в горле.

— Что-то странное, — медленно произнес Деифоб. — Животное?

Другие тоже указывали на него, споря, что это может быть; упавшее на

него солнце отразилось от коричневой отполированной поверхности.

— Я пойду посмотрю. — Я направился к двери караульной. — Прикажите открыть Скейские ворота, но людей не выпускайте. Я возьму с собой Деифоба.

О это чувство свободы, какой бы холодный ветер ни дул! Ехать по равнине было панацеей от всех моих страданий. Я приказал вознице ехать по дороге, и колесница подсакивала на булыжниках, но намного меньше, чем когда-то. Постоянный поток людей и колесниц сгладил камни, а щели между ними заполнились пылью, утрамбованной осенними дождями.

Конечно, мы все поняли, что это был за предмет, но никто не решался поверить своим глазам. Что он там делал? В чем был его смысл? Конечно, это было не то, что нам привиделось! С близкого расстояния он, наверно, окажется чем-то другим, намного более странным. Но когда мы с Деифобом и несколькими придворными подъехали ближе, это было именно тем, чем казалось. Гигантским деревянным конем.

Он возвышался над нашими головами, как башня, огромное создание из темного дуба. Его создатель, не важно, кем он был, богом или человеком, довольно точно следовал лошадиной анатомии, чтобы в нем можно было узнать именно коня, а не мула и не осла, но туловище его было слишком громадным и поэтому стояло на таких толстых ногах, каких никогда не было ни у одной лошади, с гигантскими копытами, прибитыми к платформе из бревен. Эта платформа поднималась над землей на маленьких прочных колесах — двенадцать спереди и двенадцать сзади. Моя колесница оказалась в тени от его головы, и мне пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть тыльную сторону нависшей надо мной пасти. Он был из отполированного дерева, устойчивый и прочный одновременно, деревянные стыки были залиты смолой, как на корпусе корабля; поверхность просмоленных швов шел красивый узор, сделанный охрой. У него были вырезанные из дерева хвост и грива; отойдя назад, чтобы рассмотреть его голову, я увидел, что глаза его были выложены янтарем и агатом, внутренняя поверхность ноздрей выкрашена в красный цвет, а зубы открытого в ржании рта сделаны из слоновой кости. Он был очень красив.

Галопом подсакали отряд царской стражи и большинство придворных.

— Отец, он должен быть полым внутри, — заметил Деифоб, — чтобы платформа с колесами могла его выдержать.

Я указал на круп коня с нашей стороны:

— Он священный. Видите? Сова, голова змеи, эгида и копье. Он

принадлежит Афине Палладе.

Некоторые засомневались; Деифоб с Каписом заворчали, но еще один мой сын, Фимет, испустил радостный вопль.

— Отец, ты прав! Символы красноречивее языка. Это дар от ахейцев взамен украденного ими палладия.

Главный жрец Аполлона, Лаокоон, прорычал сквозь зубы:

— Бойся ахейцев, дары приносящих.

Капис присоединился к спору.

— Отец, это ловушка! К чему Афине Палладе возлагать на ахейцев такой непосильный труд? Она любит ахейцев! Если бы она не согласилась на кражу своего палладия, то ахейцы никогда бы его не украли! Она никогда не перенесет свою благосклонность с ахейцев на нас! Это ловушка!

— Успокойся, Капис, — велел я, мучимый сомнениями.

— Мой господин, умоляю тебя, — настаивал он. — Взломай ему брюхо и посмотри, что внутри!

— Никогда не доверяй ахейским дарам, — добавил Лаокоон, обняв двух своих сыновей за плечи. — Это ловушка.

— Я согласен с Фиметом, — сказал я. — Он предназначен для того, чтобы заменить палладий. — И посмотрел на Каписа. — Ты меня понял?

— В любом случае, — практично заметил Деифоб, — он не был предназначен для того, чтобы внести его внутрь наших стен. Он слишком высокий и не пройдет через ворота. Нет, каково бы ни было его предназначение, в нем нет никакого подвоха. Он должен остаться там, где стоит, тогда ни нам, ни кому-то еще опасности не принесет.

— Подвох есть! — почти одновременно вскричали Капис с Лаокооном.

Спор продолжался, становясь все более жарким, потому что все больше и больше знатных троянцев собиралось вокруг изумительного коня, удивляясь, рассуждая и выливая на меня поток своих мнений. Чтобы от них отделаться, я ездил вокруг коня кругами, пристально его рассматривая, проникая в тайны символов, дивясь мастерству, с которым он был сделан. Он стоял точно посередине между берегом и городом. Но откуда он взялся? Если бы его построили ахейцы, то мы бы увидели, как он растет. Он должен, должен быть даром богини!

Лаокоон послал нескольких воинов из царской стражи в ахейский лагерь, чтобы посмотреть, как там и что; я все еще ездил по кругу, когда два воина вернулись на четырехколесной колеснице, между ними сидел какой-то человек. Они сошли с колесницы с моей стороны и помогли ему спуститься.

Его руки и ноги были в цепях, одежда изодрана в клочья, волосы и тело покрыты грязью.

Старший из стражников преклонил колено.

— Мой господин, он прятался в одном из ахейских домов. На нем были цепи, как и сейчас. Его совсем недавно высекли, видите? Когда мы его схватили, он взмолился не убивать его и попросил, чтобы его отвели к царю Трои, у него есть что ему рассказать.

— Говори. Я — царь Трои.

Человек облизал губы, захрипел — голос его не слушался. Страж дал ему воды; он жадно выпил ее и сказал:

— Благодарю тебя за доброту, мой господин.

— Кто ты?

— Меня зовут Синон. Я — ахеец из Аргоса, придворный царя Диомеда, его двоюродный брат. Но я служил в особом отряде, который верховный царь Микен отдал под единоличное руководство царя Итаки Одиссея.

Он пошатнулся, и стражникам пришлось взять его под руки.

Я сошел с колесницы.

— Воин, посади его на край своей колесницы, а я сяду рядом.

Но кто-то нашел мне стул, и я сел напротив него.

— Так лучше, Синон?

— Благодарю, мой господин, у меня хватит сил продолжать.

— Почему знатного аргивлянина заковали в цепи и высекли?

— Потому что я участвовал в заговоре, который Одиссей устроил, чтобы избавиться от царя Паламеда. По-видимому, Паламед чем-то оскорбил Одиссея как раз перед тем, как начался наш поход на Трою. Про Одиссея говорят, что он может прождать целую жизнь, чтобы найти идеальную возможность отомстить. В случае с Паламедом он ждал только восемь лет. Два года назад Паламеда казнили за измену. Одиссей подстроил обвинение и привел доказательства, на основе которых вынесли приговор.

Я нахмурился:

— Зачем одному ахейцу устраивать заговор, чтобы убить другого? Они были соседями, спорили из-за земель?

— Нет, мой господин. Один правит островами к западу от острова Пелопа, а другой — крупным портом на восточном побережье. Это было из-за обиды, но какой, я не знаю.

— Понятно. Но тогда почему ты здесь, в таком виде? Если Одиссей смог подстроить обвинение в измене против ахейского царя, то почему он не мог сделать того же с тобой, простым смертным?

— Я — двоюродный брат более могущественного царя, которого Одиссей нежно любит. Кроме того, я рассказал свою историю одному из жрецов Зевса. Пока я был цел и невредим, жрец должен был молчать, но если бы я умер, не важно отчего, жрец должен был обо всем рассказать. Одиссей не знал, какой именно это был жрец, и я считал себя в безопасности.

— Как я понимаю, жрец ничего не рассказал, ведь ты жив?

— Нет, мой господин, вовсе нет, — сказал Синон, он выпил еще воды и выглядел уже не таким жалким. — Время шло, Одиссей ничего не говорил и не делал, и... я просто забыл об этом! Но в последние луны армия совсем пала духом. После смерти Ахилла и Аякса Агамемнон оставил всякую надежду когда-нибудь взять Трою. Поэтому провели совет, на котором каждый высказался. Было решено возвратиться в Элладу.

— Но этот совет был в середине лета!

— Да, мой господин. Но флот не мог отплыть из-за неблагоприятных знамений. Верховный жрец, Талфибий, в конце концов нашел ответ. Встречный ветер посылала рука Афины Паллады. После кражи палладия она к нам ожесточилась. Она требовала загладить вину. Потом разгневался и Аполлон. Он потребовал человеческой жертвы. Меня! Он назвал мое имя! Найти жреца, которому я доверился, я не смог. Одиссей зачем-то отправил его на Лесбос. Поэтому, когда я все рассказал, мне никто не поверил.

— Значит, царь Одиссей о тебе не забыл.

— Нет, мой господин, конечно же нет. Он просто ждал подходящего момента, чтобы нанести удар. Меня высекли, заковали в цепи и оставили здесь на твою милость. Подул Борей, и они наконец-то смогли отплыть. Афина Паллада и Аполлон получили свое.

Я встал, размял ноги и сел обратно.

— Но что это за деревянный конь? Зачем он здесь? Он посвящен Афине Палладе?

— Да, мой господин. Она потребовала, чтобы ее палладий заменили деревянным конем. Мы сами его построили.

— Зачем? — подозрительно спросил Капис — Почему богиня просто не потребовала вернуть палладий?

Синон изобразил удивление:

— Палладий был осквернен.

— Продолжай, — приказал я.

— Талфибий предсказал, что как только этот деревянный конь окажется в стенах Трои, она никогда не падет. И к ней вернется прежнее

процветание. Поэтому Одиссей предложил построить коня таким высоким, чтобы он не смог пройти в ваши ворота. Он сказал, дескать, тогда мы выполним волю Афины Паллады, но помешаем предсказанию сбыться. Деревянному коню придется остаться на равнине.

Он застонал и подвигал плечами, пытаясь усесться поудобнее.

— Ай, ай! Они искромсали меня на кусочки!

— Очень скоро мы отвезем тебя в город и займемся твоей спиной, — смягчился я, — но сначала ты должен рассказать все до конца.

— Да, мой господин, понимаю. Хотя я не знаю, что тут можно поделать. Одиссей придумал блестяще. Конь слишком высок.

— Мы что-нибудь придумаем, — жестко возразил я. — Заканчивай.

— Я уже закончил, мой господин. Они уплыли и оставили меня здесь.

— Они уплыли в Элладу?

— Да, мой господин. С таким ветром это проще простого.

— Тогда зачем у этого зверя колеса? — поинтересовался Лаокоон все еще скептическим тоном.

Синон заморгал от удивления:

— Как зачем? Чтобы вывезти его из нашего лагеря!

Ему нельзя было не поверить! Его страдания были слишком очевидны. Как и рубцы от ударов плетью, и крайнее истощение. И в его рассказе не было ни единого противоречия.

Деифоб взглянул на эту махину и вздохнул:

— Отец, какая жалость! Если бы можно было завезти его внутрь... — Он помолчал. — Синон, а что случилось с палладием? Ты сказал, его осквернили?

— Когда его принесли к нам в лагерь — его украл Одиссей...

— А кто же еще! — воскликнул Деифоб, прерывая Синона.

— Для богини соорудили отдельный алтарь, и вся армия собралась на нее посмотреть. Но когда жрецы совершили жертвоприношение, она три раза вспыхнула пламенем. После того как огонь погас в третий раз, она начала истекать кровью — на ее деревянной коже выступали крупные капли и катились по лицу и рукам, и даже из уголков глаз, словно она плакала. Земля дрогнула, и с чистого неба в рощу за Скамандром упал огненный шар — вы, наверно, его видели. Мы били себя кулаком в грудь, возносили молитвы, даже верховный царь. Потом мы узнали, что богиня пообещала своей сестре Афродите: если в Трои войдет деревянный конь, то Троя поведет за собой всю ойкумену и покорит Элладу.

— Ха! — фыркнул Капис. — Все это очень кстати! Хитроумный Одиссей строит коня слишком высоким и уплывает восвояси! Зачем им так

напрягаться, чтобы всего-навсего уплыть отсюда? Какое им было дело до размеров коня? Они уплыли домой!

— Затем, — голос Синона свидетельствовал о том, что его терпение уже подходит к концу, — что будущей весной они вернутся!

— Если только, — я встал со стула, — конь не будет перевезен за наши стены.

— Это невозможно. — Синон привалился к борту колесницы и закрыл глаза. — Он слишком высокий.

— Это возможно! — воскликнул я. — Стража! Несите веревки, цепи, ведите мулов, быков и рабов. Сейчас раннее утро. Если мы начнем прямо сейчас, то сможем затащить зверя внутрь до наступления темноты.

— Нет, нет, нет! — заорал Лаокоон, лицо которого превратилось в маску ужаса. — Мой господин, нет! Разрешите мне сначала хотя бы обратиться к Аполлону!

— Ступай и делай то, что считаешь нужным, — ответил я, отворачиваясь. — А мы тем временем начнем выполнять пророчество.

— Нет! — закричал мой сын Капис.

Но все остальные дружно проревели:

— Да!

На это потребовался почти весь день. Мы прикрепили веревки, усиленные цепями, спереди и с боков массивной бревенчатой платформы, впрягли мулов, быков и рабов; очень медленно деревянный конь тронулся по дороге. Тягостная, доводящая до отчаяния, сводящая с ума работа. Ни один ахеец — никто из племени человеческого! — не мог рассчитывать, что мы проявим такую настойчивость. На каждом повороте эту махину приходилось десятки раз двигать туда-сюда, чтобы удержать на булыжниках и не дать съехать на дерн, ибо колеса к платформе были просто прибиты гвоздями — ни одна ось не смогла бы выдержать вес этой громадины.

К полудню мы подтащили его к Скейским воротам, где смогли своими глазами убедиться в том, что его голова была на пять локтей выше, чем арочный переход над огромной деревянной дверью.

— Фимет, — обратился я к тому сыну, который больше всех ратовал за то, чтобы привезти коня внутрь, — скажи гарнизону, пусть несут кирки и молоты. Разбивайте арку.

На это ушло много времени. Камни, уложенные Посейдоном, воздвигателем стен, отказывались уступать ударам смертных, но мы крошили их обломком за обломком, пока над открытыми Скейскими

воротами не появился большой зазор. Впряженные в коня животные и люди потянули за сплетенные с веревками цепи; мощная голова снова двинулась вперед. Пасть подвигалась все ближе и ближе. Я затаил дыхание, а потом предупреждающе крикнул, слишком поздно. Голова застряла. Мы высвободили ее рычагами, расширили зазор еще немного и попытались снова. Но она не проходила. Четыре раза застревала его прекрасная голова, прежде чем расстояние оказалось достаточным. А потом гигантский конь с тяжелым стоном прокатился сквозь Скейские ворота. Ха, Одиссей! Мы тебя провели!

Для полной уверенности я решил, что коня нужно протащить вверх по крутому склону и установить в сердце Трои — крепости. Для этого понадобилось вдвое больше тягловой силы и, как мне показалось, целая вечность, хотя горожане тоже приложили усилия. Над воротами крепости не было арки; коня просто протиснули внутрь.

Мы установили его навечно в зеленом дворе, посвященном Зевсу. Каменные плитки стонали и трескались под его огромным весом, колеса утонули в земле между осколками брусчатки, но замена палладию осталась стоять прямо. Теперь никакая сила в ойкумене не смогла бы сдвинуть его с места. Мы показали Афине Палладе, что достойны ее любви и уважения. Тогда же при всех я поклялся, что конь будет содержаться наилучшим образом и у его основания будет возведен алтарь. Троя была в безопасности. Весной царь Агамемнон не вернется с новой армией. А когда мы отправимся в Элладу, то соберем силы всей ойкумены и покорим ее.

Раздался безумный смех Кассандры, она выбежала из-за колоннады, волосы распущены, руки протянуты к нам. С воем, воплями и визгом она упала на землю и обхватила мои колени.

— Отец, увези его! Увези его из города! Оставь его там, где он был! Это вестник смерти!

Лаокоон мрачно закивал:

— Мой господин, знамения неблагоприятны. Я предложил Аполлону лань и трех голубок, но он всех их отверг. Этот конь предвещает нашему городу гибель.

— Я все видел. Отец говорит правду, — заявил старший из двух его сыновей, бледный и дрожащий от ужаса.

Фимет ринулся вперед, чтобы меня защитить: голоса вокруг зазвучали испуганно.

— Мой господин, пойдем со мной, — не терпящим возражений тоном сказал Лаокоон. — Подойди к большому жертвеннику и посмотри сам! Этот конь проклят! Разруби его на куски, сожги его, избавься от него!

Подгоняя сыновей перед собой, Лаокоон побежал к алтарю Зевса, намного обогнав мои старые ноги. Но, добравшись до мраморного помоста, он вдруг вскрикнул. Его сыновья запрыгали и завизжали. Когда подоспел стражник, он мешком лежал на земле и со стонами протягивал руки к корчившимся в муках сыновьям. Стражник тут же отскочил и повернул к нам лицо, искаженное ужасом.

— Господин, не приближайтесь! Здесь гадючье гнездо! Их покусали!

Я воздел руки к малиновым от заката глубинам небес.

— О Громовержец, мы получили твой знак! Ты сразил Лаокоона у нас на глазах за то, что он сквернословил о даре твоей дочери моему народу! Конь принесет нам благо! Этот конь — священен! Он вечно будет держать ахейцев в стороне от наших ворот!

Они были позади, десять лет войны с могущественным противником. Мы выжили и отстояли свою свободу. Геллеспонт и Понт Эвксинский снова были в наших руках. Крепость получит обратно свои золотые гвозди. А мы снова будем улыбаться.

Я вернулся в свой дворец и приказал устроить пир; отбросив последние опасения, мы все предались ликованию, словно рабы, отпущенные на волю. Взрывы смеха, пение, звон цимбал, бой барабанов, гул рогов и труб взмывали вверх из раскинувшихся медовыми сотами улочек под крепостью, а из самой крепости те же звуки стекали вниз. Троя была свободна! Десять лет, десять лет! Троя победила. Троя навеки прогнала Агамемнона со своих берегов.

Но для меня самым приятным зрелищем был Эней! Он не пошел смотреть на коня и оставался во дворце все время, пока мы трудились в поте лица. Однако он не мог уклониться от участия в пире, где сидел с каменным лицом и тусклым взглядом. Я победил, он проиграл. Еще была жива кровь Приама. Троей будут править мои потомки, а не потомки Энея.

Глава тридцать третья, рассказанная Неоптолемом

Задолго до рассвета за нами закрыли потайной люк, и мы, ощущавшие тьму каждую ночь своей жизни, узнали, что такое настоящая тьма. Мои глаза раскрывались все шире и шире, силясь увидеть хоть что-нибудь, но ничего не было видно. Ничего. Я ослеп, погрузился в мир тьмы, осязаемый и невыносимый. День и ночь, подумал я, и это в лучшем случае. По меньшей мере день и ночь сидеть скрючившись на одном месте, без единого лучика света, без солнца, чтобы определить время, каждое мгновение — вечность, уши ловят каждое дыхание, которое звучит, как раскаты далекого грома.

Моя рука задела Одиссея, и я вздрогнул. Мои ноздри дрожали от запахов пота, мочи, испражнений и зловонного дыхания, несмотря на закрывающиеся ведра из шкур, которые Одиссей раздал по одному на каждых трех мужей. Теперь я понял, почему он так твердо на этом настаивал. Испачкаться в испражнениях было бы чересчур для любого из нас. Сто ослепших мужей — как некоторые выносят слепоту всю свою жизнь?

Мне казалось, я больше уже никогда не обрету зрения. Признают ли мои глаза свет, или он настолько их потрясет, что меня отбросит обратно и темнота станет вечной? Сидя в числе ста самых отважных мужей ойкумены, охваченных смертельным ужасом, лишенных свободы, я чувствовал, как моя кожа стала мне тесна и ужас гложет меня под ложечкой. Мой язык прилип к нёбу; я потянулся за бурдюком с водой — что угодно, лишь бы что-нибудь делать.

Воздух у нас был — он проходил сквозь хитроумно устроенный лабиринт крошечных отверстий по всему лошадиному корпусу и голове, но Одиссей предупредил нас, что света сквозь эти отверстия мы не увидим, ибо они были закрыты слоем ткани. В конце концов я закрыл глаза. Они болели от напряжения, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть, и это принесло им облегчение, а я обнаружил, что так тьму переносить легче.

Мы с Одиссеем сидели спина к спине, как и все остальные. Единственной опорой для спины в нашей тюрьме были мы сами. Стараясь расслабиться, я прислонился к нему и начал вспоминать каждую деву, которую когда-нибудь встречал. Я тщательно расставлял их по порядку:

самых красивых и самых уродливых, самых маленьких и самых высоких, первую деву, которую я затащил на ложе, и последнюю, ту, что хихикала над моей неопытностью, и ту, у которой едва хватило сил поднять на меня глаза после ночи, проведенной в моих объятиях. Покончив с девами, я принялся считать убитых мною зверей и все охоты, в которых участвовал, — на львов, вепрей, оленей. Походы на рыбалку в поисках касаток, левиафанов и огромных змей, хотя весь наш улов ограничивался тунцом и лавраком. Я оживлял в памяти дни тренировок с молодыми мирмидоньянами. Небольшие сражения, в которых мы вместе участвовали. Времена, когда я встречал великих мужей, и кто были эти мужи. Я пересчитал царей, отправившихся в Трою, и кому сколько кораблей принадлежало. Я перебрал названия каждого городка и деревушки в Фессалии. Я пел про себя сказания о героях. Время шло, но не быстрее улитки.

Тишина была полная. Должно быть, я уснул, а когда проснулся, резко дернулся, попытавшись встать. Одиссей тут же зажал мне рот рукой. Я лежал головой у него на коленях, и меня обуяла паника, когда я не увидел ничего, кроме тьмы. Ужас охватил меня, но тут я вспомнил, почему ничего не вижу. Какое-то движение разбудило меня окончательно, и пока я лежал, собираясь с мыслями, оно появилось снова — мягкие толчки. Перевернувшись, я сел, нащупал руки Одиссея и крепко их сжал. Он нагнул голову, и его волосы коснулись моей щеки. Я нашел его ухо:

— Они нас двигают?

Я почувствовал его улыбающиеся губы у своего лица.

— Конечно двигают. Я ни мгновения не сомневался, что они сдвинут эту махину с места. Они попались на сказку Синона, именно так, как я и думал, — прошептал он.

Это внезапно начавшееся движение прервало жуткое бездействие нашего заключения; мы воспряли духом. Покачиваясь и подсакивая, мы пытались определить, с какой скоростью мы движемся, гадали, когда достигнем стен и что будет делать Приам, когда увидит, что конь слишком высок. Мы обрадовались тому, что можем говорить друг с другом тихими, но нормальными голосами, уверенные, что стон и скрип от движения нашего коня их заглушит. Мы понимали, что движемся, хотя не видели ни людей, ни быков. Но грохота и визга колес было достаточно.

Было нетрудно определить, когда мы достигли Скейских ворот. Движение прекратилось, как нам показалось, на несколько дней. Мы сидели и молча возносили молитвы всем богам, чтобы троянцы не бросили свою затею, чтобы они — и Одиссей был твердо в этом уверен — пошли на

то, чтобы разбить арку. Потом снова началось движение. И вдруг — сокрушительный толчок, опрокинувший нас на пол; мы лежали не шевелясь, лицом вниз.

— Идиоты! — прорычал Одиссей. — Они просчитались.

После четырех таких толчков мы снова покатались по полу. Когда пол выровнялся, Одиссей довольно засмеялся.

— Это холм, на котором стоит крепость. Не иначе как они везут нас во дворец.

Потом все снова затихло. Вскоре наш конь остановился, и мы остались наедине со своими мыслями. Громадному сооружению потребовалось время, чтобы устроиться поудобнее, словно левиафану в грязи, и я спрашивал себя, где именно мы оказались. Внутрь проник аромат цветов. Я попытался подсчитать, сколько времени им понадобилось, чтобы притащить коня с равнины, но не смог. Если не видишь солнца, или луны, или звезд, то не можешь измерить бег времени. Поэтому я снова привалился спиной к Одиссею и обнял колени руками. Мы с ним сидели прямо у потайного люка, а Диомеду пришлось сесть в дальний конец, чтобы поддерживать порядок (нам было сказано, что, если кто-то ударится в панику, мы должны будем немедленно его убить), и я ничуть об этом не жалел. Одиссей был непоколебим как скала, и меня успокаивало уже то, что он находился у меня за спиной.

Потом я позволил себе подумать об отце, о тех редких мгновениях, когда мы были вместе. Я не хотел вспоминать о нем, боясь боли, но не смог от этого удержаться. И всю боль сразу же будто отрезало, я почувствовал, что он словно воплотился в меня, почувствовал его в своем теле. Я снова был ребенком, а он — гигантом, который, как башня, возвышался у меня над головой, богом и героем для маленького мальчика. Таким красивым. И таким странным из-за своего безгубого рта. У меня до сих пор был шрам в том месте, где я хотел отрезать собственную губу, чтобы стать как он; дед Пелей поймал меня за этим занятием и хорошенько выпорол за дерзость. Ты не можешь быть кем-то другим. Ты — это ты. С губами или без них. Ах, а как я молил богов, чтобы война с Троей продлилась достаточно долго, чтобы я смог поехать туда и сражаться бок о бок с отцом! С тех пор как мне исполнилось четырнадцать лет и я стал считать себя мужчиной, я умолял своих дедов — Пелея и Ликомеда — разрешить мне отплыть в Трою. Они все время отказывали. Вплоть до того дня, когда дед Пелей с серым лицом умирающего вошел в мои покои во дворце Иолка и сказал, что я могу ехать. Он просто отослал меня и все, он ничего не сказал о том сообщении, которое прислал ему Одиссей, — что дни Ахилла сочтены.

Пока я жив, я никогда не забуду песнь, которую аэд пел Агамемнону и другим царям. Я стоял в дверях никем не замеченный и вбирал ее в себя, пьянея от его подвигов. Потом аэд пел о его смерти, о его матери и том выборе, который она ему предложила: жить долго и счастливо или умереть молодым и покрытым славой. Ахилл выбрал свой удел. Мне казалось, он выше смерти; ничья рука не могла его сразить. Но Ахилл был смертным, и Ахилл умер. Умер до того, как я смог увидеть его, поцеловать его в губы, не вставая на стул или отрываясь от пола и поднимаясь на невероятную высоту, болтая ногами, когда он брал меня на руки. Мне сказали, я почти сравнялся с ним ростом.

У Одиссея было намного больше сведений, чем у остальных, и он рассказал мне обо всем, что знал. Потом он рассказал мне о том плане, не выгораживая никого, а себя меньше всех, когда объяснял, почему отец поссорился с Агамемноном и вышел из сражения. Я спрашивал себя, хватило бы у меня мужества и решимости смотреть, как мое доброе имя навеки покрывается грязью, как хватило их моему отцу. Скрепив сердце, я поклялся Одиссеем сохранить тайну — что-то внутри меня говорило, что отец хотел оставить все так, как есть. Одиссей считал, что это было искуплением за какой-то великий грех, совершенный давным-давно.

Но даже в скрывавшей все темноте я не мог оплакать его. Мои глаза оставались сухими. Парис был мертв, но если я отомщу за Ахилла смертью Приама, у меня, может быть, появятся слезы.

Я снова задремал. Меня разбудил звук открывшегося люка. Одиссей метнулся, как молния, но не успел. Сквозь дыру в полу просочился тусклый, но ослепивший нас свет, в сиянии которого мелькнули сомкнутые вместе ноги. Послышались звуки приглушенной борьбы, потом пара ног свесилась за край. Я почувствовал, как чье-то тело летит к земле, снизу раздался глухой удар. Кто-то из сидящих в коне не смог вынести заключение ни мгновения больше; Sinon не предупредил нас, когда потянул за потайной рычаг, чтобы открыть дверь люка, но один из нас был готов вырваться на волю.

Одиссей постоял, глядя вниз, и развернул веревочную лестницу. Я придвинулся ближе. Наши доспехи были свернуты в узлы, сложенные в голове коня, и мы должны были выходить в строгом порядке, один за другим, — тогда первый сверток, который каждый нащупывал, оказывался его собственным.

— Я знаю, кто вывалился, — сказал мне Одиссей — Поэтому я возьму свои доспехи, а потом подожду его очереди и возьму его доспехи тоже.

Иначе муж, который должен был идти после него, получит не тот узел.

Поэтому я оказался первым, кому выпало ступить на твердую землю, если не считать, что она вовсе не была твердой. Ошарашенный, словно от удара по голове, я стоял на чем-то благоухающем и мягком — на ковре осенних цветов.

Как только все оказались внизу, Одиссей с Диомедом принялись обнимать и целовать Синона, приветствуя его. Хитроумный Синон был двоюродным братом Одиссея. Я никогда не видел его до того, как мы вошли в коня, и был поражен его внешностью. Ничего удивительного, что троянцы попались на ту наживку, которую он им подбросил. Бледный, жалкий, окровавленный, грязный. Я никогда не видел, чтобы даже с самым скверным рабом обращались так гнусно. Потом Одиссей рассказал мне, что Синон две луны добровольно морил себя голодом, чтобы придать себе как можно более жалкий вид.

Он улыбался во весь рот; когда я подошел к ним, он как раз заговорил:

— Брат, Приам проглотил все до кусочка! И боги были на нашей стороне: Зевс послал жуткое знамение; ты только представь — Лаокоон с обоими сыновьями погибли, наступив на гнездо гадюки!

— Они оставили Скейские ворота открытыми?

— Конечно. Весь город спит, упившись допьяна, они отпраздновали как следует! Как только началось празднество во дворце, про бедную жертву из ахейского лагеря все позабыли, и мне не составило труда выскользнуть на Сигейский мыс и зажечь маяк для Агамемнона. На мой костер с Тенедоса ответили тут же — пока мы говорим, они уже должны подплывать к Сигею.

Одиссей снова его обнял:

— Синон, ты все сделал просто великолепно. Не сомневайся, тебя ждет награда.

— Я знаю. — Он помолчал, а потом задиристо фыркнул: — Ты знаешь, брат, мне кажется, я бы сделал это и без награды.

Одиссей послал пятьдесят из нас к Скейским воротам, чтобы убедиться, что у троянцев не будет возможности их закрыть, прежде чем в город войдет Агамемнон; остальные стояли с оружием на изготовку, глубоко вдыхая утренний воздух и наслаждаясь ароматом цветов.

— Кто выпал из коня? — спросил я у Одиссея.

— Эхион, сын Порфея, — коротко ответил он, блуждая мыслями в другом месте. Потом он сдавленно зарычал и беспокойно задвигался; это было вовсе не похоже на Одиссея.

— Агамемнон, Агамемнон, где же ты? — вслух спросил он. — Тебе

уже пора быть здесь!

В этот момент раздался звук одинокого рожка — Агамемнон стоял у Скейских ворот и мы могли выступать.

Мы разделились. Одиссей, Диомед, Менелай, Автомедонт и я взяли еще несколько воинов и тихо, как только могли, прошли по колоннаде и повернули в широкий, с высоким потолком коридор, который вел во дворец Приама. Там Одиссей с Менелаем и Диомедом оставили меня, чтобы пройти по боковому коридору через лабиринт к покоям Елены и Деифоба.

Тишину разорвал резкий, протяжный крик. Коридоры дворца наполнились людьми, мужи нагими выскакивали из постелей, схватив мечи, ошеломленные и медлительные от слишком большого количества выпитого накануне вина. Это позволило нам обойтись без спешки, легко отбить их неловкие удары и с такой же легкостью их порубить. Женщины выли и визжали, мраморные плитки у нас под ногами стали скользкими от крови. Только немногие поняли, что случилось. Некоторые оказались достаточно бдительны, чтобы рассмотреть меня в доспехах моего отца, и бросились прочь, крича, что Ахилл привел войско яростных призраков.

Мое сердце жаждало крови, и я не щадил никого. По мере того как стражники просыпались и выбегали в коридоры, сопротивление усилилось; по крайней мере, у нас наконец-то был настоящий бой, пусть даже вести его приходилось иначе, чем на большом поле. Женщины вносили беспорядок и панику, не давая защитникам крепости свободно маневрировать. За мной следовали остальные воины из коня; страстно желая найти Приама, я предоставил им убивать в свое удовольствие. Только Приам мог заплатить за жизнь Ахилла.

Но троянцы любили его, своего глупого старого царя. Те, кто проснулся с достаточно трезвой головой, надевали доспехи и обходными путями бежали по лабиринту защищать его. Мой путь преградила стена вооруженных мужей с копьями, выставленными вперед, как пики, и лицами, говорившими, что они готовы умереть за царя Приама. Меня догнал Автомедонт с остальными; я мгновение постоял, обдумывая следующий ход. Ощетинившись копьями, они ждали моего движения. Я закрылся щитом и бросил взгляд через плечо.

— Я возьму их!

Я так быстро прыгнул вперед, что воин, стоявший прямо напротив меня, инстинктивно отступил в сторону, нарушив их фронт. Я упал на них, пользуясь щитом, как стеной. Вес мужа в доспехах был слишком огромен, чтобы они смогли ему противостоять, — их строй тут же сломался, и копьё

стали бесполезны. Теперь я взмахнул секирой: один лишился руки, другой — половины груди, третий — макушки. Это было все равно что срезать молодые побеги. В рукопашной мой рост и длина руки давали мне неоспоримое преимущество, поэтому я стоял и рубил направо и налево.

Покрытый кровью с головы до ног, я перешагнул через тела и обнаружил, что попал в колоннаду, окружающую маленький дворик. В центре стоял алтарь, возведенный на помосте в несколько ярусов; большое лавровое дерево с густой листвой защищало его от солнца. На верхней ступеньке скрючился Приам, царь Трои, его белая борода и волосы в проходящем сквозь листву лавра свете отливали серебром, костлявое тело было закутано в льняной хитон, в котором он спал.

Я крикнул ему оттуда, где стоял, повесив секиру на пояс:

— Приам, возьми меч и умри!

Но он смотрел пустым взглядом на что-то позади меня, его мутные глаза были полны слез; то ли он ничего не понимал, то ли ему было все равно. Воздух наполнился шумом смерти и сутолоки, даже небо стало ниже от дыма. На грани безумия он сидел у подножия алтаря Аполлона, а вокруг него умирала Троя. Я думаю, он так никогда и не понял, что мы вышли из коня, бог пощадил его. Все, что он понимал, это то, что у него больше не осталось причин жить.

Рядом с ним сгорбилась древняя старуха, которая цеплялась за его руку, ее глотка извергала постоянный вой, больше присущий собаке, чем человеческому существу. Спиной ко мне у жертвенника стояла молодая женщина с огромной копной черных кудрей, ее ладони лежали на жертвенной плите, голова была запрокинута в молитве.

На защиту Приама пришли свежие силы; я встретил их атаку с презрением. У некоторых на доспехах были символы сыновей Прима, что только разъярило меня еще больше. Я убивал их, пока не остался только один, совсем еще мальчик, — Ил? Какая разница? Когда он бросился на меня с мечом, я легко обезоружил его, потом схватил за длинные, распушенные локоны левой рукой, сбросив щит. Он вырывался, барабанил кулаками по моим наголенникам, но я опрокинул его на спину и подтащил к подножию алтаря. Приам с Гекабой вцепились друг в друга; молодая женщина не обернулась.

— Приам, вот твой последний сын! Смотри, как он умрет!

Я поставил на грудь мальчика ногу и поднял его плечи от земли, а потом раздробил ему голову тупым концом секиры. Приам вскочил на ноги, словно заметив меня в первый раз. Не отводя глаз от тела своего последнего сына, он потянулся к копьё, стоявшему у стены алтаря. Его

жена пыталась остановить его, завывая, как волчица.

Но он даже не смог сойти по ступенькам. Споткнувшись, он упал ко мне под ноги и остался лежать, спрятав лицо в ладони и подставив шею секире. Старуха обняла его за бедра, а молодая женщина наконец-то повернулась и смотрела, но не на меня, а на царя, и ее лицо было полно сочувствия. Секира взлетела вверх. Я рассчитал удар так, чтобы не вышло ошибки. Двуглавое лезвие сверкнуло в воздухе, словно лента, и в этот великий момент я почувствовал в себе жреца, который живет в сердцах всех мужей, рожденных стать царями. Секира моего отца ударила без промаха. Шея Приама под серебряными волосами поддалась, лезвие прошло насквозь, встретившись с камнем пола, и голова высоко подпрыгнула. Троя была мертва. Ее царь умер, как умирали цари при старых богах, подставив голову под секиру. Я обернулся и не увидел во двореке Аполлона никого, кроме ахейцев.

— Найди комнату, которую можно запереть, — сказал я Автомедонту, — а потом вернись сюда и отведи в нее этих двух женщин.

Я поднялся по ступеням алтаря.

— Твой царь мертв, — обратился я к молодой женщине, необыкновенной красавице. — Ты моя добыча. Кто ты?

— Андромаха из Киликии, вдова Гектора, — спокойно ответила она.

— Тогда присмотри за своей матерью, пока еще можешь это сделать. Вы очень скоро расстанетесь.

— Позволь мне пойти к моему сыну. — Она прекрасно владела собой.

Я покачал головой:

— Нет, это невозможно.

— Пожалуйста! — повторила она, все с тем же поразительным самообладанием.

Меня покинули остатки гнева, и мне стало ее жаль. Агамемнон никогда бы не разрешил оставить мальчика в живых. Он приказал полностью уничтожить род Приама. Прежде чем я отказал ей в свидании с сыном во второй раз, вернулся Автомедонт и увел обеих женщин; одна из них продолжала выть, а вторая тихо умоляла разрешить ей увидеть сына.

После этого я вышел из дворика и принялся исследовать лабиринт коридоров, открывая каждую дверь и заглядывая внутрь, чтобы узнать, остались ли еще троянцы, чтобы продолжить бойню. Но я никого не нашел, пока не добрался до внешнего периметра и не открыл еще одну дверь.

На ложе крепко спал высокий мужчина мощного телосложения. Он был красив и довольно смугл, чтобы оказаться сыном Приама, но от

Приама в нем ничего не было. Я вошел без единого звука и наклонился над ним, приблизив секиру к его шее, а потом грубо потряс его за плечо. Очевидно, он был пьян. Он застонал, но, едва увидел перед собой мужа в доспехах Ахилла, тут же пришел в себя. Лишь лезвие секиры у горла помешало ему схватиться за меч. Его глаза обожгли меня яростью.

— Кто ты? — спросил я, улыбаясь.

— Эней, царь Дардании.

— Что ж, Эней, ты — мой пленник. Я — Неоптолем.

В его глазах сверкнула надежда.

— Так ты меня не убьешь?

— Зачем мне тебя убивать? Ты — мой пленник, и ничего больше. Если твои дарданцы все еще ценят тебя настолько, чтобы уплатить непомерный выкуп, который я за тебя попрошу, то ты станешь свободным человеком. Это награда за то, что ты иногда проявлял к нам... гм... любезность в битве.

Его лицо вспыхнуло от радости.

— Тогда я стану царем Трои!

Я рассмеялся:

— К тому времени, как выкуп будет собран, Трои не станет и править будет нечем. Мы намерены сровнять это место с землей и продать всех жителей в рабство. Думаю, разумнее всего тебе будет уехать куда-нибудь подальше.

Я опустил секиру.

— Вставай. Пойдешь рядом, нагой и в цепях.

Он зарычал, но сделал то, что ему было велено, не причинив мне никаких неприятностей.

Один из мирмидонян пригнал мою колесницу по горящим, пылающим улицам. Я нашел несколько веревок, вывел женщин из их комнаты и связал их первыми. Эней дал себя связать без борьбы, он сам протянул мне руки. Затем я сказал Автомедонту, чтобы он выезжал из крепости и ехал к Скейским воротам. Начинался грабеж, неподходящее занятие для сына Ахилла. Кто-то привязал тело Приама к задней перекладине колесницы, как когда-то к ней было привязано тело Гектора. Мертвого царя Трои поволокли по булыжникам, а рядом шагали трое живых пленников. Голова Приама была насажена на Старый Пелион, серебряные волосы и борода пропитались кровью, черные глаза были широко открыты, в них застыло неизбывное горе. Невидящим взглядом он смотрел на горящие дома и горы трупов. Маленькие дети плакали и тщетно звали своих матерей, женщины металась, обезумев, в поисках младенцев или убегали от воинов,

помешанных на насилии и убийстве.

Сдерживать армию было бесполезно. В день своего триумфа воины выпустили из себя всю свою злобу за десять лет жизни на чужбине, за погибших товарищей и неверных жен, всю ненависть ко всему троянскому, будь то человек или вещь; они рыскали по окутанным дымом переулкам, словно звери. Я нигде не видел Агамемнона. Возможно, я так торопился покинуть город отчасти и потому, что не хотел встречаться с ним в этот день, день полного разорения Трои. Это была его победа.

Когда я отъехал недалеко от крепости, из боковой улочки появился Одиссей и приветственно замахал мне рукой:

— Уже уезжаешь?

Я уныло посмотрел на него:

— Да, так быстро, как только могу. Мой гнев прошел, а желудок оказался не таким крепким.

Он указал на голову царя:

— Вижу, ты нашел Приама?

— Да.

— А кто это еще у тебя там?

Он оглядел моих пленников и отвесил Энею преувеличенно вежливый поклон.

— Я вижу, ты взял Энея живым. А я-то был уверен, уж кто-кто, а он живым не дастся.

Я бросил на дарданца быстрый презрительный взгляд.

— Он все это время спал, как младенец. Я нашел его в чем мать родила, он храпел на своем ложе, когда остальные сражались.

Одиссей закатился смехом; Эней напрягся от ярости, мускулы у него на руках заходили, силясь разорвать веревку. Я вдруг понял, что выбрал для Энея самую унижительную судьбу. Он был чересчур горд, чтобы покорно терпеть насмешки. В тот момент, когда я разбудил его, он думал только о троянском троне. Теперь же он начинал понимать, что навлек на себя, сдавшись в плен: оскорбления, презрительные насмешки, бесконечные рассказы о том, как он валялся пьяным, когда все остальные сражались.

Я отвязал старуху Гекабу и толкнул ее вперед. Она выла без передышки. Я вложил конец связывавшей ее веревки в руку Одиссея.

— Подарок, только для тебя. Ты ее знаешь, это Гекаба... Возьми ее и отдай Пенелопе в служанки. Она добавит твоему скалистому острову блеска.

Он изумленно заморгал:

— Неоптолем, в этом нет нужды.

— Одиссей, я хочу, чтобы ты ее взял. Если я оставлю ее себе, Агамемнон все равно отберет ее. У тебя же он требовать ее не посмеет. Пусть еще чей-нибудь дом кроме Атреева сможет похвастаться высокородным пленником из Трои.

— А что ты сделаешь с молодой? Ты знаешь, это ведь Андромаха.

— Да, и она моя по праву.

Я наклонился и зашептал ему в ухо:

— Она хотела пойти к своему сыну, но я знал, что это невозможно. Не знаешь, что стало с сыном Гектора?

На мгновение от него повеяло холодом.

— Астинакс мертв. Его нельзя было оставить в живых. Я сам нашел его и сбросил с башни крепости. Должны умереть все: сыновья, внуки, правнуки.

Я сменил тему:

— Вы нашли Елену?

Он оглушительно расхохотался.

— Нашли, а как же!

— Она умерла?

— Умерла? Елена? Юноша, она родилась, чтобы дожить до глубокой старости и умереть на своем ложе под рыдания детей и слуг. Ты можешь представить себе, чтобы Менелай убил Елену? Или позволил Агамемнону приказать ее убить? Боги, он любит ее намного больше, чем самого себя!

Он успокоился, но продолжал пофыркивать.

— Мы нашли Елену в ее покоях, в окружении кучки стражников, а Деифоб был готов убить первого же ахейца, который появится на пороге. Менелай был похож на разъяренного быка. Он один справился с троянцами и даже этого не заметил. Мы с Диомедом были всего лишь зрителями. Наконец остался только Деифоб, и они хотели устроить поединок. Елена стояла в стороне, голова поднята, грудь вперед, глаза — словно два солнца. Красивая, как Афродита! Неоптолем, поверь, никогда не родится женщина, достойная даже держать ей лампу! Менелай хотел биться, но поединка не получилось. Елена подросла первой и вонзила Деифобу кинжал между лопаток. Потом упала на колени, подставив грудь:

— Убей меня, Менелай! Убей меня! Я не заслуживаю того, чтобы жить! Убей меня сейчас же!

Конечно же, он ее не убил. Один взгляд на ее груди, и все было кончено. Они вышли из комнаты вместе и даже не посмотрели в нашу сторону.

Я не выдержал и тоже засмеялся:

— О, какая ирония! Подумать только, вы десять долгих лет сражались с оравой племен, чтобы увидеть, как Елена умрет, и все только для того, чтобы посмотреть, как она возвращается домой в Амиклы свободной — и все еще царицей!

— Что ж, смерть редко приходит туда, где ее ждут, — произнес Одиссей.

Его плечи поникли, и я впервые увидел в нем мужа, чей возраст приближался к сорока годам, кто чувствовал тяжесть лет и изгнания и кто, при всей своей любви к интригам, хотел лишь вернуться домой. Он попрощался со мной и пошел прочь, ведя за собой воющую Гекабу, и исчез в переулке. Я кивнул Автомедонту, и мы направились к Скейским воротам.

Упряжка медленно брела по дороге, ведущей к берегу, Эней с Андромахой шли позади, тело Приама волочилось по пыли между ними. Въехав в лагерь, я миновал мирмидонские укрепления, переправился через Скамандр и поехал по тропинке, которая вела к гробницам.

Когда лошади не смогли идти дальше, я отвязал тело Приама от перекладины, накрутил веревку себе на левую руку и потащил тело мертвого царя к двери усыпальницы своего отца. Я поставил Приама на колени в позу просителя и вогнал древко Старого Пелиона в землю, завалив основание камнями, чтобы получилась маленькая пирамида. Потом повернулся, чтобы бросить взгляд на стоявшую на равнине Трою, на ее дома, над которыми к хмурому небу взвивались языки пламени, на проем ворот, открытых, словно рот мертвеца, тень которого улетела в необъятный мрак подземного царства. А потом наконец-то я оплакал Ахилла.

Я пытался представить себе, каким он был у стен Трои, но в этих образах было слишком много крови, смерть набросила на них свою тень. Мне все же удалось вспомнить его, но образ был только один: его кожа, умащенная благовонными маслами после ванны, блестит, желтые глаза сияют, потому что он смотрит на меня, своего маленького сына.

Не заботясь о том, что меня увидят в слезах, я вернулся к колеснице и взошел на нее, встав позади Автомедонта.

— Друг моего отца, возвращаемся к кораблям. Мы плывем домой.

— Домой! — эхом откинулся преданный Автомедонт, который вместе с Ахиллом отплыл из Авлиды. — Домой!

Позади горела Троя, но наши глаза не видели ничего, кроме танцующих солнечных бликов на синем море, манящем нас к дому.

Эпилог

Судьбы выживших

Агамемнон благополучно вернулся в Микены, совершенно не подозревая, что его жена Клитемнестра узурпировала трон и вышла замуж за Эгисфа. Встретив Агамемнона со всей любезностью, она убедила его принять ванну. Пока он довольно плескался в теплой воде, она убила его священной секирой. Потом она убила его наложницу, пророчицу Кассандру. Орест, сын Агамемнона и Клитемнестры, был тайно вывезен из Микен своей сестрой Электрой, которая боялась, что Эгисф убьет мальчика. Повзрослев, Орест отомстил за отца, убив мать и ее любовника. Но боги, не простившие ему убийства матери, отомстили ему: он сошел с ума.

Андромаха, вдова Гектора, стала добычей Неоптолема. Она была его женой или наложницей до самой его смерти и родила ему по крайней мере двух сыновей.

Антенору вместе с его женой, царевной Феано, и их детьми было позволено покинуть Трою после того, как она пала. Они обосновались во Фракии или, как считают некоторые, в Киренаике, в Северной Африке.

Асканий, сын Энея от троянской царевны Креусы, после того как его отца увел Неоптолем, остался в Малой Азии. В конце концов он унаследовал трон значительно уменьшившихся троянских владений.

Гекаба сопровождала Одиссея, добычей которого она стала, до Фракийского Херсонеса. Наконец ее бесконечные завывания привели Одиссея в такой ужас, что он оставил ее на берегу. Сжалившись над ней, боги превратили ее в черную собаку.

Диомеда отнесло течением в сторону и выбросило на берег Ликий, которая находилась в Малой Азии, но ему удалось остаться в живых. В конце концов он добрался до Аргоса. Он обнаружил, что его жена взяла любовника, вместе с которым узурпировала трон. Диомед был побежден и изгнан в Коринф, потом он сражался на войне в Этолии. Но осесть ему так

нигде и не удалось. Его последним пристанищем был городок Луцерия в Апулии, в Италии.

Елена участвовала во всех приключениях Менелая.

Идомений столкнулся с тем же, что и Агамемнон с Диомедом. Его жена узурпировала трон Крита, разделив его с любовником, который изгнал Идоменея. Позже он обосновался в Калабрии, в Италии.

Пророчица *Кассандра* в юности отвергла ухаживания Аполлона. В отместку он наложил на нее проклятие: все ее предсказания будут правдой, но им никто не будет верить. После гибели Трои сначала она была присуждена Малому Аяксу, но отнята у него, когда Одиссей поклялся, что изнасиловал ее на алтаре Афины. Агамемнон заявил, что забирает ее себе, и привез с собой в Микены. Несмотря на уверения Кассандры, что там их ждет смерть, Агамемнон ее не послушал. Проклятие Аполлона оставалось в силе. Она была убита Клитемнестрой.

Корабль *Аякса* во время возвращения в Элладу выбросило на рифы, и он утонул.

Считается, что *Менелая* на обратном пути снесло с курса. Он оказался в Египте, где (вместе с Еленой) посетил многие земли, странствуя на протяжении восьми лет. Наконец он вернулся в Лакедемон — в тот же день, когда Орест убил Клитемнестру. Менелай с Еленой остались править Лакедемоном и заложили основы будущего государства — Спарты.

Менесфей не вернулся в Афины. По пути домой он высадился на острове Мелос и занял его трон вместо афинского.

Неоптолем унаследовал трон Пелея в Иолке, но после борьбы с сыновьями Аскаста покинул Фессалию и поселился в Додоне, в Эпире. Был убит, когда грабил святилище пифии в Дельфах.

Нестор быстро и благополучно вернулся на Пилос. Он провел остаток своей долгой жизни, правя Пилосом, в мире и благоденствии.

Как и предсказывал его оракул, *Одиссею* предстояло двадцать лет не увидеть родную Итаку. Покинув Трою, он странствовал по

Средиземноморью и пережил множество приключений, побывав у лотофагов, на острове циклопов, у лестригонов, даже в царстве Аида и во многих других местах. Добравшись до Итаки, он обнаружил, что дворец заполнили женихи Пенелопы, жаждавшие узурпировать его трон, сочетавшись браком с царицей. Но ей удавалось откладывать свадьбу, уверяя, что она не может выйти замуж, пока не закончит ткать собственный саван. Каждую ночь она распускала то, что соткала накануне. С помощью своего сына Телемаха Одиссей убил женихов. И зажил счастливо с Пенелопой.

Филоктет был изгнан из Мелибеи и уехал в город Кротон в Итальянской Лукании. Лук и стрелы Геракла он взял с собой.

В древнеримской традиции считалось, что *Эней* бежал из горящей Трои со своим престарелым отцом Анхисом на плече и палладием Афины Паллады под мышкой. Он сел на корабль и отправился в Карфаген в Северной Африке, где местная царица Дидона безнадежно в него влюбилась. Когда он покинул ее, она покончила с собой. После долгих странствий по морю Эней высадился на Латинской равнине. Там он принял участие в войне, а после ее окончания обосновался в Центральной Италии навсегда. Его сын от латинской царевны Лавинии, Юл, стал царем Альбы-Лонги и предком Юлия Цезаря. Однако в древнегреческой традиции все это отрицается. Считается, будто Эней был взят в плен сыном Ахилла Неоптолемом, который за выкуп вернул его дарданцам, после чего он обосновался во Фракии.

Послесловие автора

Сказание о Трое имеет много источников. «Илиада» Гомера — всего лишь один из них, в ней повествуется о событиях пятидесяти с небольшим дней, а Троянская война, и в этом все источники сходятся, продолжалась десять лет. В еще одной эпической поэме, авторство которой приписывается Гомеру, «Одиссее», тоже содержится много информации о войне и тех, кто в ней сражался. Прочие источники зачастую отличаются фрагментарностью и включают в себя произведения Еврипида, Пиндара, Гигина, Гесиода, Виргилия, Аполлодора Афинского, Цецеса, Дионисия Галикарнасского, Геродота и многих других.

Вероятную дату разграбления Трои, имеющего отношение к троянским мифам (всего таких разграблений было несколько), относят к 1184 году до н. э., времени крупных потрясений в восточной части Средиземноморья из-за таких природных катаклизмов, как землетрясения, и миграции новых народов как в сам регион, так и между его частями. Племена бассейна реки Дунай прорывались на юг в Македонию и Фракию, греческие народы колонизировали побережье современной Турции вдоль Эгейского и Черного морей. Эти конвульсивные перемещения были следствием прошлых миграций, и образовавшаяся в результате этническая карта во многом сохранилась до новейших времен. Они привели к возникновению большинства богатейших традиций, которые стали неотъемлемой частью истории Европы, Малой Азии и Средиземноморья как такового.

Археологические подтверждения Троянской войны начались с находок Генриха Шлимана в Хиссарлике, в Турции, и сэра Артура Эванса на Крите. В том, что ахейские представители греческих племен воевали с населением Трои (также называемой Илионом), не осталось практически никаких сомнений. Война, скорее всего, была развязана из-за господства над Дарданеллами, жизненно важным проливом, соединявшим Черное море (Понт Эвксинский) со Средиземным (Эгейским), потому что господство над Дарданеллами (Геллеспонтом) давало право на монополию в торговле между двумя водными пространствами. Некоторые необходимые для жизни товары было трудно достать, особенно олово, которое требовалось, чтобы делать из меди бронзу.

Но если в основном война началась из-за торговли, экономики и борьбы за выживание, никто не может оставить без внимания ее атрибуты

более легендарного свойства, от Елены до деревянного коня.

В основном имена персонажей даны в книге в греческой форме. Некоторые из них, вроде Елены и Приама, настолько прочно вошли в англоязычную культуру, что я предпочла оставить их без изменений. Имена некоторых персонажей сегодня больше известны в римской форме, например Геркулес (Геракл), Венера (Афродита), Улисс (Одиссей), Гекуба (Гекаба), Вулкан (Гефест) и Марс (Арес).

Несмотря на то что на Пилосе и в других городах микенского периода находили глиняные таблички (линейное письмо А, линейное письмо Б), эгейские племена позднего бронзового века не имели письменности в нашем понимании этого слова. Письмо, в отличие от «бакалейных списков» (линейного письма, которое использовалось древними греками), о которых пренебрежительно отзывается Одиссей, сформировалось не раньше VII века до н. э.

Монеты тоже появились только к VII веку до н. э., поэтому деньги как таковые еще не существовали, хотя для обмена уже использовались золото, серебро и бронза.

Для обозначения мер я использовала такие термины, как «талант», «лига», «шаг», «локоть», «палец» и «ковш». Несмотря на то что в более поздние времена лига равнялась трем милям, для целей этой книги ее можно считать равной одной миле (1,6 км). Шаг состоял из двух шагов и равнялся пяти футам (1,6 м). О том, как измерять локоть — от локтя до запястья, или до костяшек пальцев сжатого кулака, или до кончиков пальцев, — нет единого мнения. Для целей этой книги его можно считать равным пятнадцати дюймам (37,5 см). Меньшие длины измерялись шириной среднего пальца (меньше дюйма, около 20 мм). Талант равнялся весу, который один человек мог унести на своей спине, около пятидесяти шести современных фунтов (25 кг). Гран был мерой жидкости; считается, что один сосуд такого объема содержал около четырех американских пинт (2 л). Годы, скорее всего, считались по смене времен года, а длина месяца измерялась лунным циклом, возможно, от одной новой луны до другой. Часы, минуты и секунды не были известны.

Примечания

Ойкумена — общее название границ обитаемого мира. *(Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных.)*

Подразумеваются двенадцать подвигов, совершенных Гераклом, в том числе чистка Авгиевых конюшен. (*Примеч. ред.*)

3

Зевс.

Эак, отец Пелея, потерял весь свой народ во время мора, насланного Герой. Но по его просьбе его отец Зевс превратил в людей муравьев, и поэтому новый народ стал называться «мирмидоняне» (от греч. μύρμηξ, «муравей»).

Извержение вулкана на острове Тера (Санторин) в XV веке до н. э. вызвало цунами, от которого сильно пострадал Крит. Остров Тера ушел под воду в результате землетрясения.

На Олимпе жили Зевс и новые боги после того, как свергли Крона. В мифах Древней Греции нет указаний на то, что до них на Олимпе властвовал Крон. Титаны жили на горе Офрия. *(Примеч. ред.)*

В древнегреческой мифологии Кора — одно из имен богини Персефоны, владычицы подземного мира.

Согласно легендам, Зевс полюбил прекрасную Ио и, чтобы скрыть ее от своей жены Геры, превратил ее в белоснежную корову. Но это не спасло Ио, ибо Гера послала чудовищного овода, который без устали терзал несчастную Ио и гнал ее из страны в страну, пока она не достигла Египта. *(Примеч. ред.)*

Согласно легендам, мать Елены уже была замужем за Тиндареем, когда ее увидел Зевс и овладел ею в образе лебедя. Таким образом, Елена — дочь Зевса, причем его единственная дочь от смертной женщины. (*Примеч. ред.*)

Имеется в виду спор между Афродитой, Герой и Афиной Палладой за яблоко с надписью «Прекраснейшей», которое Гермес дал Парису, чтобы тот решил, кто из этих трех богинь достоин его получить. Парис отдал яблоко Афродите.

Зевс, покровитель законов гостеприимства.

Тартар — в древнегреческой мифологии глубочайшая бездна под царством мертвых Аидом. Тартар был окружен тройным слоем мрака и железной стеной с железными воротами, воздвигнутыми Посейдоном.

Семеро против Фив (греч. Επτάθεβαι) — в древнегреческой мифологии противостояние фиванских престолонаследников, братьев Этеокла и Полиника. Согласно уговору, братья должны были чередоваться в управлении Фивским царством, но Этеокл нарушил уговор, и Полиник бежал в Аргос, к царю Адрасту, который выдал за него свою дочь Аргею, обещал передать ему в наследство царство и согласился идти вместе с ним войной на Фивы.

Зиккурат — храмовая башня, принадлежность главных храмов вавилонской и ассирийской цивилизаций. Название происходит от вавилонского слова «sigguratu» — «вершина», в том числе вершина горы.

Асклепий — в древнегреческой мифологии бог медицины и врачевания.

Ссылка на подвиги Геракла, в том числе чистку Авгиевых конюшен.

Согласно другим источникам, воды Скамандра были чистыми: «... много их (троянских воинов) полегло от ударов копья и под копытами быстроногих коней, даже тех, кто пытался спастись в чистых водах Скамандра». *(Примеч. ред.)*

Северный ветер.

Бог из машины (лат. *Deus ex machina*) — выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора. В античном театре обозначало бога, появляющегося в конце спектакля при помощи специальных механизмов (например, «спускающегося с небес») и решающего проблемы героев. Является калькой с греч. ἀπόμηχανῆς θεός. Словом *mechane* (греч. μηχανή) в древнегреческом театре назывался кран, который поднимал актера над сценой (позволял ему «летать»).

Остракизм (греч. *οστροκισμός*, от *οστρον*, «черепок, скорлупа») — в Древних Афинах изгнание гражданина из государства посредством голосования черепками. Такому изгнанию на десять (впоследствии на пять) лет подвергались лица, о которых предполагали, что их влияние может угрожать общественной безопасности; остракизм не считался наказанием, и изгнанные сохраняли все имущественные права.

Нестор имеет в виду, лучше бы его сын сидел дома и учился грамоте. Так называемые бакалейные списки — это линейное письмо, которое использовалось древними греками. (*Примеч. ред., см. также послесловие автора.*)

Согласно Гомеру, Гелиос, бог солнца, — владелец стада коров.

Харон — перевозчик в царстве Аида, бога царства мертвых. Он перевозил души усопших через реку Стикс и за это брал плату — несколько монеток, которые перед сожжением тела усопшего на погребальном костре клали покойнику в рот. (*Примеч. ред.*)

Богини судьбы — мойры — прядут нить человеческой жизни, и когда нить обрывается, человек умирает. (*Примеч. ред.*)

Согласно некоторым источникам, и греки, и троянцы в те времена не хоронили тела погибших воинов, а сжигали их на погребальных кострах и лишь затем захоранивали пепел, собранный в урны, чаще в небольших пещерах. (*Примеч. ред.*)

Согласно легенде, единственным незащищенным местом на теле Ахилла была пятка, за которую его мать Фетида держала младенца, погружая его в воды Стикса, чтобы сделать его неуязвимым. И убить Ахилла было можно, лишь ранив его в пятку. Парис ранил Ахилла стрелой, попав ему в пятку, и он умер. *(Примеч. ред.)*

Будучи мальчиком, Пелоп был предложен в пищу небожителям, собравшимся на пир у Тантала, но боги поняли обман и воскресили Пелопа, причем съеденная Деметрой, пребывавшей в рассеянности из-за пропавшей дочери Персефоны, часть левого плеча (лопатка) была заменена вставкой, сделанной Деметрой из слоновой кости.